

ПРИАМУРЬЕ

2022

Литературно-художественный сборник

ПРИАМУРЬЕ-2022

Литературно-художественный
сборник

**К ЮБИЛЕЮ
АМУРСКОЙ
ОБЛАСТИ
(1858 — 2023)**

Министерство культуры и национальной политики
Амурской области
Амурская областная общественная
писательская организация

ПРИАМУРЬЕ

Литературно-художественный сборник

2022

Издается с 1951 года

..

- Проза
- Поэзия
- Страницы прошлого

Благовещенск
2022

ББК 84(2Рос – 4Аму)6
П75

Альманах «Приамурье». Литературно-художественный сборник. — Благовещенск: Амурская областная общественная писательская организация, Издательская компания «РИО», 2022. — 480 с., ил.

Редакционная коллегия:

**О. С. Праскова, И. Д. Игнатенко, В. Г. Лецик,
П. М. Никиткин, П. А. Савинкин, С. М. Сахончик**

Редакторы-составители: В. Г. Лецик, П. А. Савинкин

*На первой странице обложки —
рисунок Евгении Намаконовой
«Масленица»*

© Амурская областная общественная писательская
организация (составление), 2022

СЛЫШАТЬ ИСТОРИЮ

Предстоящий юбилей у Амурской области не вполне круглый — в будущем году ей исполнится сто шестьдесят пять лет. Однако поступь времён гулко отдаётся в этой цифре — и поневоле настраивает на воспоминания. Откроем для начала наш сборник с конца — на традиционном разделе «Страницы прошлого».

Прошное Приамурья ежедневно смотрит на нас со стен старых зданий, с прибрежных скал над Амуром и Зеей, мелькает в дымке полей, в тени таёжных распадков — но мы обычно не видим его. Прошное пытается что-то важное рассказать нам названиями рек, ручьёв, деревень, урочищ, но мы не всегда его слышим — или слышим не так.

Есть на реке Селемдже, выше посёлка Экимчан, коварный Подосёновский пережат, печально известный тем, что на нём перевернулось много лодок и плотов, и людские жертвы случались. Полвека назад я жил в Экимчане и свидетельствую: каждый местный старожил помнил старинную легенду относительно названия этого пережата. Когда-то там разбился плот, на котором сплавлялись с добытым золотом два старателя, и один из них обратил беду в свою пользу: компаньона прикончил, а золото его присвоил. Убитого звали Подосёнов.

Автор очерка «Подосёновский пережат» Павел Афанасьев — из тех историков-краеведов, которые умеют не только видеть и слышать прошлое, но и разгадывать его загадки. Сопоставив легенду с достоверными фактами, он пришёл к выводу: всё было несколько иначе...

Тему географических названий продолжает (причём с заглядыванием в куда более далёкое прошлое) другой его очерк — «О дорусском населении Верхнего Приамурья».

Подзабытые страницы истории Приамурья открывает читателям журналист Геннадий Астахов: его «Грунтовая струна через “три Франции”» посвящена строительству знаменитого АЯМа — автодороги, соединившей Транссиб с Якутией, а «Три героини и одна “Родина”» — подвигу трёх советских лётчиц, совершивших беспосадочный перелёт Москва — Дальний Восток.

Александр Табунов в очерке «Полярник с Амура» рассказывает о всемирно известном исследователе Арктики Георгии Ушакове. Георгий Алексеевич — наш земляк, амурский казак. Родился в селе Лазаревка

(ныне Лазарево), которое теперь входит в Еврейскую АО, но первоначально находилось в границах Амурской области — и это тоже факт истории.

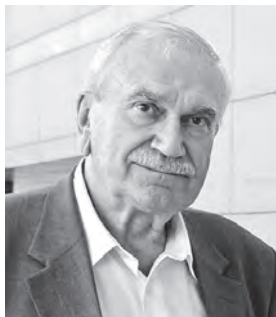
Дыханием истории — и далёкой, и близкой — наполнен весь нынешний выпуск сборника «Приамурье». Трудные пути амурских первопроходцев, сумятица первых лет советской власти, голодные тридцатые годы, грозные и славные сороковые и, конечно же, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, овеянные нескрываемой ностальгией, которая пробивается даже сквозь иронию и сарказм, — всё это оживает в стихах Игоря Игнатенко, Геннадия Кремнёва, Валерия Черкесова, Людмилы Степановой, в рассказах и повестях Галины Костюк, Евгения Гончарова, Екатерины Набоки, Галины Одинцовой, Жибек Тагалиной, Светланы Кулигиной, Николая Дегтярёва и других...

И когда, настроившись на волну воспоминаний о давнем и недавнем, начинаешь читать о самом что ни на есть сегодняшнем (например, рассказы Тани Ярушиной), вдруг ловишь себя на мысли: а ведь это тоже пойманная в стоп-кадр история! Промелькнёт время — и эти сиюминутно-бытовые, такие для нас узнаваемые сюжеты станут для читателей новых поколений зарисовками былой — то есть нашей с вами — эпохи в её повседневном, будничном обличье.

А что уже определённо, жёстко и бесповоротно стало для всех жителей России, в том числе и для амурчан, знаком и знаменем времени — так это события на Донбассе. Им посвящены очерки Станислава Сахончика и стихи Ольги Крутиковой. И особенно важно обратить внимание: свои стихи и фронтовые заметки передали в редакцию «Приамурья» участники обороны Донбасса Артём и Анна Евдокимовы. Написанное ими — это не просто запечатлённые мгновения истории. Это испытанная огнём войны вера в победу правого дела.

Владислав Лецик

Проза.
Поэзия

Игорь Игнатенко

Этот номер «Приамурья», посвящённый грядущему юбилею Амурской области, мы не случайно открываем стихами Игоря Игнатенко. Известный поэт и прозаик тоже отметит свой юбилей.

Он родился 4 мая 1943 года в селе Ромны нашей области. И весь его жизненный и творческий путь — это, по сути, тоже частица истории Приамурья. Культурной истории. Не только в литературе, но и в спорте, и в журналистике, и в воспитании молодёжи Игорь Данилович потрудился на славу.

Вот некоторые вехи его пути. Студент пединститута, учитель в сельской школе. Воин Советской Армии, чемпион Дальнего Востока по десятиборью, отстаивавший честь Амурской области на многих спортивных площадках по всему Союзу. Корреспондент радиостанции «Маяк» на молодом, звонком, бурлящем БАМе семидесятых. Журналист областного радио, чьи беседы с интересными людьми — нашими земляками — остались в благодарной памяти многих радиослушателей. С первых дней зарождения на Амуре областной писательской организации — активный её участник, впоследствии — многолетний председатель правления этой организации, секретарь Правления Союза писателей России. В девяностых — двухтысячных годах — руководитель областного литературного семинара школьников, многих юных благословивший на работу со словом.

Он дважды лауреат Амурской премии в области литературы и искусства (1995 и 2010), автор более двух десятков книг: стихи, поэмы, рассказы, повести, очерки, воспоминания... Ряд его прозаических вещей посвящён прошлому нашего края, в том числе ёмкий по охвату событий и эпох рассказ «Кумарский утёс» — подлинная удача Игнатенко-прозаика.

Но, как написал однажды сам Игорь Данилович, *«в стихах — вся жизнь, а в прозе — лишь фрагменты»*. Именно стихами как вехами отмечает он главные этапы и в собственной биографии поэта, и в биографии своей малой родины, и всей большой страны.

«Храм во славу духа русского...»

ПРЕДТЕЧИ

Поярков

Через годы, через горе,
через смерти и утраты,
через сопки, буреломы,
дерзновенностью высок,
на Амур пришёл с ватагой,
он в удачу верил свято,
свято он в Россию верил,
в путь России на восток.

Атаман Василий круто
здесь вершил людские судьбы.
Там, где сила, — там и правда.
Богатеть, да чтоб с умом.
И костёр на устье Зеи
разожгли устало люди,
чтобы здесь, где лягут кости,
встал потом станичный дом.

Муравьёв-Амурский

Генерал-губернатор, ответь:
тяжело ли тебе бронзоветь
на амурском крутом берегу,
видеть вольную воду, шугу,
крепь торосов, весной ледоход?
Помнить, как в приснопамятный год,
указуя державным перстом,
ты сказал на века: «Здесь наш дом!
А великий китайский сосед
будет другом на тысячи лет».
Здесь скрепил своей подписью ты
договора в Айгуне листы.
Ты молчишь...
Ты сурово глядишь
на Амур, на прибрежный камыш.
Над тобою, как будто века,
из России плывут облака.

Невельской

Ты открыл Амура устье,
бриг «Байкал» направив ходко
капитанскою рукою
на Великий Океан.
И вставляли пред тобою,
как волшебные находки,
берега, где наши люди
поселятся на века,
лягут пашни,
встанут храмы,
укреплятся города,

будет мирною граница
по Амуру вдоль Китая...
И сегодня над рекою
вее ветер, как тогда,
из России, из Отчизны,
твоё имя повторяя.

Иннокентий Вениаминов

Кто лес валил, кто строил дом
вдоль берега амурского,
а ты воздвигнул храм трудом
во славу духа русского.
И, призывая возлюбить
народы азиатские,
ты им сумел пример явить
подвижничества братского.
Народам — мир,
всем странам — свет,
а душам — утешение.
Воистину ты, отче, свят
во славу Воскрешения,
во славу подвига людей,
Амур где с Зеей плещутся,
во славу всех грядущих дней,
во славу Благовещенья.

АРХЕОЛОГИ

А. Деревянко

Вас мещане зовут чудаками:
«Закопались в пыли и веках...»
Но упрямо вы ищете камни —
Те, что предки держали в руках.

На стоянке былой увлечённо
Из холма, что навис над рекой,
Извлечёте отщеп халцедона,
Отшлифованный крепкой рукой.

Черепки от разбитой посуды
Так сумеете соединить,
Что протянется из ниоткуда
Воссозданий связующих нить.

Что осталось,
Что напрочь истлело...
Не жалея терпенья и сил,
Вы найдёте и меткие стрелы,
И топор — тот, что предкам служил.

Ляжет камень в ладони надёжно,
В крошках глины, в холодной золе,
И напомним, как тяжко и сложно
Добывается хлеб на земле.

Здесь когда-то стоял у Амура
Древний пращур, суровый, как Бог.
Исподлобья, с таёжным прищуром,
Озирал он великий поток.

Что мерещилось предку?
Что мнилось?
У струящейся в вечность воды
Беглой строчкою что приоткрылось
И упрятало, стёрло следы?

Плыли зори.
Клубились туманы.
Сыпал звёзды ночной небосвод...
Затерявшихся лет караваны
Продолжают к нам трудный поход.

И рождается днесь в человеке
Как молитва его наизусть:
«Ты была, есть и будешь вовеки
На скрижалях истории, Русь».

РОССИЯ. 1991

Награды не жди и пощады не жди,
Опять обманули Россию вожди:

То скопом нас гнали к всеобщему благу,
То в голос вопят: «К коммунизму ни шагу!»

Знать, ворон накаркал лихую беду
И кто-то в заморскую дует дуду.

В предчувствии крови горячей и драки
Летят упыри и ползут вурдалаки.

Грядёт Апокалипсис! Тучи сгустились,
Кипящие реки на землю пролились.

Россия, вставай! Отряхни наважденье,
Тебя ожидает второе рожденье.

Закатится солнце за лысой горою;
Ты больше не жди никакого героя,

Но каждому в сердце надежду вложи,
В потёмках сгустившихся путь укажи.

Пусть будет мне трудно — до хрипа, до стона,
Пускай я погибну, но только достойно;

И дети, и внуки — их честно растил я —
Из пепла тебя возродят, Мать Россия!

ГОГОЛЕВСКИЙ ПАРАФРАЗ

Несть Маниловым числа,
есть у них забота:
не имея ремесла,
учат нас работать;

строят замки на песке,
мост ведут вдоль речки,
от греха на волоске,
ставят Богу свечки;

выбирают нам пути
и ведут в разруху;
мысль до чувства довести
не хватает духу.

А дорогу им во власть
стелем мы же сами;

птица-тройка унеслась
русскими полями,

в неизведанной дали
замолчал бубенчик...
Вот мы, братцы, и пришли
к Гоголю на встречу.

Мёртвых душ не сосчитать,
а живых негусто.
Если правят вор и тать,
то молчит искусство.

Поднимает веки Вий,
нечисть торжествует,
и рождённый для любви
во вражде бытует.

Правда — в сердце острый нож,
сами его точим.
Николай Васильич, что ж
ты нам напророчил!

Для чего идти во Храм,
коль в душе нет Бога?
Если Миром правит Хам,
тяжела дорога.

Отгорел пучок лучин,
откоптили свечи...
Переменных величин
постоянны речи.

От унынья зарекусь,
равно от восторга,
с тем идёт от века Русь
к солнышку с востока.

Нам надежду болтуны
в сердце не попрали.
Дети сказочной страны —
будем жить по правде.

ВСТРЕЧА С ТАМБОВКОЙ

Устав бежать бескрайними полями,
шоссе заходит в левый поворот.
Село степное новой встречи ждёт,
гостей встречая вместе с тополями.

Эй, великаны, как вы высоки!
Не вас ли мы сажали дружным классом,
от северных ветров спасая трассу?
Теперь уже вы стали старики.

Один из вас — вот этот, верно, — мой.
Он колышек забыл — свою опору.
Я узнаю его по листьев разговору,
что воскресает каждою весной.

Поговорим о тех, кого здесь ждут,
их так немного на земле осталось
нести свои потери и усталость,
и вспомним тех, что больше не придут.

Здесь школы нет, дверей не отворить,
её снесли во имя новостройки;
дух памяти, неистребимо стойкий,
не позволяет нам её забыть.

Мы здесь учились верить и любить,
и как бы ни были порою строги
мудрейшие на свете педагоги,
мальчишества нам всё же не избыть.

У взрослости немало есть причин
стать правильным и скучным человеком,
но я опять хочу, увидев речку,
вниз головой с моста нырнуть в Гильчин.

Он подзарос давно густой травой,
забилось русло ряской, тиной, илом,
но остаётся всё таким же милым
поток воды в безбрежности степной.

В нём есть, я верю, чистые ключи
с живительною влагой родниковой.
В жару я побегу купаться снова
в твоих объятьях, узенький Гильчин.

Раскинув руки, упаду в траву,
в духмяный клевер и тысячелистник,
в глубоком небе, голубом и чистом,
с восторгом детским снова утону.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

— Дед, почему «Бессмертный полк»?
Ведь он же воевал... —
спросил мой внук
и приумолк.
Ответа он не знал.

Ну как мальчишке объяснить,
кто был убит, кто выжил?
Какая их связала нить
и сделала к нам ближе?

В альбоме карточка отца
в будёновке,
в шинели —
суровые черты лица,
глаза заледенели.

Ему навечно двадцать шесть,
он военфельдшер braveй.
Здесь фото тестя тоже есть,
и он пришёл со славой.

Они Победу принесли
над немцем и японцем
и этим нашу жизнь спасли
под вновь встающим солнцем.

Сваты на кладбище лежат
друг с другом недалече,

понянчив собственных внучат;
спокойный сон их вечен.

Но позовёт Девятый май —
мы с ними выйдем к людям.
Не спи, страна, скорей вставай,
Мы нынче вместе будем.

И потечёт рекой народ
с портретами родными;
вернёмся мы в победный год
с предтечами своими.

Рассветный ширится восток,
а впереди — Россия.
Бессмертный полк —
людей поток,
все, как один, живые.

9 Мая 2018

ПОЛЕВАЯ МОГИЛА

И печально, и отрадно
видеть с болью потайной
эту старую ограду
над могилой полевой.

Кто лежит здесь, мне неведом,
нет сюда широких троп;
может быть, солдат Победы,
может, мирный хлебороб.

Наклонились ивы низко,
дремлет светлая река.
Пирамидка обелиска,
а над нею облака.

Клевер к небу тянет пажить,
в речку смотрится лесок.
Подниму себе на память
жёлтый ивовый листок,
он прилёт на край могилы,
невесом и недвижим...

Поле, поле, дай мне силы
стать рачителем твоим.

Я вспашу тебя, засею,
колосочка стану ждать.
Тот, кто любит эту землю,
зря не будет умирать.

МЕЖДОУСОБИЦА

Была междоусобица князей
Жесточе всех нашествий и набегов
Варягов, половцев и печенегов,
Страшился русич родовы своей.

Когда на брата брат собирает рать,
А сын отца с престола свергнуть тщится,
Не торопись на белый свет родиться,
Чтоб от руки родной не погибать.

Казни своих, чтоб утрашился враг,
А жены народят ещё младенцев.
Велик Христос, не бойся иноверцев,
Ты сам себе грабитель и чужак.

На поле, что усеяно костями,
Оратай плуг не смеет долго ставить.
Как медленно мы обретаем память,
Мучительно становимся людьми!

Я тоже Игорь, Ингвар, скандинав,
Я тыщу лет на сече был кровавой,
И я на смерть давно имею право,
От вероломства всех князей устав.

Перековать орала на мечи
Не торопись, земля моя святая.
Восходит солнце, медленно светает.
На пашню опускаются грачи.

Всему мерило черный хлеб и труд,
А не гордыня, вправленная в злато.

Да будет мир!
Да будет детям Завтра!
И распрям всем –
Да будет Божий суд!

ПАРАБЕЛЛУМ

Памяти Константина Корсака

Когда не тело, а душа от ран
Не излечилась творчеством и делом,
В ладонь вложил саднящий мозг Афган
Твой именной угрюмый парабеллум.

Ну как в стихи и прозу перелить
И боль утрат товарищей военных,
И невозможность беззаботно жить
В кругу теней бесплотных незабвенных?

Рецепта нет! Срывается курок
И не даёт спасительной осечки...
Жизнь замыкает в строгих датах срок,
И утверждает: человек не вечен.

Так кто ж бессмертен? Кто же не устал?
Неужто только пьяный парабеллум?
Но ржавчина разрушит и металл,
Что был когда-то безоглядно смелым.

4 сентября 2020

РОДНЫЕ ПОГОСТЫ

В украинском далеке
Спят две бабушки родные:
Степанида в Кошмаке,
В Феодосии Мария.

Ставни ветхие дрожат,
Бедолага ветер стонет...

Там же рядышком лежат
Тётя Надя, тётя Тоня,

Тётя Дуся, дед Сергей,
Дядя Ваня убиенный...
Боже, души их согрей,
Больно стыло во вселенной.

Враг, зная, выдумал кордон,
Разделивший наши веси.
Выпью горький самогон.
Тяжело так, хоть разбейся!

Поклонюсь я на захид
Всем родным ушедшим людям.
Каждый пусть спокойно спит;
Мы вас помним, мы вас любим.

Ну а тем, кто возвели
Меж народами преграду,
Бог не даст клочка земли
За деянья их в награду.

Их отринет напрочь Русь,
Их не примет Украина.
Вот тогда поищут пусть,
Где их ляжет домовина.

1991

МАЙДАН

Мы крепко связаны разладом...
А. Тарковский.

Переведи меня через майдан...
В. Коротич

Ты тяжело дышишь, Киевская Русь,
Чадят автомобильные покрышки.
И в сердце, как инфаркта вспышки,
Отцовой родины позор и грусть.

Я тот майдан юнцом переходил,
Идя от Киево-Печерской лавры.

Никто здесь не снискает славы
Из двух сторон, кто б там ни победил.

Не свечи тут горят у образов —
Напалм под пробки по бутылкам налит.
И над Днепром вскипают, словно наледь,
Проклятье дедов, ненависть отцов.

Могилы предков, разве брошу вас?
В боях с фашизмом вы не зря погибли.
В каком масштабе и в каком калибре
Смерть в Украину хлынула сейчас?

Нет Кобзаря на нынешнюю власть,
И отморозки в нём нужды не знают.
Бандеровцами Киев древний занят,
Заря заката тускло занялась.

Разлад? Разрыв? Нет, соборищу громил
История не предречёт спасенья.
И Светлое Христово Воскресенье
Придаст народу животворных сил.

Ни сэрам, ни панам, ни господам
Не сдастся Украина — видит Боже.
Она нам год от года всё дороже,
Здесь не один майдан по городам.

Мать Украина, я к тебе вернусь,
Хотя бы в мыслях, этой вот строкою.
И верю: над великою рекою
Вздохнёт свободно Киевская Русь.

21 февраля 2014

Артём Евдокимов

Артём Александрович Евдокимов родился в Донецке. Участник боевых действий начиная с 2014 года. Являлся хо-рунжим Кальмиусской паланки войска Запорожского, бойцом диверсионно-разведывательной группы Всевеликого войска Донского, заместителем командира роты противовоздушной обороны «Православный восход», командиром отделения противотанковой обороны 2-го ударно-штурмового батальона Народного ополчения Донбасса, командиром отделения батальона спецназа «БАРС-2». Имеет боевые награды.

Военные операции и археологические экспедиции, этно-спорт и культура тонкими нитями вплелись в его творчество. И даже находясь в зоне проведения СВО, он остаётся верен своим убеждениям, неся свои воззрения окружающим и делясь в редкие свободные минуты строками творчества.

Семья Артёма сейчас живёт в Амурской области, в селе Ромны. Об этом — в предисловии к стихам Анны Евдокимовой.

Донбасс. Фронтовые заметки

ВСПОМНИ

(Вместо эпиграфа)

Он с печалью в глазах поправляет награды
За сраженья, покрытые временем,
Утомлённый бравадой елейных парадов
И публичности тягостным бременем.

А над кем-то лишь ивы шумят с тополями,
Память смыта дождями-туманами.
Безымянными стали они сыновьями —
Незажившими Родины ранами.

На войне лишь один раз солдат умирает.
И не горько бойцу быть убитому.
А бывает, что смерть ещё раз настигает —
И уходят они, позабытые.

Вспомни их имена, что затёрты годами,
Чтобы жили они в поколениях.
За спиною, незримо сомкнувшись рядами,
Нас хранили от войн повторения!

IGNEM IGNE INCITARE *

После интенсивных дневных боёв ночь казалась пронзительно тихой. Я закончил обход постов и подготовку к утреннему бою — по всем прогнозам, утром нас ожидал крошечный ад. Складывалось ощущение, что это понимало всё окружающее нас. И как будто застыло монолитом гнетущего ожидания.

Я вынул из каски фотографию жены и детей, бережно провёл по ней огрубевшим пальцем и с какой-то нервной улыбкой поднял глаза к небу. Из окопа оно казалось ещё ближе, но глубина его была просто пугающей. Чистое, звёздное, бездонное — оно раскинулось на миллионы световых лет и смотрело из самого нашего прошлого, где в сердцах звёзд ковались атомы наших тел. Миллиарды галактик сквозь миллиарды лет удивлённо следили, как мы готовимся делить кусочек планеты, непримечательный даже по её скромным меркам. Ведь не суть же важно: создал нас Бог по своему образу и подобию или мы его — по своему. Важно, что это подобие у нас есть. Мы — неотъемлемая часть этого огромного мира.

Но, став непримиримыми, зайдя в цивилизационный тупик, мы решительно поменяли светлый образ на внутреннего зверя. Звёзды в недоумении медленно померкли над нами, и лишь ближайшая ревниво окрашивала горизонт кровавым заревом. Затмевая своим светом всю Вселенную и возвращая нас на такой важный клочок планеты, испещрённый воронками взрывов.

Пора заземляться...

— Бойцы! Закон сохранения энергии и материи помните в общих чертах?

— Так точно, товарищ командир!

— Вот и здорово. Значит, вы вечны — и уничтожить вас не получится. Только преобразовать. А это с вашими составляющими уже миллиарды лет происходит, так что дело привычное. Жизнь и здоровье вы и так ежедневно понемногу теряете, а вот честь и достоинство постарайтесь не потерять.

— Бог с вами, товарищ командир, как можно-то?..

— Слышали? С нами Бог! Занять оборону!

Огонь наполнил собой пространство, отбрасывая язычки пламени по обе линии фронта, под лампадки у залитых слезами фотографий.

* *Ignem igne incitare* (лат.) — подливать масло в огонь (дословно — разжигать огонь огнём).

ЧЕЧЕН

О патриотизме говорят очень много и знают очень мало. Все понимают, что это некий нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого являются любовь, привязанность к Родине и готовность пожертвовать своими интересами ради неё. Но при детальном рассмотрении всё становится гораздо сложнее.

В античности термин *patria* («родина») применялся к родному городу-государству, но не к более широким общностям — таким как «Эллада», «Италия»; таким образом, термин *patriota* (патриот) означал исключительно приверженца своего города.

Это как любить Хабаровск и стесняться принадлежности к России.

Нам же ещё сложнее: наша Родина — СССР. Что остаётся — лелеять память, стать безродными космополитами или патриотами без *patria*?

Этот и без того сложный вопрос усугубила гражданская война. Говорят, что вера — это то, за что ты готов умереть, а религия — то, за что ты готов убивать. В условиях тотальной бойни это просматривалось очень явно, и в кровавой каше идей, убеждений и стереотипов я вдруг как глоток свежего воздуха получил, наткнувшись на человека со светлым культом Родины. Он был похож на былинного богатыря, и шутиливый позывной «Чечен» никак не хотел вступать в ассоциативные связи с его ярким образом.

Это был удивительный человек, до глубины сознания влюблённый в украинскую культуру, язык, быт, историю, традиции. Для него было обыденностью, что государства то и дело исчезают с карты. Он не боялся краха экономики, по нему было видно, что годы тяжёлой работы лишь закалили его, и лишения его не пугали. А вот потерять национальную культуру он был не готов. Он не хотел, чтобы весь этот прекрасный пласт изуродовали, опошлили, высмеяли и растоптали насильственной украинизацией, пошлостью и примитивизмом. Он понимал, что спасти её можно только в составе многонационального российского народа.

И он мужественно стал на защиту всего украинского от Украины. И это была та вершина патриотизма, доселе нам неизвестная, которая стала для нас путеводной звездой.

Он героически погиб в мой день рождения. Но не ушёл с родной земли, земли своих предков. И как бы ни старалась Украина посеять на той земле ненависть, там звучат украинские песни и чтут украинских творцов. Его дело живёт — и он жив в нашей памяти и в этих строках. Ведь высшее ощущение счастья мы получаем, совершенствуя себя духовно, стремясь к красоте, правде и свободе в их естественном виде, а значит, приближаемся к Богу и побеждаем страх смерти. Смертию смерть поправ.

Сонный город был тих и свеж. Дух могучей реки Чёрного Дракона с лёгкостью разносился по его просторам. Светлый граф Муравьев-Амурский в парадном генеральском мундире стоял подле святителя Иннокентия. Они задумчиво вглядывались в даль, не замечая меня с высоты своего монумента. Это было самое сердце города Благовещенска, города на Амуре, его кафедральный собор. Ворота открылись уютным приветливым двориком, и вот я у входа в храм. Нерешительно, с волнением проверяю настройки телефона и фотоаппарата и вхожу в притвор.

Тут сходятся все возможные границы: земли и воды, государств, традиции и прогресса, земного и небесного царств. Здесь, у абсолютного края, всё ощущается гораздо острее. В соборе довольнолюдно. Присутствующие разделены на группы, которые угадываются без особого труда: прихожане, случайные прохожие, туристы... Их легко различить по поведению и внешнему виду. Но главное, среди них несложно затеряться, это даёт ощущение лёгкости и непринуждённости. Неспешно озираясь, прохожу в корабль собора, и он буквально обрушивается на меня всё своё великолепие. Взору открывается просторный зал с множеством пресветлых ликов, благолепие алтарного иконостаса, золочёные ковчеги...

И вдруг в углу я замечаю икону. Она скрыта от взоров — из притвора её невозможно увидеть, а при входе в основную часть храма она остаётся за спиной. Внутренние пути посетителей храма разнообразны, их хитросплетения сливаются определённым узором, и она выбивается из него. Люди увлечённо проходят мимо и будто не замечают её — перед ней нет ни одной свечи, лишь тусклая лампадка, робко режущая тяжёлую тень угла.

Явление Богоматери на Амуре. Это новописанная икона. В тот день я увидел её впервые, и она сразу врезалась мне в самое сердце. Туман памяти увлёк меня на поля сражений, под шквальный огонь артиллерии. Когда, казалось, глубокое небо родного Донбасса пролилось огнём, погребая собой твердь Земную, и уже нет места жизни в этой бешеной пляске разрушения. Перед глазами стонали под ударами армии мирные города, а в разрушенных храмах просили заступничества люди.

Богородица стояла предо мной во всём своём величии, с укором глядя на цинский берег. Как тем жарким летом, когда долгие недели под вражеским огнём стояла она против целой армии. Оберегая мирный город от пожара и разрушения, две соседних страны — от полномасштабной кровопролитной войны.

* *Regina Coeli* (лат.) — Царица Небесная.

Время повисло тягучей паутиной и, кажется, перестало вести свой счёт. И вдруг стремительно выбросило меня обратно в реальность. Ведомый бурным эмоциональным порывом, я буквально влетел в церковную лавку, набрал свечей для нашей Заступницы и вернулся воздать Ей честь и хвалу. А люди размеренным потоком плыли мимо, к более значимым, по их мнению, иконам и святыням, благословляемые вслед её решительно поднятой рукой.

Наверное, нам нужно перестать стесняться своей истории, нужно учиться у неё. И тогда мы будем больше, чем просто устьзейцы. Мы станем действительно Благовещенцами — под верным покровом Небесной Матери.

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ

Как ни прискорбно, но война является неизменной спутницей человеческой истории. Все известные нам крупные общества прибегали к ней для разрешения внешних или внутренних конфликтов. Согласно чрезвычайно распространённому в античности, Средневековье и Новом времени убеждению, первобытные времена были единственным мирным периодом истории, однако новейшие археологические исследования не оставляют шансов этой красивой гипотезе.

Война — непосредственная часть нашей цивилизации, и мы в ней преуспели. Беспилотники, киборги, спутники, межконтинентальные ракеты... И тем не менее ни в одной войне по сей день нельзя победить без пехоты, без солдата, маленького человечка, который займёт позиции противника и поднимет над ними своё знамя.

Простой пехотинец, зачастую неизвестный, ненаграждённый, не совершивший громких подвигов, несёт великую Победу на грубом древке. Можно уничтожить авиаударами укрепрайоны, можно стереть артиллерией позиции противника в порошок, можно захватить силами десанта населённый пункт в тылу противника. Но до момента прихода туда мотострелков — это всего лишь успех операции. Без качественной пехоты, какой бы точной ни была артиллерия, профессиональным спецназ и быстрыми танки, невозможно вести наступление, переходить к обороне, удерживать территорию.

И вот ты лежишь часами в грязной ледяной луже, называемой окопом, сверху поливает пронизывающий до костей дождь, а по сторонам — раскалённый металл, над головой проносятся мегатонны огня. Хотя бы эта грязь была лечебная, — проносится в голове, и нервная улыбка искривляет твоё усталое лицо. Ты — маленький человечек в этом вихре смерти и разрушения, но в тебе огромный потенциал, ты несёшь Победу. И может, ты так и останешься тут, на этом поле боя, а где-то на другом

краю планеты заплаканные люди будут говорить, какой ты был большой герой и как много ты сделал, а ты — лишь маленький человечек, волею судьбы очутившийся в эпицентре огромной исторической драмы.

«НАТЕ!»

Ненависть — это сильное чувство неприятия, проявляющееся в крайней степени враждебности к её объекту.

Раньше настолько остро нами это не ощущалось. Но вот мы десантировались с «брони» и решительно заняли оборону в лесополосе у озера, где ещё десяток лет назад занимали места для пикника и рыбалки. Мы знали тут каждую кочку, местность была буквально пронизана яркими нитями нашего прошлого, вплетена в нашу жизнь светлыми тёплыми воспоминаниями.

Но теперь всё было иначе. Некогда дружественный уютный уголок встретил нас смертельным холодом. Лесополоса ошетичилась колючками, каждая из которых стремилась обязательно обломиться в ране, вызвав обширное загноеение. Всюду пряталась крапива, выжимая из себя предельный уровень обжигающего яда. Милые синички, которых мы раньше подкармливали хлебом, теперь, щеголяя цветами флага противника, с остервенением клевали вывешенные на просушку шерстяные носки механика-водителя. С нами воевала каждая травинка и даже мгновенно испортившаяся погода. Проливной дождь и пронзительный ветер стремились уничтожить запасы провианта и боекомплект.

Приближалась ночь. Мы выставили посты, но к таким нарушителям и диверсантам мы были явно не готовы. Одного бойца сбила бегущая косуля, на другого из кустов выпрыгнул заяц, а на один из постов пришёл огромный косматый волк. В отличие от его испуганных предшественников, он пришёл тихо и спокойно, поел тушенки и так же исчез во тьме. Стрелять нельзя — раньше времени вскроешь позиции, и боец с замиранием сердца сидел с пристёгнутым штык-ножом и тихо ждал, пока непрошенный гость закончит свою трапезу.

Но настоящими анархистами были ежи, они презирали всё: минирование, посты, заграждения, режим тишины... Громко пыхтя и топая, эти суровые повелители ночи давали знать всем, что они тут власть и оккупантов не потерпят. Когда к бойцу в укрытие заползла змея, мы согласились, что ежи лучше, и больше на их авторитет не посягали. Особенно держались кукушки, они молча сидели на деревьях и, казалось, грустили. Теперь они были *зозулями*, куковать им было непатриотично, а *зозулевать* они не умели. Кукушек было искренне жаль, и их бедственное положение наводило на ряд параллелей.

А вот соловьи оказались конъюнктурщиками, они беззастенчиво встречали нас песнями. Признаться, были предположения, что песни — нецензурного содержания или это диверсия по срыву отдыха бойцов, но, как выяснилось, репертуар и график концертов у них были одинаковыми по обе линии фронта. И всё-таки нам не давало покоя: как такой милый сердцу уголок мог стать таким враждебным, как вчерашние друзья могли очутиться по ту сторону прицела, как... как же надоела эта крапива!..

А ведь ненависть не возникает на пустом месте. Она вызывается как действиями объекта этой самой ненависти, так и присущими ему качествами, а главное — восприятием объекта ненависти как противоречащего нашим убеждениям и ценностям, негативно влияющего на нашу жизнь, препятствующего удовлетворению наших важных потребностей. Это мы меняем мир своим восприятием, заставляем его быть к нам строже, требовательнее и враждебнее. А потом обижаемся и злимся, а главное — таим в себе обиды. А как же: «...и остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим», — то и дело звучащее на наших позициях? А где же: «...достойное по делам моим приемлю»? Ведь нет у человека врагов, кроме него самого. Тот лишь ненавидит врагов, кто не познал, что враги — не враги, но друзья взыскательные.

Я помню другую войну, предвестницу этой, когда мы не наступали, а оборонялись. Силы были и так не равны, а противник ещё и бил подло, запрещённым, не по правилам, не по чести. И был момент, когда от злобы и горечи мы готовы были уподобиться ему, но нашли в себе силы понять, что, пойдя у него на поводу, лишим войну смысла. Ведь разница между противоборствующими будет лишь в цвете флагов и в рисунках на шевронах. На наших же был Православный крест, и мы несли его с достоинством, несли его в первую очередь в душе.

Сейчас другая война, мы наступаем, но так же молимся за противостоящих, чтобы они сберегли себя, чтобы не брали грехов на душу, чтобы обрели прощение и покой в своём сердце. Именно они научили нас ценить жизнь, веру и правду. Воистину трудно сказать, кто сделал мне больше добра и кто причинил больше зла — враги или друзья. Посему благослови, Господи, и друзей, и врагов моих. И даруй нам силы быть выше ненависти, избави нас от лукавого.

ОДНА САТАНА

Признайтесь: внимательно ли вы вчитываетесь в пользовательские соглашения, когда устанавливаете программное обеспечение? Уверен, что, как правило, нет. Поставили галочку, кликнули дальше. И если всё

работает, как ожидалось, то никто и не вспоминает об этой сущей формальности.

Вот так же и мы в своё время даже подумать не могли, что в шаблонных высокопарных словах загса столько глубинного смысла. Дружно кивнули, кликнули дальше. И вот: и в горе, и в радости, и в болезни, и в здравии... Пережив войны, потеряв дом и документы, утратив всё, что было дорого, расставшись с теми, кто был близок, похоронив родных и друзей, дойдя буквально до края света, мы вышли на очередную дату с чётким пониманием текста пользовательского соглашения. Теперь эту пресловутую галочку мы можем жирно навести с чувством полного глубокого осознания всей сути мероприятия.

Вы скажете — там ещё про смерть было. Было. И смерть неоднократно тщетно пыталась. Знаю, что она добросовестно относится к своей работе и привыкла исправлять свои оплошности, но на сегодня бессильна даже она. Смерть боится тех, кто не боится смерти.

Я помню, как после боевых взвинченный комбат, нервно передёрнув затвор своего ПМа, рванул в истерику на кухню, чтобы застрелить начпрода, и был буквально вышвырнут оттуда моей благоверной за вход в пищеблок в грязных берцах. Как после боя под Макеевкой Она принесла нам поесть, размеренно шагая по простреливаемому со всех сторон минному полю. Мы в бою так не поседели, как пока Она шла. А на истеричный крик: «Ты знаешь, где ты ходишь?!» — получили спокойное и уверенное, холодное и твёрдое, как гранит: «Под Богом!»

Как сказали некогда братья казаки: «Ну и баба, дикая, лупатая!» Удивительно, как в таком хрупком тельце вмещается такое дикое пламя? Которое может как бережно обогреть каждого, от ребёнка до котёнка, так и выжечь дотла всё вокруг гектарами.

Находясь в окружении под Дебальцево, я, готовясь вести своих бойцов в самоубийственную атаку, включил телефон, набрал Её номер, чтобы попрощаться и попросить прощения, но всё, что сумел сказать, это: «Привет. Как у вас там с погодой?» Она всё поняла и ответила: «Всё хорошо, не волнуйся». Я выключил телефон и пошёл под шквал свинца. Мы прорвали окружение и вышли к своим в аккурат на свои похороны. Выглядели мы крайне непрезентабельно и действительно походили на выходцев прямо из ада. Земля вокруг сотрясалась от взрывов, но ещё сильнее дрожало от Её молитв небо. И это придавало сил, уверенности, а главное, дарило покой и умиротворение в душе.

Ещё не раз придётся пройти по самому краю, скользить буквально по лезвию бритвы, ощущая Её незримое присутствие. Ведь даже смерть не разлучит нас, мы продолжимся в наших детях, учениках, последователях как две части нераздельного целого. Теперь-то мы точно — согласны.

GAME OVER *

Глядя на историю человечества, мы имеем редкую возможность знакомиться с любой культурой, любой цивилизацией, любым их опытом, изучая их войны.

Существует тесная связь между военным прогрессом и историей. Ведь война, дорогая и высокотехнологичная, всегда была делом элиты. В вооружённой борьбе стирались города, государства, народы, но жизнь продолжалась, пока человечество не пришло в своём развитии к способности полностью уничтожить себя. Но, помимо этого, новые виды вооружения убили сам этос войны. В индивидуалистических обществах армии, как правило, наёмные. Что предполагает не сознательный подход к защите отечества, а стремление побольше заработать на страданиях других людей. Понятно, что в этом случае теряют смысл такие характерные для коллективистского типа общества категории, как «патриотизм», «самопожертвование», «героизм».

Желающих убивать за деньги найти несложно, а вот желающих умирать за деньги — намного меньше. И оружие становится предельно дальнобойным — беспилотные летательные и подводные аппараты, баллистические ракеты, реактивные системы залпового огня... Нужна ли отвага, чтобы нажать на кнопку за сотню километров от противника? Былые воинские «ценности» имели вполне определенную идеологическую функцию: сделать любую бойню приемлемой, а ещё лучше — достойной славы. Генералы этого особо не скрывали: «Нужно найти способ вести людей на смерть, в противном случае война будет невозможна; я знаю этот способ; он состоит в духе самопожертвования и ни в чем ином».

На смерть посылать — безнравственно, на неё нужно вести. Как говорили мои бойцы: вы нам всегда «За мной!» кричали, а теперь нам кричат «Вперёд!» Командиры попрятались в бункеры, техника лишилась пилотов, стрелки стреляют в далёкую координату. Если в 14-м доходило до рукопашных и стрельбы на кинжальной дистанции, то теперь многие и не видят врага. А главное, он расчеловечивается, становится юнитом на мониторе, цифрами на прицельном приспособлении. Чем ближе к смерти — тем чище люди. Когда цепляешь ногой растяжку, но умудряешься не сорвать её, замерев в последний момент... Когда длина твоей пронесшейся перед глазами жизни начинает измеряться в долях миллиметра едва торчащей шпильки... Когда враг различим и осязаем, тогда острота восприятия становится предельной. Люди никогда не умели хранить мир, а теперь рискуют разучиться воевать и исчезнуть с лица земли, трусливо нажав на кнопки.

* *Game over* (англ.) — игра окончена

Анна Евдокимова

Анна родилась и выросла в Донецкой области Украины. Окончила школу в городе Авдеевке, получила образование хормейстера, много лет пела в церковном хоре, являлась членом литературной студии «Джерело». Здесь же, в маленькой Авдеевке, вышла замуж за Артёма Евдокимова, стала матерью двоих замечательных детей — Серафимы и Захара.

В переломный 2014 год семья Евдокимовых была вынуждена покинуть родной город. Сейчас Анна Павловна с детьми живёт в селе Ромны Амурской области, работает педагогом дополнительного воспитания. Муж Артём, кальмиусский казак, принят в Амурское казачье войско. В настоящее время снова воюет на Донецком фронте, изредка навещая семью.

Творчество Анны пронизано тоской по оставленным и разгромленным дорогим местам, а ещё в нём острой ноткой звучит надежда на встречу с любимой Авдеевкой.

БОЛЬНО, МАМА!

Больно, мама! Мне снится Авдеевка:
Пруд с пиявками, вишни в садах,
Запах яблока спелого-спелого,
Абрикосовый сок на губах,
Гроздь белая душистой акации,
Жёлтым светом в окно — фонари.
Но разбита вокзальная станция,
«Грады» бьют от зари до зари.
Смотрят в душу пустыми глазницами
Дом и детство моё в тополях.
Будут тысячи лет ещё сниться мне
Пруд с пиявками, вишни в садах.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ

Ты хоронил детей своих, Донбасс.
Пылала грудь пожарищем Одессы.
Под артиллерией дрожал Славянск,
Глаза слезились в дымовой завесе...

Разбитыми глазницами домов
Рыдали сёла, кровью умываясь...
Над грудью самых лучших из сынов
Безмолвно почерневшие склонялись
Берёзы. Тихо плыли облака.
Боль накрывала новою волною.
И мы вставали, крепко сжав АК
Своей немного дрогнувшей рукою.
Держись, Донбасс. Мы за тебя идём!
Пусть на висках уже белеют зимы,
Мы выстоим. Беду мы отведём.
С тобой, родной, мы навсегда едины.

МОЙ ДОМ

Мой дом расстрелян и убит.
Пустые окна кровоточат.
Наш прежний мир, наш скромный быт
Сейчас разбит и обесточен.

Мой дом испуган и дрожит,
Как пёс, что к чьим-то жмётся берцам.
Там, в уголках его души
Моё осталось биться сердце.

Мой дом, мой старый добрый дом!
Я так надеялась на встречу.
И горьким вяжущим комком
Застыла боль. Но память вечна.

ЭТИ УЛИЦЫ

Эти улицы даже за тысячи лет мне не станут родней.
Эти долгие зимы прекрасны, но так нелюбимы.
На ладони мои лишь во сне осыпается пух тополей,
И как будто от ветра дрожат сонным утром осины.

Но подрезаны крылья, и неба родной стороны не достать.
Босиком я в траве собираю амурские росы.
Только в сердце скулит, поселившись, глухая, слепая тоска
По далёким просторам, где бродит донецкая осень.

ОКТАБРЬ

Хмурый ветер гнездится на кронах деревьев,
Подшивая края растрепавшихся туч.
И наряды у осени всё откровенней.
Только взгляд октября так угрюм и колюч.
В тонких струнах дождей чьё-то слышится имя,
То диэз, то бемоль, полушёпот и всхлип.
И почудится в пламени алой рябины
Нежных осени рук лебединый изгиб.

СЕНТЯБРЬ

Утро сентябрьское синее
Над золотыми осинами
Да над туманами тальными
В дальние дали спешит.
Пахнет янтарными соснами.
Под колыбельную осени
Солнце, как дитяtko малое,
Сонно зевнуло в тиши.

НЕЛЮБИМАЯ

Нелюбимая, нежеланная.
От обиды опущены плечи.
Где ты, счастье её долгожданное?
Ложь — не все раны время лечит.
Нежеланная, нелюбимая.
Так безудержно плачет ночами —
Крылья сломаны лебединые,
Что ЕГО от бед укрывали.

УШЕДШИМ НА СВО

Возвращайтесь домой, мужики.
Нам без вас по ночам одиноко.
И пустынна так наша дорога,
Если рядом нет вашей руки.

Мы, склонясь на родное плечо,
Вам расскажем о том, что тревожит.
Нам разлука — морозом по коже,
А от слёз — на щеках горячо.

Возвращайтесь, родные, скорей.
Наши души без вас сиротеют.
Есть одно, что нам сердце согреет, —
Звук шагов из открытых дверей.

МОЙ БОГ

Мой бог так часто бывает пьян.
Он пьёт на завтрак, обед и ужин.
И даже голос его простужен
Гораздо чаще, чем пуст стакан.

Мой бог живёт уже сотни лет,
Шагает бодро по тротуарам,
Мешает часто влюблённым парам,
Не по погоде всегда одет.

Слегка небрит и слегка помят,
Он пахнет ветром и зимней стужей.
Мой бог спешит по замёрзшим лужам
Туда, где ярко горит закат.

Мой бог обидчив, но справедлив.
Он любит виски, собак и сказки.
А мне хватило бы просто ласки,
Но он не слышит моих молитв.

Станислав Сахончик

Прозаик, член Союза писателей России (2016).

Родился в 1949 в г. Кирове. По окончании медучилища проходил в должности фельдшера срочную службу в войсках ПВО. Окончил Владивостокский мединститут. В течение шести лет служил судовым врачом на танкерах 31-й бригады судов обеспечения Тихоокеанского флота. Участвовал в операции по подъёму сбитого южнокорейского «Боинга» (1983), в разминировании Красного моря (1984). С 1987 живёт в Благовещенске. Работал зав. отделением Амурской облСЭС, начальником

отдела государственного экологического контроля министерства охраны окружающей среды, начальником отдела экологической экспертизы министерства строительства Амурской области. С 1991 — в амурском казачестве, казачий полковник, член правления Амурского окружного казачьего общества. Председатель Амурского филиала Военно-научного общества.

Публиковаться начал в 2004 в еженедельнике «Эхо». Дважды занимал первое место на конкурсах среди непрофессиональных писателей области. Печатался в журнале «Новости российского судостроения», в коллективном сборнике «В море, на суше и выше...» (СПб.), в альманахах «Амур» и «Приамурье», в сборниках «Библиотеки дальневосточного казачества». Выпустил три книги рассказов о морской и армейской службе. Основная тематика — военная история, сатирическая и юмористическая проза на военную тему, история казачества. Член содружества военных писателей «Покровский и братья».

Очерк

Штурм Луганского аэропорта

Уже год, как продолжается Специальная военная операция, превратившаяся фактически в вооружённый конфликт с коллективным Западом. И ставки в этом конфликте очень высоки.

Речь идёт уже о существовании России как суверенного государства.

СВО идёт медленнее, чем хотелось бы всем. Российским войскам приходится в кровопролитных боях буквально прогрызать глубоко эшелонированную оборону, которую бандеровская Украина успела возвести за 8 лет оккупации на земле Донбасса.

Героические подвиги, совершаемые ежедневно российскими солдатами и офицерами в этой необъявленной войне с Западом, несомненно, войдут в анналы военной истории России и мира, боевые операции будут изучаться в военных академиях.

Конечно, война не может состоять из одних побед, есть в ней и поражения, и горькие потери. Враг силен и коварен — тем значительнее будет наша победа.

А в ней уже никто не сомневается! За спиной воюющей армии стоит вся Россия — от Калининграда до Владивостока и Камчатки. Снова, как в Великую Отечественную войну, стоят в военкоматы очереди добровольцев, в разрушенные города и заснеженные окопы бойцов Донбасса идёт гуманитарная помощь, любовно собранная людьми во всех регионах России.

Сейчас хочется вспомнить первых российских добровольцев, которые пришли на защиту восставшего против бандеровцев народа Донбасса и подставили своё плечо бойцам ополчения, тогда ещё слабо вооруженным и неорганизованным, но уже яростно сопротивлявшимся нацистским карательным батальонам и регулярным частям украинской армии и нередко одерживающим громкие победы.

Народ Донбасса отстаивал своё право жить на своей земле и говорить на родном языке, и русские люди не могли безучастно пройти мимо этого.

Через границу правдами и неправдами пробирались равнодушные люди, бескорыстно желающие помочь отстоять Донбассу его право на жизнь. Среди них были и ветераны локальных войн Советского Союза, и люди, никогда не державшие в руках оружия.

Против них воевала регулярная украинская армия с танками, пушками и крупнокалиберными миномётами. С воздуха донецкие города бомбила авиация. Тяжёлая артиллерия и реактивные установки били по городам и поселкам, уничтожая мирных жителей и разрушая дома. Зверствовали карательные батальоны националистов, убивая инакомыслящих.

В этих условиях в российских регионах начали стихийно организовываться отряды донских и кубанских казаков и добровольцев, имеющих военные специальности и боевой опыт.

Добровольцы получали оружие с армейских складов, с консервации, и после короткого периода обучения и боевого слаживания уходили в бой.

Они или вливались в состав частей уже формировавшегося луганского и донецкого ополчения, или действовали самостоятельно, выполняя важные боевые задачи.

Эти отряды и батальоны сыграли важную роль на первом этапе сопротивления, дав возможность организовать и вооружиться формировавшимся частям донбасского ополчения, передавали им боевой опыт и даже впоследствии позволили одержать ряд побед, окружив и уничтожив в котлах части националистических батальонов и ВСУ.

Разумеется, в небольшом очерке невозможно дать развёрнутый анализ действий добровольческих отрядов летом 2014 года (это задача военных историков), поэтому остановимся на истории одного формирования, в котором воевали наши земляки.

Флаг батальона «Амур»

Нарукавный шеврон бойцов батальона «Амур»

Речь пойдёт о батальоне «Амур», состоявшем из дальневосточников — ветеранов боевых действий в Афганистане и Чечне и военных специалистов-добровольцев.

Личный состав батальона был собран за считанные недели через ветеранские организации, активно откликнувшиеся на призыв о защите русского мира.

Интересные данные о батальоне «Амур» приводит украинский источник в интернете:

Батальон получил название «Амур» и 17 августа 2014 направился в Ровеньки, Луганская область. В ППД 2-го казачьего батальона «ЛНР». (Здесь и далее сохранен стиль и орфография источника).*

*Комбат — Евгений Гасанов (позывной «Диагноз»), гражданин РФ, Владивосток. Окончил Томское высшее военное командное училище связи. Служил в СпН** МВД «СОБР». Участвовал в 1-й и 2-й чеченских кампаниях. майор;*

Заместитель командира батальона — Юрий Красота (позывной «Зубило»). Гражданин РФ, Владивосток. Служил в СпН МВД «СОБР» и участвовал в 1-й и 2-й чеченских кампаниях. Майор.

Начальник штаба — Анатолий Викторович, майор. Гражданин РФ, г. Благовещенск, служил в десантных войсках и воевал в Афганистане;

Командир разведывательного взвода — русский по имени Тимофей. Профессиональный разведчик. Воевал в Чечне и Абхазии.

(Более детальных сведений о командном составе украинцам найти в то время не удалось из-за соблюдения россиянами секретности информации).

* ППД — пункт постоянной дислокации

** СпН — спецназ

Техники для данного батальона дали уже значительно больше. Как и задач, которые он выполнял. Из информации, которую ещё предстоит проверить, я знаю, что перед батальоном была поставлена задача: пробитие транспортного коридора в Луганск, захват пригорода и Луганского аэропорта, захват ресурсов жизнеобеспечения (водопровод, электростанции. Было даже задача взять город Счастье, но его отменили). Количество техники и личного состава:

9 танков Т-72Б;

2–4 БМП-2;

3 МТ-ЛБ (на двоих стояла ЗУ-23-2. Ещё одна принадлежала разведывательному взводу);

2 ЗРК «Стрела-10»;

4 гаубицы Д-30(затем 8);

4 «Ноны-К»;

8 «Уралов»;

146 бойцов (из РФ) и около 50 местных (Ровеньки, Антрацит).

Пробыв два дня в Ровеньках, батальон отправился на север Луганской области и уже 20 августа 2014 расположился в селе Пионерское, неподалёку Луганска, где рядом с ним была база ЧВК «Вагнер». В дальнейшем батальон участвовал в боях за Хрящеватое и аэропорт. Хронологическая боевая история батальона такова:

17 августа — мероприятие в Украине в районе Изварино и марш в Ровеньки;

20 августа — марш в сторону Луганска и новый пункт дислокации — Пионерское;

22 августа — обеспечивают проход российского гуманитарного конвоя;

26 августа — участвуют в разведке боем в Хрящеватом;

29 августа — штурмуют Хрящеватое;

22 – 29 августа — ведут регулярный обстрел Хрящеватого и иногда стреляют в сторону Станицы Луганской;

31 августа — штурм Луганского аэропорта.

После успешного штурма Хрящеватого, где «Амур» не имел никаких потерь, кроме сбитой гусеницы на одном танке в результате выстрела из РПГ*, они приняли участие в штурме Луганского аэропорта 31 августа 2014.

Атаковали они его с севера. Их удар пришелся на 1-й пост, где оборону держали отделения бойцов 80 оаэбр* ВСУ.

Интересно то, что командование русских использовало батальон «Амур» в роли авангарда. Похожую роль исполнил и «Вагнер» атакуя с юго-запада. Танкисты боевиков даже сняли на видео процесс штурма аэропорта, на котором видно российский танк Т-72Б3, принадлежавшего 200 омсбр*.

* РПГ (реактивный противотанковый гранатомет РПГ-7)

** отдельная аэромобильная бригада

*** отдельная мотострелковая бригада

За выполнение успешных операций все танкисты батальона получили государственные российские награды «За отвагу» (до и после этих событий такое случалось только с бойцами «Вагнера»).

Сейчас, по прошествии девяти лет, можно раскрыть и некоторые детали боевой деятельности «Амура», и его роль в победном штурме Луганского аэропорта.

В июне и июле город Луганск и соседняя станица Луганская пережили жестокие воздушные удары по гражданским целям. На земле началось наступление украинских войск: одна группировка прорывалась вдоль границы с Россией с юга, другая шла с севера, пытаясь окружить сам Луганск.

После падения Славянска 5 июля «Збройные сили України» начали наступление по всему фронту. Ополченцы, отчаянно отбиваясь, были вынуждены отступать к самому Луганску. Были оставлены Северодонецк и Лисичанск. В Луганске пропали водоснабжение, электричество, связь. Основная масса жителей была вынуждена бежать от войны. Сам город бессистемно обстреливала украинская тяжёлая артиллерия.

Луганский аэропорт стал одной из ключевых точек противостояния. Поначалу украинское командование пыталось использовать его для быстрой доставки резервов самолётами Ил-76 и Ан-26.

Предполагалось, что высаженные с самолётов боевые группы будут оттеснять ополчение от российской границы. В самом начале противостояния аэропорт заняли украинские десантники, и казалось бы, украинские силовики смогут достаточно легко рассечь ЛНР на части и разгромить.

Однако 14 июня ополченцы сбили из ПЗРК* и крупнокалиберных пулемётов военно-транспортный Ил-76 с десантом во время посадки. Погибли 49 человек. После этого ВСУ разочаровались в идее перебрасывать резервы прямо в аэропорт. Однако воздушная гавань оставалась важной позицией. Аэропорт находится южнее Луганска, и контроль над ним позволял ВСУ держать город под угрозой окружения.

План украинских военных состоял в том, чтобы обойти Луганск с двух сторон, блокировать подход резервов ополчения — и уже тогда взять город штурмом. В середине июля в аэропорт прорвались усиленный батальон 80-й аэромобильной бригады украинских военных и часть националистического батальона «Айдар» с бронетехникой и артиллерией. С территории аэропорта сразу же начались массированные обстрелы жилых районов Луганска.

* ПЗРК — переносной зенитно-ракетный комплекс

Группировка ВСУ в аэропорту, хоть и значительно усилилась, требовала постоянного снабжения топливом, боеприпасами и продовольствием. Однако все дороги уже находились под артиллерийским огнём ополченцев. По ряду сообщений, операцию вокруг аэропорта вели бойцы, которых впоследствии некоторые источники стали называть «ЧВК Вагнера» (60 чел.), а также ополченцы ЛНР и российские добровольцы батальона «Амур».

Во второй половине августа началось деблокирование Луганска. Сам аэропорт не был полностью изолирован, но украинские части в нём постоянно подвергались ударам артиллерии и миномётов.

Решительный штурм начался утром 31 августа. Атаку предварял удар артиллерии, в том числе реактивной. Гаубицы Д-30, орудия «Нона»-СВК и РСЗО «Град» вообще были серьёзным аргументом ополчения. Такой концентрации артиллерийского огня ранее не наблюдалось.

Украинские солдаты были по большей части уже выбиты из разрушенных терминалов аэропорта «вагнеровцами» и сидели в подземных бункерах, однако их бронированной технике эти удары наносили большой ущерб.

Первыми не выдержали огня артиллерии батальона «Амур» украинские танкисты — утром 31 августа они покинули аэропорт, оставив пехоту без поддержки. Оборона противника быстро начала рассыпаться.

После успешного удара артиллерии в аэропорт прорвались русские добровольцы «Амура» и луганская пехота.

К полудню 31-го числа бой шёл уже на территории самого аэропорта. Результатом штурма стало освобождение почти всей его обширной площади, включая взлётно-посадочные полосы. В ночь на 1 сентября остатки украинских подразделений начали отступать. Сплошного фронта вокруг бывшей воздушной гавани не существовало, поэтому уцелевшим удалось отойти мелкими группами. Часть ушли по «гуманитарному коридору», оставив оружие и боевую технику.

Но главное — группе «Вагнера», луганскому ополчению и российским добровольцам батальона «Амур» удалось ликвидировать причинивший столько проблем опорный пункт ВСУ, с которого велись обстрелы Луганска и который, кроме того, украинцы использовали как плацдарм для готовящегося удара в тыл. В случае успеха ВСУ летом 2014 года город мог быть захвачен, и судьба всего Донбасса могла стать уже совершенно иной.

Аэропорт был важной частью удавки, накинута на шею ЛНР, и в 2014 году эта удавка была изорвана в клочья.

И это был первый «котёл» для Вооружённых сил Украины, давший начало их крупным поражениям в Изваринском и Дебальцевском «котлах».

*Рассказывает
бывший начальник
штаба батальона
«Амур»
**Анатолий Викторович
Корженевский**
(позывной «Кандагар»):*

Я был приглашен командиром на должность начальника штаба, поскольку требовался именно специалист общевойскового профиля, имеющий опыт координации подразделений в боевых действиях.

У меня он был. После Афганистана я занимал должность заместителя командира дивизии по боевой подготовке.

Личный состав формируемого батальона состоял из опытных, храбрых военных, прошедших «горячие точки». Их не надо было учить азам военного дела, требовалось только грамотно распределить по подразделениям и дать немного времени на тренировку по взаимодействию между собой в бою. Но опыт контртеррористических операций против мелких банд в горной местности и даже опыт штурма городской многоэтажной застройки в Грозном не подходил для нынешней ситуации.

Необычность нашего батальона состояла ещё и в том, что у нас в штате не предусматривалось пехоты. Это был мощный ударный огневой кулак, способный проломить оборону врага либо отбросить наступающего противника, нанеся ему потери. И мы действовали не по уставам, а принимали решения самостоятельно — непосредственно на месте боя. Надо было изобретать на ходу новые тактические приемы.

Поэтому, получив со складов боевую технику, транспорт, личное оружие и экипировку, батальон, после недолгого процесса боевого слаживания, принял участие в боях за Хрящеватое.

Там мы вели огонь по противнику согласно целеуказаниям командиров луганского ополчения. И надо сказать, что наши артиллеристы и танкисты не подвели.

Бои за Хрящеватое закончились нашей победой. Дальше был Луганский аэропорт — сложнейший участок с взлётно-посадочными полосами, подземными коммуникациями и различными капитальными аэродромными постройками, разбросанными по обширной территории.

Здесь проявились боевое мастерство и отвага бойцов батальона, здесь состоялось наше первое взаимодействие со штурмовиками ЧВК «Вагнер».

Украинцы значительно превосходили нас в живой силе и боевой технике, против нас стояли кадровые части ВСУ, контрактники.

Поэтому артиллерия и танки батальона вели постоянный огонь по аэропорту, разрушая огневые позиции, позволяя ополченцам занимать один участок аэропорта за другим. Корректировали огонь гаубиц и минометов батальонные разведчики, дававшие точные координаты огневых точек. Расчёты гаубиц работали слаженно и четко, благо подвоз боеприпасов был организован.

Наконец удалось загнать остатки врага в подземные бункеры под взлётно-посадочной полосой. Пробить её наши гаубицы Д-30 и миномёты были не в состоянии.

Авиации с её мощными бетонобойными бомбами, разумеется, у ополчения не было. Штурмовать пехотой — значит просто положить людей.

Бойцы батальона «Амур»

Батальон на марше

Посоветовавшись, мы решили применить военную хитрость.

Начали переговоры между собой по открытой связи о том, что надо подогнать бензозаправщики и залить подземелья горючим, а потом поджечь его огнемётами.

Поскольку радиопаратура и у нас, и у ВСУ была одинаковой, они нас прекрасно слышали.

Перспектива поджариться живьём их не устроила, и через некоторое время украинские десантники согласились сдаться и запросили гуманитарный коридор для выхода.

Разумеется, коридор им дали, они вышли без оружия и организованно проследовали на свою территорию. Тогда вопросы с пленными ещё решались подобным образом.

После окончания штурма Луганского аэропорта командование луганского ополчения посчитало основные задачи батальона «Амур» выполненными, и батальон, сдав технику и вооружение, был расформирован.

Четверо танкистов «Амура» были награждены медалью «За отвагу», многим вручены медали «За отличие в охране государственной границы», ордена и медали ЛНР. Среди бойцов батальона были представители Приморья, Хабаровского края и Амурской области. Дальневосточники в том, уже далёком 2014 году в очередной раз доказали свою отвагу.

И сейчас уже год, как на Донбассе сражаются отряды дальневосточных добровольцев. Амурские и уссурийские казаки пополнили ряды казачьих добровольческих подразделений, которые участвуют в боях на самых горячих направлениях.

Несколько слов о герое этого очерка и его родословной.

История старинного казачьего рода Корженевских уходит далеко в прошлое. Казаки Корженевские, происходившие из запорожцев Гетманщины, проживали издавна в Золотоношском уезде Полтавской области.

Оттуда они в 1901 году двинулись осваивать Дальний Восток. Поселили их в казачьей станице Николаевской, дав большой участок плодородной земли. Трудлюбивая семья быстро освоилась в Приамурье, сыновья служили в 1-м Амурском казачьем полку, воевали в Русско-японскую и Первую мировую.

Прадед Анатолия Викторовича, старший урядник 1-го Амурского казачьего полка, погиб в Карпатах в 1916 г. Приняли Корженевские участие и в Гражданской войне. Прадеды Анатолия Викторовича были в числе военных руководителей Зазейского восстания 1924 года. Николай Иванович Корженевский входил в состав временного правитель-

ства Амурской области. Часть большого семейства Корженевских была вынуждена уйти за Амур.

Все испытания и войны, выпавшие на страну, перенёс и этот казачий род.

Анатолий Владимирович родился в 1959 году в Благовещенске. В 1981 году окончил ДВОКУ. Служил в мотострелковой части. В 1983 году был направлен в Афганистан. Командир разведвзвода, начальник разведки батальона. Ранения и контузии. Награды: орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

Старший урядник
1-го Амурского казачьего полка
Тимофей Корженевский
погиб в Карпатах в 1916 году

Закончил службу в 1995 году районным военкомом, майором.

Вернувшись в Приамурье, работал в ветеранских организациях, занимался общественной деятельностью. Активно участвует в возрождении амурского казачества, имеет чин есаула. Неоднократно награждён за военно-патриотическую работу.

Он и сейчас ведет активную общественную деятельность в Амурской региональной общественной историко-патриотической организации «За развитие региона» и Общественном совете при областном министерстве культуры.

Семья русских воинов

Я впервые встретился с ним ещё лет десять назад, когда с амурскими казаками приехал из Благовещенска на крестный ход в село Константиновка.

Широкоплечий, крепкого сложения мужчина с приветливым лицом, в парадной форме подполковника милиции и внушительным иконостасом медалей и почётных знаков на груди при встрече отрекомендовался Комиссаровым Михаилом Ивановичем.

После первых минут разговора с ним мне стало казаться, что мы уже давно знакомы, настолько много оказалось у нас общих знакомых, да и схожих взглядов на жизнь.

Разносторонне развитый человек, много лет прослуживший старшим инспектором-криминалистом ОВД Константиновского района, глубоко верующий человек и хороший семьянин, он активно работает с молодёжью в части военно-патриотического воспитания, член общественной организации ветеранов ОВД по Амурской области. Его хорошо знают в школах района и в Амурском казачьем колледже. Ни одно спортивное состязание в районе не проходит без участия семьи Комиссаровых. Сам он, несмотря на возраст, активно поддерживает спортивную форму, заядлый рыбак и охотник.

Михаил Иванович родился в 1958 году в селе Новопетровка Константиновского района, на самой границе, в крестьянской семье. С детства рос крепким парнем, увлекался рыбалкой и охотой. Работа его началась с сугубо мирной профессии.

После окончания в 1980 году ветеринарного факультета Благовещенского сельхозинститута работал главным ветврачом в колхозе «Родина», затем начальником дезотряда районной станции по борьбе с болезнями животных.

Во всех семейных делах его уже 42 года поддерживает жена, Людмила Александровна, тоже ветврач, начальник ветеринарной службы Константиновского района.

С 1984 по 1993 год Михаил Иванович был учителем в Константиновской средней школе, в 1988 г. заочно окончил Благовещенский пединститут, факультет физвоспитания

С 1993 года — эксперт-криминалист Константиновского ОВД. На службу в органы правопорядка Михаила Ивановича, по его собственным словам, привело обострённое чувство справедливости.

За двадцать лет безупречной службы Комиссаров способствовал раскрытию немалого количества преступлений и не один раз лично участвовал в задержании опасных преступников. В 2003 году Михаил Иванович был признан лучшим экспертом-криминалистом УВД по Амурской области. Неоднократно поощрялся руководством, награждён ведомственными наградами МВД.

Михаил Иванович Комиссаров

Но наиболее сложный период милицейской службы пришёлся на командировку в Чеченскую Республику, где он находился в составе сводного отряда амурской милиции с сентября 2004 по март 2005 года. И воевал майор милиции Комиссаров, отец троих детей, несмотря на свой солидный возраст, наравне с более молодыми сотрудниками. Участвовал в многочисленных рейдах по блокированию и задержанию бандитов, в уничтожении схронов и нелегальных нефтеперегонных заводов, в рукопашных схватках с вооружёнными бандитами.

Когда командир сводного отряда попал в госпиталь по ранению, Комиссарову, как старшему по званию и опыту, пришлось возглавить отряд и три месяца водить своих бойцов на задания в горы. Такая тогда была далеко не типичная милицейская работа.

Михаил Иванович рассказал несколько эпизодов из той, далёкой уже, боевой жизни.

Однажды при прочёсывании лесной местности был найден бандитский схрон с оружием, взрывчаткой и продовольствием. Там же, в тайнике, обнаружили и видеокассеты с записями акций боевиков, которые они делали для отчёта иностранным кураторам. На одной из кассет была запись издевательств над русской беременной женщиной. Бойцы молча, скрипя зубами, просмотрели несколько кассет.

Ночью разведгруппа, получив данные радиоперехвата, ушла на поиски основного лагеря этой банды. На рассвете лесной лагерь окружили, и в жестокой схватке вся банда была уничтожена. В том бою пленных не брали.

Непонятная для русского человека изощрённая жестокость бандитов, особенно арабских наемников, вызывала у бойцов отряда чувство ненависти.

Нередко разведгруппа для соблюдения секретности вынуждена была выходить на поиск из места дислокации отряда по узкой тропинке среди минных полей, обнаруживая и обезвреживая фугасы, установленные боевиками. Однажды ему не повезло — получил минно-взрывную травму и контузию. Полтора месяца пролежал в госпитале. Потом, после излечения, вместе с женой преодолевали «чеченский синдром» на реабилитации.

Горит нелегальный нефтеперегонный завод

На въезде в город Грозный

За отвагу и доблесть в боевых действиях Михаилу Ивановичу было досрочно присвоено звание подполковника милиции, вручено именное холодное оружие. От командования отдельной бригады особого назначения он получил благодарственное письмо. На его кителе — крест «За службу на Кавказе», медали «За верность долгу», «За отличие в службе МВД России», «За активную работу по патриотическому воспитанию».

Участие Михаила Ивановича в боевых действиях на Кавказе заслуживает отдельного рассказа, столько там еще впечатляющих и поучительных эпизодов.

Но на этом военная история семьи Комиссаровых не заканчивается.

Дочь Александра пошла по стопам отца — она майор полиции, эксперт-криминалист ОВД Константиновского района. У неё свой боевой пост.

Делу защиты Отечества посвятили себя и его сыновья.

С началом специальной военной операции на Украине Иван Михайлович Комиссаров — выпускник ДВОКУ, капитан армейского спецназа — принял участие в первых боях в Киевской области. Был ранен, контужен. Награждён двумя орденами Мужества. На фронте приобрёл известность и у противника — украинцы даже внесли его персональные данные в базу «Миротворец».

Сергей Михайлович Комиссаров — контрактник, старший сержант, разведчик. С первых дней СВО на передовых позициях, ранен, имеет боевые награды.

Все мужчины большой семьи Комиссаровых — настоящие русские православные воины. Все крещены, и все молится в Константиновском храме отец Дионисий. Несколько раз только чудом спасались сыновья от неминуемой гибели. Иван Михайлович считает, что без веры в Бога невозможно было бы выжить в бою. Того же мнения придерживаются и его дети.

Самого отца в Чечне спасала подаренная дочерью ладанка с частицами мощей святой Елизаветы. Эта ладанка была там с ним полгода и разлетелась на кусочки уже в Константиновке, после его слов: «Ну всё, я дома!»

Однажды Иван Михайлович, повинуясь внезапно и необъяснимо возникшему у него чувству опасности, вывел свою группу ночью из блиндажа с оружием под предлогом учения. А через несколько минут в блиндаж попал крупнокалиберный снаряд.

И ещё несколько раз чудом оставался жив при близких разрывах, вовремя почувствовав опасность.

Иван Михайлович в разговоре со мной сказал, что время нынче такое, что быстро меняет людей:

— Я воевал десять лет назад с чеченскими бандитами — а недавно разведгруппу моего сына выручили из окружения бойцы чеченского спецназа «Ахмат». И крики «Аллах акбар!» теперь звучат для нас как «наши пришли!»

Спецгруппа на привале

М.И. Комиссаров у блокпоста

Родственники семьи тоже участвуют в боях на Украине.

Зять, Александр Бочаров, — лейтенант, командир мотострелкового взвода, участник СВО. Его брат Станислав — артиллерист.

Оба племянника Михаила Ивановича в настоящее время тоже на фронте. Один — контрактник, мотострелок, второй — в штурмовых частях Росгвардии.

И нет покоя в родительских сердцах Михаила Ивановича и Людмилы Александровны: а как там их сыновья и родные? Каково им сражаться под пулями и снарядами с бандеровским отребьем?

Такая уж семья Комиссаровых — воинов нашего Отечества, настоящих мужчин и женщин!

Ольга Крутикова

Ольга Крутикова родилась в селе Новокиевский Увал Мазановского района Амурской области. Окончила Благовещенский государственный педагогический университет по специальности «филология».

Работает в Управлении государственной гражданской службы и профилактики коррупционных и иных правонарушений Амурской области.

Стихи и рассказы печатались в альманахах «Амур» и «Приамурье». В прошлом, 2022 году вышел в свет сборник её стихов и рассказов «В белом серебре», и в этом же году Ольга была принята в Союз писателей России.

«Побольше б в мире таких парней...»

Июнь. Пора отпусков. Жара.
Кто в Гагре, кто во Вьетнаме.
А он говорит: ему пора
Поехать к любимой маме.
И собраны вещи тугим узлом,
Совсем нехитрые вещи,
Кроссовки, куртка, стихов альбом...
И всё, адъёс, Благовещенск!
Какой нам, скажете вы, резон
Куда, хоть на конкурс Каннский.
Да только парень — боец ОМОН,
А мама его — в Лисичанске.
На родине не был своей давно.
Там ветер гуляет жаркий.
Идут бои. В небесах темно,
И солнце дрожит огарком.
Пишу ему: «Фото пришли. Всерьёз
Гордиться хочу, как братом».

А он отвечает: «Да что ты, брось,
Обычные мы ребята».

И вот узнаю из ТВ-новостей:
Наш город освободили.
Побольше б в мире таких парней,
Чтоб маму свою любили!

Не скрою, долго жил во мне Париж.
Я в нём была и сном своим, и явью.
Но ты, Париж, не то чтобы молчишь —
Ты Родину мою сейчас бесславишь.
Читаю, как на русском языке
С особой желчью пишут эмигранты:
Россия, мол, висит, на волоске,
А русские, мол, злые оккупанты...
Спрошу тогда, коль ты такой эстет:
Тебе не видно, моему Парижу,
Как убивали русских восемь лет?
Ответишь, знаю: «Этого не вижу».
Смотри теперь: на улице Донбасса
Одной из ваших — Франции — ракет
В чаду войны чудовищного часа
Убита девочка, ей было десять лет.

...Не скрою, долго жил во мне Париж,
Стихов моих ему — как стая соек.
Но ты теперь во мне, Париж, горишь,
И привкус дыма нестерпимо горек.
Не отвечай мне, не ищи мишень,
Куда метнуть комком чердачной пыли.
Я умерла в тот страшный летний день
С той девочкой, которую убили.

Черствы твои сердца, скупы, немые,
Как будто век живут в глухом подвале.
Мы, русские, — запомни это! — мы
Твоих детей, Париж, не убивали.

И он говорит ей, а сам белее снега, прозрачней скатерти:
«Мария, у вас такие глаза, как у Божьей Матери».
И Мария, глядя его по вихрам, голову отворачивает:
Вроде сбила температуру, но какой горячий он.
За окном —
Мирское
Московское
Светлое кружево,
А внутри —
Молодые,
Седые,
Пробитые насквозь,
Контуженные...
И он говорит ей: «Мария, мы были в Попасной,
Тогда город ещё был цел и вера в людей не угасла.
Помню дом, помню женщину на крыльце: проходите, ребятки.
Смерть, она, оказалось, охоча до игр в безумные прятки.
Пить хотелось, ступили с моим командиром на низкий порог,
А потом я очнулся и вижу, что оба лежим.
Командир мой без ног...»
И Мария встаёт, почти ругается матом и становится так хмура:
«Далеко, — отвечает, — до Богородицы, милый,
я обычная медсестра».
И война приходит к Марии в больницу,
Война её окружает,
И Марии всё снится и снится, как будто она рождает...
И идут волхвы,
И звезда говорит с Марией,
И сам Всевышний...
А потом она просыпается,
вздрагивает и плачет
безостановочно и неслышно.

«Лера, вы живы? Белгород под обстрелом.
И на кадрах видно, как город горит огнём».
Я пишу подруге и будто немею телом,
Я пишу и не знаю: а вдруг это Леркин дом...
«Живы, да», — отвечает она неспешно.
Добавляет: «Сегодня живы ещё пока,

Собираю в саду рубины лесной черешни,
Высоко над кустами, как белые маки, цветут облака.
Вечерами... а что вечерами? Нам часто слышно,
Как идёт война, ей, кажется, края нет.
Мы сидим на крыльце, а над деревянной крышей
То и дело мелькают цветные хвосты ракет...»
«Дочь вчера, — помолчав, продолжает Лера, —
Прибежала ко мне — воздушное существо:
Мама, мама, кричит, по небу летят "искандеры",
А сейчас — я по звуку узнала — работает ПВО.
Что ещё рассказать? По погибшим звучит молебен,
Храм старинный — он прямо напротив нас...»
...Боже, боже, пусть белые маки в небе
Не закроют своих красивых и ясных глаз.

Я на Дальнем Востоке войны не видела,
Не пришлась на мои года.
Помню только, у деда на кителе
Золотая сияла звезда
За победу в боях с Японией,
Что пришла к моему селу
В одичалой звериной агонии
Превращать нашу Русь в золу.

Ты, со мною связанный узами
Бесконечных братских могил,
Пишешь мне из Днепра союзного,
Что советским когда-то был.
В золотого поверив идола,
Пишешь мне: «Есть десятки тем,
Ты войны никогда не видела.
Не пиши о войне поэм.
Твои дети в тепле, и мирное
Небо льётся в окно с утра.
А мои теперь — бесквартирные
И готовятся умирать».

Что ответить тебе, мне пишущий
Из чистилища страшных дней?
Я на родине, миром дышащей,
Не встречала беды сильнее,

Чем глаза молодых и тающих
От безумного горя вдов.
Чем глаза на войну провожающих
Матерей и седых отцов.
Не учи меня, словно праведник,
Свечку жгущий свою впотьмах.
Мы Бандере не ставим памятник.
Не сжигаем людей в домах.
Да, войною я здесь не поена.
Далеко от границ с тобой.
Но за каждого русского воина
Встану словом на смертный бой.

Я войны здесь не видела, правда.
И, прошу, передай там всем:
Здесь, на Дальнем Востоке славном
Не увижу её совсем.

Город милый есть далече,
Белой Церковью зовётся,
Соловей над ним щебечет,
Мальва вьётся...
Только чёрным дымом вздыблен
Мир кругом — в руинах.
Часть меня во мне погибла:
Украина, Украина...
Я к тебе сестрой с рожденья:
Расскажи про вёсны!
Ты же порохом военным
Целовала в дёсны.
Кровь мою — Царевну Лыбедь,
Синеву речную
Будто кто-то страшный выпил
И теперь лютует...
Барвинком в веночке белым,
Ягодой калины
Умерла во мне, истлела
Украина, Украина...
Снится пращур мой чубатый
В ржави облепихи,

У своей печальной хаты
Запевает тихо.
Слышу я, и кто измерит
Боль мою без края:
*Цвіте терен, цвіте терен,
листя опадає...*

НЕВЕСЁЛАЯ ШУТКА

Смотрит бабушка в экран,
Там политдебаты,
Про войну, страну, генплан
Спорят мрачновато.
И горит речей пожар,
И сверкают взгляды,
Каждый спорщик — янычар,
Командир отряда.

Каждый знает, что пора
Дать ответку НАТО,
Перейти черту добра,
Выпустить снаряды
Прямо в центр, что на днях
Принимал решенья
Превращать Россию в прах,
Бить без сожаленья
По народу, по мосту,
По инфраструктуре.
Взять и перейти черту
Четко, не халтуря.
Взять и дать уже отпор,
Чтобы тоже знали.

Смотрит бабушка: топор
Возле стенки в зале
Со вчерашнего лежит,
Новенький, холёный.
Слышно, как пчела жужжит
Над высоким клёном.
Из окошка виден храм,
Бог как будто близко.

Что им будет, топорам? —
Промелькнули мысли.

А с экрана говорят:
Подсоби, бабуля!
У тебя глаза блестят,
Тёмные, как пули.
Для кого мы спорим тут,
Сердце рвём на клочья?
Бей нацизма чёрный спрут,
Круг его порочный!

Встала бабка, подняла
Свой топор зубчатый,
Поклонилась куполам
И пошла на НАТО.

Екатерина Анатольевна Набока в 2010 году окончила Благовещенский государственный педагогический университет по специальности «учитель русского языка и литературы». Основатель и руководитель Образцовой театральной студии «Этюд» при Благовещенском городском Доме культуры.

История его любви

В нашем доме на стене висит портрет моего деда, которого я никогда не видела живым. Сергей Михайлович Набока умер до моего рождения. Но с детства я слышала о нём, знала историю его жизни и большой любви. У меня маленький сын Леонид. Когда он подрастёт, обязательно расскажу ему, каким был его прадед.

В нашей большой дружной семье по сей день существует традиция — петь во время застолий под баян. И обязательно поётся эта шутка: «Кабы тату не могли, кабы мамо не дали, то тогда б мы не были. Так выпьем за тату, за маму и за дату!»

И мой папа, Анатолий Сергеевич Набока, и многие наши родные имеют украинские корни и говорят тосты на украинском языке, а точнее — на суржике. Обязательно вспоминают всех ушедших родственников. В том числе и моего деда, о котором хочу рассказать.

Набока Сергей Михайлович прошёл Великую Отечественную войну. В нашей семье хранятся его медали «За отвагу» и «За победу над Японией».

Собрав рассказы, которые слышала от родственников в детстве, в юности, я написала о нём короткую историю.

А началась эта быль летом 1939 года в Амурской области — в деревне Знаменка Ромненского района. Сергей Набока только что окон-

чил школу. Высокий, светловолосый, родом из казаков, он унаследовал у предков недюжинную силу и крепкую фигуру. В силе Сергею не было равных. Пятикопеечную монету мог согнуть запросто. Положит её на средний палец, сверху прижмёт указательным и безымянным пальцами, надавит — и согнёт монету! Вот такой силой обладал Сергей!

Парень мечтал служить в армии. Призыв был только осенью, а пока Сергей работал шофёром на колхозном грузовике.

В выходные в местном клубе был организован концерт силами колхозников. Позвали и Сергея, он хорошо играл на гармошке. В дуэт ему поставили хрупкую кареглазую девушку с чёрной косой, похожую на Дюймовочку. Она пела и играла на балалайке. На репетиции Сергей постеснялся узнать имя напарницы, но предложил проводить её до дома.

— Матрёна, — подала руку на прощание девушка уже перед самой калиткой своего дома. — Можно — Мотя.

— Сергей, — робко ответил парень.

— А я вас знаю. Мы учились в параллельных классах.

«Почему я раньше не замечал её?» — подумал Сергей. Он хотел спросить обо всём подробнее, но Матрёна помахала парню платком и закрыла калитку.

Всю ночь Сергей не спал, ждал утра. С первыми петухами помчался в клуб. Несмотря на раннее утро, в клубе была суета: кто-то украшал сцену, кто-то распевался, кто-то повторял танец. Обычно концерты давали только по вечерам, но это был особый концерт, в честь удачной посевной, и его решили провести днём на улице возле клуба. Сначала выступил с речью председатель, затем девушки из колхозного ансамбля исполнили танец «Калинка», оркестр народных инструментов представил своё попури, приближалась очередь выступления и дуэта Сергея с Мотей. Сергей нервничал, закурил папиросу — он не увидел здесь Моти и боялся, что она не придёт. Вдруг чья-то рука выхватила папиросу и швырнула на землю.

— Перед выступлением курить вредно! — весело сказала Мотя. Глаза её игриво сияли. Она взяла Сергея за руку и повела на сцену. Мотя прекрасно играла на балалайке и пела, а Сергей подыгрывал на гармошке. С тех пор молодые люди уже не расставались.

Матрёна была знатной трактористкой, могла с закрытыми глазами собрать и разобрать мотор. Однажды трактор увяз в грязи. Сергей помог Моте выбраться из него, взял на руки, прижал крепко к своей груди и тихо прошептал на ухо: «Ты будешь моей!»

После сбора урожая, осенью 1939 года, сыграли свадьбу: шумно, весело. Сергей привёл молодую жену в родительский дом. И после свадьбы Матрёна провожала его в армию, плакала, не скрывая слёз.

Пока Сергей служил в армии, его родители умерли, и жена старшего брата выгнала Матрёну из дома. С тех пор Сергей прервал отношения с братом, даже писем не писал. Крепка была обида. А Матрёна жила в доме своих родителей. Её отца, доброго и работающего мужчину, по наговору соседа репрессировали. В тюрьме отец умер. Трудно пришлось Матрёне в эти годы.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Воинскую часть, в которой служил Сергей, отправили на Западный фронт. В вагоне он грустил, сожалел, что не смог повидаться с Матрёной. Кажется, совсем недавно он ехал на службу в армию, теперь едет на фронт. Рядом с ним был Гриша, парень из соседней деревни, в армии они стали друзьями, теперь попали в одну дивизию. Напротив них сидел Максим, с которым Сергей познакомился ещё тогда, когда ехал к месту службы, два года назад.

Максим был парень неразговорчивый, жадный и завистливый. Он не понравился Сергею, но Гриша, добрая душа, убедил его, что у Максима такой характер — от сиротской доли. «В детском доме натерпелся парень. Ты к нему присмотришься лучше, нормальный он товарищ», — убеждал Гриша.

Осенью 1942 года в бою под Сталинградом 68-я гвардейская стрелковая дивизия, где служил Сергей, яростно отражала нападение врага. Тогда-то молодой боец впервые встретился с врагом лицом к лицу. Ему пришлось вступить в рукопашный бой с немецким солдатом. Сергей не мог знать ни его имени, ни кто его родители. Но всю жизнь он помнил глаза немца — большие голубые, того же цвета, что и у него самого. Немец набросился первым, их руки крепко сцепились. Фашист что-то кричал на немецком языке, пытался укусить Сергея за ухо, и тогда он со всего маху ударил немца головой в лоб. Враг рухнул замертво на землю, широко открыв рот.

В этом же бою погиб и единственный друг Сергея — Григорий. Подорвался на mine, только чёрная воронка осталась да клочок гимнастёрки защитного цвета. Сергей бережно хранил его до конца войны в память о друге. Мечтал передать родным Гриши, да передавать было уже некому. Никого не осталось в живых из семьи Григория.

Сергей Набока начал воевать сержантом, участвовал в битве за Москву, в Сталинградской битве, освобождал Белоруссию, дошёл до Берлина.

В апреле 1945 года в Берлине, во время страшных уличных боёв, Сергей и Максим остались одни из батальона. Почти сутки шёл бой за многоэтажное здание. Враг всё реже отстреливался. И наступило

затишье, — видимо, у врага не осталось патронов. Максим решил отправиться на разведку. Сергей согласился и отпустил напарника.

Шло время, а Максима всё не было, тогда Сергей сам пошёл в тыл к врагу, чтобы выручить товарища. Перебежками приблизился к зданию, автомат держал перед собой наготове. Когда он завернул за угол кирпичного дома, то застыл от удивления и ужаса. Максим, уже обутый в немецкие сапоги, с остервенением бил мёртвого босого врага этими сапогами по лицу.

— Что ты делаешь? — возмутился Сергей.

Максим, увидев Сергея, остановился и зачем-то быстро убрал руки за спину.

— А что эта фашистская гадина тут?.. Он, может быть, всю мою семью убил...

Голос Максима дрожал. Его трясло.

— Так ты в детдом попал ещё до войны, — попытался успокоить его Сергей. Медленно подошёл к Максиму поближе. Автомат он по-прежнему держал наизготовку.

— Ты это... опусти оружие-то! — вскрикнул Максим — и неожиданно, метнувшись навстречу, пнул Сергея ногой. Палец Сергея на спусковом крючке дёрнулся. Максим упал.

В его руках, густо измазанных кровью, Сергей увидел часы и... золотые зубы.

Сергей доложил обо всём своему командиру. Его оправдали, потому что он убил мародёра.

Потом Сергей старался вырвать из памяти этот случай. Но такое разве можно забыть?

Летом 1945 года Сергей Набока, уже младший лейтенант, следовал в распоряжение воинской части. Эшелон, направлявшийся на восток, прибыл на амурскую станцию Поздеевка. Солдаты высыпали из вагонов; кто-то обменивал у торговков сухой паёк на домашние харчи, кто-то курил самокрутку, иные просто прогуливались по перрону, наслаждаясь свободой после долгой дороги. А Сергей, узнав от командиров, что их поезд будет стоять здесь три часа, не меньше, решил повидаться с женой, которую не видел уже шесть лет. Доверив сослуживцам свою гармонь, пообещал в течение трёх часов обернуться туда и обратно. И помчался в родную деревню Знаменку, которая находилась в пятнадцати километрах от станции.

Пока Сергей нёсся как пуля в родную деревню, перед глазами стояла его Матрёна: вот она играет на балалайке и поёт звонким голосом песню. Такого голоса не было ни у кого в деревне! А вот уже он аккомпанирует на гармошке и любит её.

Не заметил, как добежал: деревня вот она, уже за бугром! Скоро, скоро он увидит свою ненаглядную Мотю!

Наконец Сергей прибежал к дому. Мотя стояла спиной к нему. Он подошёл и обнял её за плечи, она вздрогнула, резко повернулась — да так и обмерла в его руках.

— Это я, Мотя... я... — тихо произнёс Сергей и жадно поцеловал жену. Он стоял бы так вечно, но Матрёна встрепенулась:

— Пойдём, Серёженька, в дом! Накормлю тебя как следует, устал же с дороги.

Но Сергей остановил жену. Достал из вещмешка сухой паёк.

— Не могу я, Мотя, проездом мы. Поезд на станции. Все ребята там остались, а я к тебе! Ты мне пиши, себя береги, и жди меня, обязательно! Японских фашистов добьём и заживём как раньше, даже лучше заживём!

Поцеловал Матрёну ещё раз, перепрыгнул через оградку и побежал на станцию. Хотел оглянуться хотя бы разочек, но вспомнил, что это плохая примета. А она стояла, не шевелясь, и не понимала: сон это был или явь?

На обратном пути Сергей ни о чём не думал, бежал так стремительно, что в ушах шумело и звенело.

— Эй, служба! Куда бежишь? — окликнул его деревенский конюх, дед Матвей. Сергей обрадовался знакомому с детства человеку:

— На станцию, дед.

— Прыгай, подвезу. Мне как раз по пути!

Сергей коротко рассказал о том, как попал деревню.

— Рисковый ты, Серёга, мужик! Но мужик! Главное — успеть, главное — успеть, — приговаривал дед, подгоняя лошадь.

На станцию приехали быстро, но... поезд уже отошёл от перрона и набирал ход. Сергей спрыгнул с телеги и помчался по рельсам, пытаясь запрыгнуть хотя бы в последний вагон, зацепиться за подножку. «Не подумали бы, что я сбежал. За такое могут и в штрафбат отправить, а могут и расстрелять!»

Сергей бежал, бежал, бежал по рельсам, пока последний вагон совсем не скрылся из виду. А он всё бежал, бежал и бежал... хотя поезда уже давно и след простыл. Измотанный долгим бегом, вернулся в Поздеевку и, несмотря на позднее время, направился в комендатуру. Невысокий полноватый молодой человек с погонами лейтенанта вопросительно посмотрел на вошедшего офицера.

— Алексей Полях, дежурный по комендатуре. Слушаю вас.

Добродушное лицо дежурного немного успокоило Сергея.

— Младший лейтенант Сергей Набока. Отстал от поезда. Прошу помочь вернуться в часть!

Дежурный Полях на секунду замер, Сергей видел, как его глаза наливаются кровью. Ему стало не по себе. Он понял, что наказание неизбежно.

Ни слова не говоря, лейтенант Полях вышел в соседний кабинет и стал кому-то звонить. И как Сергей ни напрягал свой слух, ничего не услышал: тот говорил тихо и коротко. Вернулся дежурный уже с солдатом, который проводил его в камеру. Сергей так устал, что тут же уснул и даже снов не видел. А утром его проводили к военкому. Военком Страхов — крепкий седовласый, с большими усами мужчина — протянул Сергею папиросу.

— Курите?

— Не откажусь.

Сергей закурил. Помолчали. Военком положил перед Сергеем бумагу, подвинул чернильницу с воткнутой в неё ручкой.

— Пиши всё, как было. И скажи спасибо, сынок, что живым останешься. Отправим пока тебя в штрафбат. Сам понимаешь: закон военного времени. А могли сразу расстрелять.

От этих слов сердце Сергея бешено заколотилось. Но в животе предательски урчало. Он страшно хотел есть! После всей процедуры оформления его накормили и посадили в проходящий поезд для следования к месту дислокации штрафного батальона.

Всю дорогу он думал только о жене, о том, что детей у них нет и дождётся ли его Матрёна. Пообещал себе, что если вернётся домой, то детей будет у них минимум пятеро. Сына обязательно назовёт Михаилом в честь отца, а дочек — Надеждой, Верой и Любовью.

Он, хоть и был крещён при рождении, как и все сельские люди в то время, ни в церковь не ходил, ни молитв не знал. Но как-то в хате у одной старой бабки увидел необычную иконку. На ней были изображены христианские святые мученицы Надежда, Вера и Любовь вместе с матерью их Софией (а София, как пояснила бабка, значит Мудрость). И три имени юных девушек запали парню в душу...

И вот он в штрафном батальоне. В августе 1945 года началась Маньчжурская операция — советские войска приступили к разгрому японской Квантунской армии.

Среди воинов ходили слухи, что они попали в штрафбат маршала Рокоссовского. Говорят, что эта легенда жива по сей день. На самом деле маршал в это время находился в Польше. Но народ настолько уважал маршала Рокоссовского, что искренне верил в эту версию. А там — кто его знает, где правда, где вымысел?

Рота, куда попал Сергей, состояла из бывших офицеров. Пётр, Иван и Александр попали сюда по глупости: Петро, напившись, угнал из части

мотоцикл, разбил его. Иван, старше всех по званию и возрасту, рассказывал анекдот о товарище Сталине, а Сашко, самый младший, пожалел немецкого солдата, не сумев выстрелить в него. Друзья допытывали Сергея — за что же он попал в их роту. Сергей долго отмалчивался, затем пошутил:

— Вагон поднимал...

— А спорим, что ты его не поднимешь! — подзадоривал его Иван.

Товарищи уже договорились, как стемнеет, идти к поезду, чтобы разрешить спор, но Сергей их остановил.

— Я же не сказал, что я его поднял. Я сказал: поднимал! Да не вышло...

Узнав, что Сергей играет на гармонии, товарищи добыли трофейный баян. И в минуты тишины и отдыха Сергей брал его в руки, меха раздувались, пальцы быстро бегали по блестящим клавишам, а друзья по первым же звукам угадывали знакомую мелодию, пили горячий чай и тихо подпевали:

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось!
Пусть вместе с нами семья ленинградская
Рядом сидит у стола.
Вспомним, как русская сила солдатская
Немцев за Тихвин гнала...
Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу....

Группе, в которой был Сергей, было поручено перевозить боеприпасы. Выехали ночью. Фары не включали, чтобы вражеская авиация не обнаружила движение войск вперёд. Вокруг — густо заминированная территория. Петро ехал на первой машине, а впереди шёл Иван с миноискателем, показывая дорогу без мин. Следом ехал Сергей, а перед его машиной шёл с миноискателем Сашко.

Останавливаться машинам было запрещено, поэтому двигались на малой скорости без остановок.

— Если рванёт, так рванёт, — произнёс Сергей и посмотрел на Сашко. Парень был белым от страха. И тут же раздался взрыв. Первая машина наехала на мину. Петро и Иван погибли на месте, Сашко отбросило в сторону. Машину Сергея опрокинуло взрывом.

Сергей выбрался из кузова, нога ныла от боли, голова кружилась.

Практически на ощупь нашёл Петро и Ивана, но они были уже мертвы. Сергей и перетащил тела друзей к своей машине.

Сашко он искал долго. Кричать нельзя, враг близко. А боеприпасы с нетерпением ждут наши. Сергей, как бывший командир пулемётного расчёта, знал, насколько важны каждый снаряд и патрон. Он напряг весь свой слух — и справа от себя, в кустах, услышал тихий стон. Это был Сашко. Сергей осторожно пробрался к нему, тот был жив, но его сильно контузило. Он ничего не видел. Сергей взял друга за руку, крепко сжал.

— Мы как-то охотились с друзьями, — сказал Сергей. — Чуркин в лес отошёл да как закричит: «Ребята, тут медведь!» Мы ему кричим: «Веди его сюда!» А Чуркин отвечает: «Он не хочет!» «Тогда сам возвращайся!» — «А он меня не отпускает...»

Щёки Сашко порозовели, он слабо улыбнулся. Боевые товарищи добрались до машины. Несмотря на сильную боль в ноге, Сергею удалось перевернуть грузовик и вытолкнуть его на дорогу. Усадил Сашко в кабину, а мёртвых друзей уложил в кузов.

Теперь уже Сергей сам проходил пешком несколько метров, проверял, нет ли мин на дороге. Вместо миноискателя использовал палку. А потом снова возвращался в кабину, проезжал несколько безопасных метров — и так до самой огневой точки наших войск.

Сашко он отвёз в госпиталь, через несколько дней зрение у того восстановилось, и скоро боец вернулся в полк. Тела Петро и Ивана похоронили там же, на чужбине, рядом с госпиталем. После этого случая Сергею вручили медаль «За отвагу».

В свои двадцать пять лет Сергей Набока считал себя опытным офицером. В армии он научился разрабатывать тактику боя и уже на фронте не раз применял эти знания. За все годы войны Сергея ни разу не ранили. Как будто любовь Матрёны оберегала его.

Однажды машина с боеприпасами застряла в болоте. Хотели обмануть врага и доставить их объездным путём. Ночь, темно. Шуметь нельзя, сигнал не подашь, но и машину не бросишь. А спастись нужно.

Сашко предложил выйти и подтолкнуть грузовик. Сергей велел ему сесть за руль. А сам вышел из кабины, медленно опустил ногу в грязь, сапог тут же завяз в зелёной болотной жиже. Не достать! Сергей вынул ногу из сапога. Пробрался к кузову. Аккуратно вытащил из деревянного ящика боеприпасы (чудо, что они не взорвались), доски подложил под колёса. Лёгкая и тонкая древесина тут же сломалась под тяжестью колёс. Тогда Сергей, подложив под живот доски, пополз, как на санках, к кабине, взял топор и таким же образом подполз к берёзе, что росла у дороги. Срубив её, Сергей подтащил берёзу к машине и подложил под

задние колёса. Сашко завёл мотор, колёса бешено закрутились, отбрасывая липкую грязь в стороны. Сергей держал ствол под колёсами изо всех сил! Машина рванула с места, Сергея отбросило в сторону.

Очнулся Сергей уже в кабине. Как он туда попал — совсем не помнил. Сашко что-то говорил, махал Сергею рукой, но Сергей ничего не слышал, его контузило. Он закрыл руками уши, тряхнул головой.

— Сергей, ты меня слышишь? — не унимался Сашко. Его голос теперь звучал очень громко.

— Представляешь: если всё железо в мире расплавить и отлить из него огромную болванку... И собрать все горы и сопки в одну гигантскую гору... И поместить на вершину эту болванку... А все озёра, реки, моря и океаны соединить в один огромный океан... А потом столкнуть болванку с горы прямо в это океанище... Вот булькнет-то! А? Сашко!

— Живой! — радостно крикнул Сашко и полез обниматься, даже чуть руль не бросил.

Так и дошли они до Победы вместе с Сашко.

После войны Сергея Михайловича наградили медалью «За победу над Японией». Оставалось несколько недель до отправки домой. За время службы на Дальнем Востоке Сергей ни разу не написал письмо домой и не получил ни одного письма из дома — переписка была запрещена.

Все мысли Сергея были там, дома, рядом с женой! Ждёт ли его ещё Матрёна или уже забыла своего супруга?

Последние месяцы войны пролетели как один долгий, страшный день. Сергей с нетерпением ждал встречи с любимой женой. Семь лет он мечтал о том, как они с Мотей будут жить, как будут воспитывать детей. Сергей представлял, что ребятишек будет обязательно много. Как будто хотел заполнить обездоленную землю новыми людьми.

Наконец-то поезд Победы мчит его на Родину. И вот она — станция Поздеевка. На перроне много людей. Они кричат, смеются, плачут, целуются и просто обнимаются. Матрёна тоже здесь, она ищет Сергея! Сергей увидел жену издалека. Долго стояли молча, держа друг друга за руки.

Зиму прожили у Моти, в доме её родителей, а уже летом Сергей построил большой дом.

Работал шофёром, потом трактористом, кузнецом. Там же, в колхозе, работала и Матрёна. Весной 1947 года у них родился первенец, наследник фамилии. Казалось, что их тихое семейное счастье ничто не нарушит. Сергей смастерил сыну деревянную кроватку с резными лошадаками. Сделал деревянный грузовик, похожий на тот, на котором он служил.

Но через несколько дней мальчик умер от детской болезни. Сергей никого не винил, заперся в бане и плакал навзрыд, как ребёнок.

Похоронив сына, Матрёна и Сергей старались больше времени проводить вместе. Сергей знал, что жене сейчас гораздо тяжелее, чем ему.

В марте 1948 года родилась дочь Надежда, как и мечтал Сергей: ведь всю войну его спасала надежда на встречу с любимой.

В июне 1949 года родилась дочь Вера, весёлая черноволосая девочка.

В сентябре 1950 года — Антонина. Сергей хотел назвать её Любой, но вмешалась Матрёна: теперь давать имя дочерям была её очередь.

В сентябре 1951 года появился на свет Михаил. Сергей назвал его в честь своего отца, надеясь, что сыну достанется лучшая доля.

В феврале 1953 года — снова девочка, светловолосая и звонкая Людмила.

В апреле 1955 года — Татьяна, серьёзная, рассудительная, с карими глазами.

Дальше пошли мальчишки один за одним.

В августе 1956 года — сын Николай — высокий, черноволосый и кареглазый, мамин любимец.

В марте 1958 года — Анатолий, упорный и весёлый парень.

В сентябре 1959 года — Виктор, нежный, ласковый и рассудительный.

А в апреле 1961 года, как и хотел Сергей, обрадовала семью дочка Любовь.

Сергей Михайлович любил проводить время с детьми, играл с ними, как мальчишка, вырезал игрушки из дерева, читал им стихи и сказки. Дети радовали его, грели душу.

Сергей Михайлович работал шофёром, а когда здоровье стало подводить, ушёл с хлопотной и беспокойной шоферской работы в кузнецы. В этом деле не было ему равных. Его напарник Михей, молодой резвый парень, спросил как-то:

— А что, Михалыч, когда уже ты мне свою должность уступишь?

Кузнец вынул из кармана две пятикопеечные монеты.

— Вот согнёшь пятак двумя пальцами — и занимай моё место, — произнёс он. И монета, как пластилин, сложилась в его руке. Молодой кузнец пробовал, старался, но упрямый пятак не гнулся.

Сергей Михайлович долго ещё чувствовал силу в руках, только раненая нога ныла всё чаще. Но он в любое время года ездил на велосипеде. Зимой каждое утро бережно заводил своего железного друга в дом, топил печь, пил чай и уезжал в кузню, которая находилась на другом конце деревни. А после работы кормил скотину, чистил стайку, хозяйство было большое.

Родственники рассказывали о Сергее Михайловиче:

— Придёт, бывало, а поросята, козлята, телята, курята все к нему бегут. Он их погладит, потреплет, да и скажет: «Вы же мои голодные, никто вас не кормит, меня дождались наконец-то!..» Добрый был, всех жалел...

А жена, Матрёна Никитична, занималась огородом, домом, весь сад был в цветах. Дети всегда весёлые и аккуратные.

Больше всего Сергей Михайлович любил, когда в их доме устраивались концерты. Реквизит и костюмы готовили сами. Жена играла на балалайке, он на гитаре или гармонии, танцевали, разыгрывали сцены из книг и пьес, читали стихи. А потом пили чай за большим столом.

Летом, когда гостям места в доме не хватало, выносили лавки во двор, соседи приносили доски и табуретки, пели уже всей деревней. С особым чувством Сергей Михайлович пел:

Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбежка любая,
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела...

Сергею Михайловичу казалось, что автор этой песни прошёл с ним всю войну. Каждый в деревне знал, что к Сергею Михайловичу Набоке можно обратиться с любой просьбой, не откажет. Только вот не любил говорить о войне. Однажды сын Виктор спросил:

— Батя, а как на войне было?

— Лучше тебе этого не знать, — отрезал отец.

Умер Сергей Михайлович Набока рано, в 1974 году, когда ему исполнилось всего 53 года. Бабушка, Матрёна Никитична, ушла в 1999 году, пережив мужа на четверть века. И всю жизнь была верна его памяти.

Геннадий Кремнёв

Геннадий Павлович Кремнёв родился в 1936 в селе Михайловка Михайловского района Амурской области. Окончил БГПИ. После службы в армии сменил множество профессий и должностей: был комбайнером, воспитателем в интернате, учителем музыки, методистом по спорту, первым секретарём Михайловского райкома ВЛКСМ, работником райкома КПСС. Но тяга к творчеству пересилила карьеру партийного функционера — его взяли в местную газету «Знамя Ленина». Какое-то время работал в Курском облтеле-радиокомитете, в районной газете пос. Солнцево Курской области, затем вернулся в Приамурье. Был заведом газетой «Амурский комсомолец», замредактора Белогорской газеты «Ленинский путь», 11 лет — редактором Бурейской районной газеты «Советское Приамурье» и, наконец, 20 лет — собкором «Амурской правды».

Все эти годы писал стихи, которые публиковались в районных и областных газетах, в альманахе «Приамурье», в журналах «Дальний Восток», «Советская печать», «Советская Россия», «Сельская жизнь», «Работница». Автор документальных книг «Бурейская вертикаль» и «Дорога длиною в жизнь», а также сборников стихов и прозы «Я лучше края не искал» и «До последнего вздоха». Живёт в посёлке Новобурейский, является его почётным жителем.

Поэма

Василий Поярков

В 1643–1646 годах якутский письменный голова Василий Данилович Поярков с дружиной — численностью 131 человек — совершил поход из Якутска по Гонаму, Брянте, Зее и Амуру и вышел в Охотское море. Поярков стал первооткрывателем великой русской реки Амур.

Тайга ворчит
Незлобно за стеной.
Легли снега
У сосен в изголовье.
Плутает выюга
Тропкою ночной
И бьётся в дверь
Казацкого зимовья.
И в зыбком свете
Смоляных лучин
Ещё лохмаче,
Ещё больше тени.
Чуть слышен говор
Отроков, старшин
И в печке треск
Берёзовых поленьев.

Поярков тих —
Он думой отягчён:
Отряд застрял
На Гонаме коварном.
Большой вояж
На гибель обречён —
Река взяла
Припасы и товары.

Он помнит день —
Бывают в жизни дни,
Что остаются
В памяти навечно, —
Как волокли
Дощаники они
Через шиверы *
По студёной речке.

И нет, не мать,
А мачеха-земля
Пред казаком
Легла непроходима...
Сибирь, Сибирь!
Пустынные края:
Ни кабака,
Ни городского дыма!..

— О чём, Данилыч,
Думушка твоя? —
Подсел к Пояркову
Пятидесятник Юшка. —
Нас подождёт
Даурская земля:
Зимуем тут —
Зело тепла избушка!

Как ото сна,
Очнулся атаман
И, на пицаль опершись,
Молвил слово:
— Припомним,
что Москвитин-то Иван

* *Шиверы* — пороги

Глаголил нам
О той землеце новой.
Ясак богатый —
Рыба и меха.
И огородины,
И хлеба вволю будет!

— Зима-то нынче
Больно как лиха!
А иноверцы?
Звери, а не люди!

И не стерпел Поярков,
Встал к дверям.
И молвил тут
Ватажников начальник:
— Пристало ль нам,
Российским казакам,
Зимы бояться
Да походов дальних!
Ужель судьбине
Будем бить челом,
Молить её
Нам ниспослать удачу?
Скорей врагу
Я дам пробить шелом,
Иль, словно дочь
Купецкая, заплачу...

А за стеной
Упрямой вьюги вой —
Хоть бы она
Утихла на минутку...

— Ты, Минин,
Завтра в путь
Пойдёшь со мной,
Пурга утихнет —
Двинем первопутком.
...От грубой печки
Жаркое дыханье.
На низких стенах
Теней чудный пляс.
Но зрит Поярков
Не огня сиянье,

А тот далёкий
Полуночный час.

...Не спит Якутск
Над Леною-рекой.
Июньский вечер
Улицы окутал.
Спешат казаки
Шумною гурьбой
В корчму гулять,
И петь, и спорить круто.

Скрипит под ними
Жиденский настил —
И удаль в них,
И сила молодежья.
Вот в дверь стучат:
— Эй! Отопри, Кирилл!
Да приготовь-ка нам
На славу встречу!

Засовы прочь —
Дубовые стволы.
— Час добрый, Митрич,
Погуляй-ка с нами!
И, чинно сев
За крепкие столы,
Звенят казаки
Дружно медяками.

Таков закон
Мужских суровых уз:
Крестить вином
И горе, и удачу,
Залить хмельным
Раздумий тяжких груз.
Иной казак
Над кружкою поплачет,
Иной расскажет
О бывалых днях,
Как шли в поход
Громить заморских свеев *...

* *Свеи* — шведы

— А ну, братья,
Послушайте меня! —
Вскричал Москвитин,
Сотник с Енисея. —
Прослышал я —
За Становым хребтом
Течёт река,
И рыбна, и глубока,
И хлебны земли
В крае дивном том...

Вельми сторонка та
Туземная далёка:
Тайга и горы!
Путь тяжёл и крут.
И речка каждая
Студёна и порожна!..
Там иноверцы
Без бояр живут,
А с них ясак
Собрать богатый можно!

И загалдели
Пьяно, вразнобой
Казаки,
Чарки с брагой поднимая.

Тряхнул Поярков
Русой головой:

— Есть у меня
Затейка вот какая...
Казаки, челядь!
Коль Иван не врёт,
Я, с воеводова соизволения,
Сам снаряжу
Охочий люд в поход
И у купцов
Добуду снаряжение...
Но мы пойдём
Не только брать ясак,
А мы проведем
Немирные землицы:
Как иноверцы там живут,
Глаголят как,

Жильё увидим их,
Еду,
одежду,
лица!..

И Минин встал:
— Пиши-ка ты меня,
Пойду с тобой,
Как шёл сюда, на Лену!

И словно буря
Чувства и огня
Сердца казаков
Вырвала из плена:
— Меня!
— Меня!..
И закипело дело.

Пером скрипит
Василий-голова.
Знать, неспроста
Ему в поход приспело,
Лежат на сердце
Царские слова:
«За вольнодумство,
Тяжкую крамолу
К Головину,
В Сибирь его услать».

...В углу за бочкою
Холопик полуголый
С похмелья в крик:
— Пояркова качать!..
— Даёшь вояж! —
Гремит нестройный хор. —
Кирилла Митрича,
Кабатчика, зовите!
Пусть брагу льёт,
И весь тут разговор!

И поднялся Поярков:
— Крик уймите!
Готов за тот
Невиданный поход

Ендову* медную
Я осушить до донца!..

...Гуляет вольный,
Боевой народ,
И брезжит утро
В слюдяном оконце.

Горит костёр
Во тьме глубокой ночи.
В котле кипит амурская вода...
В вершинах сосен
Ухнет филин, захохочет —
И снова тихо, тихо,
как всегда.

Луна ушла
Куда-то восвояси...
Какая даль!
И дикая тайга!
И это всё ведь явь,
И это всё — не враки!
...И, обжигаясь,
Пробуют казаки
Нежирный ужин,
Весело смеясь:

— Вот мы дошли!
А нам тогда твердили,
Что та река —
ну прямо-таки
бредня!
Недаром сказано
Без умысла, печали:
Глухим не служится
Три раза-то обедня!

И снова спор —
И радостный, и жаркий,
И трудный путь
Им больше не беда.

* Ендова — ковш

...С крутого берега
Сошёл к реке Поярков.
В душе сомненья
Смолкли навсегда.
У ног его
Дышала мощь волны.
Какая ширь,
Какая глубина,
Какая сила
Здесь заключены!

— Шилькар *, Шилькар! —
Шептал Василий тихо. —
Вот ты какой,
Неведомый, но... свой!
И, зная, не зря
Хватили столько лиха,
Пока добились
встречи мы с тобой.
Но я пришёл,
Не так, как Македонский,
Не как Батый
С голодной ордой,
А как крестьянин
Курский и чухонский,
Чтоб сеять хлеб
И в мире жить с тобой.
В твоих лесах
Найдём свою свободу,
Земля накормит,
Напоит вода...
И суждено
Российскому народу
Отныне здесь
остаться навсегда!

...И с той поры
Над краем Приамурским
Взошла России-матушки
Державная звезда.

* *Шилькар* — так местные племена называли Амур

Галина Васильевна Костюк родилась в городе Шимановске в 1953 году.

Педагог по образованию. В настоящее время живёт в селе Новопетровка Благовещенского района. Её рассказы печатались в газетах «Эхо», «Земля и люди», в сборниках «Я люблю эту землю» и «Приамурье».

В повести, отрывок из которой мы предлагаем вниманию читателей, Галина Васильевна рассказывает о молодых годах своего родного дедушки.

Дела вековой давности...

Главы из повести

Пароходом из Свободного

Глубокий затон Суражевского причала в городе Свободном — бывшем Алексеевске — весёлым шумом встречал навигацию 1918 года. Укреплённые бревенчатым ряжем берега, ожившие после зимней спячки, едва успевали отправлять в рейс и встречать первые пароходы. Далеко разносились перезвоны рынд, отбивающих склянки, скрежет якорных цепей, гудки пароходов — то пронзительно резкие, то глухо ревущие...

На причале, где располагались небольшой летний павильон, киоски, сквер с беседкой, лавочки для пассажиров, длинной вереницей тянулась очередь в билетную кассу — и всё новые пассажиры продолжали подходить во всех сторон.

Широкоплечий юноша-подросток в железнодорожной тужурке подъехал на извозчике к кассе. Соскочил с пролётки, заплатил извозчику десять копеек, огляделся.

— Билет до села Неверова можно купить? — кинул в толпу вопрос.

— Мест нет... местов нету... — разными голосами запела толпа.

Паренёк помрачнел. Отошёл на зеленеющий пригорок. Стоял, щурился от солнца и пристально вглядывался в прохожих, у кого бы спросить, что делать. Ни одного лица, вызывающего доверие!

Снуют пешеходы туда-сюда. Ломовые лошади, тяжеловозы с мохнатыми ногами, тянут дребезжащие телеги, переполненные грузом. Причал завален ящиками, мешками. Выезжают вереницы порожних телег с извозчиками, стараясь, обогнать друг друга.

От шума и суеты на сердце у парня — тоска по родному дому. Захотелось всё бросить и вернуться в свой железнодорожный посёлок на станции Пёра, довольно спокойное местечко, в пятидесяти верстах от Свободного. Но он обещал родителям, что поможет бабушке посадить картошку.

Солнце уже было в зените, припекало по-летнему. Наступило время обеда. Раздались двенадцать мерных ударов в колокол. Грузчики рассыпались по пристани шумными группами, усаживаясь обедать в тенистых уголках парка.

Паренёк прошёл чуть дальше от кассы и укрылся в тени павильона. Напротив него, на скамейке, сухонькая, седенькая старушка притулилась головой к дощатой стене летнего павильона. Дремлет, надвинув цветастый платок на глаза. Иногда зевает и быстрым движением руки крестит свой грешный рот, не открывая глаз. Паренёк подсел к ней с другого края. Скамейка слегка прогнулась. Старушка вздрогнула, хватаясь руками за воздух.

— Ась? Ты чаво? — прищурила глаза, как бы пытаясь разглядеть его сквозь непроглядную дымку.

— Билетов в кассе нет, — с такой досадой в голосе сказал паренёк, что старушке его стало жалко.

— Куды собрался ехать? — спросила, поправляя платок.

— В Неверово. Знаете такое село?

— Чаво ж не знать — сама туды еду. — Старушка сильнее прижала к себе серую, потёртую сумочку, придвинула поближе кошёлку с покупками.

— А как билет достать?

— Найди на причале Родьку Уварова. — Старушка стеснительно поджала ноги в потрёпанных ботиках под лавку. — Можя, он тебя и возьмёт без билета,

— Где же я его найду в такой суматохе?

— Он приметный. Разодет, как петух гамбургский. — Старушка повела плечами. — Поспрошай у людей. Язык до Киева доведёт!

По пыльной набережной паренёк поспешил на гул множества голосов искать своего спасителя. Гудел суражевский базар. Потянулись зипуны и армяки крестьян, тужурки и пиджаки горожан. Народ сновал по базарной площади, от павильона до реки. Слитный говор торговков разносился на всю округу.

В обжорном ряду вдоль деревянного тротуара предприимчивые торговки прямо на грязных ящиках, чуть прикрытых старыми газетами, выставили на продажу всякую снедь — и молочную, и мясную, и выпечку всевозможную. Тут была толкотня, люди с трудом протискивались — не разглядеть, что покупают.

На противоположной стороне, в брезентовых палатках, торговали тканями, одеждой. К кольцу на шесте привязаны разноцветные атласные ленты, легонько плескавшиеся на ветру. Худенькая женщина лет тридцати с красными, как ягоды рябины, бусами примеряла целую кучу платков, красуясь в обломке потускневшего от времени зеркала. Другие женщины — с узлами и кошёлками — оценивающе смотрели.

— Энтот платочек, что с красными узорами, тебе больше глянется, — сказала бойкая бабёнка, жующая серу.

— Его и бери! — подхватили другие.

— Шёлковый аль аляной? — потеребили руками.

— Чё, берут завидки на чужие пожитки? — пропела ярко разодетая особа лёгкого поведения, проходившая мимо в поисках потенциальных клиентов.

— Я бы тоже купила, да денег маловато.

— Я в лавку сало снесла — прошлогоднее, жёлтое, — похвасталась худенькая с красными бусами. — И ничё — уваровский приказчик принял по тридцать копеек за фунт. Шкуры там разные, что за зиму скопились, тоже за хорошую цену ушли. Так и наскребла денег на дорогу.

— Смотрите, како платье к лету купила! — покружилась, раздувая подол, весёлая девушка.

— В татьянку! — восхищённо осматривает голубое ситцевое платье в белый горошек пожилая женщина

Слушая обрывки фраз, паренёк брёл вдоль торговых рядов. Вот на кусках брезента, расстеленных прямо на земле, свален скобяной товар. Далее шла конская сбруя: разные недоуздки, хомуты, вожжи. А в конце выстроился ряд телег, поставленных на задок, вверх оглоблями. Лошади, привязанные к коновязи, стояли тихо, помахивая хвостами, отгоняя назойливых мух. Тут же прыгали воробьи и голуби, клевали конские «яблоки».

Паренёк пошарил в кармане. Денег было совсем мало, только на билет и так, на какую-нибудь безделушку. Купил в киоске местную газету и народный календарь «Месяцеслов», а ещё бублик. Остатки денег припрятал во внутренний карман тужурки. Легонько снял с плеч торбу, положил в неё покупки и направился к реке.

Величественная Зея в мягком шуме полусонного дыхания плескалась под крутым бережком, закручивая в спиральные воронки пену. От неё, широкой и полноводной, невозможно было оторвать взор. Дальний левый берег сливался с эмалевым небом где-то за островками, у самого горизонта.

Густо дымили пароходы, собиравшиеся отчалить. Маленький пароходик, покрашенный свежей краской, потащил через Зею паромную баржу. Над рекой один за другим следовали на север огромные косяки

диких гусей. Они летели так низко, что можно было рассмотреть их рыжевато-серые упругие брюшки.

Налетел свежий ветерок с юга. Поток воздуха сорвал выпцветший картуз, русые пряди рассыпались по широкому лбу. Паренёк побежал за картузом, уткнулся в гигантскую серо-серебристую колонну раскидистого тополя.

Подобрал картуз, стряхнул с него пыль, надел на голову. Дотронулся рукой до грубой коры величавого тополя-одиночки, и ладонь пропиталась волнующим запахом весенней свежести. К тополи у паренька особая любовь.

Вдоль улицы Вокзальной на станции Пёра, где он живёт с родителями, растут тринадцать молодых тополей, дивно пахнущих янтарной смолкой. В середине мая почки лопаются и сбрасывают липучую оболочку, обнажая листочки. Потом ещё долго шелуха цепляется на подошву к обуви целыми лепёшками.

Парнишка присел на лавку. Огляделся по сторонам. Нигде не видать «гамбургского петуха», как окрестила Родьку старушка. Попил из фляжки воды, погрыз бублик. Перевёл взгляд на мимо проходящего долгового мужика. Тот забежал в павильон на минутку. Оттуда, ругаясь, вытащил за шиворот маленького, худющего полупьяного мужичонку и на пинках погнал в сторону реки.

Сидевшие на траве двое подростков засмеялись и закричали:

— Так его, дядя Силантий!

Подскочили и начали озорно свистеть. Паренёк заметил, что они одинаковы на лицо. Слышал о двойняшках, но не встречал. Оба в изрядно потрёпанной одежке, стоптанных башмаках. Трудно даже угадать, сколько им лет. Пили из одной бутылки поочередно мутный берёзовый сок и заедали ломтём чёрного хлеба.

— Эй, ребята! — крикнул паренёк незнакомцам. — Может, вы мне можете?

— Чаво надо? — спросили одновременно, словно пропели в унисон.

— Я ищу Уварова Родьку. Знаете такого?

— Знаем! — заговорили наперебой. — Он с нашей деревни. А на что он тебе?

— Поможете найти? — Обрадованный, паренёк встал с лавки и пошёл к ним.

— А ты кто таков? — Вскочили с земли и замерли, как оловянные солдатики. Куцые суконные курточки, видимо, жали им в проймах. Из обшлагов высунулись красные шершавые руки в цыпках.

— Меня зовут Ерофей... Ерошка, значит, — немного растерявшись, ответил паренёк. — Приехал из Пёры. Мне надо в Неверово, да нет в кассе билетов.

От волнения он мял картуз в руках. Раньше никогда не приходилось просить о чём-то незнакомых людей, и это было неприятно.

— К кому едешь? — И руки в бока уставили. Как петухи перед дракой, взъерошились.

— К бабушке. Она ногу подвернула. Надо помочь сажать картоху.

— Подмогнём! Знаем мы, про какую бабушку говоришь. Садись с нами обедать! — Под мышки подтянули штаны. Стали видны истрёпанные башмаки, подбитые гвоздями. Ерошка про себя подумал: как же они похожи на французского Гавроша с баррикады! Такая небольшая картинка висела у него в комнате.

Ерошка поправил картуз, который постоянно налезал на глаза, снял со спины холщовый мешок с вещами. Покопался в нём, достал пасхальный кулич (завтра ведь Пасха), горсть конфет, фляжку с водой. Выложил всё это перед мальчишками, не зная, как ещё выразить радость и признательность.

— Меня зовут Гришка, а брата Мишка. — Оба протянули ему руки в цыпках. — Красивые у тебя штиблеты, Ерошка! Главное, что без шнурков. — Глазами они так и прожигали его новые коричневые обувки.

— Это баретки.

— У нас в таких ходят только богатые женихи.

Две девушки лет пятнадцати, не более, в белых платочках на плечах кокетливо прошли мимо. Ерошка повернулся им вослед. Они прыснули в уголки платочка, рассыпались сахарным смешком и убежали.

— Пошли! — схватил его за рукав Мишка. — Вона Родька поплёлся на пароход.

Ерошка спохватился, поправил картуз, схватил котомку и помчался за ними.

Впереди виднелась только спина в красном костюме, стремительно удалявшаяся к реке.

— Родька, Родька! — закричали мальцы, подтягивая штаны.

Спина обернулась — и перед бегунами предстал разодетый в пух и прах белокурый юноша. Костюм с иголочки, как влит, а цвета не просто красного, а необыкновенного — амарантового! И ткань мягкая, как бархат, похожая, — мельком подумал Ерошка, — на комнатный цветок «петушинный гребешок».

— Ну и что летите как ошалелые? — обратился красавчик к близнецам. — Чуть штаны не потеряли! Возьмите бечёвки от сахарной головы и штаны подвяжите.

— Родя, Родя! Давай возьмём на пароход Ерошку!

— Он к бабушке Поле собрался на подмогу, а билетов нема.

— Чего ж не взять — возьмём! — И, повернувшись на каблуках моднейших ботинок к Ерошке, красавчик уточнил: — Но с условием, что

поможешь загрузить товар, а то грузчиков не хватает. Идёт? По рукам!

Близнецы, оставив их, юркнули в толпу, стоящую у парохода «Удалец», и растворились в ней.

— Ну, будем знакомы. Я — Родион Новак, — представился красавчик, протягивая руку.

— А я — Ерофей Поваров! — Ерошка слегка пожал его маленькую холодную ладонь. — А почему сказали, что ты Уваров?

— Я у купца Архипа Уварова приказчиком. Все думают, что я его сын. Как в поговорке: «На безлюдье и Фома дворянин».

— А я сюда ненадолго — дней на десять, не более! Вот подмогну бабе Поле картоху посадить — и уеду.

— Пошли на пароход, Ерошка-поварёшка! — кивнул Родька.

— Слава богу, поспел! — прошептал про себя Ерошка и тайком перекрестился, следуя за уваровским приказчиком.

— Глянь на пароход! — гордо воскликнул Родька. — Каков красавчик?! После ремонта на Шадринском заводе — как новенький! Заменяли корпус, установили новый импортный котёл, дали новое имя. Вместо «Богатырь» — «Удалец»... — И тут же, указав на большой ящик, проговорил быстро, взалёб: — А здесь, скажу по секрету, — зачехлённое пулемётное вооружение. На случай самообороны. Участились грабительские налёты хунхузов на пароходы, на деревни, на прииски!

— И даже до приисков эти хунхузы добираются? — удивился Ерошка.

— Ещё как! Приисков в области триста сорок. За год сдали государству триста пудов золота. Даже у нашего купца Уварова есть свой небольшой прииск. Желающие иметь прииски подали три тысячи заявок.

— Ты видел золото?

— Видел! Даже сам немного накопил.

— Покажешь?

— Покажу, потом.

Тихо гудели котлы парохода. Народ зашевелился. Полным ходом шла подготовка к загрузке. Негде было пройти, некуда было приткнуться. Кое-как сквозь толпу пробрались ко вторым грузовым сходням. Там уже сновали голенастые Мишка и Гришка, взбегая по зыбким сходням, держа на плечах огромные мешки из верблюжьей шерсти с мануфактурой. Родька пропустил их.

Тут Ерошке снова попался на глаза долговязый мужик, державший под мышкой, как банный веник, раскисшего от попойки худышку. И откуда только взялись? Родька молча кивнул головой, уступая долговязому дорогу. Тот перехватил трепыхавшегося пьянчугу в охапку и, как чемодан без ручки, втащил на палубу.

— Видал, какая силища у мужика! — усмехнулся Родька, кивнув на долговязого. — Однажды он разъярённого быка, кулаком ударил между глаз, так тот и присел на задние ноги.

— Тебе бы его в грузчики.

— Эта работа для него лёгкая, не согдится. Он у купца Архипа Уварова кузнецом работает. — И Родька взбежал на палубу, увлекая за собой Ерошку.

— А Мишка и Гришка у тебя что — грузчики?

— Что с них будет?

— Тяжело ведь, надорвутся.

— Их дело телячье, поел да в закуток... — Родька повернулся к нему вполоборота. — Знаешь, чем отличается хозяйственный человек от прочих?

— Нет!

— Он самостоятельный и ответственный! — Родька споткнулся о ящик, ругнулся неприлично. — Ничего, скоро сам себя не узнаешь. — Остановился, переводя дыхание, насмешливо оглядел Ерошку.

— Одет ты, конечно, как анчутка! Прости за прямоту.

— Это почему?

— Вообще-то нищету прячут, а не выпячивают на показ! Ну ничего — это дело поправимо: заработаешь денег — приоденешься. От девок отбоя не будет! Ты парень высокий, видный. Но на мою Агнию чтоб не заглядывался! — погрозил тонким пальцем. — Уразумел?

— Уразумел! — повторил Ерошка, едва сдерживая смех, поглядывая на его куриные сухонькие кулачки.

Добрались до какой-то рабочей конурки. Ерошка подвесил на крюк котомку. Снял тужурку: маловата, под мышками жмёт, порвётся от натуги. Примостил её на котомку и картузом сверху прикрыл. Рукава на рубашке засучил по локоть. Белая праздничная, изо льна косоворотка, подпоясанная сучёным поясом, прикрывала незагорелое тело. В стороне, на мешке, валялись курточки близнецов, куцые, суконные, с чёрными пуговицами, пришитыми абы как белыми нитками.

— Бочонки с растительным маслом, селёдкой — перетасишь сам. Бочонки под селёдку — сельдянки. Они не тяжёлые... Знаешь, что я заметил: больно наш деревенский народ любит селёдку.

На причале у парохода бурлила толпа. Бородатые, нескладные, плохо одетые мужики, деревенские бабы, замотанные в платки, напирали со всех сторон. Суровые матросы цепью стояли у парохода, сдерживая толпу.

Родька помчался на подмогу капитану. Очутившись у борта перед мостками, он сноровисто отмотал канат, размашистым жестом кинул его матросу, стоявшему на берегу. Тот ловко закрепил канат на стойке причала.

— Трап давай! Спускай трап!

Наконец, прорвав оборону матросов, толпа понеслась на дощатые сходни. Они трещали.

— Куда прёте?! Все успеете! Что за народ! — кричал в рупор молодой капитан, стоя на мостике.

Ерошка обратил внимание, что Родька особой крепостью сложения не отличается, да и рука слабовата. Но подкупала в нём ухарская натура, чего недоставало Ерошке.

Пока шла посадка пассажиров, грузчики на вторых сходнях справились с загрузкой товара.

— Отходим! — раздался молодой голос капитана. — Отдать концы!

Наконец пароход дал пронзительный гудок, с шорохом скользнул о песчаный грунт, отшвартовался от пристани. Быстро поплыл по скользкой водяной глади. Народу набилось на пароход так много, что все места были заняты, люди стояли впрытык друг к другу и невозможно было пошевелиться.

Ерошка, закончив таскать бочонки-сельдянки, присоединился к толпе пассажиров на палубе. Мишка помахал рукой, приглашая к себе. Ерошка спешно шагнул к нему через баррикаду ящиков. Злой рокот голосов, как пчелиный рой, кружил повсюду. Ерошка пробирався среди обросших, осунувшихся мужиков. Они сидели кружком на корточках, курили самокрутки и о чём-то тихо беседовали. Чья-то тонкая шея попрошайничала табачок. Голоса преследовали Ерошку.

— Япошки, американы во Владивостоке высадились, — протрубил развалистый бас.

— Область на военном положении. Как бы атаман Гамов не привёл опять белогвардейцев из Китая, — тревожился мягкий тенор.

— Удержится ли советская власть? — испуганный, озирающийся по сторонам полушёпот.

— Позволит ли новая власть оставить нашему купцу старые порядки? — поднял на Ерошку тяжёлый насмешливый взгляд мужик, когда тот поравнялся с ним. — Так и не дождавшись ответа, пошарил в кармане, достал загрубелыми, исцарапанными руками трубку и повернулся к другим.

Слова падали, как горящие угли за шиворот, и будоражили Ерошке душу. Мишка ухватил его за рукав и потащил в какой-то закуток среди мешков и бочек с товаром. Тут тоже ютились несколько пассажиров. Вот две давешние девчонки, сидят, обнявшись, на ящике, лузгают семечки. Воткнули в волосы искусственные цветы по моде, как у горожанок, платочки на плечах.

Гришка чинил порвавшийся мешок с луком. Долговязый мужик сгорбился, сидя на голых досках палубы, вытянул уставшие за день ноги,

положив на колени большие тёмные руки. Рядом — женщина в новом платочке, видимо, его жена, он кличет её Катериной. Пьяный мужичонка сидел в самом углу, подтянув ноги к тощему животу, и спал. Ерошка усмехнулся: уже в который раз ему приходится сталкиваться с этими примелькавшимися фигурами.

Он сдвинул теснее сумки, бочки, мешки — высвободил себе место. Присел на сельдьянку. Обняв руками колени и положив на них подбородок, упорно всматривался в даль, погружённый в свои размышления. Заглядевшись на берег, позабыл обо всём и только слышит сквозь дремоту нескончаемое щебетание молодых и свежих голосов.

— Хоть бы запасные лавки поставили! Совсем о людях не заботятся, — пропел женский голос.

— Да кому это надо! — ответил тонкий девчоночий голосок.

— Немного отплывём, пассажиров поубавится, — поддержал другой такой же голосок.

— Вот какую страсть я вам сейчас скажу, — снова заговорила женщина. — Третьего дня это было... — Громко чихнула, засморкалась. — Не вру, значит, ей-богу, вот истинный крест! — Зашуршала юбками. — Медведь из берлоги вылез, после зимней спячки, голодный. На пасеку к купцу Архипу забрёл, несколько ульев переломал, а бабы рядом берёзовый сок собирали. Бегом до Архипа. Он послал своих охотников.

— Убили? — испуганно вопрошали голоса близнецов.

— Про то никто не ведает, но в лес ходить бояться.

Послышались шлепки, звуки возни.

— Глянь, этим мальчикам опять не сидится. Кабы не подрались!

— Пускай только попробуют! Вмиг капитан высадит обоих на первый же островок, как Робинзона, — пригрозил мужской бас.

— Та сколько же вам рокив, хлопцы? — донёсся откуда-то чужой голос.

— Нам тока тринадцать, — ответили близнецы.

— На двоих, чё ли? — засмеялись девчонки.

— Добре, хлопцы! Вот вам по гостинцу. Не озоруйте!

Зашуршали слюдяные фантики. Все смолкли.

Ерошка не успел даже задремать, как Мишка и Гришка растолкали его, сказали, что Родька зовёт на мостик. Сами тайком последовали за ним, сгорая от любопытства.

Родька стоял на мостике и обеими руками держал у глаз какой-то предмет. От реки тянуло живительной прохладой. Ерошка моментально озяб, передёрнулся, кутаясь в тужурку. Течение реки оживлённо усилилось. Упругой грудью стоит река на пути парохода, не пропуская вперёд.

Слышно злое кипение воды, не желающей пойти на уступки. Пароход «Удалец» — однопалубное заднеколесное судно в деревянном корпусе, с надстроенным ходовым мостиком, предназначенное для перевозки грузов и пассажиров, — пробирается вверх по течению.

От ударов четырёхметровых лопастей колеса за пароходом плещется пенистая грива. Уходящий берег Суражевского причала суматошно провожает пароход. За кормой уходят вдаль необитаемые островки. Всё вокруг движется, бежит за пароходом: то вдогонку, то наперегонки. Мощно бороздя волны, пароход продвигается вперёд.

— Река сейчас полноводная, Селемджа принесла много талого снега, на мель не сядем, — сказал Родька и протянул Ерошке незнакомый предмет.

— Что за игрушка?

— Бинокль. Вот в эти линзы смотри — всё будет близко. Вот так перевернёшь, посмотришь — всё будет далеко.

Ерошка в бинокль пробежался по лицам пассажиров, заглянул на таинственный остров, на берег.

— Хорошая вещь! — И нехотя вернул обратно.

Спустились на палубу. А Родька неумолчно продолжал нахваливать пароход, перебегая от борта к борту. Глаза у него так и сияли.

— У нас пассажиры не только на палубе, у нас и каюты есть. А вот это, — кивнул на поленницу дров на палубе, — для топки парового котла. Мощность машины — семьдесят пять индикаторных сил! Скорость — семь узлов в час! Электрическое освещение, навигационная карта. А прожектор — видал, какой? Позволяет ходить в ночное время... Только, знаешь, советская власть может забрать у нашего купца пароход. Пароходы «Рыбак» и «Зоя», несколько барж уже национализировали. Некоторые капитаны вместе с пароходами бежали в Сахалин, другие сожгли пароходы, чтобы коммунистам не достались. Обстановка напряжённая. Едва объявили в области военное положение, как народ сразу расхватал из магазинов весь ходовой товар: муку, спички, керосин, свечи, соль, сахар. А что осталось — промышленники припрятали на складах до повышения цен. Кое-как наскребли мы товар у компаньонов, чтобы загрузить пароход.

— В Петроград из области отправлено пять вагонов муки, сам видел, — сказал Ерошка. — Наша поездная бригада из Пёры сопровождала груз. А на днях туда же, в Петроград, приморцы отправили одиннадцать вагонов солёной рыбы и кетовой икры.

Близнецы стояли в стороне и не сводили глаз с бинокля.

— Слышь, ты, — сказал Гришка, — гляди сюды! Кака штуковина ди-ковинная у Родьки.

— Без тебя знаю, — ответил Мишка. — Бинокля называется.

Стали выпрашивать у Родьки бинокль. Он, к удивлению Ерошки, дал им глянуть в линзы, а потом сказал:

— Хватит! — И побежал на мостик отдать бинокль капитану.

Вернувшись, вытащил из кармана брюк серебряную луковицу, глянул — тринадцать часов. У Ерошки забегали глаза от восторга: давно мечтал купить себе часы, да где ж денег таких взять? Едва сдержался, чтобы не выпросить полюбоваться часами. Родька спрятал их обратно в карман вместе с цепочкой.

Заметил Ерошка, как Родька жаден до жизни. Всем интересуется, всюду поспевает, всё хочет освоить, проворно носится по пароходу и таскает его за собой. Первая же встреча положила начало сердечному общению, длившемуся до тех пор, пока пути-дороженьки не развела судьбинушка.

— Пошли в каюту, — пригласил Родька.

Каюта находилась под палубой. Двухместная. Под самым потолком железные кровати с мочальными матрасами, ничем не покрытые. Пришла горничная — девушка лет семнадцати, простенькая, улыбчивая. Поправила передник, косынку, у зеркала покрутилась. Запах весенних трав исходил от неё. Тихо напевая, застелила постели свежими простынями. Скромно опустив глаза, застыла.

— Анна, чего надо? — спросил раздражённо Родька, придвигая стакан с чаем Ерошке.

— Питьевая вода в баке закончилась. Чем поить пассажиров? — Смотрит в упор на Родьку, а глаз косит на Ерошку.

— Куда делась вода?

— Пассажиры выхлебали!

— Вот верблюды! Ещё не успели отъехать, а у них сушняк. Скажи мальчикам — пусть притащат с ведёрко, — распорядился Родька. — А нам ещё чаю принеси, а то этот остыл уже.

Повернулась и вышла. Едва уловимые далёкие командные крики, гремучий свисток боцмана, топот матросских ботинок где-то над головой влетали в каюту через приоткрытый иллюминатор.

— Буфетчика выгнали за пьянство. От лентяев тоже избавились. От них нашему делу только помеха и вред, — бурчал, как старый дед, Родька.

На перекидном календаре в каюте было 4 мая 1918 года. Ерошка вспомнил про газету и «Месяцеслов», купленные на причале. Достал их из котомки, развернул газету.

— Что за газету читаешь? — спросил Родька.

— «Зейские вести».

— Какие новости?

— Ну, какие... Вот — про пасеку: «...сорок семь лет в Амурской губернии пчеловодство... Крестьяне-молокане Хворов и Ефимов из алтайских деревень завезли пчёл», — прочёл Ерошка и добавил своё: — Очень люблю мёд, но у нас в Пёре его нет.

— У купца Уварова небольшая пасека есть. Он за работу на ней даёт гарнец* мёда...

Горничная Анна принесла на подносе стаканы с горячим чаем. Родька протянул Ерошке два пряника.

— Утощайся. Мои любимые — мятные. А я, знаешь, хочу жить в городе. Или вовсе там, за Чёрной рекой, за Амуром то есть... Сидишь себе, прянички жуёшь и ни о чём не думаешь. Красота! Вот бы только поднакопить золотишка... — Он откинулся назад, по-городскому закинул ногу за ногу. Глаза его мечтательно поблёскивали.

Ерошка вспомнил, как однажды за семейным столом заговорили, что слаще морковки ничего в жизни и не ели. Пожить бы, мол, чуток за границей. На что отец мудро ответил: «Славны бубны за горами!» Больше к этой теме не возвращались.

Ерошка съел один пряник с чаем, другой положил в карман для бабушки. Новые баретки натёрли ноги. Снял, сидел босой. Пятки розовые — отвыкли уже босиком, как в детстве, бегать по земле.

Полистал «Месяцеслов».

— Слушай, что вычитал: «На Антипа Половода раннее вскрытие рек. Будет, по народным приметам, хороший урожай жита». Полные закрома зерна жди!

— Я люблю книги. Особенно о рыцарях, о пиратах, путешествиях всяких, — откровенничал Родька. — У нас в соседней деревне Завьялово — школа при церкви. Братья, старше меня, бегали. Зимой по реке вёрст пять будет. Я болел, но сильно хотел учиться, так они меня возили в школу на санках по льду. За год три класса освоил. Потом стал у батюшки брать разные книги. Хочу выучиться на капитана и ходить в дальние страны.

— А мне нравятся паровозы. Как отец, буду машинистом. У нас в депо восемь поездных паровозов и один маневровый. Видишь, какие «булки» накачал? Потрогай! — Ерошка оголил предплечье.

— Ничего себе! Как?

— Помощником машиниста на паровозе немного поездил с отцом. По возрасту не положено, мне всего-то пятнадцать годков.

— Я думал, все двадцать... А мне восемнадцать.

И Родька вдруг предложил:

— Иди ко мне в помощники! Будешь принимать всякий товар, смотреть, чтоб не надули, чтоб грузчики не воровали и не пьянствовали.

* Гарнец — приблизительно 3,28 литра.

Жалованьем не обижу — нигде в деревне таких денег не заработаешь. Торговля и извоз сейчас — самый выгодный промысел.

— Стыдно. Взял бы кого из своих деревенских.

— Ничего: проймёт голод — появится и голос, и про стыд забудешь.

— А что я буду делать?

— Не переживай — работа не пыльная. Что скажу, то и будешь делать: приносить, уносить, отвозить... Главное — не перечить: что скажут, то и делать. Присундыкивать!

— Не понял!

— Что не понял?

— Присундыкивать.

— Ну... поддакивать.

— Понял! Главное в работе — присундыкивать, — засмеялся Ерошка.

— Это у нас так говорят забайкальцы, а я просто шучу. Народ у нас всякий: и украинцы, и белорусы, и воронежские, и бессарабы. Мои родители — сибиряки.

— Мои тоже сибиряки — из Томска. В десятом году, когда железнодорожную станцию строить начали, приехали на Пёру. А правда, что дорогу каторжане строили? — спросил Ерошка всезнающего Родьку.

— Правда! У нас было три тысячи каторжан и под Хабаровском восемь тысяч. Но и местное население, и военные тоже в стороне не остались. Мост железнодорожный через Зею в Белогорье помогли построить местные крестьяне. Они по всей округе рубили лес и на своих лошадях к реке свозили.

— Знаю: тринадцатого декабря одна тысяча девятьсот тринадцатого года первый поезд отправился из Благовещенска в Питер. У нас эту дату железнодорожники отмечают до сих пор.

Допив чай, собеседники устремились на палубу. Пароход весело разрезал бархатную гладь воды. Река успокоилась и бесшумно катила стеклянную тёмную воду. Кое-где на отмелях ещё не успели растаять ледяные глыбы, выброшенные на берег во время ледохода.

— Летом будет паводок! — сказал Родька, показывая на эти глыбы. — Вода вернётся за своими потерянными льдинами.

Капитан на мостике, широко расставив ноги, заложив руки за спину, смотрел в даль. Бинобль висел на груди. Неожиданно к нему вплотную приблизилось лицо с ехидной усмешкой и прошептало что-то на ухо. Он нехотя выслушал. Поморщил нос и громким развалистым голосом, чтобы все слышали, сказал:

— Кому не нравятся порядки — следующий причал Березай, бери манатки, вылезай!

Народ, скученно разместившийся на палубе, как в бездну безысходную погружён. Мужики, собравшись в кружок, попыхивают труб-

ками, самокрутками, папиросами. В многоголосном говоре толпы слышны боль, отчаяние, но и человеческая радость, и мудрость. Недосказав начатого, переходят к другой теме. Разговор не умолкает ни на минуту.

— Послухай, Катарина! — обратилась низенькая женщина к жене кузнеца. — Сон мне нонче такой привиделся: покойных родителей видела — как живых. — К чему бы это?

— К перемене погоды покойники снятся, — ответила Катерина. — Коли на седмицу во сне явятся покойники-родственники — это хороший знак: все будут живы и здоровы в этом году.

Отвернулась и стала шарить руками в огромном бауле. Достала светлые резиновые калоши и стала их примерять на босую ногу. Встала, притопнула и запела:

Хороша я, хороша, да плохо одета,
Никто замуж не берёт девушку за это!

Потом вытащила большущие болотные сапоги:

— Вскорости дожди зарядят — впору бродни одевать. Мой вчера за утицей полез — дак чуть не утоп в болоте. Сам-то вылез, а сапоги там остались... Купила вот новые ему, да и себе галоши.

— Пошто бродни таки огромны?

— А нога у него, как у бегемота.

— Савелий, — окликнул Родька мужика лет пятидесяти. — Сыграл бы что-нибудь весёлое!

Савелий, узколицый, с красными прожилками на щёках, вытащил гитару, пробежал пальцами по струнам. Наклонил голову, прислушиваясь к звучанию. Подкрутил колки и с трепетом заиграл «Цыганочку». Да так залихватски, да с присвистом, что мурашки по телу у всех прошли. От усердия у Савелия нервно подёргивались уголки рта и брови клочковатые пустились на лбу в пляс.

Место на палубе освободилось — пассажиры из ближайших сёл сошли на берег. Две озорные девчушки тонкими пальчиками взялись за кончики своих платочков — и ну выделять ногами такие дроботушки, что Ерошка залюбовался плясуньями. Повыскакивали с мест и другие пассажиры, разудалая пляска началась.

— Всё им танцульки, — забрюзжал старик на молодёжь, когда закончилась музыка, — о жизни совсем не думают. — Поскрёб всей пятернёй седую бородку. — Прогневаете преждевременным весельем Бога! Пошто в Страстную неделю поста озоруете?!

— Какая тебе, деда, Страстная неделя? Совсем от жизни отстал!

— Советская власть не признает ни церкви, ни Пасхи! — напирала молодёжь на старика.

— Кому церковь не мать, тому Бог не отец!

Старик, весь набекрень перекошенный от злости на молодёжь и на советскую власть, продолжал брюзжать, но его уже никто не слушал...

Какой-то пьяница, храпевший на палубе у самого борта, открыл мутные глаза. С трудом приподнял голову. Чуб и волосы на висках взъерошены. Упёрся пьяным взглядом на девчонок.

— А «Барыню» спляшете? — спросил, плохо ворочая языком. — Я вас лампасейками угошу. — Полез в карман брюк.

— Отстань от нас, дядя! Лампасейки деткам своим отдай.

— Нету у меня деток! — Огляделся по сторонам. — Сам съем! — Достал из кармана пиджака жестяную баночку «Монпансье», раскрыл. Вынул леденец и положил себе в рот. Качнулся и рассыпал на палубу все леденцы. Гриша и Мишка подбежали и собрали их обратно в баночку.

— Дарю! — сделал пьяница мальчишкам широкий жест.

Те обрадовались и убежали с жестяной леденцов подальше.

— Пользы от этих пьянчуг никакой, — громко философствовал кто-то в гуще пассажиров. — На необитаемый остров всех собрать — и пусть живут как хотят, не мучая других. Лишь место на чужой тропе жизни занимают.

Ерошка задумался: а я правильную тропу в жизни выбрал? Кто мне покажет верный путь? Вот сейчас еду в село к бабушке — это тоже можно назвать жизненным путём?

И чудится парню вдали что-то светлое, хорошее...

— Поглянь, какая хмара нависла! — сказала одна из говорливых бабёнок.

— Небо наволочное. Того гляди дождь пойдёт, — вторила ей подруга.

Небо и впрямь потемнело. Забегали толстые пласты мохнатых, низких туч. Посыпались почти невидимые холодные капельки дождя. Народ засуетился, прикрываясь чем попало. Сначала редкий, дождь выбивал барабанную дробь о доски палубы и брезентовые тенты всё звучнее и чаще. «Кто ты? Кто ты?» Ерошка явственно слышал и ощущал на себе ожившую природу. Волны шумели глуше, чавкая слова: «Зачем ты здесь? Зачем?»

— Пошли в каюту китайский чай фасовать, — сказал Родька Ерошке. — Я взял на пробу из цибика* два фунта. Надо по осьмушкам раскидать — опосля некогда будет. Если понравится — привезу про запас. Чай — он, чем дольше в пути, тем крепче и ароматнее.

На юте, возле высокого порога, у дверей, ведущей на палубу, слышны тяжкие скрипы переборки, дрожание кормы. Матросы, в накидках от до-

* Цибик — здесь: ящик для транспортировки чая вместимостью от 25 до 35 кг

жда, отвязывали, ловили и скатывали, хлопающие брезентовые тенты. Ветер морщил воду, вздымал шумные брызги зыби.

За ящиками под брезентом кто-то неумело таился. Родька подскочил, сорвал брезент.

— Опять зайцем едешь?.. — И ругнулся неприлично. — А ну, живо вылезай, а то уши оторву!

Вылез чумазый подросток в заношенной, заплатанной одежонке, весь съёженный. Затаённый страх плещется в его глазах, на грязном лице — жалкая улыбка. Родька брезгливо сплюнул и, обложив его отборной деревенской матерщиной, пригрозил:

— Отработаешь за грузчика. И не вздумай улизнуть — Архипу доложу!

— Ну ты его и облаял! — покачал головой Ерошка.

— А что с ним церемонии разводить? Платы с него, хоть тресни, не получишь. Одна рубаха-переливаха, и та вшивая, — сетовал Родька. — Опять, поди, в городе работу искал. Только это безнадежно. Кто его такого возьмёт? А у нас поработает — так хоть пожрать чего дадим. Ещё и спасибо скажет.

В стороне, за мешками, спали ещё два мужика.

— Погляди на этих! — скривился Родька. — Не добудишься, и дождь им не помеха. Отвели душу в городе, пива надулись — и всю дорогу отливали излишки с палубы в реку без всякого стеснения.

— Ну и пусть себе спят, — проговорил Ерошка, — они же никому не мешают.

— Если бы так! — обиделся Родька. — За этими пассажирами глаз да глаз нужен. Воруют с парохода что ни попадя, всякий товар. У меня точно будет недостача, убытки понесу.

— Не дай Бог богатства несметного, но избави от нищеты! — проронил кто-то за спиной.

Ерошка оглянулся. Пожилой мужчина, в шляпе, прилично одетый по-городскому, держал над головой раскрытый зонтик и говорил спокойным непринуждённым тоном. В ясных глазах с припухшими веками светился ум.

— Пробовали и горькое, и кислое, но страшнее нищеты ничего нет! — добавил он.

— Слышал, что мудрые люди говорят? — сказал Родька Ерошке. — Намотай себе на ус!

— Да, рассуждает — заслушаешься! — восхитился Ерошка.

Неутомимо крутится колесо, шлёпая лопастями по воде. Шумный пенный гребень убегает от кормы парохода. Река дышит надрывно, как загнанная лошадь.

...Тихо, уютно в каюте — так бы и плыл до самого моря. Ерошка, примостившись на сундук, смотрит в выпуклое круглое оконце — иллюминатор. Мутная пенистая вода лижет толстое стекло. Ничего не видно.

Пришла горничная, принесла запоздалый обед, загремела посудой. Расставила на столике миски, ложки и кружки. Разлила из садков борщ, компот, выложила кашу с подливом и побежала дальше. Проголодавшиеся друзья накинулись на еду.

— На нашем пароходе кормят скромно, — сказал Родька. — В прошлом году я был в гостях у Архипа в Благовещенске, и Агния, его дочь, пригласила меня на прогулку по Амуру на пароходе «Граф Путятин». Билеты недорогие: с кавалеров по полтора рубля, с дам — по рублю. Так там буфет лучше, чем в городском ресторане: котлеты бараньи на косточке, телячьи битки в сметане, зразы Нельсона, антрекот с картофелем, гусь дикий с капустой, султанские пирожные. И совсем недорого! Жареные цыплята — по двадцать копеек за порцию. — Он положил ладони на стол, как кот лапки, и облизнулся.

— Хватит мучить меня соблазнами, — привстал из-за стола Ерошка. — Спасибо за обед! Пора за работу.

Родька вытащил коробку на середину каюты, и они принялись фасовать чай по маленьким бумажным пакетикам. Но через какое-то время Родька спохватился, выглянув в иллюминатор:

— Пошли — покажу белую известняковую скалу!

Они выбежали на палубу.

Сопки подступают так близко к реке, что обрываются скалистой кручей прямо в воду. Ерошка видит, как мимо парохода проходят зыбучим сплошным тыном островерхие сосновые леса, необитаемые острова, где водятся дикие козы, волки, лисы, зайцы, где перелётные птицы застилают песчаные отмели своими косяками. Всё это будоражит фантазию подростка.

И вдруг, как из бездны, медленно надвигается высокий белый утёс, словно страшное, невиданное чудовище согнулось в три погибели и полощет свои лапы в реке.

— Чагоян! Белая гора. Слышал о ней?

— Слышал! Наши железнодорожники по очереди ездили туда на работу. Для депо известь обжигали.

— Вон там, — тычет пальцем Родька на левый берег, — было стойбище языческого племени манегров. Теперь живут переселенцы из Центральной России. Добывают известняк, обжигают и продают купцам известняковую муку. Раньше эти сёла снабжала продовольствием золотодобывающая компания, а теперь люди остались брошенными на произвол судьбы.

— Так вы им везите товар! — посоветовал Ерошка.

— Кое-как своим постоянным покупателям наскребли! Архип надеется, что советская власть пока не тронет его. Купца Саяпина в Благовещенске до того запугали новой властью, что он запрятал все свои сбережения — и забыл куда. От горя умом тронулся, в психушке обитает.

Мощный катер с надписью на борту «Шустрый» обогнал пароход и причалил к берегу.

— Немецкий винтовой катер, — с завистью проговорил Родька. — На нём двигатель внутреннего сгорания. Был в Сретенске Иннокентий Шустов, знаменитый купец, рассекал воды Шилки и Амура. А теперь, видать, его дети и до нас добрались.

Их пароход между тем подошёл, завыл, погудел — и носом ткнулся в берег. Вздрыгнул фонтан брызг. По гальке днищем заскрежетал. Дошёл, где-то из глубины, грудной протяжный стон реки, утомлённой нескончаемой работой.

— Вот и наше Неверово, — сказал Родька и протянул Ерошке руку. — Ну, до завтра! А мне на разгрузке надо быть, а то не дай бог...

Дождь мелкими бисеринками мягко сыплется на палубу. Волны плещутся о борта. Беспокойные пассажиры толпятся, придвигаясь к сходням, матросы их отгоняют. Слышатся резкие выкрики, ругательства:

— Ослеп, чё ли?

— Куды прёшь?!

— Зенки разуй!

— Ой-ой! Ногу отдал, бегемот проклятуций! Штоб тебе пусто было!

Боцман открыл задвижку. Пассажиры бросились с парохода спотыкливой россыпью, без оглядки. Капитан стоял на мостике в чёрном непромокаемом пальто с поднятым капюшоном и холодной улыбкой провожал пассажиров.

Толпа встречающей ребятни набежала к пароходу. Сошедшие на берег родители суют им в руки узелки, свёртки, гостинцы. Гитарист Семён Чебунин пробежал в окружении своих поклонников, прикрыв тужуркой гитару. Со смехом бежали гуртом девчонки, накрывшись подолами. Спрятались у ворот с навесной крышей, ожидая, пока дождь прекратится.

Телеги спустились как можно ближе к пароходу. Пошла разгрузка. И вот уже крытые брезентом подводы движутся вереницей, обгоняя приезжих. Канавы, выбоины на дороге переполнены водой, и кони увязают по самые бабки. Вскидывая задом, выкарабкиваются. Народ поспешно освобождает дорогу. Ноги разъезжаются на глинистых обочинах. Ерошка, сойдя на берег, стал подниматься на яр — оглядеться.

— Дождь в пути — добрая примета! — сказала старушка, утирая мокрое лицо кончиком платка.

С высокого яра хорошо просматривалась приютившаяся к берегу деревенька. Улиц в деревеньке было всего две. Одна, с разбросанными далеко друг от друга домами, тянулась вдоль реки Зеи по краю сопки версты на две. Другая шла низиной, за перелесками, от причала до крутой сопки, выказывая все свои потаённые дома и переулочки.

Ветхие, подслеповатые избёнки. Крыши крыты чёрной плесневелой дранкой, тёсом и лишь кое-где листами оцинкованного железа. Хлевушки, овины, амбары — убогие, ветром продуваемые, сделанные абы как, на скорую руку. Одна банька на весь околоток. Да и колодцы счесть по пальцам можно. Вдоль берега дровяные склады. За зиму брёвен накатано видимо-невидимо.

Ерошка заметил несколько добротных домов под железом, стоявших широко и крепко, с восьмиконечными крестами, врезанными в ворота домов. «Спрошу у бабушки, чьи это дома», — подумал он.

Коровы расхаживали привольно по всей деревне и плюхали своё добро где попало, но особенно почему-то около калиток. Ерошка загляделся по сторонам — и чуть не «обновил» свои новые баретки. Брезгливо отпрыгнул в сторону.

Издали нёсся, стелясь густо над водой, пасхальный звон, напоминая прихожанам посетить церковь и отслужить праздничную службу. Парень снял мокрый картуз, перекрестился на колокольный звон. Свободно и глубоко вздохнул. Уловил будоражащие запахи весны. Поразили сияющая чистота и прозрачность воздуха с запахом багульника, хвои, черёмухи. На станции Пёра, где он проживал с родителями, от паровозного дыма в воздухе стоял постоянно запах гари. Зимой дым от мороза становился как сизый туман. Оседал — и чёрные песчинки гари покрывали крапинками белоснежные сугробы.

Ускорил шаг по широкой грязной улице. Ему не терпелось поскорее увидеть бабушку. За избёнками вплотную к деревне подходил лес. Сопки полыхали в розовом пожарище багульника. Зелёные бархатные лиственницы приглушали это буйство.

Но вот небо местами залысилось синевой. Выглянуло солнышко — ясное, умытое, как после баньки. Засверкала всеми цветами радуга — и ну тянуть из реки воду про запас.

Из-за плетня высунулась нечёсаная борода.

— Хлопец, есть закурить?

— Не курю! — отрицательно покачал головой, продолжая путь.

— Ну и дурак!

Прошёл далее. Во всех дворах собаки разрывались от лая, почуяв чужака. По приметам отыскал бабушкин дом. Удивился, какой он крохот-

ный, приземистый, с нахлобученной крышей, крытой чёрной дранкой, позеленевшей местами ото мха. Два окошка смотрели в улицу. Светлоголубые ставенки, выгоревшие на солнце, обрамляли их. Домишко, побелённый известью, местами облупился и показывал осыпавшуюся глиняную штукатурку.

А вот у них, на станции Пёра, для железнодорожников отстроили специальные четырёхквартирные дома с огромными окнами. И сараями с чердаками — для живности и сеновала. Отвели землю для маленьких огородов при доме. Их дома почти вплотную подходили к железнодорожному полотну. В квартирах постоянно слышался стук колёс и пронзительные длинные паровозные гудки отходящих и прибывающих поездов.

Подходя к бабушкиному дому, Ерошка заметил у соседской калитки низкорослого коня. Конёк мал, а голова большая, косматая. Вожжами привязан к столбу. Стоит, то и дело взбрыкивая задними ногами, и тихо ржёт.

Ерошка подошёл к нему, погладил за ушами. Конёк настороженно втянул ноздри запах незнакомца. Ерошка вытащил из кармана пряник, замотанный в платочек, отломил половинку и протянул на ладони к губам коня. Конь наклонил голову, длинная грива прикрыла один глаз. Искоса, недоверчиво, поглядел на парня, потом перевёл глаз на ладонь. Как будто спросил: «Мне, что ли?» Нежно схватил предложенный гостинец мокрыми тёплыми губами, проглотил. Осмелел, мотнул головой и стал шарить губами по карманам гостя.

— Ну, ты и нахал! — попятившись, пробормотал Ерошка. И вдруг увидел, что из-за плетня на него смотрят грустно-ласковые девичьи глаза.

— И чё пристал к коняшке? — улыбнулась девушка, поправляя сбившийся белый платок на голове. И тут же, словно засмущавшись, склонилась с тяпкой над грядкой.

Коняшка напористо боднул парня в бок, требуя добавки.

— Да на тебе! — рассмеялся Ерошка. — Только не толкайся! — И протянул на ладони вторую половинку пряника.

— Нашёл чем коня кормить! Лучше бы меня пряником угостил, — громко проговорила девушка, работая тяпкой.

— Извини, не знал, что у коня есть хозяйка, которая любит пряники.

— Откуда такой взялся? — бросила она, не отрываясь от работы.

— Из Свободного.

— К кому приехал? — живо спросила, опершись на тяпку. Речь быстрая, сама хрупкая, шустрая.

— К бабушке Полине.

— Соседом, значит, будешь моим... — И, будто потеряв к парню интерес, наклонилась, совсем скрывшись за плетнём. Только громкое шуршание тяпки, резавшей землю, и слышалось Ерошке.

Потоптался он на месте для приличия, обирая соринки с тужурки, и поспешил к дому бабушки.

Дёрнул калитку, заперта. Плетень закачался, крынка чуть с колышка не свалилась. Про себя подумал, что не хватает мужских хозяйских рук. Перекинул руку через скрипучий невысокий плетень, отворил ржавую задвижку. Оглянулся. Соседкин коняшка не сводил с Ерошки преданных глаз. Собака в бабушкином дворе выскочила из будки, забегала по цепи с яростным лаем.

Хохлатые цветные куры, копошившиеся в навозной куче, бросились врассыпную по двору. Петух, с бархатистым ярко-красным гребешком набекрень, заметался, яростно захлопал крыльями. Взлетел на плетень и закукарекал на всю округу, для устрашения.

— Кто там? — донёсся бабушкин голос из огорода.

У Ерошки перехватило горло. Быстро пробежал вдоль завалинки на голос. Упёрся в деревянную огромную кадку, доверху наполненную дождевой водой, набежавшей с крыши. Ополоснул руки, приложил к пылающим щекам.

Бабушка сидела у грядки на низенькой табуреточке — рвала зелёный лук. Старенький платок на голове, платье, наверное, единственное ситцевое на все случаи жизни, уже изрядно потёртое, душегрейка...

— Приехал мой помощник! — запричитала она. — Вытянулся-то как — не узнать!

Ерошка подошёл к бабушке, помог встать с табуреточки. Она прижала внука к себе, чмокнула в щёчку. Давно не виделись.

— Хорошо, что засветло поспел! — У бабушки всё лицо было в лучистых морщинках.

— Подселенца на постой примешь? Деньков на десять?

— Да хоть на всю жизнь — своя ноша не тянет!.. Ну, пойдём в хату, Ероша!

Бабушка сильно прихрамывала, нога замотана в какую-то клетчатую старую шалёнку.

— Молодость пташкой, а старость черепашкой, — проговорила она. — Вот так и живу! А ты, небось, на пароходе из Алексеевска?

— Из Свободного! — поправил Ерошка, кладя свою котомку на крыльцо. — Уже год, как переименовали город.

— Никак не привыкну, — вздохнула бабушка.

Сел на нижний приступок выскобленного до желтизны крыльца. Скинул «обновлённые» баретки, все в мокрой глине. Усадил рядом ба-

бушку, прижал к себе её тщедушное тельце. Она заволновалась, прослезилась.

— К старости чуть что — в слёзы. Что с глазами делается, ума не приложу!

— Да какая же ты старая?!

— Уже шестой десяток годков пошёл!.. Тебе, как погляжу, родители справную одежонку-то спроворили.

— А Родька сказал, что выгляжу как анчутка.

— Уже успел познать этого пройдоху?

— Почему пройдоху? Он мне как друг. Без билета пустил на пароход.

— Супостат этот Родька, а не друг.

— Работу предложил — помощником приказчика у купца Уварова.

— Обдерёт он тебя, глупыша, как липку!

— Ну... — не стал спорить Ерошка, — немного денег всё равно останется! Новую модную одежду справлю. Сейчас горожане носят пиджаки, сорочки. Тебе тоже что-нибудь куплю... А сам-то Родька хочет жить за границей, золотишко копит.

— Глупа та птица, которой гнездо своё не мило... Входи в дом, да об порог не споткнись: уж больно высокий построили.

Евгений Гончаров

Евгений Петрович Гончаров родился в 1955 г. в Благовещенске. Окончил Благовещенский коммунально-строительный техникум, затем, заочно, факультет журналистики Дальневосточного государственного университета. Работал строителем, электриком, корреспондентом областных и центральных газет. Три года жил и работал в Китае — был техническим писателем для русскоязычных сайтов, путеводителей и рекламных буклетов китайской туристической компании. Сейчас живёт в Благовещенске.

Издal пять книжек прозы. Его повести и рассказы печатались в альманахах «Приамурье» и «Амур», в журналах «Юность», «Дальний Восток», «Сибирские огни».

Рассказ. Повесть

Дети голодного года

Как Зойка, Дуська и Стёпка из деревни в город шли

В доме моей бабушки Марфы хранилась дореволюционная фотография — чёрно-белая, большого формата, на картонной подложке. На фоне грубо сработанного бревенчатого сруба, законопаченного сухим мхом, с маленькими окошками и с драночной кровлей, было запечатлено пятеро людей и две лошади. В первом ряду сидели на скамейке похожие лицами девушка и женщина в платках, за их спинами, положив им на плечи свои руки, стоял бородатый мужчина в картузе с лаковым козырьком, по обе стороны от него — два парня, державшие под уздцы коней. Одежда этих людей была не крестьянской, а скорее мещанской. Особенно выделялись войлочные широкополые шляпы на парнях, делавшие их похожими на американских ковбоев.

Это были сама Марфа в девичество, её мать, имя которой утеряно для истории, и отец Матвей, а также двое работников: тому, который слева, имя — Григорий.

Марфа, Григорий и Матвей могли бы стать персонажами первой отечественной «мыльной» оперы. Но зачем нам, граждане, чужая Аргентина? Я сам расскажу вам про них.

Бабушка Марфа была женщиной неразговорчивой, и тому были свои причины — и характер её суровый, и жизнь её тяжёлая. Историю моей семьи по материнской линии я узнавал от её дочери, а моей

мамы — Зои Григорьевны Гончаровой (в девичестве Фисенко), тысяча девятьсот двадцатого года рождения.

Мой прадед Матвей Чагин был золотопромышленником. Это, конечно, слишком громко сказано. Но слово «золотарь» в те времена считалось оскорбительным синонимом слова «ассенизатор», и назови кто так Матвея — получил бы от него по мордасам. Маленький прииск на ручье в верховьях Зеи, разрабатываемый кайлом, таратайкой и бутарой, давал прибыль небольшую, но всё же достаточную, чтобы лет за десять жизни и работы в тайге поднакопить денег и переехать на место жительства в Благовещенск, где открыть какое-нибудь дело вроде продуктового лабаза, постоянного двора или сразу того и другого.

В тот миг, когда фотограф снял с объектива крышку и поджёг магний, Матвей ещё и не подозревал о том, что его уже постигло горе — единственная дочь Марфа, умница, красавица, рукодельница, взяла да и втрескалась по уши в работника Григория. Матвею бы покочевряжиться для порядка, добиться, чтобы молодые у него в ногах поползали, после чего и дать им своё родительское благословение. Правда, у отставного солдата Фисенко, только что вернувшегося с германской войны, ничего нет — гол как сокол. Но он не пьяница и не лодырь, а богатство — дело наживное. Однако враг рода человеческого затмил Матвею разум, и жениху не оставалось ничего другого, как украсть невесту — при её полном на то согласии. Так и оказались молодые в селе Андреевка Тамбовской волости Амурского уезда Амурской области, где крестьянствовали родители Григория.

А Матвею не довелось стать купцом в кастановом котелке, в жилетке с кармашком для часов на цепочке и при самих часах «Буре». Скоро грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, и, как эксплуататорский элемент, счёл он за благо вместе со своей супругой возвратиться в Тюмень, откуда они после Русско-японской войны приехали на зейские прииски, и сидеть там тише воды, ниже травы. На этом их следы теряются.

Из очерка об истории села Андреевка на сайте администрации Ивановского района:

«Село было основано в 1865 году молоканами Тамбовской губернии, названо по имени первого поселенца Андрея Буянова.

К началу 1915 года число дворов в Андреевке было 125, жителей — 1070 человек. В крестьянских хозяйствах содержалось 938 лошадей, более 700 голов крупного рогатого скота и столько же овец, коз и свиней. Общая площадь посевов составляла 5887 десятин. В селе были школа, паровая мельница, три торговых лавки и два промышленных предприятия. Главным занятием жителей Андреевки были земледелие и извоз.

В 1889 году крестьяне села Андреевка собрали по 67,5 пуда пищевого хлеба на душу населения. По расчётам того времени, на душу в год требовалось для пропитания 20 пудов зерна и ещё 4 пуда семян на посев. Излишки хлеба закупали казна и администрация золотых приисков».

Из главы «Амурские помещики» книги «По новым местам: Очерки и путевые заметки. 1901–1903» Александра Аркадьевича Кауфмана, видного российского экономиста и статистика:

«"Молокане уж такой народ, нет денег, так найдут": молотилки "почесть что в каждом дворе", у богатых дорогие, с веялкой, у менее состоятельных — подешевле, сноповязалок в 1900 году работало двадцать, весной 1901 года куплено ещё за пятьдесят, рядовые сеялки, сортировки, косилки и т.п... Проезжало, говорят, по области чрезвычайно высокое местное начальство. Местные власти на показ ему велели тамбовцам выстроить в шеренгу все машины — начальство так и развело руками!..»

Гражданскую войну и Зазейское кулацкое восстание моя мама, которая тогда ещё даже пешком под стол не ходила, помнить не могла и мне рассказала то, что сама слышала от взрослых. Григорий Фисенко, как и почти все андреевские мужики, не воевал ни за красных, ни за белых. Дом, хозяйство, жену, детей малых, скотину ведь не бросишь. Воюющие стороны одна другую истребляли нещадно, а гражданское население беспричинно не трогали. Россия всегда на мужике держалась. Зашли в деревню красные партизаны или чоновцы — мужики должны им обеспечить постой, провизию и фураж. Пришли колчаковцы или японцы — и у них к мужикам те же требования.

Мой дед с весны до осени трудился в поле, а зимой, чтобы не лежать без дела на печи, подрабатывал где и как придётся. Как-то на лесоповале придавило Григория упавшей сосной, в результате чего он лишился по колено одной ноги. На деревянном протезе много не поработаешь, а детишек уже было четверо — Гошка, Зойка (моя будущая мама), Дуська и Стёпка. Пораскинул Григорий умом и занялся исконно приамурским народным промыслом — контрабандой. Власти, царская ли, советская ли, смотрели на это занятие местного населения сквозь пальцы. В каждой деревне был, как сейчас сказали бы, «челнок», который собирал заказы односельчан и ехал на конных санях через Амур, где по сносным ценам покупал всё необходимое. А потом с небольшой наценкой перепродавал привезённые товары — в основном текстиль и обувь — своим соседям. И все были довольны.

Пограничная идиллия продолжалась до 1932 года, когда в Маньчжурии японцы создали крайне враждебное к Советскому Союзу марионеточное государство Маньчжоу-го. О тревожной ситуации того периода можно узнать из воспоминаний знаменитого пограничника Никиты Карацупы, который в одиночку, с винтовкой наперевес и с верным псом Индусом на поводке, пачками задерживал диверсантов и контрабандистов. С той поры и пошло гулять выражение: «Граница на замке».

Из соседней деревни вернулся сосед, бывший там на похоронах родственника. Он рассказал, что по району проводятся обыски — ОГПУ ищет тех, кто ездит в Китай. Завтра спозаранку будут в Андреевке. У Григория оставались непроданными по штуке чесучи (материи из дикого шёлка), китайки (дешёвой хлопчатобумажной материи) и дюжина шёлковых платков. Сначала он хотел спрятать контрабандный товар где-нибудь в огороде, но потом передумал и решил не рисковать — сжечь улики в печке. Материю жгли с женой по очереди. Марфа сменила Григория, который лёг спать, после полуночи. Она села на скамеечку перед топкой печки и стала ворошить обуглившуюся чесучу кочергой, чтобы лучше горела. Когда очередь дошла до цветастых шёлковых платков, Марфе стало жалко сжигать столь дорогие и красивые вещи. И она, дура-баба, не сказав мужу, спрятала эти платки в подполе, завернув их в грязную тряпку и затолкав в отдушину.

Утром, как и ждали, в деревню нагрянули незваные гости. И прямоком к дому Фисенко — кто-то из своих деревенских навёл. Чекисты понимали, что слово доносчика к делу не пришьёшь, нужны вещественные доказательства. Искать спрятанное, надо отдать должное их мастерству, они умели, и скоро шёлковые платки лежали на столе и были записаны в протокол.

Григория привезли в Благовещенск, посадили в тюрьму и в круговерти дел забыли о нём на полгода. На первом же допросе следователь понял, что опера перестарались, арестовав мелкого спекулянта китайскими товарами, и дела о контрабанде, тем более о шпионаже в пользу Японии, заводить не стал. А может, он просто пожалел одноногого многодетного мужика, который не от хорошей жизни преступил закон. Так или иначе, но следователь отпустил Григория на волю, на прощание пригрозив ему самолично выдернуть другую ногу, если тот возьмётся за старое. Казалось бы, Григорий отделался лёгким испугом. Ан нет, он уже был строго наказан — подцепил в тюрьме туберкулёз. Вернувшись домой в начале сентября, мой дед сгорел от чахотки и помер в конце декабря 1932 года.

Заголовок, подзаголовок и эпиграф статьи-передовицы газеты «Советская Сибирь» от 29 декабря 1932 года:

«Создан и упрочен новый колхозный строй.

Рабочий класс под руководством Ленинского ЦК во главе с тов. Сталиным, объединив миллионы трудящихся и крестьян, перевыполнил пятилетний план строительства совхозов, МТС и колхозов.

“Великое значение колхозов в том именно и состоит, что они представляют основную базу для применения машин и тракторов в земледелии, что они составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе пролетарского социализма”.

И. В. Сталин. (Из речи на конференции аграрников-марксистов)»

Из спецсообщения секретно-политического отдела ОГПУ СССР об острых продовольственных затруднениях и голоде в Амурской области:

«2 апреля 1933 г.

Совершенно секретно

В некоторых районах Амурской обл. (на Дальнем Востоке) наблюдаются острые продовольственные затруднения.

Тяжёлое положение со снабжением создано в сельских местностях Тамбовского р. На почве голода было 5 случаев смерти колхозников. В ряде мест в пищу употребляются трупы павших животных.

Менее напряжённое, но всё же тяжёлое положение с хлебом в Михайловском, Свободненском и Завитинском районах. Колхозники употребляют в пищу муку, полученную от размола отбросов зерна, негодную к употреблению. В ряде сёл этих районов колхозники вместо хлеба получают сою.

В с. Красный Яр колхозница Черемисина выступила на общем собрании с заявлением: "Советская власть дала женщине облегчение, муки нет, хлеб печь не надо, вот какое облегчение. Долго ли это будет?"

Создавшееся положение создаёт реальную угрозу посевной кампании. Отмечаем тенденции использования посевного материала для потребления в пищу. Даны указания о принятии мер к предотвращению могущих быть массовых выступлений и эксцессов.

В связи с продзатруднениями в областном центре Благовещенске наблюдается массовое скопление семей кулаков, исключённых из колхозов, и прочих контрреволюционных элементов. В феврале мес. из с. Верхюртун в Благовещенск прибыли 37 семей репрессированных кулаков.

Члены семей кулацкого контрреволюционного актива в виде демонстративных протестов оставляют детей в учреждениях с записками такого содержания: "Примите голодных детей, выселенных из коммуны. Отец арестован, мать голодная, не может ходить".

23 марта в комендатуре Амурского облотдела ГПУ с аналогичного содержания записками оставлены 8 детей кулаков, арестованных за

активную организованную контрреволюционную вредительскую деятельность. Приняты меры».

После Рождества Марфа провела продуктовую ревизию. В подполе осталось пудов шесть картошки, квашеной капусты на треть кадки, косичка лука, четвертная (трёхлитровая) бутылка постного масла и куль ржаного зерна. По всему выходило, что съестных припасов не хватит до молодой картошки, да и сеять было нечего. Сын Гошка, если повезёт, поймает в петлю зайца, тогда в доме пир горой. Но в ту страшную зиму и зверьё куда-то пропало. Марфа понимала, что она и её дети не доживут до урожая 1933 года — все умрут от голода.

Родители Григория уже давно померли. Его старшая сестра Екатерина пять лет назад с мужем и детьми перебралась в Благовещенск. И моя бабушка приняла решение о переселении семьи в город, где продуктивное снабжение было получше, чем в деревне. Сама она, будучи на сносях девятый месяц, решила сначала родить ребёночка, покормить его с неделю грудью и уже потом идти с ним в город. В первых числах мая Марфа собрала детей и сказала им:

— Переезжаем в Благовещенск. Первыми завтра пойдут Зойка, Дуська и Стёпка. Гошка останется со мной — без помощника мне никак не обойтись. Как разрожусь, придём и мы. Зойка у вас старшая — слушайтесь её, как меня. Дойдёте до Толстовки и попроситесь там на ночлег. Хозяевам дворов говорите: «Мы сироты, идём в город к тётке. Пустите переночевать. Еда у нас своя». Кто-нибудь да пустит. На следующий день дойдёте до села Волково, там спросите дорогу к Зейской переправе. Попроситесь на паром — детей перевозят бесплатно. В городе найдёте улицу Свободную, там спросите, где дом Поляковых. По дороге не пейте воду из болота, только из реки или колодца. Вот вам мешочек муки, попросите хозяйку сделать вам затируху.

Номера тёткиного дома в Благовещенске Марфа им не сказала. Она и сама его не знала. Думала, в городе, как в деревне: спроси любого прохожего, где живёт человек с такой-то фамилией, и тебе покажут его дом. Хорошо, хоть название улицы у неё было записано. Поляковы жили в самом конце улицы Свободной, пересекавшей Благовещенск с востока на запад, где дома уже заканчивались.

Открываю в интернете гугл-карту, прокладываю маршрут Андреевка — Толстовка — Благовещенск. Расстояние — 55 километров, время пешего хода — 10 часов 15 минут.

На мой вопрос, что ей особенно запомнилось в том путешествии, моя мама, Зоя Григорьевна, ответила:

— Чудо видели.

— ?!

— Когда проходили через Волково, животы у нас уж подвело, а куса хлеба никто не подаст. Обгоняет нас на подводе, гружённой мешками, мужик. Я ему: «Дяденька, подвезите до переправы». Он в ответ: «Не баре, пешком дойдёте». Идём дальше, я вслух мечтаю: «Вот бы упал с неба мешок сои». Видим, впереди на дороге что-то лежит. Подходим ближе — куль полный. Вот тебе и чудо! Что в куле, мы не знаем, а развязать боимся. Обратно скачет на коне без седла тот самый мужик. Он куль на спину коня забросил и повёл его на поводу к оставленной телеге. А нам говорит: «Ладно уж, до Заречного вас довезу». В Заречном был хлебоприёмный пункт, он туда колхозную сою вёз сдавать. Мы там слезли с его с телеги и пошли дальше — уже совсем рядом Зоя была. Вышли на берег. У причала стоит баржа, рядом с ней коптит дымом небо колёсный пароход-буксир. На барже уже стоят несколько конных подвод, на своей поклаже сидят мужики и бабы. Когда мы подошли к сходням, контролёр мне сказал: «Эти пусть проходят, а ты уже большая — надо билет купить». Я в рёв — денег ни копейки. Он смягчился: «Проходи». Взошли и мы на баржу, и паром повёз нас в Благовещенск.

Представляю, сколько радости было у Екатерины и её мужа, когда к ним, вдобавок к своим пятерым малым детям, неожиданно появились ещё три лишних рта. И это, напоминая, в голодный год. Но приняли Поляковы племяшей — родная кровь. Тогда люди были совсем другие — стариков и детей, как сейчас, в богадельни и сиротские приюты не сдавали.

В июне пришли и Марфа с четырнадцатилетним Гошей. Младенца с ними не было. Народившийся мальчик был слабеньким, а у Марфы от недоедания и переживаний сгорело грудное молоко. Пососал безгрешный ангелочек хлебного мякиша через тряпочку, да и прибрал Господь его чистую душу.

У Поляковых жили недолго. Марфа устроилась рабочей на лесозавод и с первой зарплаты купила там горбыля и опилок. Построили новосёлам избушку-засыпушку четыре на шесть метров с холодными сенцами. Ещё и печка место занимала. Может, потому Марфа и не вышла повторно замуж — со своим домом мужичок не попался, а к себе хахаля было некуда привести.

— В городе тоже голодно было? — спрашиваю я маму.

— Голодно, но не так, как в деревне. На базаре можно было, правда, втридорога, купить и хлеб, и молоко, и даже мясо.

— А правду говорят, что тогда пирожки с человеческим мясом продавали?

— Слухов страшных про людоедов много ходило. А правда то или нет — я не знаю.

Мама продолжает рассказывать, как они пережили голодуху:

— Летом за городом собирали грибы, орехи. Зимой ходили на Асташинские озёра выдалбливать изо льда ротанов. Весной, когда оттаяла земля, на чигиринских полях копали мёрзлую картошку, оставшуюся после прошлогодней уборки, жарили из неё драники.

— А почему осенью эту картошку не копали, когда она ещё не замороженная была?

— Осенью было нельзя, считалось кражей колхозного урожая.

— А собак ели?

— Приходилось. Стоит на базаре мужик, продаёт какое-то мясо. Его спрашивают: «Собака?» — «Барсук», — говорит. Мы-то барсучье мясо могли отличить от собачьего. Отец барсучьим жиром лечил туберкулёз.

Помолчала, вспомнила ещё:

— И молокане нас немного подкармливали.

— Это как?

— В Благовещенске тогда жило много молокан. Мы прослышали, что всех приходящих на их моленные собрания сладким чаем с белым хлебом угощают. Придём, их песнопения послушаем, потом вместе с ними поедим.

Во время того исторического для моей семьи перехода из Андреевки в Благовещенск Зое было двенадцать лет, Дусе — десять, Стёпе — восемь. Вы своих детей такого возраста отпустили бы в пешее путешествие на два дня? Без смартфона, посредством которого вы можете общаться с ними в любое время суток в онлайн режиме аудио и видео.

Знаком я с одной семейной парой моего примерно возраста. Есть у них сорокалетняя разведённая дочка, и, чтобы не мешать ей опять выйти замуж и начать новую семейную жизнь с чистого листа, они взяли к себе её сына, а своего, стало быть, внука. Сидим мы как-то у них днём, подчёркиваю, днём, а не вечером, и бабушка через каждые четверть часа набирает номер телефона внука. А тот не отвечает. Бабушка волнуется и уже звонит ему через каждые пять минут. А в ответ, как в той песне, — тишина. Бабушка, а потом и дедушка уже паникуют, собираются звонить в полицию, чтобы заявить о пропаже ребёнка. Хотел я им сказать: «Не драматизируйте так ситуацию. Быть может, у него в телефоне аккумулятор сел или не слышит он сигнала вызова». Но промолчал, ибо понимал, что бесполезно их успокаивать. И тут заявляется этот самый внук. Не первоклашка, как я думал, а вьюноша в возрасте семнадцати лет, ростом под метр восемьдесят. Ему через год в армию идти, где он примет присягу и получит оружие. Он уже запросто может сделать их прабабушкой и прадедушкой, а они всё хотят кормить его с ложечки манной кашей.

...Нет уже в живых никого из тех моих родных, о ком я вам рассказывал. И с каждым годом я всё острее чувствую перед ними свою вину. За то, что живу один в комнате такой же площадью, какой был их дом, в котором они теснились впятером. За то, что частенько выбрасываю испортившиеся продукты и старую одежду. За то, что вообще живу на этом белом свете.

2023

День железнодорожника

Фантастическая повесть

ПРОЛОГ

— Семён Владимирович, а у вас какой радиоприёмник — «Грюндик»? В «Берёзке» на чеки Внешпосылторга купили? Хороший приёмничек — с коротковолновым диапазоном. Вражеские радиоголоса, стало быть, вечерами слушаете?.. Нет-нет, что вы — можно. Сейчас за это на Колыму уже не отправляют. Разве только на общем собрании трудового коллектива пожурят по-товарищески.

Что за дичь они уже несколько дней несут — про таинственное исчезновение и возвращение поезда с пассажирами под Хабаровском. Слышали? Население, знаете ли, волнуется — производительность труда падает, количество инфарктов и выкидышей резко увеличилось. Из-за страха нападения инопланетян вот-вот начнутся массовые психозы и стихийные митинги с требованием раздать всем огнестрельное оружие. Паникеры уже сметают с прилавков керосин, спички и соль — приходится вводить распределение по талонам.

А поезд-то никуда не пропал, и люди целы. Просто у одного из пассажиров обнаружен вирус редкого штамма очень опасного инфекционного заболевания, завезённого к нам из Африки. Больной помещён на излечение в клинику НИИ эпидемиологии и микробиологии, все бывшие с ним в контакте — туда же на карантин.

Семён Владимирович! Говорят, у вас какие-то сложности с выездом за рубеж? Визу в Париж не дают? Вот ведь какие перестраховщики сидят в ОВИРе! Заставь дурака богу молиться... Вы же не какой-то там диссидент, а советский актёр, любимый в народе автор-исполнитель. Может, вы в своей анкете что-то неправильно заполнили? Разберёмся сегодня же — поправим товарищей, накажем кого надо за бюрократизм.

Побасёнки про НЛО нашему идеологическому противнику нужны лишь для приманки, чтобы наивных слушателей на свою радиоволну завлечь. А потом, как бы невзначай, — про наши временные трудности со снабжением колбасой и товарами повышенного спроса, про свои гражданские свободы и многопартийность, про однополюсные отношения... Лучше бы рассказали, какая у них там массовая безработица, рост цен и галопирующая инфляция. Как гангстеры банки грабят, а расисты негров линчуют.

Ещё один пустяковый вопросик. В Бутырке один подследственный по делу о хищениях сильнодействующих медицинских препаратов дал показания, что продал вам пять ампул метаморфина... Врёт? Мы так и подумали. Вам любой врач, если попросите, и так обезболивающий укол сделает. У вас ведь много поклонников среди врачей?

Семён Владимирович, поймите нас правильно. Могли бы вы как-то отреагировать на эти провокации в радиозфире? Не прямо в лоб, а тонко и с юморком — у вас это очень хорошо получается. Врежьте этим идеологическим диверсантам хорошенько! Если не желаете, никто вас неволить не будет. Но, пожалуйста, подумайте. С самого верха вас просят! В интересах мира, разрядки и разоружения.

Семён Владимирович, чисто личная просьба. Вот ваша пластиночка новая вышла в Болгарии. Я давний почитатель вашего творчества — ещё со студенчества. Поставьте, если можно, свой автограф... Вот спасибо! Теперь я пожизненно ваш должник. Вот мой телефончик — звоните в любое время дня и ночи.

ГЛАВА 1

На часах вокзала было 19:30 местного времени.

— С первого пути отправляется пассажирский поезд «Благовещенск — Владивосток», — объявил женский голос. — Счастливого пути!

Из динамика раздались звуки музыки вальса «Амурские волны». Тепловоз плавно тронулся с места и потянул за собой состав.

Так обыденно началась эта таинственная история.

Под стук стальных колёс на стыках рельсов, покачиваясь на вагонных рессорах, едет пассажирский поезд № 134Б «Благовещенск — Владивосток». Одиннадцать вагонов (не считая почтово-багажного) везут в себе 567 пассажиров и 20 проводников, бригадира поезда и электромеханика, а ещё восемь работников вагона-ресторана.

За вагонными окнами мелькают полустанки и разъезды, поля пшеницы, сои, кукурузы и других сельскохозяйственных культур, произрастающих на земле Приамурья.

Ещё не съедены все взятые из дома куры, яйца и пирожки, а когда домашний харч закончится, одна половина пассажиров, из тех, кто каждую копейку бережёт, перейдёт на отварную картошечку и малосольные огурчики, продаваемые на маленьких станциях селянками, а другая половина предпочтёт ресторанный еду. Вагон-ресторан — особое пространство пассажирского поезда. О некоторых особенностях предприятия общепита на колёсах вы скоро узнаете.

В Белогорске проводник общего вагона тайком посадил первого безбилетного пассажира.

В Архаре в поезд подсел контролёр-ревизор.

За соблюдением советской законности в поезде бдительно следят сотрудники транспортной милиции, наряд которой принял эстафету в Хабаровске.

Дуря от жары и духоты, утоляя жажду пивом и лимонадом, выстаивая очереди в туалет, едут дальневосточники-отпускники к тёплому Японскому морю, чтобы отдохнуть в здравницах тихоокеанской жемчужины — Владивостока.

Семеро из едущих сейчас в этом поезде даже не догадываются, что очень скоро они станут объектом пристального внимания — как со стороны высшего руководства СССР, так и со стороны резидентов разведок капиталистических стран и антисоветских радиостанций.

За считанные минуты до вспышки мировой известности этих семей и последующего погружения их во мрак государственной тайны мы и познакомимся с нашими героями поближе.

Началась эта история, достойная быть описанной лучшими писателями-фантастами двадцатого века, после полудня 6 августа 1972 года — в День железнодорожника.

Ни наши Аркадий и Борис Стругацкие, ни, тем паче, американец Рэй Брэдбери, хоть они и проявили свой интерес, не были и на пушечный выстрел допущены к материалам этого пахнущего паранормальностью дела. Тем самым переложив всю ответственность за литературную версию тех событий на меня — никчёмного бумагомарателя.

ГЛАВА 2

Известно ли тебе, друг читатель, что такое вагон-ресторан?

Это такой расчудесный вагон, в котором можно хорошо выпить и закусить, — ответишь ты и будешь по-своему прав. Ибо в этом мире всё относительно и видится неодинаково с разных точек зрения.

Спроси о том же директора вагона-ресторана Гиви Шалвовича Хирашвили, и вот что он расскажет. Вагон-ресторан — это предприятие

общественного питания ресторанной категории третьего класса, с залом на двенадцать четырёхместных столов, буфетом, кухней, моечной, производственным и бытовым отделениями. В меню которого должны быть горячие первые и вторые блюда, холодные закуски, бисквитные и кондитерские изделия, соки и минеральные воды, спиртные напитки. Кроме того, с разносом комплексных обедов по вагонам.

В штате вагона-ресторана восемь человек: директор, завпроизводством, буфетчик, повар, мойщик посуды и три официанта, включая одного официанта-разносчика.

Заработная плата работников вагона-ресторана состоит из двух частей: твёрдого оклада, согласно должности и разряду, и премиальных начислений за выполнение и перевыполнение плана, а также доплат за ночные часы, совместительство и переработки.

На директора вагона-ресторана, кроме его непосредственных обязанностей по организации питания пассажиров поезда, возложена ответственность за сохранность материальных ценностей — продуктов, посуды и инвентаря, — а также контроль за техническим состоянием кухонного и холодильного оборудования, систем водоснабжения, вентиляции, освещения и отопления. А ещё он отвечает за выполнение производственных заданий, за соблюдение правил советской торговли и обеспечение высокой культуры обслуживания пассажиров. Следит за выполнением правил техники безопасности персоналом и за санитарным состоянием вагона-ресторана.

И хоть ты сдохни на работе, хоть сам на мойку посуды встань — больше 250 рублей в месяц не получишь. И это притом что надо дать на лапу кладовщику — за дефицитные и свежие продукты, бухгалтеру-ревизору — за хорошие результаты проверки, сотруднику ОБХСС* — за несоставление протокола об обчёте и обвесе, вышестоящему начальству — за красивые глаза... да мало ли ещё кому и за что полагается сунуть «барашка в бумажке».

А где взять?!

Наш герой знает вверенный ему вагон-ресторан, как пианист клавиатуру своего инструмента — от самой низкой ноты «ля» субконтроктавы до самой высокой ноты «до» девятой октавы. Можно сказать, что, как директор вагона-ресторана, Гиви Хирашвили стоит на одном уровне с пианистом Святославом Рихтером (народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат многих государственных и музыкальных премий).

О, какие «сонаты», «рапсодии» и «сюиты» виртуозно исполняет на своём инструменте Хирашвили, чтобы обеспечить себе самому нынешнее благосостояние и отложить что-то на чёрный день и на старость!

* ОБХСС — отдел борьбы с хищениями социалистической собственности

Супруга Нонна работает вместе с ним — заведующей производством. Толстая и потная, давно не возбуждает она Хирашвили.

Гиви Шалвович, хотя ему и перевалило далеко за сорок, ещё мужчина хоть куда — горный орёл. Прекрасная часть коллектива на него засматривается, только и Нонна не дремлет — денно и ночью зорко бдит за своим кобелём.

Нонна Хирашвили, в девичестве Зайцева, к окончанию школы-восьмилетки уже имела хорошо развитые формы. На девочку со взрослым размером бюстгалтера засматривались женатики. И не удивительно, что Зайка потеряла девственность, не достигнув возраста, когда получают паспорт.

В Карагандинском торгово-кулинарном техникуме, куда она поступила, Зайцева также пользовалась большим успехом у парней. Строя глазки молодым преподавателям, Нонна без труда получала оценку «отл». Преподаши, кривя и без того противные лица, ставили ей «удовл». Диплом со средним баллом «хор» позволил Зайке оказаться где-то в середине списка распределения, и свежееиспечённая заведующая производством предприятия общественного питания получила направление в трест «Желдорресторан».

Нонна очень скоро вошла в колею профессии. Завпроизводством вагона-ресторана должна ежедневно решать свой бином Ньютона — как, имея 12 столов по 4 места с оборачиваемостью 5 раз, и меню:

1. Борщ Московский — 0,73 руб.
2. Антрекот свиной с рисовым гарниром — 1,06 руб.
3. Яичница с варёной колбасой — 0,76 руб.
4. Салат из консервированного зелёного горошка — 0,30 руб.
5. Компот из сухофруктов — 0,07 руб.,

— выполнять 150% кассового плана, экономя при этом 25% продуктов?

Зайцева успешно решает эту задачу, допуская пересортицу продуктов и изменяя рецепты блюд.

Свиные грудинка и окорок заменяются рулькой и голяшкой, говяжьи филей и огузок — шейей и зарезом, копчёная колбаса — варёной, яйцо первой категории — третьей, болгарский горошек — краснодарским, вьетнамский рис — ханкайским, подсолнечное масло — хлопковым, сливочное — маргарином.

В рецепте котлеты «домашняя» пропорция мяса и хлеба $5/2$ заменяется на $2/5$, а в начинке пирожка с печенью и рисом — с $4/1$ на $1/4$.

И даже вместо пшеничного хлеба — ржаной. Нонна не экономит лишь на бесплатной горчице и чёрном молотом перце — острые и

жгучие приправы перебивают неестественно постный вкус мясных блюд.

С таким виртуозным завпроизводством директор вагона-ресторана живёт как у бога за пазухой. А если заведующая производством ещё и жена, то это не работа, а вообще разлюли-малина. Регулярная семейная жизнь способствует хорошему физическому и психическому здоровью.

Ан нет, перестал Гиви исполнять свою супружескую обязанность! Изредка уделит внимание — и то на скоряк.

Когда десять лет тому назад женихался, ласково персиком называл, а теперь оскорбительно — квашнёй. Хорошо, в поездной бригаде всегда найдётся настоящий ценитель справногo женского тела. Вон, Ванька, проводник из штабного вагона, разденет догола и любитсЯ. Ты, говорит, как Венера с картины Тициана.

Хирашвили, козёл горный, очередную пассию себе присмотрел. Новую официантку-разносчицу Анжелу так и раздевает своими глазами похотливыми. А та, стерлядь с перманентом, всегда в блузке с открытым воротом — аж всё там наружу вываливается.

Для официантки-разносчицы Анжелы Метёлкиной это первая поездка в составе бригады вагона-ресторана. До этого она работала барменшей в ресторане гостиницы «Интурист» города Владивостока. Её уволили по пункту 7 статьи 81 Трудового кодекса — «за недоверие». В отделе кадров Желдортреста, увидев такую запись в трудовой книжке, Метёлкиной отказали в приёме на работу. На своё счастье, Анжела случайно столкнулась в коридоре с Хирашвили. Так они и познакомились. Гиви Шалвович уговорил кадровиков и взял её в свою бригаду под личную ответственность.

Во владивостокском «Интуристе» Анжела погорела на том, что продавала продукты по завышенным ценам. «Советский виски» производства Росглавспирта, по цене 4 рубля 20 копеек за бутылку 0,5 литра, стоил у неё, как импортный виски White Horse, в три раза дороже.

Иностранцам она подавала настоящий виски — те в марках понимают. А владивостокским фарцовщикам отпускала росглавспиртовский ячменный самогон. Тем — лишь бы из бутылки с этикеткой White Horse было налито, ни вкуса, ни запаха фирменного напитка они не понимают. Понты корявые друг перед другом строят — курят сигареты «Космос», натолкав их в пачки из-под Winston.

Сгорела, правда, на «Советском роме» — был ещё и такой. Налила отечественного рома под видом кубинского одному армянину, приняв его за советского гражданина. Армяшка, на её беду, оказался американцем и нажаловался своему сопровождающему из «Интуриста», а тот настучал в ОБХСС.

И какая ему, америкосу, была разница? Такой же сорокаградусный ром из тростникового сахара. Козёл — он и в Штатах козёл!

Ей американскую жевательную резинку один хахаль вместо цветов на свидания в гостиницу приносил. Врал, что он старший механик с круизного теплохода «Мария Крупская», того самого, который в Японию туристов возит. Потом оказалось — грузчик из порта, а фуражку и китель командного состава торгового флота на барахолке купил. «Где же он, мой капитан дальнего плавания — ещё не старый, красивый и холостой, с бумажником, полным чеков Внешпосылторга? — стоя за баром, мечтала Анжела. — Можно и женатый — отобью!..» На такой вот слабости и подловил её этот подлец, портовый грузчик, к тому же ещё и злостный неплательщик алиментов трём детям от двух прошлых жен.

А буфетчицей в заграничное путешествие Метёлкина ходить не хотела: это — для капитана подстилка на рейс. Причём обязательная. Ещё и поить-кормить его за свой счёт.

Анжела — девка не дура. Понимает, чего от неё хочет Гиви Шалвович, и вопрос для неё лишь в том, как допустить его к своим прелестям с наибольшей выгодой.

Вот такой любовный треугольник завязался в вагоне-ресторане.

6 августа Гиви Шалвович, памятуя о том, что сегодня День железнодорожника, с утра наказал повару приготовить для коллектива праздничный обед: шашлык из баранины, суп-харчо, цыплёнка табака, салат из помидоров и огурцов и ещё что-нибудь вкусненькое.

Выйдя из кухни, Хирашвили в узком коридорчике столкнулся с Метёлкиной. Попробовали разойтись бочком, да не вышло — плотно соприкоснулись. Забурлила нарзанными пузырьками горячая кровь Гиви.

— Анжела, зайди ко мне, обсудим один вопрос, — сказал он.

— Какой вопрос? — заинтересовалась та и облизнула свои алые на помаженные губы.

— Производственный, — подмигнул ей директор.

В шестом купе штабного вагона № 5, днём выполнявшем роль кабинета директора вагона-ресторана, а ночью — спальни супругов Хирашвили, Гиви наскоро накрыл столик: коньяк, нарезанный лимон, шоколадка и — по последней моде — бутербродики, проколотые зубочисткой.

Отодвинулась дверь, и вошла Метёлкина.

— Звали, Гиви Шалвович?

— Заходи, дорогая!

И Хирашвили закрыл дверь на замок...

А у Нонны не сходилась вчерашняя касса. Вроде официанты что-то напутали. Похоже, коньяк пять звёздочек пробивали по цене трёхзвёз-

дочного. Надо посмотреть товарную накладную. И завпроизводством пошла в купе директора, где хранилась бухгалтерская документация...

— Хорошо-о-о! — стонал Гиви Шалвович.

— Не в меня-а-а! — просила Анжела...

Как гром среди ясного неба щёлкнул замок двери, открытый из коридора служебным ключом-треугольником, и в купе, подобно тexasскому торнадо, сметая и опрокидывая на своём пути всё и вся, ворвалась Нонна.

ГЛАВА 3

Александр Соловьёв призывался в армию из приморского посёлка Ружино. Новобранец как новобранец — из семьи колхозников, выпускник мелиоративного техникума, комсомолец и спортсмен.

На призывной комиссии в райвоенкомате ему сказали:

— Имеешь первый разряд по пулевой стрельбе? Очень хорошо! Направляем тебя на службу во внутренние войска.

— Лучше в стройбат! — взмолился Санька.

Служба во внутренних войсках представлялась парню позором. Охранять эков — запаadlo! Но кто слушает призывника — посылают, куда надо Родине. Для охраны заключённых нужны меткие стрелки.

По прибытии в часть рядовой Соловьёв прошёл курс молодого бойца, принял присягу и приступил к службе по охране исправительно-трудового лагеря строгого режима в посёлке Возжаевка Амурской области.

А через два месяца получил от своего кореша Серёги письмо: «Саня, твоя Катька выходит замуж за Ваньку Разуваева. Свадьба у них будет 6 августа».

Как обухом по голове. Его невеста Катерина — первая красавица посёлка — на проводах в армию слезами обливалась и обещала ждать. А сама не выдержала и трёх месяцев.

Письмо прочитали сослуживцы, пока он в умывальную комнату ходил. Достали из нагрудного кармана гимнастёрки. Стали подначивать:

— Соловей, а ты свою невесту женщиной хоть сделал, когда в армию уходил? — Ну и так далее...

На следующий день он подошёл к взводному:

— Товарищ лейтенант! Мне надо 6 августа быть дома. Отпустите в увольнение.

— Не полагается тебе увольнения, — отказал командир.

Начальник караула провёл развод. Рядовой Соловьёв был направлен на третий пост — это сторожевая вышка.

Оставив пост, Соловьев пошёл на КПП. Двое дежурных, вооружённых лишь штык-ножами, когда он направил на них ствол «калаша», в один голос закричали:

— Соловей, не стреляй!.. Я тебя не обижал!.. И я тоже!..

Эти двое действительно не очень унижали Соловьёва, и он пощадил их. А патроны ему ещё понадобятся на этой собачьей свадьбе.

На окраине посёлка зашёл в сельпо. Уложил на пол — вниз лицом, руками за спину — продавщицу. Взял большую спортивную сумку, наполнил её водкой и продуктами. Переоделся в гражданское. Нашёл среди выставленных товаров ножовку и отпилил «Калашникову» деревянный приклад, чтобы автомат помещался под полкой плаща.

Потом дезертир вышел на улицу, встал посреди дороги и остановил проезжавшего мимо мотоциклиста. Сел за руль «Ковровца» и дал газу. Не доезжая километров пять до Белогорска, он бросил мотоцикл в лесочке и полями пошёл к вечерним огням города.

На перроне вокзала он подошёл к последнему в составе общему вагону № 11 и жалостливо заныл:

— Дяденька, билетов в кассе нет, а мне надо срочно в Шмаковку.

Чернявый усатый проводник в грязной синей форменной рубашке, с пятнами пота под мышками, взял сунутую ему в ладонь пятирублёвую бумажку и подчёркнуто громко сказал:

— Проходите, пассажир, в вагон, не задерживайте посадку!

Виктора Смолякова, лейтенанта из Индустриального РОВД города Хабаровска, в этот день командировали в распоряжение линейного отдела внутренних дел на станции Хабаровск-1 для усиленного патрулирования пассажирских поездов. С утра в крае был объявлен план-перехват по поимке вооружённого дезертира, сбежавшего из части внутренних войск, охраняющей исправительно-трудовой лагерь.

— К нам первый раз? — спросил его капитан, дежуривший по ЛОВД.

— Ранее был к вам прикомандирован несколько раз, — ответил Смоляков.

— Значит, опыт имеешь и инструктировать тебя особо не надо. Вот приказ о назначении тебя старшим наряда — ознакомься и распишись. Табельное оружие есть? Будете с сержантом и рядовым сопровождать эстафетным способом состав поезда номер 134Б «Благовещенск — Владивосток» до станции Спасск-Дальний. Обрато вернётесь другим поездом, на который вас там назначат.

Вяземскую проехали в 13.22 после пятиминутной стоянки. В вагоны залезло полтора десятка мешочников. Как обычно, везут продукцию с колхозных полей и дары тайги. Воришки, одним словом. Но всех не переловишь. Протокол задержания, акт изъятия, двое свидетелей,

доставка задержанного и вещественных доказательств на ближайшую узловую станцию — для передачи в местный ЛОВД. А там тебя ждут не дождутся — у них своих дел под завязку. Бархатный сезон, поезда на владивостокское направление переполнены, не хватает оперуполномоченных и следователей для возбуждения и производства дел.

Когда наряд дошёл до тамбура предпоследнего в составе вагона № 10, Смоляков, заходя в туалет, приказал сержанту и рядовому:

— Проверьте пассажиров вагона и ждите меня в следующем тамбуре.

Справив малую нужду, он вышел из туалета и нос к носу столкнулся с женщиной в железнодорожной форме.

Берта Фишер — лучший контролёр-ревизор Дальневосточной железной дороги. Большая Берта, или Немецкая Овчарка — так её за глаза называют проводники и коллеги. Её неподкупность и въедливость, даже по мнению начальства, зашкаливают.

Ревизором на железнодорожном транспорте Фишер стала, так сказать, из идейных соображений. Она люто ненавидела *russische Schweine* и без устали выискивала нарушения на железнодорожном транспорте, со сладострастием штрафуя проводников и безбилетных пассажиров.

Её предки приехали в Россию во второй половине XVIII века по манифесту Екатерины Второй. Императрица-немка, хоть и меняла как чулки любовников-фаворитов, всё же умела думать и головой. Она понимала, что поднять Россию из отсталости, вызванной низкой производительностью крепостнического сельского хозяйства, можно лишь призвав в страну свободных немецких крестьян, объединённых в самоуправляемые общины.

Немецкие колонисты заселили левобережье Нижнего Поволжья и наладили там жизнь по германскому образу и подобию. Трёхпольная система землепользования позволила им выращивать невиданные для России урожаи хлебов, овощей и фруктов. *Wolgadeutsche* развели высокопродуктивных беконных свиней и высокоудойных коров голштинской породы. В колониях скоро появились водяные мельницы, ткацкие и кожевенные цеха, мастерские сельхозинвентаря.

В 1918 году немцы Поволжья получили автономию, в которую вошло 22 кантона со столицей в городе Екатериненштадт, почти сразу же переименованном в Маркшадт.

Скоро для поволжских немцев настали чёрные времена. Они десятками тысяч умирали от голода в 1922 и 1933 годах, их массово расстреливали и отправляли в лагеря ГУЛАГа в 1937 и 1941 годах. Начало войны с Германией стало поводом для ликвидации Автономной Социалистической Советской Республики немцев Поволжья и высылки сотен тысяч немецкого населения в Сибирь и Казахстан.

Берта помнит, как её семью депортировали в начале войны. Вместе с родителями и старшей сестрой она оказалась на севере Амурской области. Жили в продуваемом ветрами бараке, мать и отец работали на лесоповале, шестнадцатилетняя сестра — в сельскохозяйственной бригаде.

Трудились в нечеловеческих условиях. Сначала под упавшей лесиной погиб отец, потом от воспаления лёгких умерла мать. В 1955 году Берта со старшей сестрой получили право покинуть режимный посёлок и, с разрешения внутренних органов, поселились в пристанционном посёлке Бочкарёвка при шпалопропиточном цехе.

Лишь в 1964 году немцы Поволжья были реабилитированы Указом Верховного Совета СССР. Берте удалось переехать в город Свободный и закончить там железнодорожный техникум...

Сев в поезд, Фишер, по должностной инструкции, прошла в штабной вагон и поставила в известность о начале проверки бригадира проводников. Ревизию она начала с общих вагонов, в которых обычно и едут безбилетники.

Вагонный заяц, как и его лесной собрат, труслив и выдаёт себя нервным поведением. Первого безбилетника Большая Берта засекла быстро. Это был молодой парень, коротко стриженный, в длиннополом прорезиненном плаще и со спортивной сумкой. Едва заведев контролёра, он встал с места и торопливо направился к тамбуру.

Немецкая Овчарка сделала стойку, оцетинила загривок и пустилась по следу, чуть не сбив с ног милицейского лейтенанта, выходявшего из туалета.

— Товарищ милиционер! — ухватила она его за рукав форменного кителя. — Помогите мне догнать и задержать безбилетника!

— Где он? — немедленно отреагировал Смоляков. — Номер вагона?

— Не знаю. Проверим все по порядку.

— Ты, тётка, очумела? — возмутился Смоляков. — Этак мы полдня будем твоего зайца искать!

— Сопровождающий поезд наряд милиции ЛОВД обязан оказывать ревизору-контролёру всю необходимую помощь при задержании безбилетных пассажиров! — отчеканила Большая Берта статью из «Обязанностей наряда милиции ЛОВД при сопровождении пассажирского поезда».

ГЛАВА 4

Михаил Полуэктов работал школьным учителем физики. Так плачевно закончилась его блистательная поначалу карьера учёного физика-ядерщика. Он был из тех, кого в школе дразнят очкариком, в студен-

ческой среде — зубрилой, а в научных кругах — затворником. Тема его докторской диссертации звучала так: «Концепция множественности пространств в теории квантовой механики».

Всем нам со школы известно, что вещества состоят из атомов. Атомы, в свою очередь, состоят из ядер и вращающихся вокруг них электронов. Когда физики-ядерщики начали расщеплять атом, они обнаружили элементарные частицы: протон, нейтрон, фотон и прочие.

При изучении элементарных частиц учёные выяснили, что те могут взаимодействовать на расстоянии. Исследованием этого явления занялась новая наука — квантовая физика. Квантовый эффект, в свою очередь, породил теорию параллельных вселенных.

В поисках перехода между параллельными мирами фундаментальная наука зашла в тупик. И тогда, неожиданно для всех, Полуэктов выдвинул теорию, согласно которой можно попадать в другие измерения, используя лишь собственное сознание. Он обратил внимание на то, что многие древние и средневековые космологи, философы и теологи создавали свои теории множественности миров. Ещё более ранние отголоски этой теории он нашёл в мировых религиях. Индуизм, даосизм, буддизм, иудаизм, христианство и ислам говорят о некой потусторонней жизни, которая и есть — параллельный мир.

Основываясь на вышесказанном, профессор Полуэктов высказал гипотезу о том, что переход в другой мир становится возможным в момент, когда происходит огромный выброс жизненной энергии человека — обычно это потеря сознания от боли и страха. Самый известный пример таких переходов — отделение сознания от тела в момент клинической смерти.

В научно-исследовательском институте под Новосибирском, где работал Полуэктов, рассмотрели его новую теорию, несовместимую с марксистско-ленинским материализмом, и с громким треском прогнали отступника со службы. Он получил такую скверную характеристику, что с большим трудом устроился преподавать физику в сельской школе.

К тому времени Михаил Полуэктов уже имел известность в международном научном сообществе. Профессору Полуэктову сразу поступило несколько предложений о работе в престижных лабораториях США, Великобритании и Франции. Но грифа особой секретности с темы его изысканий и подписки о неразглашении — с запретом выезда из СССР в течение 25 лет — никто не отменял.

Зато одна из сельских школ Нанайского района Хабаровского края получила в преподаватели физики научное светило мирового масштаба.

Полуэктов ехал в Уссурийск по личному делу — заболела мать. Благо были летние каникулы.

Соседями по купе оказалась семья: муж с женой и их взрослая дочь. Девица всю дорогу строила ему глазки, что волновало застоялую кровь сорокалетнего холостяка.

— Сходите, пожалуйста, к проводнику за чаем, — попросила мать благородного семейства, когда поезд проехал Хабаровск.

— С удовольствием, — отозвался Полуэктов. — Вам с сахаром?

— Да. И печенья возьмите.

Заварка у проводника была тёмно-коричневого, почти чёрного, цвета — так бывает, когда в спитой чай добавили питьевой соды. Рассовав по карманам упаковки с сахаром-рафинадом (по два кусочка) и печеньем «Юбилейное» (по пять штук) и изловчившись взять в руки сразу четыре мельхиоровых подстаканника с вензелем МПС, гонец за чаем пошёл, балансируя по качающемуся полу вагона, в обратный путь к своему купе.

ГЛАВА 5

— Сучка-а-а! — завизжала Нонна и вцепилась в перманентную причёску Метёлкиной. Та в ответ длинными острыми ногтями расцарапала в кровь лицо обидчице.

В незакрытом дверном проёме появился милиционер, из-за спины которого выглядывала ревизорша.

Лейтенант не придумал ничего лучшего, как достать из кармана свисток и извлечь из него звонкую и длинную трель. Звук милицейского свистка приостановил побоище.

— Всем не двигаться! — фальцетом приказал Смоляков.

Нарушая приказ милиционера, Большая Берта шустро встала на приступочку и, приподняв своё грузное тело, осмотрела верхние полки. Потом она подняла крышку нижнего левого спального места и увидела в рундуке несколько ящиков водки и портвейна, а также коробки с болгарскими сигаретами «Опал». Немецкая Овчарка согнала с нижнего правого дивана Анжелу с Нонной и открыла рундук под ними. Лучший контролёр-ревизор Дальневосточной железной дороги, гроза всех проводников востока России, неподкупная и невозмутимая Фишер была готова к любому развитию событий — но не к тому, что увидела.

В рундуке лежал тот самый, севший в поезд в Белогорске, заяц. В руках его был автомат Калашникова, направленный дулом прямо ей в лоб.

Дезертир вылез из рундука, показывая твёрдое намерение расстрелять любого из находящихся в купе в случае неповиновения.

— Всем — руки в гору! Стреляю без предупреждения!

Лейтенант Смоляков даже и не подумал протянуть руку до кобуры с «Макаровым». Отверстие ствола «Калашникова» диаметром 7,62 мм показалось ему орудийным жерлом. Тридцать смертей притаились в магазине автомата. Сейчас дезертир нажмёт на спусковой крючок, и заострённые цилиндрики из свинца в стальной оболочке со скоростью 715 метров в секунду пронзят навывлет его беззащитное тело, состоящее из мягких мышц и хрупких костей, разрывая сердце, лёгкие, желудок и печень...

Выход на пенсию в 45 лет, дом в Артёме, должность юрисконсульта шахтоуправления, автомобиль «Москвич», жена-хохлушка, борщ, сало и вишнёвая настойка по воскресеньям — все это проваливалось в тартарары. Смоляков понял, что он не герой, и подчинился преступнику.

Как пишут в сценариях, наступила немая сцена.

Когда тишина достигла — если такое возможно — своего пика, в дверях купе появился какой-то субтильный очкарик в безукоризненно выглаженных брюках и пиджаке, надетом на крахмально-белую рубашку, и, несмотря на жару, с повязанным галстуком. В каждой руке он держал по два мельхиоровых подстаканника с гранёными стаканами, в которых был чай.

— Ой, простите! Не в то купе попал по ошибке, — извинился интеллигент.

Но вместо обычного в таких случаях: «Ничего, бывает» — услышал грозный окрик:

— Руки вверх!

Очкарик послушно поднял над головой подстаканники, несмотря на то что горячие струйки чая лились ему на макушку и за шиворот.

— Зайди и сядь! — приказал короткостриженный парень с автоматом Калашникова наизготовку.

Физик вошёл в купе и присел с краешка на нижнюю полку, где уже сидели какой-то грузин и две растрёпанные женщины — молодая, лет двадцати пяти, и лет на десять постарше.

На полке напротив сидели, кроме парня с автоматом, милиционер и женщина в железнодорожной форме. Причем эти двое старались сидеть от вооружённого молодого человека как можно дальше.

— Поставь чай сюда. — Парень с автоматом кивнул на столик.

Полуэктот поставил подстаканники и снова присел рядом с грузином.

— Руки опустите, но держите на коленях ладонями вверх, — приказал всем Соловьёв, а потом объявил: — Я взял вас в заложники!

В гробовой тишине затрещал оживший радиодинамик, и диктор радио «Маяк» бодрым голосом сказал: «Сегодня труженики стальных ма-

гистралей отмечают свой профессиональный праздник — День железнодорожника!...»

И внезапно фиолетовые электрические разряды пронзили пространство купе. Резко запахло озоном — и наступила абсолютная темнота...

ГЛАВА 6

Рапорт начальника Управления КГБ СССР по Приморскому краю

Сов. секретно

6 августа 1972 г. в 13 часов 27 минут (МСК) на перегоне ст. Вяземская — ст. Бикин Дальневосточной железной дороги из вагона № 5 поезда 134Б «Благовещенск — Владивосток» на скорости 52 км/час при невыясненных обстоятельствах одновременно исчезли ехавшие в нём люди:

1. Хирашвили Гиви Шалвович (директор в/ресторана),
2. Хирашвили Нонна Митрофановна (зав. производством в/ресторана),
3. Метёлкина Анжела Ивановна (официант-разносчик в/ресторана).
4. Полуэктов Михаил Афанасьевич (пассажир),
5. Фишер Берта Карловна (ревизор-контролёр),
6. Смоляков Виктор Петрович (лейтенант милиции),
7. Предположительно — Соловьёв Александр Семёнович (находящийся в розыске вооружённый дезертир).

До особого указания поезд 134Б «Благовещенск — Владивосток» со всеми оставшимися пассажирами и работниками железной дороги по прибытии на ст. Вторая Речка переведён на запасной путь. Поставлена охрана состава в количестве 3-х стрелков ВОХР МПС.

*Полковник Соколов Е.М.,
начальник Управления КГБ СССР по Приморскому краю.*

Приказ по Комитету государственной безопасности СССР

Сов. секретно

Руководство следствием по выяснению обстоятельств исчезновения людей с поезда 134Б «Благовещенск — Владивосток», имевшего место 6 августа 1972 г. на перегоне Вяземская — Бикин Дальневосточной ЖД, возлагаю на себя.

Действия по изоляции и охране пассажиров и железнодорожников, а также состава поезда правильны и соответствуют ситуации.

Приказываю дополнительно выполнить следующие мероприятия:

Для людей в поезде организовать трёхразовое горячее питание и снабжение питьевой водой, для оказания им медицинской помощи обеспечить возле состава круглосуточное дежурство кареты «Скорой помощи» с бригадой врачей.

Гражданам, находящимся в поезде, объявить, что они переведены на карантин, поскольку в пути следования в вагонах обнаружены люди, заражённые опасной инфекцией.

С изолированными пассажирами и железнодорожниками поезда будет работать бригада следователей, экспертов и врачей-психологов Управления Т (научно-техническое) КГБ СССР, отправленная к месту происшествия специальным авиарейсом.

Приказываю охрану состава поезда с находящимися в нём людьми поручить ЛОВД ст. Владивосток и усилить до 15-ти вооружённых милиционеров.

*Генерал-майор Лялин А.Ф.,
заместитель Председателя КГБ СССР.*

***Зарубежные источники о чрезвычайном происшествии в поезде
134Б «Благовещенск — Владивосток»***

Сов. секретно

Из зашифрованного сообщения Посольства США

«По агентурным сведениям, 6 августа после полудня под Хабаровском из поезда «Благовещенск — Владивосток» бесследно исчезло 7 человек. Возможно, это результат тайного эксперимента управления разведки КГБ».

Из зашифрованного сообщения Посольства Великобритании

«Получена достоверная информация о чрезвычайном происшествии в Хабаровском крае. 6 августа, предположительно в 13 час. 30 мин., из пассажирского поезда «134Б «Благовещенск — Владивосток» пропало 7 человек. Расследованием дела занимается КГБ».

Из зашифрованного сообщения Посольства ФРГ

«Наш информатор сообщает об исчезновении 7 человек из поезда «Благовещенск — Владивосток». Происшествие имело место 06.08.1972 в 13:27 (МСК). К расследованию происшествия привлечены силы КГБ».

*Полковник-инженер Станкявичюс Э.Р.,
начальник Шестнадцатого (радиоперехват и
электронная разведка) управления КГБ СССР.*

*Предварительные итоги следствия по делу исчезновения семерых человек
из поезда 134Б «Благовещенск — Владивосток»*

Сов. секретно

Вероятность того, что все эти 7 человек одновременно выпрыгнули из поезда на ходу, исключена — никто из них не приближался к окнам и не выходил в тамбуры вагонов до самого момента исчезновения.

Вероятность того, что они спрятались где-то в поезде, также исключена — тщательные поиски исчезнувших людей не дали результатов.

Рабочая версия происшествия:

Одновременное исчезновение из поезда 7 человек можно объяснить лишь неизвестными науке физическими явлениями.

Для продолжения следственных действий и наибольшей их эффективности предлагаю:

1. Пассажиров поезда 134Б «Благовещенск — Владивосток» на автозаках перевезти в следственный изолятор Управления КГБ СССР по Приморскому краю.

2. Вагон поезда, в котором случилось ЧП, опломбировать, до особого распоряжения оставить на запасном пути ст. Вторая Речка под круглосуточной охраной стрелков ВОХР МПС.

*Генерал-полковник Резник Ф.Н.,
Начальник Следственного отдела КГБ СССР.*

ГЛАВА 7

В купе вновь «включился» свет. Но это было уже не то купе и не тот поезд. Из вагона была как бы вырезана идеальная сфера около трёх с половиной метров в диаметре, своими краями захватывающая части пространства за окном купе и в коридоре вагона. Внутренняя поверхность этого шара имела идеально чёрный цвет, которому не было сравнения ни с чем земным.

Экипаж купе подавленно молчал. Первым подал голос Смоляков:

— Что случилось?!

— Где мы?! — вторил ему Хирашвили.

— Мы умерли! — предположила Большая Берта.

Анжела и Нонна завывали в унисон, как плакальщицы на похоронах.

Дезертир Соловьёв молча направил автомат в дверной проём и выпустил очередь. Пять пуль, не оставив на внутренней поверхности сферы ни царапинки, отскочили и ссыпались на полу аккуратной кучкой.

Неожиданно раздался спокойный голос интеллигента:

— Товарищи, прошу вашего внимания!..

Все посмотрели на Полуэктова, а тот, увидев на столике откупоренную бутылку коньяка «Самтрест» и закуску, продолжил:

— А для начала я предлагаю, с позволения хозяина, успокоить наши расшатанные нервы, выпив по рюмке коньяка.

Как это ни удивительно, его призыв возымел действие и немного успокоил присутствующих. Гиви Шалвович встал на раздачу — он по очереди наливал всем в рюмку по 50 граммов коньяка (как принято, с недоливом) и подавал канапе. Себе он налил в последнюю очередь, но двойную порцию.

— Итак, я продолжу, — сказал Полуэкт. — Конечно же, всем хочется знать, где и почему мы очутились.

— Не тяни резину, академик! — поторопила его Метёлкина.

— С вашего, мадам, позволения — доктор физики, профессор, — поправил её лектор. — Итак: тёмное вещество, чёрные дыры, антиматерия... Чтобы вам всё это объяснить в самых общих чертах, мне понадобилось бы слишком много времени. Самые сообразительные из вас поняли бы это через месяц или год, большинство из вас не поймёт этого никогда.

— Куда уж нам, сиворылым! — заметил Смоляков, гордившийся своим высшим юридическим образованием.

— Прошу великодушно простить меня, если кого-то невольно оскорбил, — ответил на эту реплику Полуэкт. — Мне, чтобы иметь весьма скудное представление о вышеназванных вещах, понадобилось окончить школу с физическим уклоном, потом факультет ядерной физики в университете, потом аспирантуру, далее защитить кандидатскую и докторскую диссертации. В общей сложности у меня ушло на это четверть века. Поэтому я очень прошу вас, дорогие мои, просто принимать на веру всё сказанное мной.

— Говори, академик! А ты, ментяра, не мешай! — прикрикнул Соловьёв, который всё ещё держал в руках автомат.

Полуэкт продолжил:

— Уже создана математическая модель параллельных вселенных. Главным препятствием для перехода из одной вселенной в другую является четырёхмерное пространство, из которого мы не можем выйти, применяя современные технические средства. Для мгновенного перехода в иные вселенные надо попасть в пятое измерение — это так называемый эффект кротовой норы. Технологию столь высокого уровня человечество создаст ещё не скоро, а может быть, и никогда.

Но есть и теория, согласно которой мы могли бы попадать в другие измерения, используя лишь собственное сознание. Переход в другой

мир становится возможным в момент, когда происходит огромный выброс пока неизвестной энергии человека, которую можно назвать психической.

Рассмотрим нашу конкретную ситуацию. Каждый из нас испытал сильное возбуждение. По невероятному стечению обстоятельств, эмоциональные всплески каждого из нас совпали между собой с точностью по времени и в ограниченном пространстве. Это наложение психической энергии дало такой всплеск, что на мгновение приоткрылся тоннель между двумя параллельными пространствами, зеркальными по отношению одно к другому. Все мы перенеслись в такой антимир, где сейчас и находимся.

— Этого не может быть! — возразил морально-политически подкованный Смоляков.

— Ваша версия? — спросил его Полуэктов.

— Шпионы усыпили всех пассажиров каким-то газом и забрали куда-то остальных, а нас зачем-то оставили в купе, — изложил своё видение случившегося милиционер.

— В какой стороне грудной клетки у вас сердце? — спросил учёный.

— В левой, а что?

— Есть люди, один на миллион, у которых сердце находится в правой части грудной клетки. Можно ли предположить, что семеро таких феноменов смогли случайно собраться вместе и оказаться здесь?

Все разом приложили ладонь к левой стороне своей груди. И обнаружили, что сердца там нет — оно справа! Повисла длинная, как Трансиб, пауза.

Первой подала голос Нонна, которой по роду её профессиональной деятельности довелось много раз выходить из, казалось бы, безвыходных ситуаций — как, например, внезапная проверка ОБХСС.

— Как же нам выбраться отсюда?

— Дайте мне ещё пятьдесят граммов коньяку — и пять минут подумать, — попросил Полуэктов своих товарищей по несчастью.

Гиви Шалвович плеснул ему из бутылки в рюмку. Профессор выпил и закусил оставшейся с прошлого раза половинкой канapé.

Прошло пять минут, и он сказал:

— Чтобы возвратиться назад, нам надо воссоздать ситуацию на момент перехода в Зазеркалье. Все мы должны испытать точно такие же эмоции, чтобы на пике психической энергии, вошедшей в резонанс, вновь пройти тоннель между параллельными мирами. Сейчас каждый из вас расскажет мне во всех подробностях, как оказался в этом купе, что при этом думал, какие чувства и эмоции испытывал. Ну, рассказывайте, как на духу.

Через час Полуэктов знал о своих товарищах по несчастью всё. И он приступил к постановке спектакля «Возвращение из Зазеркалья».

— Итак, товарищи, начинаем! Все выходим в коридор. Первым в купе забегает Александр и прячется в рундуке. Потом заходит Гиви Шалвович и готовится к встрече с Метёлкиной. Заходит Анжела, и они занимаются сексом. Неожиданно врывается Нонна и вцепляется ей в причёску. Тут появляются контролёр с милиционером. Берта открывает рундук, и оттуда вылезает с автоматом Александр. А потом меня сюда чёрт принёс, захожу я с чаем... Роли расписаны, проверяем готовность актёров.

— Как же я... при жене-то? — смутился Хирашвили, с опаской покосившись на Нонну.

— Гиви Шалвович, всё должно быть натурально!

— Сделаем как надо! — пообещала Анжела.

— В вас-то я нисколько не сомневаюсь, — похвалил её пионерскую готовность главный режиссёр. — Гиви Шалвович, ваш маленький дружок не подведёт в столь ответственный момент?

— У этого перехватчика, покажи ему цель, под дулом зенитной пушки встанет! — то ли похвалила, то ли осудила своего неверного супруга Нонна.

— Александр, а ты понимаешь, что от тебя требуется?

— Навести на всех вас «калаша» и припугнуть так, чтобы вы в штаны навалили.

— Тогда начинаем наше представление, — сказал Полуэктов. — Сыграем же спектакль так, чтобы великий режиссёр Станиславский, окажись он здесь, посмотрев на нас, воскликнул бы: «Верю!» — и зааплодировал нам стоя.

— Кхэ-кхэ, — прочистил горло Гиви Шалвович, привлекая к себе общее внимание. — Вот тут я выписал счёт на выпитый коньяк и съеденные канапе. Извольте каждый расписаться в том, что согласен оплатить свою долю по возвращении.

— Много повидал я на своём веку скупердяев, но такого, как ты, вижу впервые! — изумился Смоляков.

— Подписывайтесь! — поддержала мужа Нонна. — Гиви Шалвовичу ещё только не хватало увольнения за недостачу. Там, в вагоне-ресторане, посетители наверняка уже весь буфет, оставленный без присмотра, растащили.

Все поставили свои факсимиле с расшифровкой фамилии, имени и отчества на листке счёта, вырванном из блокнота официанта.

Неожиданно пошёл в отказ дезертир:

— А я не хочу обратно! Мне там тюремный срок будет. Мне и здесь хорошо — тепло, светло и мухи не кусают.

— Как ты не понимаешь?! — полез на стенку Полуэктов. — Мы не можем здесь долго оставаться. Сначала мы съедим все продукты и выпьем всю воду. Потом кончится заряд аккумуляторов и погаснет освещение. Но ещё раньше в воздухе закончится кислород. И все мы здесь помрём. А в том мире военный суд даст тебе пять лет за дезертирство и кражу оружия. Отсидишь своё и выйдешь на свободу белый и непорочный, как ангел.

— И оштрафуют на три рубля за безбилетный проезд! — добавила Берта.

Реплика Фишер, как ни странно, успокоила дезертира, и он согласно кивнул.

Открылся невидимый театральный занавес, и спектакль начался. Но с первой попытки обратного перемещения из параллельного мира не получилось.

Полуэктов, как истинный экспериментатор, тут же начал проверку чистоты опыта.

— Я извиняюсь, Гиви Шалвович, у вас с Анжелой половой акт был?

— Был, но до оргазма не дошло, — сознался Хирашвили.

— А по тылке носатой получить хочешь? — замахнулась на него своим тяжёлым кулаком Нонна.

— В следующий раз я постараюсь, — обещал Гиви Шалвович.

— Вы уж, прошу вас, постарайтесь, — попросил Полуэктов. — А вы, товарищ лейтенант, почему не побледили, как в прошлый раз?

Смоляков посмотрел куда-то в потолок.

— Что это у вас там?

Полуэктов запустил руку в карман брюк милиционера и достал оттуда горсть автоматных патронов.

— Зачем вы разрядили магазин «Калашникова»?!

— Как же я могу не разоружить преступника, готового меня расстрелять!

— Ну и подышайте здесь, импотенты и трусы! — не на шутку рассердился физик-ядерщик.

— Товарищ профессор! — обратился к нему Соловьёв, защёлкивая патроны в обойму. — Мы больше не будем. Давайте ещё раз повторим...

В этот раз эксперимент прошёл успешно, и все его участники очутились в купе вагона, стоявшего в тупике станции Вторая Речка.

Вагон выглядел бесхозным — мягкие спальные места частично испорчены, а частично отсутствовали, демонтированы декоративные панели и электропроводка, купе загажены человеческими испражнениями, пустыми бутылками и окурками.

За разбитым окном мела позёмка.

ГЛАВА 8

Рапорт начальника Управления КГБ СССР по Приморскому краю

Сов. секретно

9 января 1980 г. в 13 часов 16 минут (МСК) на тупике станции Вторая Речка в списанном купейном вагоне задержаны граждане: Хирашвили Гиви Шалвович, Хирашвили Нонна Митрофановна, Метёлкина Анжела Ивановна, Полуэктов Михаил Афанасьевич, Фишер Берта Карловна, Смоляков Виктор Петрович, Соловьёв Александр Семёнович.

Вышеуказанные граждане утверждают, что они — пассажиры, сотрудники железной дороги и линейной милиции, исчезнувшие из этого вагона 6 августа 1972 года.

Задержанные граждане подвергнуты первичному допросу и личному допросу, до особого указания помещены во Владивостокский следственный изолятор.

*Полковник Криворучко А.С.,
Начальник Управления КГБ СССР по Приморскому краю.*

Приказ по Комитету государственной безопасности СССР

Сов. секретно

Меры товарищей из Управления КГБ СССР по Приморскому краю в отношении граждан, обнаруженных 9 января 1980 г. в 13 часов 16 минут (МСК) в списанном купейном вагоне на тупике станции Вторая Речка, считать обоснованными и правильными.

Всех задержанных по этому делу — срочно этапировать спецрейсом в СИЗО КГБ СССР в г. Москва, откуда, после выполнения необходимых оперативно-розыскных и следственных мероприятий, направить в закрытое отделение Московского НИИ судебной психиатрии им. В.П. Сербского для обследования.

*Генерал-лейтенант Охряпин Б.Л.,
Заместитель Председателя КГБ СССР.*

Заключение специалистов НИИ судебно-медицинской экспертизы

Для исследования предоставлен счёт вагона-ресторана — с образцами зеркальных почерков. Установлено, что все 7 образцов зеркального письма принадлежат, соответственно, 7 обследуемым.

Письменно-двигательные рефлексы руки приобретают «моторную память», и быстро переходить с нормального письма на зеркальное, сохраняя при этом все индивидуальные особенности почерка, представляется исчезающе мало возможным.

Во всех образцах письма полностью, с учётом зеркального отражения, совпадают индивидуальные особенности почерка: преобладающая форма и направление движений, соотношение высоты и ширины знаков, степень связанности движения пера, наклон знаков и нажим в них.

В ходе следственных экспериментов ни одному из 7 обследуемых не удалось более-менее разборчиво написать в зеркальном отражении фразу «Мама мыла раму». На выполнение этого теста каждому обследуемому отводилось достаточно времени — 24 часа, предлагалось написать любое количество вариантов, а также использовать вспомогательное средство — зеркало.

В момент написания зеркального текста обследуемые предположительно были введены в состояние транса, обостряющее их психомоторные рефлексы. Такое состояние могло быть достигнуто путём погружения в глубокий гипнотический сон или употребления сильных психотропных препаратов.

*Из Доклада специальной комиссии Академии наук СССР
членам Политбюро ЦК КПСС*

Исследовав материалы по исчезновению и возвращению людей с поезда 134Б «Благовещенск — Владивосток», предоставленные следствием и судебной-психиатрической экспертизой, Комиссия пришла к выводу:

Советская наука, стоящая на незыблемом фундаменте марксистско-ленинского материализма, полностью отвергает возможность перемещения людей и предметов во времени и пространстве.

Здесь мы имеем дело с уникальным случаем групповой параноидной шизофрении.

Параноидная шизофрения характеризуется проявлениями зрительных, слуховых, вкусовых, осязательных и обонятельных галлюцинаций. Известно множество описаний массовых галлюцинаций в виде божественных образов, а в последнее время — летающих тарелок.

При этом общее состояние организма больного, включая его связную речь, хорошую память и логическое мышление, может оставаться без заметных изменений.

Больной параноидной шизофренией воспринимает видения, вызванные галлюцинациями, как реальные события в своей жизни. Поэтому в своих показаниях параноидный шизофреник обычно честен и искренен.

Происхождение болезненных психических изменений, включая групповую параноидную шизофрению, медицинской науке до конца не известно. Поэтому нельзя отрицать губительное воздействие на человеческую психику всякого рода газов, ультра- и инфразвуков, излучений и полей природного или техногенного характера.

В рекомендательном плане всем обследуемым необходимо оказание психиатрической помощи в условиях стационара.

Стирание нежелательной памяти, в зависимости от степени поражения психики пациентов, рекомендуется проводить: при лёгкой форме — погружением в глубокий гипнотический сон; при средней форме — интенсивной химиотерапией; при тяжёлой форме — электрошоковой терапией; в особо тяжёлых случаях — психохирургическим вмешательством.

В связи с высокой общественной опасностью заболевания и неблагоприятным прогнозом больным необходимо принудительное лечение в условиях стационара.

Из радиопередачи Русской службы Би-би-си

«НЛО в Хабаровском крае! Инопланетяне похитили, а потом возвратили людей с поезда "Благовещенск — Владивосток"»?

Из передачи радиостанции «Голос Америки»

«Русские воссоздали Филадельфийский эксперимент? Пассажирский поезд "Благовещенск — Владивосток" повторил судьбу эсминца "Элдридж" — вагон с людьми переместился во времени и пространстве».

Из радиопередачи «Немецкой волны»

«Отголоски тайн Третьего Рейха. КГБ СССР продолжает секретные разработки учёных гитлеровской Германии, результаты которых были захвачены Советским Союзом в 1945 году. Люди с поезда "Благовещенск — Владивосток" подверглись воздействию неизвестного излучения и на время перенеслись в параллельный мир».

План контрпропаганды по ЧП на поезде 134Б

«Благовещенск — Владивосток»

Сов. секретно

В связи с большой подрывной активностью радиостанций «Голос Америки», «Немецкая волна», «Русская служба Би-би-си» и других организовать кампанию контрпропаганды с изложением и трактовкой событий по нашему

сценарию. При этом использовать возможности Государственного комитета Совета министров СССР по печати и Государственного комитета Совета министров СССР по телевидению и радиовещанию, а также организованные среди населения необходимые слухи.

Необходимо:

1. На Центральном телевидении СССР подготовить и выпустить в эфир серию передач «Люди исчезают в полдень» о случаях массовых галлюцинаций из истории и современности, с научным разъяснением происхождения этих фальсификаций.

2. Написать и опубликовать в центральной печати статью «Раздаются голоса, что творятся чудеса», высмеивающую западные антисоветские радиостанции, выпускающие в эфир передачи о событиях, якобы имевших место в поезде 134Б «Благовещенск — Владивосток».

3. Подготовить и исполнить в телевизионном эфире сценку для команды КВН с названием «Очередное — невероятное», в которой пародируется ведущий телепрограммы с похожим названием, который часто рассказывает о необъяснимых наукой явлениях, тем самым нагнетая в сознании телезрителей мистицизм.

4. Записывать, тиражировать и распространять через спекулянтов магнитолфонными записями гитарные концерты актёра театра и кино Семёна Веселоцкого с песнями «Одна бабка рассказала» и «Письмо из дурдома», высмеивающими обывательские сплетни, а также жалобы психически больных людей в органы власти. Артисту С.В. Веселоцкому не препятствовать в осуществлении незаконной концертной деятельности по СССР и поездок по странам социалистического лагеря и капиталистическим странам.

*Полковник Горохов М.В.,
начальник Службы А (дезинформация, тайные операции)
КГБ СССР*

ЭПИЛОГ

Пройдя все формальности на контрольно-пропускном пункте в Бресте, включая раздачу водителем автографов таможенникам и пограничникам, мчится по скоростному шоссе синий «Форд», а из стереофонических динамиков автомагнитолы голос с неподражаемой хрипотцой поёт под гитарный перезвон:

Рассказали голоса,
Что у них там колбаса,
И в шампанском ананасы,
Денег полные матрасы,

Джинсы «Левис», Битлов диски,
На похмелку джин и виски.
Вот такие чудеса
Обещают голоса,
Но известны их уловки,
Сыр рокфор тот — в мышеловке.
Там у них неравны расы,
На эстраде... (ну, вы сами понимаете),
Всюду бродят наркоманы,
Проститутки, хулиганы.
Пусть у нас пусты прилавки —
Не лакеи мы, не шавки...

— Полуэктов, ты опять вчера «колёса» в унитаз смысл! А ну, спускай штаны для укола!

Галина Леонидовна Одинцова родилась в Спаске-Дальнем. Образование высшее педагогическое, учитель-методист. Работала в органах образования Москвы, Алма-Аты, Благовещенска. Автор многих методических пособий по методике обучения и организации второй половины дня в начальной и средней школе.

Выпустила пять книг прозы и поэзии. Дипломант премии «Наследие», лауреат премии «Писатель года» в номинации «Мемуары», победитель международного конкурса «Золотая строфа». Ответственный редактор альманаха «Зелёная лампа» (Благовещенск),

О себе говорит: «Пишу о том, что волнует, радует, впечатляет и не оставляет равнодушной. Мне интересно жить. И я люблю её, эту короткую, но полную разных неожиданностей жизнь».

Магдагачи — память юных лет

Магдагачи — посёлок на железной дороге в бывшем Тыгдинском районе. Нынче это районный центр того же самого района, но уже давно переименованного в Магдагачинский. Посёлок живёт в памяти, не отпускает. По сей день тянет приехать ещё раз и взглянуть на места, где было мне когда-то хорошо и спокойно.

Помню один летний день. Яркое ласковое солнце, тёплый ветерок. Мне четырнадцать лет. Я в синих колготках, в голубой юбочке и синей кофте, её мне связала мама. Колготки в те давние шестидесятые годы были большой редкостью, но мы на днях вернулись из Москвы, и я щеголяю в столичных нарядах. За колготками бились полдня в длиннющей очереди на ярмарке ВДНХ. Там же, кстати, достали пряжу — и мама в поезде, на обратном пути из Москвы домой, за неделю навязала нам красивых кофт и свитеров.

И вот иду, такая вся, по узким прогибающимся доскам тротуара. Из репродуктора гремит песня «Королева красоты» в исполнении Муслима Магомаева, волосы по ветру развеваются, счастье хлещет из меня, и думаю: «Какая же я счастливая, что родилась в этой стране, что живу здесь, в Магдагачи!» Чем был примечателен именно тот денёк, не знаю, но как вспомню о нём — всколыхнётся в душе ощущение счастья. Бывает же такое!

Для удивительного посёлка Магдагачи я отвела в душе укромный уголок, откуда время от времени за тонкую ниточку памяти вытягиваю что-то приятное и наслаждаюсь, вспоминая добрых людей и события, связанные с ними.

До сих пор с теплом вспоминаю школу номер 160. Помню директора школы Петра Захаровича Каськова и его жену Панну Кузьминичну, учителя русского языка. Строгие были, но справедливые. В их сына Толика все девочки были влюблены. И я в том числе. Но, увы, ему нравилась одна девочка — её звали Люда.

На базе нашей школы работала известная в области спортивная школа, которой руководил тренер Анатолий Степанович Зыков. Тренером была и Дильбар Валенжановна. Моя мама заведовала спортивным инвентарём. Ездил поездом в Читу, привозила оттуда в рюкзаках разную спортивную мелочь, а следом шёл багаж, набитый всевозможными спортивными предметами. Даже гранаты — учебные, разумеется — были в ассортименте! Да уж чего только не было в спортзале: набивные мячи разных форм и размеров, копья, гири, диски, ядра, шиповки и лыжи, коньки, мячи для разных «болов»! Маты и спортивные стенки, кольца и канаты... Нигде больше не видела такого обилия спортивного инвентаря. Лёгкая атлетика и гимнастика у нас процветали...

В 12–13 лет я была заядлой спортсменкой. Лучше всех бежала стометровку, в высоту прыгала выше всех, и в гимнастике показывала успехи. Захваливал меня тренер. И вот наша школа завоевала право поехать на союзные соревнования по гимнастике в Кишинёв. На меня Анатолий Степанович возлагал большие надежды. Но врачи нашли у меня повышенное давление! Облом. Никуда меня не взяли. А я с тех пор хожу в гипертониках.

Рядом был леспромхоз. Деревянные дома у его работников были просторные и светлые, и в них пахло смолой. Как мне нравилось ходить в гости к одноклассникам.

А наш дом стоял напротив школы, двухэтажный деревянный, со скрипучей лестницей и печками, обшитыми железом. Туалет за сараями на улице. В сараях дрова. Это были дома военного городка, где жили лётчики. В нашей большой трёхкомнатной квартире водилось огромное количество тараканов. С ними шла вечная борьба — но они были непобедимы!

Жили мы дружно и весело. Отец ставил патефон на подоконник, открывал окно, и песни звучали на всю улицу: «А у нас во дворе есть девчонка одна. Среди шумных подруг неприметна она... я гляжу ей вслед, ничего в ней нет. А я всё гляжу, глаз не отвожу...» Ча-ча-ча!

Говорят, что дома те развалились, школа давно сгорела. Но светлые воспоминания остались.

В 1966 году отцу дали квартиру в самом центре, на улице Карла Маркса, в новом доме. Это были первые в посёлке пятиэтажные кирпичные дома с балконами. И вот парадокс! Через месяц к нам полезли клопы. Такое их нашествие я видела ещё раз только в 1983 году в новосибирской гостинице «Обь». Отец смазывал все щели и мебель авиакеросином, и в квартире витали керосиновые пары. Я любила этот запах. Потом появился нафталин. Но клопы периодически возвращались. Насекомыми их назвать нельзя — это жуткие кусачие звери.

Рядом находилась школа номер 155 — лучшая в те времена в нашем районе, тогда ещё Тыгдинском.

Дина Ивановна Дербенёва. Это она ставила меня перед классом и хвалила... А я сгорала от стыда, потому что не привыкла к хвалебным словам, чаще слышала упрёки и наставления. Дина Ивановна читала вслух мои сочинения и говорила, что я обязательно должна стать писателем. Моей учительнице было уже более 90 лет, когда я передала ей свою книгу. Но Дина Ивановна помнила меня.

Улица Ленина, 1. Там жила моя лучшая подруга Люда Юровская. У неё был брат Юра. Я была тайно влюблена в него. Краснела, бледнела и чуть не падала в обморок при виде его. Но это быстро кончилось, привыкла к нему как к брату подруги.

Была ещё одна подружка, Рая Штенникова. Говорят, она стала хорошим учителем английского языка. И вот однажды Люда и Рая из-за меня подрались. За дружбу со мной. Была зима, метель, а они, две девочки, мои подруги, дрались по-настоящему. За волосы таскали друг дружку. Молча! Я их разнимала, и мне тоже досталось. После этого мы стали очень неразлучны. С Людой по сей день общаемся. Она живёт в Красноярске.

В 1967 году я перешла в девятый класс. В сентябре нас отправили в колхоз. Интересно, как в наши дни отнеслись бы современные родители к такой экскурсии их детей. В Магдагачи в сентябре уже холодно, особенно по ночам. Рано утром мы приехали на станцию Тыгда и почти до вечера ждали машину, которая должна была отвезти наш класс в колхоз. Голодные, замёрзшие, залезли в кузов грузовика, и машина понеслась по сельской ухабистой дороге, оставляя за собой клубы густой пыли. Уже поздним вечером, чумазые, уставшие, чуть живые, выгрузились у колхозного клуба. Наконец накормили нас картошкой с тушёнкой, и тут же, в клубе, мы попадали на мешки с сеном — спать. Чуть свет приехал этот же грузовик и отвёз нас на поле. Холодно, ветер по полю гуляет, а мы, подростки, бредём, собирая картошку в вёдра и пересыпая её в мешки. Удивительное дело — работали без усталости. В полдень привезли

обед: щи с тушёной, хлеб и компот. И мы, сидя на мешках, уплетали еду так, что за ушами трещало! Конечно, картошкой кидались, шишек понабивали друг другу.

Откуда столько сил было — не понимаю! Мальчишки помогали шофёру грузить мешки с картошкой в кузов, и на этих мешках мы возвращались в клуб. Вечером кормили нас горячим супом с тушёной, и, помню, было много вкусного хлеба. Чем кормили по утрам — не помню, хоть убей! И так пять дней. Было весело, шумно. Никто не жаловался и не плакал. Никто не заболел. Почему — не понимаю до сих пор. Нас ни разу не сводили в баню, никакой смены белья с собой не было. Одно полотенце на всех висело на гвозде рядом с умывальником на улице, умывались ледяной водой. Спали в телогрейках — так холодно было в клубе. Я не помню, чтобы с нами находился учитель или кто-то из родителей. Их не было, это точно!

Мои косы слиплись от грязи, и потом мама промывала мне волосы хозяйственным мылом, боялась, что «форма 20» заведётся. Но обошлось.

Как хорошо я всё это помню. Кажется, как будто вчера я носилась по полю: на ногах стоптанные ботинки, грязные руки покрыты цыпками, под ногтями земля — и всюду запах свежевыкопанной картошки! Аромат, а не запах. До сих пор ощущаю эту осеннюю свежесть.

Обязательным уроком зимой было катание на лыжах. Как мы ждали снега! Три часа подряд гоняли по лесу на лыжах, никакого мороза не признавали. И ведь никогда я не простывала при этом и не притворялась больной, чтобы не идти в школу.

Каждый год собирали макулатуру, а ещё — металлолом: тащили на себе железные кровати, катили ржавые бочки, выносили из дома то, что плохо лежало.

Впрочем, занятия находились всегда. Например: залезть в огород, украсть кочан капусты, раздербанить его и грызть, как голодные кролики, грызть молча, потому что невозможно разговаривать с полным ртом сочной сладкой капусты, ядрёной от первых заморозков.

Столовая в центре посёлка называлась в народе «Крысюковская». Заведовал предприятием Крысюк Фёдор Герасимович. Наверное, ни в одной столовой больше не ела таких вкусных котлет и борща. Даже моя строптивая мама, не признающая ничего из общепита, соглашалась брать еду из столовой домой. С зелёным трёхлитровым бидончиком я неслась за борщом и котлетами с картошкой пюре. В обед очередь была всегда, её хвост спускался с высокого крыльца с массивными внушительными перилами. Летом на веранде столовой отец любил попить с мужиками пивка. За стеклянными дверями открывался огромный зал.

Окна украшены бархатными зелёными шторами до пола, а на стене огромная картина Ивана Шишкина «Утро в сосновом лесу». Одно время, на летних каникулах после девятого класса, в столовой работала моя подружка Валя. Как же я ей завидовала!

Ещё была столовая «Негритянка». Её так называли из-за того, что там обедали железнодорожные рабочие. Приходили в телогрейках, пропитанных мазутом, руки и лицо чёрные, как у негров. Отсюда и «Негритянка». Но готовили там тоже прекрасно. Не забыть той настоящей домашней выпечки и котлет. Там же делали мороженое и торты, сливочный крем покрывал их толстым слоем, а розочки — размером с кулак! Был цех по производству лимонада. Ну что тут скажешь — газу в том лимонаде столько было, что задохнёшься, пока осилишь стаканчик. Квасок пах ржаным хлебом: для окрошки — кислый, для удовольствия — сладкий. Красота!

Магазин. Бакалея. Пахнет селёдкой. Вдоль стены бочки, набитые рыбкой. Селёдка на любой вкус: солёная, маринованная, копчёная. Железная бочка с растительным маслом. Масло качают в посуду покупателя, ароматное, густое, янтарное, словно мёд. Мама поливала им селёдку и картошку. М-м-м, незабываемый вкус.

На прилавке — десятикилограммовые кубы сливочного масла, маргарина. Иногда в магазин привозили фруктовое и шоколадное! Такое масло, если доставалось (за ним выстаивались очереди), можно было есть без хлеба. А самыми вкусными деликатесами были фруктовый чай в брикетах, сухие кубики «кофе с молоком» и «какао с молоком», а также кисель фруктовый. Их ели сухими или просто разводили водой.

В магазине «Хлеб», конечно же, пахло хлебом. Килограммовые ароматные булки по 20 копеек никогда не приносила домой целыми, обязательно все края обгрызу.

Вокзал. Фанерные соломенного цвета скамейки. Зимой зал ожидания отапливали печками, обитыми чёрным железом. Парочки бегали туда греться, занимали скамейки и подолгу сидели: как будто ждут свой поезд. На стенах там висели огромные картины. Особенно запомнились «Охотники на привале» Василия Перова.

Помню, парень у меня появился, фамилия Бачурин, имя забыла. За руку гуляли с ним по перрону: туда-сюда, туда-сюда. Мода такая была. Называлось это — дружить. Замёрзли, холод жуткий, метель. Зашли в зал ожидания, сели на лавочку. Напротив мужик спит, спиной к нам. А мы такие влюблённые, на картину смотрим, о высоких материях разговариваем...

Вдруг этот мужик ка-ак... понятно, кто во сне барыня!.. Я неслась домой не чуя ног. Больше мы с этим мальчиком не встречались. Нынешние

юные, наверное, посмеялись бы и простили мужику такую оплошность. А тогда... со стыда чуть не сгорела. Вот такие мы были скромные.

Перрон. Местный Бродвей. Прогуливались вдоль старого деревянного вокзала, собирая новости и делясь сплетнями. Многочисленные киоски, где продаются вкусная выпечка, периодика, разная походная мелочь. Крытый рынок — там пирожки, горячая картошка и вареники. И кедровая сера с запахом хвои — разве кто помнит сейчас эту нашу отечественную, домодельную, экологически безупречную и в высшей степени гигиеническую жвачку? Зимой мешками продавалось мороженое молоко — белые диски, хранящие форму мисок, с горкой вкусных сливок сверху. Молоко пахло ветром, но меня интересовала только эта горка сливок, которую я успевала сгрызть, за что получала выговор.

Дом культуры. Там я начала заниматься русскими народными танцами. Очень хотела научиться играть на аккордеоне, но стоил месяц занятий 14 рублей, а родители не дали мне этих денег. У подруги Раи было два аккордеона — и я научилась пикировать одну песенку: «Где-то на белом свете...»

В Доме культуры меня держал за руку, читая мои мысли, знаменитый Вольф Мессинг — и дал напутствие. Тут расскажу чуть поподробнее.

Мне было четырнадцать-пятнадцать лет, когда на Доме культуры появилась афиша. Она до сих пор у меня перед глазами. Чёрной тушью широким плакатным пером небрежно написано: «Вольф Мессинг. Фокусы». И помельче: концерт, начало, цена билета...

К моему удивлению, родители без расспросов и разговоров выдали нужную сумму на билет.

Моё место в четырнадцатом ряду, в середине. Представление началось. Зрители в зале не успевали охать и ахать от того, что происходило на сцене. А на сцене артист выделял чудеса. Люди падали, танцевали, скакали, выполняли команды фокусника, а очнувшись, ничего не могли вспомнить.

Затем маг попросил зрителей сцепить руки над головой. Это выполнили все, кроме меня. Мои пальцы никак не могли накрепко сцепиться между собой. Я даже привстала, чтобы посмотреть, как люди мучаются, пытаюсь разорвать пальцы своих рук! Смотрела и направо, и налево — все, как под наркозом, качаются, одна я стою и головой в разные стороны верчу. Я чуть не плакала оттого, что у меня не получается так, как у всех зрителей.

И снова люди на сцене падали на пол от лёгкого толчка пальцем в лоб, в странном беспамятстве танцевали и вытворяли разные чудеса. Зал смеялся, а я опять была в замешательстве: ну разве можно такое вытворять над человеком! Их было жаль до слёз — тех, кто становился управляемым и бесчувственным, как предмет.

На один из номеров я, в числе нескольких добровольно вызвавшихся, выбежала на сцену. Надо было прыгать на стуле, как на коне. Все прыгали и куда-то ехали — а мой стул стоял как пень, не желая превращаться в коня. И Мессинг отправил меня на место.

Потом начались индивидуальные задания. Надо было придумать испытание для артиста, а гипнотизёр, читая мысли, его исполнял.

Вольф Мессинг подбежал к четырнадцатому ряду и вызвал меня. Он был невысокого роста, сутул. Чёрные волнистые волосы, пронзительный и очень усталый взгляд. На нём были длинные чёрные широкие брюки, свободный пиджак. Всю жизнь помню его подвижное морщинистое лицо и тёплую сильную руку, которая сжимала моё запястье. Он держал руку очень крепко, а у меня кружилась голова, ноги стали ватными. От волнения или от гипноза? Я следовала за мастером и пыталась думать.

— Думай, думай... — приказывал Вольф Мессинг.

Я в шоке, растеряна, ничего не могу придумать. Наконец осенило: в кармане кофты — номерок от пальто!

— Думай, думай, думай... — приказывал маг и потащил меня в раздевалку. Выбежали из зала. Я — в полной растерянности. Думаю изо всех сил: «Номерок от пальто, номерок от пальто...»

— Думай, думай! — торопит Вольф Мессинг.

«Номерок у меня в кармане, он в кофте, не надо в раздевалку, номерок у меня!» — отчаянно вертелась в голове слова, которые я готова была выкрикнуть вслух.

Вольф Мессинг покрутился возле раздевалки. Толпа зрителей следовала за нами. Мне хотелось уже вынуть номерок и отдать ему. Но он крепко держал мою руку. Завёл в зал, привёл к нужному ряду. Достал из кармана кофточки номерок. И сказал несколько слов мне на ухо.

Помню эти мудрые слова по сей день. Они были сказаны лично для меня — и помогли мне в дальнейшем понять многое в жизни и в людях. Никто, кроме меня, не знает этих слов. Я храню их в тайне. Так велел маг.

Аэропорт! Он работал, люди летали по области. Лётчики жили в нашем посёлке. Как же уважительно относились к ним. Примерно в 1967 году пустили автобус-«пазик» по городу до аэропорта. Автобусы были холодными, ревели, тряслись, но мы могли часами кататься. Так и говорили: «Пошли кататься на автобусе».

Плотина! Летом там цвели кувшинки. Как-то я заплыла за цветком и запуталась в длинных стеблях. Чуть не утонула, еле выбралась. На плотине проводили всё лето. Все праздники гулял там посёлок. Красота!

Локомотивное депо! Удивительный, насыщенный запах исходил от мощных паровозов. Помню, мы бегали на виадук, чтобы попасть в клу-

бы паровозного дыма — забава такая была. Машинист нарочно свистел и пускал дым, а мы визжали, как придурки. Потом электровазы появились.

Стадион! Он был рядом со школой. Зимой там заливали каток. Однажды мои родители пришли покататься на коньках. Это был настоящий цирк! Стояли на коньках плохо, цеплялись друг за дружку, падали. На маме была узкая белая юбка в чёрную клетку, а на отце серые брюки. И свитера одинаковые, с оленями на груди. Насмешили публику. Пришлось мне прятаться, чтобы не поняли, что это мои родители. Им тогда лет по 35 было.

А однажды, мне уже пятнадцать исполнилось, меня сбил какой-то хулиган. Было сотрясение мозга. Я маме не сказала. Пошли с подружкой к бабке лечить мою голову. Она ремнём что-то измеряла, шептала. Дня три меня тошнило. Звон стоял, а искры из глаз до сих пор помню.

В десятый класс я пошла в Благовещенске — и окунулась совсем в другую жизнь. В классе я была не только новенькой, но и чужой.

Спустя годы приехала однажды в Магдагачи и удивилась разрухе, она чувствовалась во всём. Уехали друзья-одноклассники, а иные рано ушли в мир иной. Прошлась по знакомым улицам — тоска напала. Ничего не изменилось в лучшую сторону.

Но для меня Магдагачи остаётся одной из главных географических точек в моей судьбе, верным товарищем моего подросткового детства. Парк с уютными аллеями, фонтаном, танцплощадкой и каруселями. Качели — лодочки до неба взлетали... Вокзал — центр встреч и расставаний, новостей и сплетен. Первая любовь — наивная, смешная, короткая, со звонким поцелуем в щёчку. Первый глоток вкусного портвейна в весенний день Первого мая...

Иногда прикосновение к привычным вещам вдруг ассоциируется с давними событиями или с местом, давно забытым, и память упрямо возвращает тебя в прошлое. И начинают возникать эпизоды — один за другим. Они толкуются, ждут своего выхода. Ждут переоценки. И вот уже отфильтрован былой негатив переживаний, остаётся лишь ностальгия — боль светлая, добрая, душещипательная, печальная.

Вот таким он был, посёлок городского типа Магдагачи, таким я его и храню в памяти. Крепко держит, не отпускает, а ведь прошло шестьдесят лет...

И ещё столько историй из той далёкой реальности ждут своего появления на свет.

Жибек Тагалина

Жибек Даировна Тагалина родилась в Кустанайской области (Северный Казахстан). Окончила профтехучилище, работала прядильщицей на камвольно-суконном комбинате в Кустанае.

В 1985 приехала на строительство Бурейской ГЭС, трудилась на бетонном заводе машинистом строительных машин, в 1988 окончила заочно Куйбышевский энергостроительный техникум. Живёт в посёлке Талакан Бурейского района. Стихи её печатались в районной газете. В альманахе «Приамурье» за 2014 год опубликован рассказ «Тополиный пух детства».

Рассказы

Книга

Наверное, так бывает у многих людей, когда самые светлые, самые добрые воспоминания — это те, что из детства и юности. Ведь всё закладывается ещё в детстве. Многое, конечно, зависит от семьи, но имеют значение и соседи, и друзья, и даже случайные знакомства, события.

Нам повезло жить в нашем лесхозе. Его основали совсем рядом с посёлком городского типа у самой реки Тобол, а на другом берегу раскинулся наш областной город. В ночное время, когда зажигались огни, весь город начинал светиться всеми своими разноцветными вывесками, и тогда мне, маленькой девочке, все они виделись разноцветными поездами. И хотя они никуда не ехали, мне казалось, что они мчатся куда-то далеко-далеко...

Мне тогда было уже семь лет, и только-только начиналось лето. Ещё немного — и я пойду в школу, в первый класс. Читать я пока не умела, знала только половину алфавита, да и некогда было родителям заниматься с нами — у меня было ещё двое младших братьев. Родители работали, дома было большое хозяйство: корова, куры, утки...

В нашем лесхозе, где мы жили с его основания, с начала 60-х годов, было много детей, и все мы были очень дружны, как и наши родители, которые работали в лесхозе. Да и времена были благословенные — советские. Тогда праздники старались отмечать не семьёй, а с соседями. Дети все вместе играли в игры. Девчонки играли с мальчишками и в футбол, и даже в войну, где были медсёстрами. И что бы мы ни делали, делали сообща, в том числе лазили в огород таскать помидоры и огурцы. Тогда, в начале основания нашего лесхоза, у нас даже огород был общим, то есть был большой огород, огороженный одним забором из шта-

кетника, и разделялись семейные участки только межой между грядок. А нам, детям, было всё равно, на чьей грядке раньше поспела клубника или морковка. И взрослые, проходившие мимо, одинаково гоняли нас со всех грядок.

А когда на конторе лесхоза повесили почтовый ящик, нас, детей, очень заинтересовало: как это взрослые пишут письма? Захотели и мы написать, и не кому-нибудь, а самому Брежневу Леониду Ильичу. Ребята постарше, которые закончили первый-второй классы, писали своими каракулями, а мы, ещё не знавшие грамоты, наперебой просили не забыть написать и про каждого из нас. Писали про то, как хорошо мы здесь живем, где и кем работают родители, а в конце так увлеклись, что даже позвали его, Брежнева, в гости к нам в лесхоз... Потом к нашим родителям приходили люди из органов, благо им и искать никого не надо было: мы ведь указали свои фамилии и точный адрес: всё прямо и прямо — ну, чтобы не заблудились.

В начале того незабываемого лета в наш лесхоз направили на практику студентов лесного техникума. Расположили их в конторе в кабинетах. А наша контора после рабочего дня для нас, детворы, была местом игр, а также посиделок: возле конторского здания стояли две длинные скамейки. Мы, набегавшись в такие игры, как «через дорогу» и «догонялки», садились отдыхать и продолжали играть, уже сидя, в «глухой телефон» или в отгадывание названий кинофильмов по первым буквам.

Студенты, в основном больше парни, были весёлые, по вечерам устраивали возле конторы свои посиделки с гитарами или бегали в посёлок на танцы. Но также и дрались с поселковыми ребятами. После таких разборок по утрам на штaketниках находили чьи-то порванные рубашки.

И была среди этой бесшабашной братии одна девушка. Чуть полноватая, с круглым лицом и светлыми волосами, собранными в хвостик, она, в добавок ко всему своему бесцветному виду, ещё и носила небольшие круглые очки. Девушка совершенно не была похожа на своих однокурсниц, да и трудно было её представить, такую скромную, среди подруг, скачущих на танцах. Конечно, ребята обходили её своим вниманием, для них она была слишком серьёзной.

Наверное, поэтому она стала общаться с нами. Девушка явно любила возиться с малышняй. Она сумела организовать нам досуг не только играми, но заинтересовала ещё и чтением детских книжек. Это были стихи Агнии Барто, Самуила Маршака, Сергея Михалкова, а также сказки. Читала она вслух с выражением, и это всегда было интересно. Но со временем всё меньше детей собиралось возле неё на скамейке. А потом так получилось, что единственным слушателем осталась я одна. Может, потому что я жила рядом с конторой. Эта девушка уделяла мне, маленькой, чужой ей девочке, много внимания. Видя мой интерес к книгам,

она, с разрешения моих родителей, повела меня в поселковую библиотеку. В первый раз в жизни я была в библиотеке и впервые увидела столько разных книг. Я не просто ими любовалась, а прекрасно понимала, что в них столько интересного, захватывающего, столько разных историй, чудес. И вот тогда я очень сильно захотела научиться читать.

Закончилась практика у студентов, и эта девушка уехала. Но за это недолгое наше знакомство она стала для меня дорогим и родным человеком. Прошло очень много лет, но в моей памяти она осталась навсегда такой же молодой, чуткой, доброй.

И вот наступило первое сентября, я пошла в школу. Чтению я училась по-своему, мама очень этому удивлялась. Когда она спрашивала, на какой странице сегодня задано читать в букваре, я спокойно отвечала, что с самой первой страницы и до той, где на самом деле было задано. Я очень старалась, торопилась научиться читать, но в конце учебного года, когда я уже умела читать бегло, со мной случилось непонятное. Были Первомайские праздники, и, соответственно, в букваре были стихи со словом «ура!». Я почему-то не сразу, а лишь через несколько часов смогла прочитать эти три буквы. Для меня это был шок.

А первой самостоятельно мною прочитанной стала не детская книжка, а самая настоящая документальная повесть «Партизанской тропой». Её написал ветеран войны Кайсын Кулиев. Повесть о партизанах Белоруссии, о войне, где фашисты убивали, сжигали даже детей. Там такая правда о войне, о самых простых людях, вынужденных воевать с самыми подлыми нелюдями — фашистами. Там воевало и много детей-партизан.

Тогда в нашей школе на первом и втором этажах, где располагались младшие классы, в коридорах висели фотографии с краткими биографиями детей-героев, погибших на войне, а на третьем этаже, где были старшие классы, — фотографии комсомольцев: и молодоговардейцев Донбасса, и Зои Космодемьянской... И хорошо помню, как, прочитав эту книгу, я уже по-другому смотрела в глаза юных героев на портретах. Там была большая душа — и боль, какую вынесли на себе они, чистые душой дети. Они никого не предали, не испугались постоять за свою страну, потому что считали её самой лучшей на свете, а ещё, наверное, и потому, что рядом с ними были в основном умные, добрые люди, научившие их всему хорошему, настоящему. Всю боль героев, их любовь к людям и ненависть к врагу я чувствовала как свои собственные.

Перечитав всё для себя интересное в школьной библиотеке, я стала ходить в большую поселковую, в ту самую, куда водила меня студентка-практикантка. Для меня эта библиотека стала второй школой. Там были

строгие правила: за потерянную книгу требовали возмещение, а если ничем не сможешь вернуть, то могли и запретить ходить к ним.

Однажды, учась уже в классе пятом, попала в такое положение, потеряв книгу, и я. У родителей я не могла попросить денег, они и так меня ругали за излишнее чтение. Полгода я сходила с ума от безысходности, пока не рискнула пойти на преступление. Сменилось время года, я сменила зимнее пальто и шапку. И вот, в другом уже виде, пришла в библиотеку и, назвавшись другим именем и другой фамилией, снова записалась к ним. Я чувствовала себя шпионкой, было страшно от того, что меня раскроют и будут стыдить. Однажды так чуть и не случилось: когда я ещё выбирала книги, зашёл мой одноклассник. Хорошо, что он меня не сразу заметил, а когда увидел, я тут же попросила его говорить потише, а потом быстро ушла. Сейчас, по прошествии лет, я думаю, что меня, как самую заядлую читательницу, библиотекари всё же узнали, но делали вид, что не узнают. Спасибо им за это.

Благодаря хорошим, умным книгам я никогда не чувствовала себя одинокой. Мне никогда не было скучно, я ведь могла мысленно просто улетать из обыденного в такие дали, в такие пространства и века — вплоть до космических... Всю свою жизнь я больше всего читала советскую литературу, авторов всех республик и народностей Союза. Мне было интересно узнавать об обычаях, традициях и жизни народов в нашей общей истории. Любила и русскую классику. Так, читая Чехова, узнаёшь всё о натуре человека, о его слабостях, и понимаешь, и жалеешь его, даже если он — последний подонок и ничтожество.

В иностранной литературе мне нравилось читать и Марка Твена, и Джека Лондона. Но именно у Джека Лондона показана вся суть англосаксонской двуличности. Там, в одном из рассказов, прижившийся среди белых и почти привыкший к их образу жизни коренной индеец отказался вместе со всеми белыми, которых вдруг, ни с того ни с сего, обуяла жалость к «краснокожим», скинуться на бог весть какую копеечную благотворительность. И вот тогда эти «высшие существа» в своём благородном негодовании его чуть не убили. Как же так: они, белые, тратятся — а он не хочет поддержать их в этой показной человечности!

А лучшей детской литературой я считаю нашу, советскую. Рассказывалось в ней больше о хороших людях, об их добрых и, главное, невыдуманных делах.

Читая о таких людях, я снова вижу скромную участливую девушку, студентку-практикантку, — чуть полноватую, со светлыми волосами, собранными в хвостик, и в круглых очках.

Простая песня

Наш город, расположенный у самой реки Тобол, в семидесятые годы можно было назвать вторым Иваново — городом невест. Там ведущими предприятиями были фабрики, где работали в основном женщины: кондитерская, швейная, обувная... Что уж говорить о камвольно-суконном комбинате с целым микрорайоном Текстильщиков.

При комбинате было своё профтехучилище, где готовили кадровых рабочих — ткачей, прядильщиц... Для нас — девчонок, поступивших туда в 1977 году, после восьмого класса, — годы учёбы стали самыми незабываемыми в нашей жизни. Помню первое собрание, где выступил директор училища. Он сказал нам, первокурсникам:

— Вы пришли сюда на три года. Оглянуться не успеете, как эти годы пролетят, даже не заметите...

Мы загудели, смеясь в ответ:

— Это долго, целых три года...

И вот, после стольких лет, понимаешь, как же он был прав. Эти три года пролетели, пронеслись, как птицы, как река весной, как проносится всё самое хорошее, светлое, куда всегда хочется вернуться.

Нас заселили в общежитие, по четыре человека в комнату. Девушки в общежитии были в основном приезжие, из районов. Но у нас учились и несколько городских, которые жили дома с родителями. Со мной в комнате все три года учёбы прожили очень серьёзная Надя Леонтьева, добрая Соня Выймова, а также Валя Краснова — самая безалаберная и при этом самая компанейская, она ходила в драмкружок и очень смешно копировала Маврикиевну из дуэта с Никитишной. А я запомнилась им, наверное, больше тем, что на ночь рассказывала вычитанные из книг истории, которые интерпретировала как бог на душу положит.

В самый первый день в общежитии девчата, решившие всё сделать сами — и уборку, и перестановку, — выгнали меня погулять. Недалеко от общежития был пустырь, а дальше сады и дачи. Было очень тепло, стояло бабье лето. Гуляя одна по полю и срывая ковыль, я вдруг почувствовала, что здесь и сейчас — счастливое мгновение в моей жизни. Этот день, это поле, чувство полной свободы — и тут же невесомость и хрупкость моего состояния. Понимание того, что это чувство счастья, это ощущение своей юности больше никогда не повторятся.

Потом, через несколько лет, было такое же ощущение неповторимости счастья. Мы сидели с матерью на веранде за столом. К матери в гости пришла её подруга. Я смотрела на них и понимала — вот оно, счастье.

Вот моя мама, здоровая, ещё не старая женщина, просто разговаривает со своей подругой. А на улице лето, на столе чай с вареньем и мамиными пышками. Пройдут полчаса, час, уйдёт её подруга, мы займёмся другими делами, и всё кончится. Кончится это мгновение счастья, когда так хорошо и спокойно.

И тогда, на том поле, я чувствовала это мгновение счастья от такой юной своей жизни. Чувство счастья — и печали, что всё проходит. Сейчас вернусь в общежитие к девочкам, к делам, к заботам, и всё пойдёт своим чередом.

Нашей 23-й группе в училище завидовали. В других группах в начале учебного года тоже было по тридцать человек, а к концу первого курса могла остаться только половина. А у нас такого отсева не было. В начале учебного года выскочила замуж девушка по прозвищу Роза Рымбаева — она была похожа на эту певицу, мы даже не успели к ней привыкнуть, и поэтому только так она и запомнилась. В конце второго курса замуж вышла Галя Лейбург, а в конце третьего курса, перед самыми экзаменами, не удержалась от замужества Таня Аскарова.

Комсоргом у нас была Света Хлызова, и она была на своём месте во всех отношениях. Люди, которые не тяготятся своими обязанностями и всегда готовы тебя выслушать, помочь, — это настоящие вожаки. Такой же была и наша староста Света Кулаковская, очень доверчивая, открытая. Однажды она доверилась нашей городской однокурснице-моднице Рае Бровкиной, чтобы та сделала ей модную стрижку. Через какое-то время прибегает к нам в комнату Рая с криком:

— Спасите! Она меня убьёт...

Следом с ножницами влетает Света Кулаковская:

— Что ты наделала! Как я на люди выйду?

Оказывается, самоуверенная Рая сразу отхватила ей чубчик под самый корень. Ну не рассчитала, оправдывалась она. Бедная Света долго ещё носила косынку, завязывать которую помоднее посоветовала та же Рая.

У Раи была подруга ещё со школы, Рита Самович, тоже наша однокурсница. Они вместе воплощали образы Дон Кихота и Санчо Пансы. Худая высокая Рая — и всегда рядом полноватая, ниже ростом, Рита, обе с короткой стрижкой.

Особым характером выделялась ещё одна наша однокурсница из города, Таня Бородина. Это был человек-сноб. Со многими общалась, как бы делая одолжение: мол, я тут случайно, не место мне тут с вами. Полной ей противоположностью были две подружки-красавицы, Надя Сауленко и Таня Пантелеева, они могли поделиться последним и никогда не ставили это себе в заслугу.

Были у нас и свои спортсменки. Смуглая Анка Даршт занималась гимнастикой, была очень гибкой и умела выгнуться змеей. А надеть на неё сари и поставить мушку на лбу — чем не Зита и Гита? А второй была высокая Людмила Якимова, она могла заниматься любым видом спорта. Ей доверялось всё, что связано с физическими усилиями. Это был весёлый, никогда не унывающий человек и при этом надёжный друг. Хотя могла устроить подругам и розыгрыш. Однажды в походе нас, с продуктами, отправили раньше остальных. Нас — это меня, Тамару Гончарову, любительницу поворчать, и Люду Якимову. У Люды был фотоаппарат, и она предложила, чтобы мы с Тамарой несли мешки с картошкой и другими продуктами, а она нас будет снимать. Как только мы ей, негоднице, не позировали. Пока Люда сама, лопаюсь от смеха, не выдала себя. Оказывается, она и не собиралась нас фоткать, а только делала вид — чтобы не нести эти мешки. Мы с Тамарой закидали её картошкой, которую потом все вместе, ползая, собирали.

Любила розыгрыши ещё одна наша шутница — Таня Эдварс. У неё, оказывается, была сестра-близнец, о которой Таня прежде нам не говорила. И вот однажды обе оделись одинаково (а это у них, близняшек, было, конечно, в крови — одеваться одинаково), и заходит в комнату сначала её сестра. Мы, думая, что это Таня, обращаемся к ней по-свойски, разговариваем, а она ни слова в ответ, только улыбается. Затем как ни в чём не бывало заходит сама Таня — и смеётся над нашим шоком.

А Ирина Фарафонова, с большими синими, почти фарфоровыми глазами, казалась мне святой, хотя она не считала зазорным и неприличным целоваться с парнем в первый день знакомства. Однажды прибегают девочки из их комнаты и, смеясь, зовут послушать, что говорит и о чём плачет Ирина. Это было странно видеть: стоят её подружки по комнате и смеются, а она плачет, захлёбываясь горькими слезами. Наконец на наши расспросы она еле выдавила:

— У меня завтра день рождения. Семнадцать лет будет. А я не хочу, не хочу расти...

Так же искренне она плакала, когда случился инцидент между Китаем и Вьетнамом. Все говорили о войне. А Ирина тогда, ещё до Афганистана, плакала о наших мальчиках:

— Если будет война, то наши тоже пошлют свои войска. И убьют наших мальчиков.

Хорошими девочками были Света Деркач и Люда Кузнецова. Но вот беда: после окончания учебы они обе пригласили и меня, и, конечно, всех остальных на свои свадьбы. И обе назначили свадьбу в один и тот же день и час, живя при этом в разных районах нашей области. Многие из наших однокурсниц так и не выбрали, куда ехать, чтобы никого не обидеть.

Все мы и правда были дружны до такой степени, что, расставаясь на каникулы, плакали. Недавние школьницы, мы, живя в общежитии, вдали от родителей, проходили новую школу жизни. День начинался с утренней зарядки: пока было тепло, мы пробегали вокруг нашего общежития по несколько кругов, затем, умывшись и переодевшись, бежали в училище в столовую. Потом была обязательная пятиминутка, где нам объявляли план занятий на этот день.

Постоянно были учебные занятия, производственная практика, спортивные соревнования, а в Доме культуры — разные кружки по интересам.

Во всем этом нам помогали наши замечательные учителя, начиная с классного руководителя, Любови Ивановны Вороновой, и мастера по производственной практике, Нины Михайловны Марущенко. Они сами были ещё молоды — каждой около двадцати пяти лет. Нина Михайловна часто приходила к нам в общежитие и запросто общалась с нами. При этом на занятиях она была очень строга и требовательна, не давала спуска нашей лени. Однажды, когда мы опоздали на пятиминутку, с которой начиналось каждое утро перед занятиями, она оставила нас без завтрака и сразу повела на работу. После она просила у нас прощения — всё же это работа на станках и с нами могло случиться всё что угодно. Но и для нас это тоже было уроком на всю жизнь.

Учитель химии Владимир Васильевич и географ Василий Васильевич были друзьями. Обоим было уже под пятьдесят лет. Учитель химии, если был не в настроении, мог ставить всем подряд, независимо от правильных ответов, только двойки и колы. И наоборот, при хорошем настроении — только четвёрки и пятёрки. Но ставил так, чтобы потом исправить их на заслуженные оценки. А учителя географии мы любили за то, что после обязательной программы урока он оставлял минут пять-десять и мы задавали вопросы на самые разные житейские темы. Отвечал он серьёзно, как взрослым, и это не было пошло, а наоборот — ясно и понятно.

Были ещё две учительницы-корейки. Учительница по физике Людмила Филипповна Цой, очень стройная, красивая и строгая на уроках, и полной ей противоположностью — учительница по литературе, маленькая, пухленькая и нестрогая Валентина Дмитриевна Те. Противоположностью столь короткой фамилии была и её манера ведения уроков. Валентина Дмитриевна очень подробно объясняла свой материал, а когда кто-то из девчат, отвечая у доски, делал малейшую заминку, то она сама почти полностью излагала весь ответ. При этом говорила очень быстро, как и двигалась.

Английский язык вела казашка Канзада Сейдтимбетовна, которую мы за глаза звали согласно её предмету — Канзас Сити. На английский

язык давалось два урока подряд. На первом уроке было достаточно сказать, что у неё очень красивая блуза или юбка, и спросить, где она это купила, — и весь урок уходил на обсуждение модных вещей, где их купить, а лучше — пошить. Но наступал второй урок, и нам уже было не до шуток — она спрашивала и за первый, и за второй урок.

И ещё любимыми учителями были математичка Татьяна Ивановна и преподаватель общей технологии Надежда Васильевна. Даже получая от них заслуженные нами двойки, мы никогда не чувствовали себя униженными. Понимали, что надо стараться, не лениться и слушать внимательно на уроках. Все преподаватели обращались с нами на вы, и это было большой разницей с тем, к чему мы привыкли в школе. Они в каждом из нас уважали личность и никогда не унижали.

Мы жили насыщенной жизнью. По осени нас вывозили на поля собирать урожай капусты, картофеля, моркови. Всегда в этих поездках на автобусе наши девчата пели песни. А песни были такие, которые никогда не передавали по радио, — песни-поэмы, песни-истории. Как же наивно и трогательно они звучали, когда их пели совсем юные девчонки.

Мы сразу, с производственной практики на первом курсе, уже зарабатывали деньги, получая сначала копейки, затем полновесные двадцать — пятьдесят рублей, а к концу третьего курса — и полторы сотни, деля свой заработок с училищем, то есть сразу отдавая долги государству — за жильё, питание, спецодежду, обувь...

И хотя в нашем училище учились в основном только девушки, не считая одной-единственной мужской группы, где готовили помощников мастеров, мы не скучали даже на закрытых своих вечеринках. Даже наоборот: те, кто, не умея танцевать, стеснялся посещать танцы на городских площадках, тут раскрепощались — им все помогали, учили и танцевать, и петь.

Самым насыщенным, наверное, был второй год учёбы. Нам объявили, что весь год будет соревнованием во всём. Для этого надо было хорошо учиться, то есть без троек и двоек, заниматься общественной жизнью, да и хорошее поведение тоже учитывалось. Группа, которая победит, летом поедет по путёвке в Волгоград.

И мы старались. У меня лично доходило до смешного. Когда я схватила тройку по физике, наша строгая Людмила Филипповна Цой под напором моих однокурсниц дала мне пять минут на подготовку, то есть срочное прочтение нужного параграфа, и, выслушав мой быстрый пересказ прочитанного, прямо на лестнице исправила тройку на четвёрку. Добавив при этом, что это за наглость девчат и за моё упорство. Затем,

когда я не подготовилась к общей технологии и мне грозила двойка, девчата также стали просить за меня: мол, она не специально, а потому что была на занятиях в мотокружке. Я и правда в то время занималась в ДОСААФ. Тогда всё понимающая Надежда Васильевна стала спрашивать меня уже по мотоциклу, по его техническим данным, и я, мысленно поблагодарив пацанов из ДОСААФ, учивших меня уму-разуму, ответила на четвёрку. Так переживали за каждого.

Когда закончился второй курс и подвели итоги, то оказалось, что только две группы шли на равных по всем показателям — наша 23-я и 24-я. Тогда выбрали из двух групп самых активных, начиная с комсогов и старост. Меня включили тоже, так как я состояла в редколлегии. Сопровождали нас наши два мастера и учительница по математике Татьяна Ивановна.

В Волгограде нас хотели заселить на каком-то острове, но что-то не сложилось, и нас разместили в гостинице в центре города, напротив Мамаева кургана. Чему я была очень рада, так как мой отец, прошедший во время войны Сталинград, просил меня поискать на памятниках павшим фамилии его однополчан. Нашла я только двоих, хотя времени у меня было много.

Наши мастера каждый вечер после ужина устраивали нам моцион в целях профилактики — чтобы меньше оставалось сил и времени на танцы, которые каждый вечер устраивали на открытой площадке гостиничного ресторана. Сначала на Мамаев курган мы ходили в босоножках на каблуках. Подниматься наверх было ещё терпимо, но спускаться на каблуках было больнее. Мы стали надевать обычные сланцы, благо ходили ближе к вечеру и в темноте это не так бросалось в глаза. Хотя тридцать девчат, ходивших чуть ли не строем, трудно было не заметить.

И даже после походов на Мамаев курган мы всё же делали попытки сбежать на танцы. Однажды, когда девчата опять собрались в самоволку на танцы, меня оставили на стрёме. Я должна была при появлении мастеров на лестнице предупредить девчат, танцевавших на открытой площадке, помахав им из окна полотенцем. А на нашем этаже в холле в этот вечер собрались мужчины — посмотреть по телевизору футбольный матч. Двое из них попросили из нашей комнаты стулья на время матча. И я, стоя на стрёме, следя за лестницей, находясь за спиной всех этих болельщиков, невольно тоже засмотрелась на матч. Тогда было интересно смотреть на игру наших футболистов: ведь играли не за деньги, не то что нынче.

Следя за игрой, я всё же оглядывалась на лестницу, но когда забивали гол нашим, я, думая, что меня никто не видит, в отчаянии заламывала руки, а когда наши забили гол, то я с ликованием, хотя и беззвучно,

хлопала в ладоши. Но потом я заметила, что сидящие ко мне спиной болельщики как-то странно реагируют на ход матча. Нашей команде опять забили гол — а они смеются. И только после этого я, к своему ужасу, разглядела большое зеркало в холле, а там — я во всей красе. Я сразу представила, как я реагировала на каждый гол, прыгая и гримасничая мартышкой. Какой там футбол, мужчины следили только за моей реакцией, им и этого было достаточно. Потом, когда возвращали нам стулья, один из них спросил, улыбаясь:

— Вы, наверное, боялись, что мы вам стулья ваши не вернём?

Что я могла на это ответить? Только то, что я очень, ну очень люблю футбол.

Каждый день были интересные экскурсии, ездили по памятным местам. Были на Цимлянском водохранилище, видели очень много огромных осетров. Даже повезло попасть в цирк на выступление самого Кио — он в это время был там на гастролях.

Также повезло два раза попасть на Дон с выданным нам сухим пайком, весь день мы купались, загорали. К нам на лодке подплыл старик, он там рыбачил. Расспросив нас, кто мы и откуда, он сказал:

— Никогда не забывайте, что здесь была война, страшная война. Погибло очень много наших солдат. Много и простого народа погубили здесь фашисты. Никогда не забывайте это...

Вроде бы простые слова он сказал, но это было как напутствие, как наказ нам, молодым.

Была ещё одна незабываемая экскурсия — на Солдатское Поле. Мы выехали за город в автобусе с открытыми окнами. Девчата, как обычно, пели песни. И тут нас догнал другой автобус, полный молодых солдат, и, конечно, девчата сразу запели уже для них:

Идет солдат по городу,
по незнакомой улице,
и от улыбок девицких...

Ребята махали нам из окон, весело смеялись. Но потом никто уже не пел — все только смеялись, потому что наши водители автобусов, как сговорившись, стали по очереди обгонять друг друга. И мчались по дороге два автобуса с молодёжью, с ума сошедшей от смеха. Так, смеясь, мы ехали до самого поворота, где солдаты свернули в сторону. Потом было Солдатское Поле, которое лишь несколько лет назад очистили от осколков, мин и снарядов. Только недавно стали на нём пахать и сеять. А на краю этого поля поставили памятник и на бетоне сделали остроконечную яму, как от взрыва. И туда сложили всё смертоносное железо с этого поля. Но к нашему посещению из мелких осколков там

уже ничего не осталось, кроме больших кусков от танковых гусениц, от снарядов и бомб.

Перед самым отъездом я всё же нашла для себя, что взять на память о Сталинграде. На берегу Волги, напротив Мамаева кургана, где была наша гостиница, я взяла десяток мелких камней. Для меня это были не просто камни, а камни, омытые кровью наших солдат, а может, и моего отца — он там не раз был ранен.

Потом я всё это описала в своём сочинении на выпускном экзамене. Был 1980 год, год 35-летия Победы. На экзамене была свободная тема — к Дню Победы. И я просто описала нашу поездку в Волгоград. А когда всем по алфавитному списку объявляли оценки за сочинение, то мою фамилию пропустили. Уже объявили Самович Риту и тут же следом Ударову Ирину, а меня — нет. Все стали оглядываться на меня, тоже не понимая, в чём дело. Огласив весь список, Валентина Дмитриевна, сделав паузу, сказала:

— А вот это сочинение мы читали в учительской и чуть не плакали...
— И опять замолчала.

Что я только не передумала, пока она молчала. «Ну зачем, зачем я писала на свободную тему? Надо было — как все...»

Но тут она продолжила:

— Хорошее ты написала сочинение. Мы даже решили напечатать его в нашей газете «Текстильщик».

Правда, я так и не узнала, напечатали его или нет.

Верно говорил директор училища: оглянуться не успели, а уже заканчивался третий год обучения. Наступила третья в нашем училище весна. Мы недавно ходили с ночёвкой в поход, с восьмого на девятое мая. Это были обязательные ежегодные походы на турбазу, где ставили палатки, ночевали под открытым небом, с песнями и разговорами у костра. Там были озеро, хвойный лес, поляны. Рядом отдыхали школьники четвёртых-пятых классов. Кому-то из девочек пришло в голову поиграть с этими детишками в футбол. Такого сумасшедшего и весёлого футбола я не видела никогда, перед этим поучаствовав, конечно. Но, получив хорошую шишку на ноге и сидя уже в сторонке, я хохотала до слёз. Мы, в отличие от мальчишек, играли непонятно по каким правилам. Нас, девочек, на поле было человек сорок, и вместо того чтобы пасовать друг другу этот неуловимый мяч, мы бегали, как стадо слонов. Как мы ещё не раздавили бедных деток, которые, при наших неимоверных потугах, всё же забили нам голов десять, если не больше. Но наши девочки тоже не остались в долгу — они свой единственный гол занесли в ворота мальчишек на руках.

А вечером к нашему костру подъехали с ночевкой гонщики на легковых автомобилях «Москвич». Они, оказывается, недавно вернулись из Польши. У них были такие пёстрые по окраске машины — тогда всё это было необычно и интересно. Они устроили нам танцы под их импортные магнитофоны с записью зарубежной эстрады. Перед этим поставив свои машины полукругом с включёнными фарами. Получилась настоящая танцплощадка.

Нет, никогда нам не забыть наши походы.

На улице была весна, последняя в училище весна. Цвели сады... Проходили последние занятия перед экзаменами. Наступила большая перемена между уроками. На втором этаже, где находилась учительская, включили, как всегда, радио. Передавали концерт по заявкам. Мы с комсоргом нашей группы Светой Хлызовой обсуждали, устроившись у подоконника, предстоящий выпуск стенгазеты. Кроме нас, на этаже было много таких же занятых своими разговорами девчат. И тут по радио запела Анна Герман:

Дурманом сладким веяло,
когда цвели сады,
когда однажды вечером
в любви признался ты...

После первых слов песни постепенно замолкали девчата. А когда Анна Герман пела уже припев этой песни:

Один раз в год сады цветут,
весну любви один раз ждут.
Всего один лишь только раз
цветут сады в душе у нас...

— наступила странная для большой перемены тишина. Все как будто были одни на этом этаже, как бы ушли куда-то, так далеко отсюда — взглядом, душой... Все слушали, и каждая видела своё, как бы примеряя на себя, что пела певица:

И платье шилось белое,
когда цвели сады,
ну что же тут поделаешь —
другую встретил ты.
Красивая и смелая
дорогу перешла...

И эти слова песни с такой болью отражались на наших лицах.

В это время из учительской пулей выскочила наша учительница по литературе Валентина Дмитриевна. Видимо, они там все забеспокоились: почему так тихо на большой перемене? Она хотела пройти дальше, но, увидев наши задумчивые, серьёзные лица, только тихо закрыла за собой дверь. Спасибо ей за это.

Заканчивалась песня:

Всего один лишь только раз
цветут сады в душе у нас,
один лишь раз, один лишь раз...

Может, кто из нас и раньше слышал эту песню, но, послушав её именно сейчас, задумался. Эта простая песня как бы привела к пониманию той жизни, которую никому из нас не обойти — в роли обиженной, или разлучницы, или просто той, кому хочется счастья.

Заканчивалась большая перемена, и кончалась учёба в дорогом для нас училище. Кончалась наша юность — такая беспечная, счастливая юность.

В конце всё же хочется добавить: всех наших учителей помним и любим.

Александр Бобошко

Александр Семёнович Бобошко родился в 1953 в Райчихинске. Окончил Хабаровский институт культуры, режиссёрско-театральное отделение. Работал в Хабаровском филиале Всесоюзного агентства авторских прав. В 1979 переехал в Благовещенск, работал художником-оформителем, ведущим дискотеки. Одновременно в ДК «Речник» являлся режиссёром театральной студии. Литературно-музыкальная композиция о творчестве В. Высоцкого «Он не вернулся из боя», подготовленная им в соавторстве с Николаем Парханоком, получила первое место в номинации «Патриотическое воспитание» на Всесоюзном смотре-конкурсе дискотечных театральных программ в 1981. В 2000–2011 был штатным корреспондентом газеты «Амурская правда», вёл литературное приложение «Глагол». С 2001 — артист Амурской областной филармонии, подготовил 9 авторских программ. Член Союза писателей России с 1997, выпустил 12 книг, написал более двух тысяч песен и стихотворений.

РАЗНОЦВЕТНОЕ ОДЕЯЛО

Было мне тогда лет восемь, ну а может, даже меньше.
Но уже я был стабилен, однолюб, не переменчив.
Если нравилось мне что-то — от него не знал покоя,
Не менял свои пристрастия ни на что уже другое.

Так же вот и получилось с разноцветным одеялом.
Моя бабушка по маме классно шила, вышивала,
И носило полпосёлка то, что бабушкины руки
Мастерили по заказу — сарафаны, юбки, брюки.

Помогала бабе Лене шить немецкая машинка.
Под ногой моей бабули колесо скрипело шибко.
Как рождались брюки, юбки, я смотрел благоговей.
Мягко на пол опускался лоскутов волшебный веер.

Цвет их разный: жёлтый, красный, синий. Ох, как всё красиво!
«Собирай их, внучек, вместе!» — громко бабушка просила.
И в мешок большой холщовый я укладывал моментом
Из сатина и вельвета яркой радуги фрагменты.

...А когда к бабуле в гости снова я приехал летом,
Вот тогда-то ближе к ночи и увидел чудо это.
Всё вокруг переменилось, заискрилось, засияло —
Из тех самых лоскуточков баба сшила одеяло!

Собирались спать тогда мы. Было нас четыре внука.
«Все берут по одеялу, — приказала баба. — Ну-ка,
Хватит баловаться, черти! Вы не ведаете меры». —
Три лежало одеяла рядом с нами блёклых, серых,

А четвёртое — подальше, в стороне сверкало, сбоку.
Хоть и был я самый младший, всех быстрее к нему — ей-богу! —
Вихрем яростным домчался, долетел в одно мгновенье
И светился весь от счастья в лоскутковом озаренье.

Крепко сжавши одеяло, настороженно в сторонке
Ожидал я нападения братьев старших и сестрёнки,
И оно бы неизменно состоялось, я их знаю,
Но сказала баба Лена: «Сашку тронете — тогда я
Всех отшлёпаю по ляжкам ремешками и руками.
Вы ленились — только Сашка помогал мне с лоскутками».

Свет погас. И, ошалевший от своей внезапной прыти,
Задремал я, обладатель разноцветного покрыва.
Просыпался и держался я за чудо крепко снова,
Но никто не покушался, зная бабушкино слово.

А когда проснулся утром, любовался одеялом,
На все эти лоскуточки: пирамиды и овалы.

...Мир у нас довольно серый. Незаметностью охвачен.
Ну а мне всегда хотелось, чтоб смотрелся он иначе,
Ярче был. Но мы уныло мчим по замкнутому кругу.
А порой всего-то надо лоскутки пришить друг к другу.

Годы шли. В гостях бывая, я просил весьма усталым:
«Ты накрой меня, бабуля, разноцветным одеялом».
...То, что снова мир бесцветен и невзрачны перемены, —
Просто нет давно на свете одеяла бабы Лены.

2017

ЗЕЛЁНЫЙ ЦВЕТ

С далёких самых разных лет,
Ещё был несмышлёный,
Не полюбил я чёрный цвет.
Я полюбил зелёный.

За годы многое чего
Менял я: то и это...
А сохранил вот статус-кво
Я в отношении цвета.

Не просто чёрный не люблю.
Есть веская причина.
Всё в чёрном сведено к нулю.
Он знак — всему кончина.
Он знак — иных исходов нет.
Пробел напрасно ищешь.
Один лишь страшный чёрный цвет
Царит на пепелище.

За то я не люблю его,
За то он мне не милый,
Что освещенье таково
Всегда внутри могилы.

И в небе не было бы звёзд
Такого изобилья,
Тогда и небо — не вопрос,
Конечно б, невлюбил я.

К подобным выводам не сам, —
Пришли другие тоже.
Рыдают: «Жизни полоса
Лишь чёрная, о боже...»

Я цвету чёрному не рад.
В нём толку никакого.
Вон и Малевича квадрат
Не от ума большого.

От светлых мыслей — радость, смех
И пламя Прометея!

А мысли чёрные у тех,
Кто гадости затеял.

С зелёным чёрный не сравнить,
Навеки — антиподы.
Нельзя зелёный не любить.
Ведь это цвет природы,
Цвет жизни. Он — сама весна!
К началу устремлённый.
Как говорят про пацана? —
«Юнец ещё, зелёный».

А я без «зелени» в тоске.
Безрадостный. Во мгле я...
Когда ж есть «зелень» в кошельке —
Намного жизнь светлее.

Зелёный чёрному назло —
В горах и буераках.
И человечки в НЛО
Зелёные. Однако
Летят на Землю. Цвет травы
Пленит «тарелок» массу.
На Марсе жизни нет, увы.
Их не затащишь к Марсу.

А впрочем, общих правил нет.
Мир столь разъединённый.
Пусть кто-то любит чёрный цвет,
Но я люблю зелёный.

2017

**ПИСЬМО В РОССИЙСКУЮ
АКАДЕМИЮ НАУК
от двух амурчан — Петра и Василия**

Обращаемся мы к вам, академикам,
Потому что нет на сердце покоя.
Не подумайте, что мы — ради денег к вам.
Деньги есть у нас, хоть мы и в запое.

Как не пить? Мы ж — патриоты, фанатики.
Пьём, поскольку за Россию страдаем!..
Отстаёт страна, увы, в космонавтике.
Ведь на третьем месте уж за Китаем.

Позабыли мы давно про овации.
Никаких побед, одни униженья.
Возим мы американцев на станцию
Над Землёю. Вот и все «достиженья».

Положение сейчас просто гибельно —
Космонавтов подготавливать новых.
Говорят экономисты: «Не прибыльно!»
А с Васей мы лететь хоть завтра готовы!

Пусть на Марсе — минус сто на экваторе.
Ночью мы ЗИМОЙ в подъезде — не летом! —
На полу бетонном спали, поддатые.
Утром встали — даже насморка нету.

Усадите нас в ракету с заданием:
До планеты Марс домчать за полгода.
Нам особого не надо питания,
Представителям простого народа.

Ни салями, ни икру осетровую,
Сыра, маслица, яиц не давайте.
Спирта лишь на день бутылъ пол-литровую,
Банку кильки лишь на день выделяйте.

Не загубит нас тогда радиация,
Невесомость не ослабит суставы.
И опять уйдёт вперёд наша нация.
США, Китай мы сзади оставим!

Как по Марсу погуляем с Василием,
Запоём «Шумел камыш» — вот уж точно
Будет снова мир гордиться Россией и
Космодромом нашим новым Восточным.

Хватит нас дурить проектами-сказками!
Академики, скорей за работу!

Где искать нас? В кабаке «Первомайском» мы
Тренируемся с Васюхой к полёту.

2016

ПРО ПИСАТЕЛЕЙ РАЗНЫХ

Писатели, в общем, обычные люди.
Изысков особых в писателях нет.
Прозаика утром будильник не будит,
Поэт преспокойно проснётся в обед.

Один стихотворец жуёт с аппетитом.
Другой ест немного и вечно худой.
Как все, литератор болеет отитом,
Ангиной, запорами и хромотой.

Он может быть личностью очень манерной.
«Я — главный! — кричит. — Остальные — балласт!»
Он любит, когда его хвалят безмерно.
Третировать он конкурентов горазд.

Коллегу хулить им большой опыт нажит.
Найдя десять строк неудачных, плохих,
Про творчество всё он с ухмылкой скажет:
«Коряво! Лишь — тексты, отнюдь не стихи...»

Вон та поэтесса достойна оваций
На сцене! Но в жизни — двулична, позёр.
Хоть ласково может тебе улыбаться,
Но, знай, на тебя наточила топор.

А рядом — с улыбкой елейной, слащавой,
Таких же и строк стихотворных — творец.
Из уст его льётся Всевышнему слава!
Он дьявол в душе, лицемер и хитрец.

Вот этот писатель вчера был за красных,
Сегодня — за Врангеля и Колчака.
Он ловкий и гибкий, со всеми согласный,
И вся его жизнь безмятежно легка.

Писатель вон тот смотрит в щель туалета.
В замочную скважину вставил свой глаз.
Толстенную выпустил книгу про это.
Дружок его, критик, орёт: «Высший класс!»

А третий прозаик — раскрученный, модный.
В его сочиненьях обруган бандит.
Считает толпа: он — борец наш народный.
А он с тем бандитом за рюмкой сидит.

...Писатель не виден сегодня. Не глыба.
Шаги не слышны. Тихо галькой шуршит.
Не ждут его плаха, петля или дыба.
Он судьбами нынче уже не вершит.

И всё-таки есть тот, чьё сердце пылает.
Стремится строкою рассеивать тьму.
Его «обрубают», он снова кропает.
Хотя и не верит уже никому.

Письму научиться не так уж и трудно.
Шагаю дорогою длинной, большой.
Сегодня важнее в толпе многолюдной
Собой оставаться с открытой душой.

Павел Маркелович Никиткин родился в 1950 в Калужской области. Воспитывался в детском доме. После школы окончил Абрамцевское художественное училище, отслужил в армии. В 1974 переехал на Дальний Восток. Окончил факультет русского языка и литературы Благовещенского педагогического института.

Член Союза художников России и Союза российских писателей. Автор четырёх сборников стихов и шести книг прозы. Его стихи и рассказы печатались в журналах «Амур-батюшка» и «Дальний Восток», в альманахе «Амур», в коллективных сборниках дальневосточных писателей. За сборник прозы «Русский берег» (2009) удостоен Амурской премии в области литературы и искусства.

Рассказы

Медвежатник

В этот раз очередной отпуск мы с женой решили провести у родственников в одной из западных областей страны. Благо хозяин семейства, как и я, тоже был заядлым рыболовом и охотником.

Зима в том году там стояла мягкая, с небольшими морозцами и кратковременными снегопадами. В первое время интересно было ходить на рыбалку, сидеть целыми днями на льду с мормышкой, вспоминать и рассказывать рыбацкие байки. К сожалению, дневной наш улов составлял десяток-другой уклеек, ёршиков и окуньков. Хорошо, что лёд толщиной был не более вершка и на сверление лунок сил тратилось немного.

Над нами и нашей добычей жёны посмеивались. Моя говорила:

— Неужели ты и дома пошёл бы на целый день за этой килькой?

Нет, дома, на Дальнем Востоке, в это время при наших морозах и более чем метровой толщине льда, за такой килькой я не пошёл бы. Избалован, наверное, более крупной рыбой, чем местные ёршики. От женских нападок мы с Василием отбивались шутками: не хлебом единым жив человек; время, проведённое на рыбалке, в стаж жизни не засчитывается; рыбалка даёт не только улов, но и хорошее настроение, и здоровье, и т.п. Оправдывались как могли, хотя гораздо приятнее было бы удивить наших суженых добрым уловом. Но....

Со здоровьем мы поспешили, потому что через несколько дней я занемог. Сказалось долгое лежание на льду, когда высматривал добычу в сплетениях тины и других подводных растений. На пару дней рыбачить прекратили. Но об этом жалела, может быть, только кошка.

— Конечно, у вас там ловятся таймени, кета, ленки, хариусы, а нам приходится довольствоваться уклейкой да окуньком, — как бы оправдывал местный улов Василий. — Ничего, пойдём на охоту — там душу отведём.

После моего выздоровления решили с Василием переключиться на охоту.

Пошли.

Долго бродили по оврагам небольшой долины у речушки, по ольшаникам да ивнякам. Долго собаки-гончаки искали след дичи, изредка подавая голос, пока, незримые, не ушли со слуха.

— Лиса увела. Теперь вернутся вечером или завтра утром, — с сожалением сказал Василий.

Нравятся мне местные зимние пейзажи. Мягкие, в приглушенных тонах, тонко колоритные. Но более десяти дней любоваться ими не могу. Не могу долго выдержать без солнышка. За три десятка лет я влюбился в природу Дальнего Востока и длительные разлуки с ней переношу с трудом. Вот и сейчас то ли от бесполезной ходьбы, то ли от раннего окончания дня вспомнились маньчжурская тайга, сопки...

Вышли в поле...

— Смотри, идёт наш знаменитый охотник. — Мой родственник указал на одинокую фигуру среди поля.

— Мне кажется, что он стоит, а не идёт.

— Тогда пошли к нему. Всё равно мы без собак как без рук, ничего не добудем. Поговорим со стариком. Ему приятно, и мы что-нибудь интересное от него узнаем. Алексеич — это такой охотник, такой охотник.... В общем, родом-то он отсюда, местный, но за свою жизнь где только не побывал, где не охотился. Всю жизнь, все молодые годы отдал охоте. И джейранов на юге стрелял, и медведей в Сибири не один десяток положил.... Даже на белого медведя на Таймыре ходил. Короче, охотник-медвежатник. Про мелкую дичь даже рассказывать не будет. Вот теперь, на закате лет, вернулся в родные края и по старой привычке, вспоминая молодость, охотится только на зайцев.

Мы шли к старику, а он, словно памятник, в длинном брезентовом плаще, островерхой шапке, напоминающей шлем русского богатыря с картины Васнецова, стоял средь поля.

Подожли.

Дед не двинулся с места — окаменел. В одной трясущейся руке перед собой он держал аккуратный квадратик газетной бумаги, предназначенный для самокрутки, а вторая, опущенная долу, как бы указывала на рассыпанный по снегу табак и валявшийся кисет. На лицо его смотреть было стыдно и жалко. Голова дёргалась, губы тряслись, в глазах — старческие слёзы.

— Здорово, Алексеич, — приветствовал Василий.

— Здравствуйте, — в свою очередь сказал я.

Старик долго ничего не мог выговорить, потом трясущимися синими губами произнёс:

— Он... тут... Тут он, — указал на след зайца.

Мы осмотрелись. Заячий след уходил в сторону леса. Но это был след уходящий, и начинался этот след в двух метрах от Алексеича, а входного-то не было. Непонятно...

— Он... тут, тут лежал. Я... я остановился закурить... а он... он снизу, снизу меня... как дал, как вдарил... Я не понял. Похоже, что наступил я на него, а он... он снизу в меня...

Мы долго смеялись, представляя картину, как заяц снизу, под плащом, с перепуга бьёт старика.

А дед махнул рукой и, не поднимая кисета, неестественно мелкими шажками, словно ноги его в коленях были связаны верёвкой, засеменял в сторону деревни, оставляя за собой двойную борозду вспаханного ногами снега и неприятный запах.

Лирическое настроение

Выдался необычайно хороший предновогодний день. Солнышко светило так тепло и ярко, словно извинялось за вчерашнюю метель, словно забыло, что на дворе декабрь, а не март. С утра ощущалось такое возбуждение, что дома, в четырёх стенах, пребывать не хотелось.

Призывно и радостно звонит телефон. По-видимому, такое настроение не только у меня.

— Петро, ты что сегодня собираешься делать? Выйди на улицу, посмотри, какая погода. Может быть, это последний погожий денёк в этом году, — говорил мой старший приятель и спутник по таёжным вылазкам Сергей Данилович. — Есть предложение смотаться в тайгу и закрыть лицензию на косулю. Пропадает бумага... С Денисом я уже говорил — полностью поддерживает.

Что я мог ответить?

— Через полчаса буду готов к выезду. Жду.

И вот катит наша машина по таёжной просеке, укрытой снежным пуховым покрывалом. По сторонам стоят белые берёзы, окутанные алмазными искрами инея, а в просвете деревьев небеса разливают синь. Такие же синие тени полосами пересекают дорогу и уходят по склону в распадки, словно там у них тайная встреча.

Пятна на берёзах, обычно чёрные, покраснели, украшая белые сарафаны деревьев. Сам снег, казалось, тоже сменил белый цвет на жёлтый.

Хорош денёк! В душе праздничная благодать.

— На развилке, Денис, остановись — проверим правый березняк, — командует сыну Данилыч.

Остановились.

— Ты, Петро, стань вон на тот угол рощи — будешь просматривать и падюшку, и вот этот сенокос. Я пройдусь немного вперёд и стану под сосной. Буду караулить эту дорогу, а Денис — у него ноги длиннее, да он и моложе нас — дойдёт дорогой до конца рощи и оттуда с шумом и криком прошерстит этот березнячок. Ну, с Богом...

Разошлись.

Примерно через полчаса со стороны Данилыча прогремело два выстрела. Всё! Загон окончен. Возвращаюсь на дорогу.

Мы с Денисом почти одновременно подошли к стрелявшему, но ничего, кроме звериной тропы, возле него не заметили.

— Эх, батя... Они же в десяти метрах от тебя прошли, а ты? Старый стрелок, — вздохнул Денис и направился мимо нас по следам косуль. Прошёл метров двести, махнул рукой и вернулся.

— Понимаете, ребята, — как бы оправдывался Данилыч, — наваждение какое-то.... Первым вышел козёл и посмотрел на меня таким взглядом... таким взглядом, что до сих пор руки дрожат.... Всю мою душу вывернул своими глазами. Ну, я и смазал.... Простите, ребята...

— Вот и закрыли лицензию, вот и добыли свеженинки к Новому году... Теперь тебе, батя, ружьё надо на стену вешать и писать стихи или мемуары, — не унимался Денис.

А я понимал Данилыча: зачем такой прекрасный день омрачать чьей-то смертью. Красота-то какая вокруг, Господи!

— Давайте, мужики, попьём чайку, но не из термосов, а вскипятим на костре свежий, и непременно к заварке добавим веточку багульника — для запаха, — предложил я отцу и сыну. Для разрядки обстановки.

О рыбаке и рыбке

Всё, сегодняшний клёв, как и сам день, закончился. Наиболее заядлые добытчики пошли по берегу ставить закидушки на озёрных ночных хищников. А любители поплавочного ужения пристроили свои удочки у палаток и начали собирать в округе хворост, мусор — всё, что сгодится для костра.

Когда первые языки пламени осветили ближайшие кусты, народ начал подсаживаться к огню. Конец мая — это ещё не середина жаркого амурского лета. Вечерняя прохлада заставляет одеваться теплее и не отказываться от ласкового дыхания огня. А где костёр, где объединённые одним «недугом» люди, там начинаются байки. Тема, конечно же, одна — рыбалка.

— Это было лет сорок с лишним назад, во второй год моего проживания на земле Амурской, — начал своё повествование Григорий Демьянович. — Обзавёлся я тогда мотоциклом «Иж-Юпитер» и мог колесить в пределах сотни-другой километров вокруг Благовещенска в поисках хорошей охоты и рыбалки. В первый и, до сегодняшнего дня, единственный раз приехал на озеро Кравчино. Рыба утром клевала неохотно, и больше внимания я обращал не на поплавки, а на местные красоты.

Но вот поплавок одной моей удочки тихо качнулся, потом пару раз дёрнулся и исчез под водой! Осторожно подвожу добычу к берегу и... дыхание задержалось, а сердце начало учащённо стучать в моей груди. Я вытащил рыбку небольшого размера, но необыкновенной красоты! Такую красавицу видел впервые.

Тельце упругое, торпедообразное, цвет тёмный с фиолетовым отливом, а линии чешуи ровные, словно начерченные карандашом по линейке. Чем-то этот живчик напоминал маленького сазана, но тело у него прогонистей, стройнее и вся голова украшена разноцветными точками: красными, белыми и перламутровыми. Чудо!

Поскольку тогда, да и до сих пор, я не видел ни белого, ни чёрного амур, то подумал: вот он — чёрный амур!

Для большей убеждённости в своей догадке пошёл к соседу-удильщику, бережно держа в ладонях свой улов. Но тот оглядел рыбку и сказал, что не знает, амур это или ещё какая порода — такую видит впервые.

К нам стали подходить другие рыболовы, все с интересом разглядывали рыбку, но никто не мог определить её породу.

— Юрий Алексеевич, подь сюда, — крикнул один мужичок в сторону. — Сейчас он нам всё объяснит. Он, похоже, всех рыб Амурского бассейна знает. Не голова, а целая рыбная энциклопедия.

Я думал, что вот сейчас подойдёт почтенный старец и решит нашу задачу, но произошло неожиданное.

На зов подошёл парнишка лет двенадцати-тринадцати. В тёплых зимних ботинках без шнурков и застёжек, стареньких спортивных брюках и тяжёлом свитере-самовязке. Белые, давно не стриженные волосы торчали из-под спортивной шапочки.

Он только взглянул на предмет всеобщего интереса и бесцветным равнодушным голосом изрёк:

— Пескарь. Чёрный пескарь.

Молчание сковало всех собравшихся. Многие приоткрыли рты.

— Да мы что, пескарей не знаем?! — возмутились. — Столько за жизнь переловили и не знаем? Не знаем обыкновенного пескаря? Ну, ты, пацан, и даёшь! Думать надо, прежде чем такое говорить.

— Обыкновенного белого или пятнистого вы ловили и знаете, — невозмутимо согласился «авторитет». — А вы знаете, что в природе есть

сотни родов и тысячи видов пескарей. И ещё: эта рыбка относится к семейству карповых. А разукрашен он, как петух, потому что у пескаря сейчас, в мае-месяце, время нереста. Такой у него брачный наряд.

Долго молчали рыбаки, переглядываясь друг с другом. Потом мужичок, позвавший этого спеца, спросил:

— А почему ты не в школе?

— Болею я... температура. Ладно, пойду домой, а то мамка сейчас с фермы придёт, и мне может влететь. — И он направился к своей удочке.

Самым убедительным доказательством, что Юрий Алексеевич — в самом деле знаток местных рыб, явился садок, который он вытащил из воды. Там было килограмма три-четыре тёмно-золотистых красавцев карасей. Улов же каждого из нас в это утро составлял не более двух-трёх особей. Вот тебе, бабушка, и юрки в дверь. Специалист!

С тех пор я ни разу не ловил чёрного пескаря и сюда приехал с надеждой хотя бы увидеть его. Не ловил и не видел также и чёрного амура.

Барское гело

Ужин закончен, а идти в палатку на ночлег желания ещё нет. Этот момент на летне-осенней утиной охоте — самый расслабляющий и лирический. Ветер, который весь день неумолимо выбивал слезу, стих, на глубоком тёмном небе ровно горят звёзды, и только жёлтые сполохи костра освещают лица четверых охотников, полукругом расположившихся на остывающей земле. Редкие искры костра по вертикальной спирали стремятся вверх, чтобы занять место среди звёзд, но судьбой это не предусмотрено, и, пролетев чуть более метра, они угасают.

Разговор долго не завязывается. Приятно гудят руки, натруженные вёслами, полуприкрыты глаза, уставшие выискивать среди метёлок камыша силуэты пролетающих уток, отдыхают ноги от резиновых сапог-болотников. Приятная истома. Можно пойти в палатку и прилечь на нагретые за день спальники, но в одиночку делать этого не хочется...

— Сегодня не повезло — двух кряковых упустил, — медленно и, кажется, без особого сожаления посетовал Иван Михайлович — самый старший из охотников. — Видел, куда падали, но не нашёл. Хотя коршунов тоже надо кормить, а может, и лиса или енот подберут. Был бы жив Монгол, такого бы не случилось. Без собаки на охоте плохо. Недаром говорят, что охота без собаки — как свадьба без невесты.

— Да, — лениво отзывается Олег. — Хорошая собака — большая подмога. Помню, когда у меня был Амур, так дело до курьёзов доходило. Да... Бывало, что и без выстрела с добычей домой приходил. Обойдём

с ним вокруг озера, где утром мужики охотились, смотришь — одного-второго подранка отыщешь... Работник был.

— Что твой Амур? Он работал только два месяца в году. Не перетруждался. Если десять месяцев только корм переводить, то пару можно и поработать. Спаниель несчастный... Вот Монгол, считай, круглый год работал и по зверю, и по птице. Только летом у него был передых. Лайка — это собака! Универсальная собака, — сказал третий охотник — Евгений.

— Он и летом не отдыхал — сад караулил, — со вздохом заметил Иван Михайлович.

— На то она и лайка, чтобы работать и по зверю, и по птице, — как бы заступаясь за Амура, проговорил Олег. — У каждой породы своё предназначение. А вот как работает собака — это полностью зависит от хозяина. Как натаскал, такая и будет отдача.

— Не скажите, — вступил в разговор четвёртый охотник, Артём. — У всех собак, как и людей, между прочим, способности разные. Есть особи, которых и натаскивать необязательно — от природы талантливой и сообразительной, но бывают и такие, что не поддаются никакой натаске. Мучаешься с ней, мучаешься, а толку — ноль. Даром нервы и время тратишь, а потом — куда её девать? Не выбросишь и не подаришь. Ничёмные. Сколько таких? Впрочем, не только собак...

— Но с собаками бывают случаи, которые трудно объяснить, — как бы отгоняя дрёму, проговорил Иван Михайлович. — Если хотите, то расскажу вам одну забавную историю.

— Давай, валяй, Михалыч... Всё равно сна нет ни в одном глазу. Рассказывай...

— Это произошло лет этак семь-восемь назад. Был в нашей бригаде зимней охоты мужичок, — начал Иван Михайлович. — Называть его имя не буду. Кто узнает — догадается, о ком речь, а кто не знает — для того назову его Фёдором. Была у него собачонка непонятной породы. Не сеттер, не спаниель, хотя шуба её была в мелком крапе. Вместо хвоста — обрубок, уши — не больше, чем у фокстерьера. Ни шерсти, ни внешнего вида. Короче, дворняга, но с претензиями на породу. Претензии претензиями, а способностей к охоте сей зверь не проявлял. Хотя кличку имел тоже непростую — Граф.

Было у этого Графа несколько странностей.

Во-первых, панически боялся воды. И не то чтобы утку из болота достать, а даже близко к берегу не подходил. Ноги в воде не замочит. На берегу озера находятся — а хозяин ему пить в миске приносит. Ну Граф и есть Граф! Сядет на бугорке и издалека наблюдает, как хозяин, передвигаясь по горло в воде, добычу собирает. Фёдор из воды кличет: «Граф, Граф, ко мне!» — а пёс невозмутимо так на него взирает: мол, не барское это занятие — из болота уток доставать.

Во-вторых, Граф не переносил одиночества. Ни за что не хотел оставаться без внимания, а спать на улице, как все собаки, для него такая участь была смерти подобна. Только в машине, только в палатке или в зимовье...

Ещё каприз отпрыска «благородных» кровей: ел только из своей миски. Ни с пола, ни с земли, ни из рук еду, какая бы она вкусной ни была, не брал — привередничал.

Как я уже говорил: ни на зимней, ни на весенней и осенней охотах толку от него не было. Одни неудобства, которых окружающим он доставлял великое множество.

Вы понимаете, что зимовьё не стадион — в нём всегда немного тесновато. Естественно, что о вертящегося под ногами Графа кто-нибудь да споткнётся. Тут уж, несмотря на высокий титул, особа получала полагающийся ей пинок. Но лучше, если бы этого пинка не было — такой поднимался визг и скулёж, что хоть святых выноси.

Ещё была одна самая неприятная особенность у пса — по-большому оправляться он мог только на чистом месте: на дороге, на тропинке или прямо на пол. Сами понимаете, какие «ласковые» слова летели в адрес хозяина Графа, когда утром кто-нибудь наступал на «мины», оставленные его воспитанником.

Как вы знаете, на зимней охоте мы в основном передвигаемся на машине. Добираемся до намеченного места, завозим загонщиков, расставляем и собираем «номера». И большее время находимся в салоне вместе: и люди, и собаки.

— Фёдор, не бери ты, пожалуйста, своего Графа в тайгу, — умоляли ребята. — Помощник в охоте он никакой, только «шептунов» пускает — воздух портит.

Конечно, может быть, и другие собаки «голубков» пускали, но все шишки сыпались на Графа.

— С кем я его дома оставляю? Жена категорически отказалась с ним гулять — не желает позориться, а больше положиться не на кого. Кому ещё он нужен? — страдальчески вопрошал Фёдор.

— Собаку жалеешь, а бригаду травишь газами, как немцы ипритом травили русских в первую империалистическую.

Как видите — не собака, а стопроцентный террорист. «Достал» он всех окончательно.... Но тут произошёл случай, о котором и хочу рассказать.

Однажды, когда мы были на охоте, наше зимовьё посетили гости — незваные и нехорошие. Нашкодили немало — выбили стекло в окошке, разбросали посуду, продукты, постели и заготовленные сухие дрова. Даже пытались разрушить печь. Так конкуренты хотели «выдавить» нас с этого участка. Неприятность.... С того дня мы решили: лучше взять

ещё одного человека в бригаду, чтобы дежурил в зимовье, чем однажды вернуться с охоты на пепелище. А чтобы дежурный не скучал, оставляли с ним и благородного пса Графа, этим мы избавлялись от его присутствия в машине. Дежурили по очереди, да...

В одну из предновогодних охот нам очень не везло — дня три возвращались в зимовье уставшие, раздражённые и без добычи. Пустышка...

В тот памятный день наступила очередь дежурства Фёдора, а мы поехали на охоту. Возвращаемся ночью опять ни с чем.... Выходим из машины, и первое, что замечаем — насыщенный запах жареной свежинины! Входим в зимовьюшку — второе несказанное и непредвиденное событие: Граф — этот тунеядец и белоручка — лежит не в своём углу под нарами, а на нарах, на спальном мешке хозяина! Ну, это уж слишком! В такой, прямо сказать, напряжённый момент сей факт мог превратиться в большие неприятности и для самого Фёдора.

— Не гоните его, не обижайте, — кинулся на защиту своего питомца Фёдор. — Он сегодня заслужил.... Я вам сейчас всё расскажу.

Оказывается, когда мы уехали, Фёдор навёл порядок в помещении, наколот дров на ночь и принялся чистить картошку. Граф в это время занимался своим делом — похрапывая, спал на овчинном тулупе под нарами. Вдруг он вскочил и кинулся к двери. Фёдор подумал, что собака услышала шум машины, но время проходило, а никто не приезжал. Потом пёс начал скулить и лапами скрести дверь. Фёдор выпустил его на улицу, и через какое-то время оттуда донёсся лай и визг собаки. Опасаясь за четвероногого друга, дежурный бросил картошку и нож, схватил карабин, зарядил его, выскочил наружу и... остоленел. Не далее чем в тридцати метрах от избышки стоял огромный секач, а вокруг него с визгом и лаем крутился Граф. Кабан спокойно разгребал рылом помойку и никакого внимания на собаку не обращал. «Слон и Моська».

У Фёдора от волнения даже руки-ноги затряслись, но несколькими выстрелами он завалил кабана. Потом почти до самой темноты разделывал тушу и развешивал мясо на деревья.

— Я одного опасался, — говорил дежурный, — как бы пулей не зацепить Графушку. И второе: если приедет охотинспекция, а у меня-то лицензии на добычу кабана нет — она же у вас, — будут большие неприятности. Слава богу, всё обошлось благополучно. С полчасика назад закончил возню с вепрем. Устал как собака.... Вот он какой у меня, Графушка, умница! Порода взяла своё! — И Фёдор погладил пса, сияя от умиления.

Вот такой финт выкинул бригадный террорист, беспородный Граф. Тут подумаешь и о пользе натаски, и о сообразительности, и о природных способностях братьев наших меньших. Да...

Юрий Богомолов

Юрий Михайлович Богомолов живёт в Архаринском районе, в маленькой деревушке. Кругом тайга, с которой очень близко знаком. Занимается пчеловодством. Судя по произведениям — очень наблюдателен, владеет прекрасным литературным языком. Любит тайгу, знает все нюансы жизни в таёжном крае.

Рассказы

Марь

Ночное небо, перемигиваясь свинцовым мерцанием Млечного Пути, медленно вращалось вокруг Полярной звезды. Угловатое созвездие Большой Медведицы тусклым взором подслеповатой старухи смотрело вниз, на окутанную седым туманом марь, протянувшуюся на многие километры среди бескрайней тайги. Труднодоступная, лежащая вдалеке от дорог и каких-либо построек, эта марь веками являлась излюбленным местом для разных зверей, особенно в ночное время. Многочисленные косули, спасаясь от невыносимого летнего зноя, с наступлением темноты спускались с сопок и любили бродить по закрайкам широкой болотистой низменности. Ночная прохлада, скапливаясь в низине, поднималась по тесным распадкам между высоких сопок, обрамляющих марь, зазывая осторожных зверей в гости. Здесь, словно в оазисе, относительно мирно уживались медведи, косули, изюбры и прочие лесные жители.

Озираясь высоко поднятой ушастью головой, осторожно пробиралась среди высоких трав косуля, пугливая и по-своему прекрасная. Позади неё, путаясь в траве, семенили на тоненьких ногах два её отпрыска. Маленькие, серенькие, они спешили за ней, боясь отстать и быть пойманными голодными лисами, которые тоже наведывались сюда. Лисы ловят в основном лягушек, мышей и прочую мелкую живность, не забывая по пути разорять птичьи гнёзда, но при случае никогда не

побрезгуют и более крупной добычей вроде несмышлёного детёныша косули.

Чуть раньше из лесу вышел лось. Осмотревшись и не заметив ничего, что могло бы ему помешать, он направился в глубь трав: где во тьме спряталось за завесой тумана озеро. Там росла его любимая трава, сочная трёхлистка. Большие зелёные, похожие на капустные, листья, посеребрённые росой, торчали из воды. В такое место доберётся не всякий зверь — болото не пропустит кого попало... Но лось шагал без опаски, шлёпая раздвоенными копытами по сырой почве.

Хриплый, отрывистый, похожий на лай, крик самца косули, незаслуженно наречённого в народе козлом, путаясь во тьме, полетел в ночи над сопками. Проваливаясь в ложбины, почти замолкал, но, ударившись в темноте о землю, мячиком подскакивал и летел, рассыпаясь, вверх, сильным эхом растворяясь в несмолкаемом гуле комаров. Что-то испугало рыжего и рогатого и заставило насторожиться остальных. Но что? Ответом на всё была тишина...

Но и тишина может многое рассказать тому, кто умеет её слышать. Оглушающая, звенящая, давящая тишина заставила насторожиться козулю. Она теперь была не просто грациозным животным, которое в случае опасности может с лёгкостью убежать. Позади неё в траве шуршали два крошечных и одновременно очень тяжёлых «якоря».

Мать. В чьём бы обличье она ни находилась, мать всегда остаётся матерью и всегда готова встать на защиту своих детей. И неважно, кто она — грозный хищник, которому нет равных и перед которым преклоняются все остальные, или крошечная синичка, которая самоотверженно бросается под ноги, рискуя всем, с одной-единственной целью — увести подальше опасность от своего гнезда. Гнезда, в котором едва ли поместится обычная луковица... Так стоит ли овчинка выделки? Стоит. Однозначно стоит! Ведь в крошечном, с такой заботой и любовью построенном из сухой травы клубочке лежат три, а то и четыре маленьких, конопатых, с ноготь величиной, яйца. Продолжение пернатого рода. Так устроен этот мир.

И косуля, слыша предостерегающий крик своего сородича, замерла вслушиваясь в тихий шелест тишины. Прошла минута, показавшаяся вечностью. И вновь грубый крик козла, перекликаясь с эхом, полетел, расталкивая тьму, и пропал, проглоченный туманом. Оглядываясь по сторонам, встревоженная косуля торопливо повела своё потомство поближе к кромке леса. Туда, где заросли трав, перемешиваясь с кустарниками, давали хоть какую-то надежду укрыться от опасности. А опасность была. Была совсем близко. Об этом отчётливо шептала тишина...

Сухо и едва слышно щёлкнула веточка — и шорох мокрой травы, словно из ниоткуда, послышался в полусотне метров левее, как раз там,

где намеревалась укрыться косуля. А она словно шепнула что-то своим детёнышам, которые, как по команде, ещё не до конца понимая зачем, легли в траву, будто растворившись во тьме. Шорох усилился и двинулся навстречу. Медлить больше было нельзя! Резко оттолкнувшись от земли, косуля подпрыгнула как можно выше и вбок. В прыжке увидела наконец причину тревоги — и бросилась в сторону опасности. Намереваясь пробежать как можно ближе, но с таким расчётом, чтобы не угодить в лапы хищника и, когда он бросится в погоню, увести его как можно дальше от своих детей. Но громадный, чёрный, как беспросветная тьма, медведь лишь приподнялся над травой и с кажущимся безразличием проводил взглядом косулю, вихрем промчавшуюся мимо. Шумно выдохнув воздух вслед беглянке, он с досадой, что его разоблачили, шумно двинулся дальше, оставляя после себя широкую полосу примятой травы.

Перепуганная косуля, казалось бы, должна была убежать без оглядки, но она замерла в трёх десятках метров. Материнский инстинкт словно гвоздями приколот её к земле. Вытянув шею, она смотрела на медленно удаляющегося мокрого от росы исполина. Мелкая дрожь выдавала волнение, и она, сама не понимая зачем, пошла вслед за медведем. И лишь убедившись в том, что медведь неспешно отправился по своим делам, успокоилась. На всякий случай осмотревшись ещё раз, отправилась к тем, ради кого только что рисковала своей жизнью. Осторожно пробираясь среди трав, отправилась к своим детям, которые по-прежнему неподвижно сидели там, где их оставила мать. Вскоре встревоженная косуля с тихим шорохом скрылась в зарослях, торопливо уводя своё семейство подальше от опасного места. Но кто знает, что или кто поджидает их впереди, скрытый чёрным покрывалом ночи.

В это самое время сквозь чащу медленно пробирался навстречу туманной сырости изюбр. Крупный, от природы очень осторожный и хитрый зверь. Далёкий крик козла не вспугнул изюбра, хотя и он не оставил без внимания этот сигнал тревоги. И на то были веские причины: рога. Точнее, панты. Покрытые тонкой кожей и коротким мягким ворсом. Осторожно пробираясь сквозь заросли, изюбр бережно нёс на голове десятикилограммовые, с каждым днём всё явственнее приобретающие очертания оленьих рогов, панты. Даже лёгкий удар тонкой веткой по ним причинял зверю боль, и это добавляло ему осторожности. И он на этот период вот уже седьмой год подряд уходил сюда. В этот глухой угол, где можно укрыться и спрятаться. Ведь бегать по чаще с таким «подарком» на голове было очень непросто. И сейчас, медленно пробираясь навстречу прохладе, он, со свойственной ему дотошностью, присматривался и прислушивался к тишине. И никто не знает, о чём она шептала ему.

Бесшумно, словно призрак, пролетел филин, расталкивая густую темноту круглой головой и опираясь на туман большими крыльями.

Усевшись на макушку первой попавшейся на пути лиственницы, принялся раскачиваться, безуспешно пытаясь поймать равновесие. Через пару секунд, оторвавшись от неудобного насеста, полетел дальше и беззвучно растворился во тьме. Тоскливый крик неведомой птицы, по которому можно сверять часы, издавлетка летел над сырой марью и, не находя преграды на своём пути, казалось, не смолкал, а попросту улелал дальше. Ровно две секунды звучит незамысловатая песня ночного исполнителя. И ровно столько же длится пауза.

«Уть-то-та, уть-то-та...» Укладываясь ровно в две секунды, поёт птица, слегка растягивая последний слог. И следующий двухсекундный интервал вроде как собирается с мыслями, прежде чем начать всё сначала. Казалось, что она кричит совсем близко, но в следующее мгновение приходило осознание, что она очень далеко. Загадочная ночная песня словно подтрунивала над своими слушателями: дескать, не поймаешь, не поймаешь... Словно некие лесные часы-ходики, лесная птица отсчитывала двухсекундными отрезками отведённое ночи время.

Зловещим красноватым заревом на востоке небосвода медленно ползала достигнувшая апогея в своём росте кроваво-красная луна. Непривычно огромная, алая, словно предостерегающая о грядущих страшных свершениях, она, поднимаясь ввысь, уменьшалась в размерах и приобретала привычный всем естественный холодный цвет. Туман, доселе скрытый тьмой, вдруг в свете луны словно пеленой накрыл притихшую марь.

Где-то в глубине леса глухо бубнил филин, перекликаясь с другим филином — его соседом. Сварливо, будто вредная старая тётка, ворчала сова. Одинокий соловей, безуспешно пытаясь найти себе собеседника в ночи, словно страдая бессонницей и не дождавшись утра, принялся звонко выводить трели в ночи. Холодный лунный луч, найдя прореху в кронах деревьев, осветил голосившего на все лады певуна и с удивлением пытался заглянуть в чёрные бусинки глаз необычного гостя, пожаловавшего в покой тьмы.

Близился рассвет. В предутреннюю тишину, нарушаемую пением соловья, резко ворвался крик кукушки. Туман, оседаая на листья, клонил к земле мелкий кустарник. Светлеющий от первых лучей восходящего солнца восток медленно преображал ночную картину. Осветив верхушки сопот, яркий свет всё отчетливей открывал доселе не видимые глазу яркие краски. И казавшаяся ночью угрюмой и мрачной, дышащей могильным холодом марь при свете дня расцветала яркой синевой ирисов, буйством зелёных трав и огромным многоцвётём всевозможных цветов. Туман всё ещё упрямо продолжал держаться за водную гладь Лосиного озера, но стайки мелких птиц уже спешили отовсюду к синееющему посреди болот водоёму, спрятавшемуся за изумрудными ресницами

камышей и рогоза. Прилетая, горохом рассыпались по вязким берегам и наперегонки с куликами, длинноногими завсегдатаями болот, что-то выискивали в сыром торфе. Ночь, отступая, бледнела перед дневным светилом, и проснувшийся многоголосый птичий хор гнал прочь звенящий шёпот тишины. Ночь, отбыв свой срок, ушла на покой, уступив место пришедшему ей на смену дню.

Куриная история

По утрам морозную тишину в посёлке нарушало не привычное «кукареку» с озябшей совхозной птицефермы, а ленивый лай собак, потревоженных скрипом снега под ногами спешащих на работу людей. Мерный гул тракторов и автомашин, везущих на ферму корм для птиц и уголь в кочегарку, окончательно прогонял сон.

Зато по ночам приставленный к ферме дед-сторож, едва заступив на дежурство, уходил от мороза в тёплую кочегарку и, поудобнее улёгшись на лавке в углу, сладко спал под монотонный гул котлов. Молодой, здоровенный, как памятник, Генка-кочегар исправно делал свою работу и, жалея деда, не прогонял его до утра. И воровство совхозного добра под покровом ночи считалось делом обыкновенным.

В одну из ночей на ферму пробрались два местных закадычных друга и беспрепятственно похитили десяток кур. Кудачущий мешок приволокли к жившему в посёлке прижимистому мужику, державшему на своём подворье крупное поголовье разномастной живности.

— Захарыч, выручи нас. Пригодятся...

— Совхозные? Почём отдашь? — придиричиво взглянув на мешок, спросил Захарыч.

— Полста голова. Бери, самых пушистых наловили.

Отдав прохиндеям пятьсот рублей, Захарыч ушёл в тёмный сарай, где притихли на насестах его собственные куры, и вытряхнул там содержимое мешка.

Забирая пустой мешок, ночные гости поинтересовались:

— А может, ещё возьмёшь?

— Ну-у... — неопределённо повёл плечом Захарыч.

Через час те двое снова принесли десяток кур. Довольный Захарыч отдал им ещё пятьсот рублей и снова высыпал кур в сарай.

Под утро ночные визитёры, разбудив хозяина стуком в дверь, в третий раз предложили ему знакомый мешок.

Опасаясь визита участкового, Захарыч отказался было от покупки, но пришедшие всё-таки «сосватали» ему ещё один (последний, как они

клялись и божились) десяток облачённых в перья совхозных душ. «Бери за пятьсот вместе с мешком...»

Жадноватый Захарыч недолго сопротивлялся: цена хорошая, да и мешок неплохой, новенький. Распрощавшись с поставщиками совхозного добра, хозяин подворья, в третий раз за ночь пополнив своё поголовье кур, поспешил в дом — мороз лютовал и норовил залезть под куцую телогрейку.

Однако недоброе предчувствие закралось в душу, не давая уснуть. «А вдруг обманули? Вдруг не по десять кур приносили, а штук по семь? Последний мешок так и вовсе лёгким показался... Надо было сосчитать, а я, дурень!.. Но, с другой стороны, пускай даже и по семь в мешке было — всё одно, если продать, навар будет. Как ни крути, а задаром отдали...»

Успокоившись, уснул.

Наутро, когда пришло время кормить живность, Захарыч зачерпнул в коробе полное ведро зерна — почти втрое больше, чем обычно. Кормёжки ждали теперь уже не двадцать, а пятьдесят курочек. В приподнятом настроении распахнул дверь в сарай — и остолбенел.

Из полумрака на него глядели двадцать его собственных, чистеньких и ухоженных, и десяток чумазных и бесхвостых совхозных куриц...

Осмотревшись, Захарыч понял по оставленным на снегу следам, что первый мешок он купил с фермы, а два последних — из собственного сарая...

Валерий Черкесов

Валерий Николаевич Черкесов родился 3 марта 1947 г. в Благовещенске. После окончания восьмого класса поступил в политехнический техникум, но проучился всего год. Был рабочим-путейцем на железной дороге, грузчиком на пивзаводе, сотрудником фильмотеки на Благовещенской студии телевидения. Одновременно учился в вечерней школе рабочей молодёжи №2.

Получив аттестат о среднем образовании, стал корреспондентом районной газеты «Вперёд» (п. Тыгда). Затем работал в областных газетах «Амурский комсомолец» и «Амурская правда», в газетах строительства Байкало-Амурской магистрали — «БАМ» и «Мосты магистрали», районных газетах.

Первые стихи Валерия Черкесова прозвучали по Амурскому радио в марте 1966 г., а несколько позже были напечатаны в «Амурском комсомольце». В дальневосточный период вышли его первые поэтические книги — «Вечные родники» (1977) и «Небо и поле» (1982), были публикации в столичном альманахе «Поэзия», в журналах «Москва», «Знамя», «Нева», «Аврора», «Дальний Восток» и в других изданиях.

В 1982 г. переехал в Белгород.

Автор двадцати пяти книг поэзии, прозы, публицистики, которые вышли в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», Международной литературной премии «Прохоровское поле», дипломант IV Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь».

В Союз писателей СССР (России) принят в марте 1991 г.

В новый сборник «Вопреки...» вошли стихотворения, написанные после выхода сборника «Где-то... Когда-то...» (2012), а также ранее, но не публиковавшиеся в предыдущих книгах.

«Ветру вешнему поверю...»

Из новой книги стихотворений «Вопреки...»

Если в чём-то и преуспел
на общественном поприще,
то в умении жить без помощи
тех, от кого не хотел
принимать ни подачек, ни почестей
лицемерных, и потому
я теперь ничем никому
не обязан — ни в общем, ни в частности.

Мы жили с тобой на планете другой...

Георгий Иванов

Мы тоже жили на другой планете,
в другой стране, наверное, не лучшей,
но знали, что, как мать, она нас любит,
не даст в обиду и поймёт, простит.

Банальные слова? Быть может. Только
в них правда есть — свидетельство тому
ликующие праздничные лица
на потускневших первомайских фото.

Наивными мы были, вероятно,
не сомневаясь, что когда-то станет
мир справедливым. Впрочем, и сегодня
мне эта вера силы придаёт

И не даёт отчаяться. Эпохи
сменяются, а люди остаются
такими же — добро преобладает
над злом, как ни ярится нанодьявол.

...На старой вишне вновь небесный цвет.

ОТВЕТ СКЕПТИКУ

Ты говоришь, что моя надежда
на будущее величие России
ничем не обеспечена,
что бодрые обещания правителей —
не более, чем собачий брех.
Может быть, может быть...
А в светлой обители
седоголовые старцы
молятся за нас всех.

В этом бескорыстном служении,
в словах, произнесённых устами
тех, кто отказался от мира и благ,
такая вера на возрождение и спасение —
посильней, чем равнение на государственный флаг.

2008

— Ничего чужого не бери,
даже если на земле валяется, —
бабушка мальцу, мне, говорит
и притом печально улыбается,
словно знает: будет не щедра
жизнь на блага, но мне хватит хлеба
чёрного, смотреть чтобы всегда
благодарно на родное небо.

ДЕТСТВО. 10 ЛЕТ

За полем, за лесом, за дальним холмом
я вижу на взгорке бревенчатый дом
белёный, который порушен давно,
но вижу как светлую явь всё равно.

Бескрайний Амур величаво течёт,
черёмуха старая буйно цветёт,
и небо такое, что хочется петь,
с весенними птицами к солнцу взлететь.

Пуškai обожгусь, пусть сгорю — в десять лет
мечта есть, а страха ни капельки нет.
Всё сбудется, верю, придёт только срок...
Не опоздать бы на школьный урок!

2006

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БЛАГОВЕЩЕНСК

Не возвращайтесь никогда
Туда, где счастливы вы были.

С. Демидов

Вопреки правилам беспрекословным,
которые никто никогда не писал,
я возвращаюсь снова
туда, где счастливым не стал.
Прогуливаюсь по улицам,
домик ищу заветный.

А солнце осеннее хмурится,
деревья стонут от ветра.
Они недовольны, наверно:
зачем дорожки топчу?
Как будто встретить хочу
прошрое. И непременно!
Вернуть заветную юность,
веру в добро и любовь.
Вот занавеска качнулась...
Неужто увижу я вновь
глаза её голубые,
улыбку как солнце? Увы,
давно здесь живут чужие,
и только шелест листвы
опавшей напоминает
о том, что было когда-то...
Каждый из смертных знает,
что возвращаться не надо.
Но безрассудное сердце
притягивается, как магнит,
потому что болит.
Куда мне от боли деться?..

2006

БАМОВСКИЙ ПОСЁЛОК

Светлой рощи островок —
стайку тоненьких осинок —
новостройки оттеснили
пылью вздыбленных дорог,
гулом, шумом, непокоем,
суею ночных огней.
Только небо голубое
по-над рощей голубей.
Вечерами ветер быстрый
звонкою листвой играет.
Здесь цветы бульдозеристы
для любимых собирают.

г. Тында, 1978

ДВА ЭПИГРАФА

1.

Поверю, что вы наступаете
По руслам новых дорог.

Л. Завальнюк

Головастые внуки
уткнулись с утра в смартфоны.
Сыновья озабочены
добычей средств на блага и пропитание.
Увы, у возраста
свои неписанные законы,
поэтому нет
ни стремления, ни желания
продвигаться
по руслам неизвестных дорог,
лучше душу погреть
на давно покосившейся лавочке,
втайне радуясь,
что пока милосердный Бог
помогает таскать
вдруг потяжелевшие тапочки.

2.

Поэты не взрослеют без причины.

Л. Завальнюк

Не только повзрослел, но постарел
и поседел.

И зеркало не врёт,
когда гляжу в него, желая видеть
беспечно лыбящуюся личность,
а натыкаюсь на изображение
какого-то угрюмого субъекта,
чей возраст следует определить
как финишный.

И лишь глаза ещё
напоминают, что когда-то был
мальчишкой, что я улыбаться мог

и даже хохотать.

Хотя, увы,
сейчас я в этом сомневаюсь —
хмур больно мой двойник.
Но почему двойник?
Я это, я! Вот шрам на лбу,
оставленный бичами
на стройке века.
Так я и не достроил
великий БАМ...

НА РОДИНЕ

Александр Урманову

На этой тропинке,
наверно, ещё остались следы
моих босых пяток
с царапинами от репейных колючек.
Если пойти по ней,
то окажешься у великой реки,
на которой чумазый пароход детства
гудит протяжно,
засывая отправиться в неведомые дали.

Но теперь-то я знаю,
никуда отправляться не надо:
самое дорогое,
что у меня было и есть, —
этот песчаный берег,
на котором стоял наш дом,
а у окна
всегда ждала меня мама.

М. Л. ГОФМАН . 70-е

Вот он с журналом «Новый мир»
в автобусе трясучем едет
и напряжённо носом водит,
вынюхивая на страницах

талантливое.
Улыбнулся,
сняв запотевшие очки.
Нашёл, наверное...

2008

ПОЭТЫ БАМа

Я приеду сюда, в свой распахнутый город...

Владимир Гузий

Наверное, где-то на скрижалях небесных
начертаны имена поэтов,
славивших стройку в стихах честных,
не снискав себе славы при этом.

Владимир Гузий

Олег Головки

Геннадий Кузьмин

Александр Симаков

Тамара Шульга

... ..

Они в этот город уже не вернуться,
не прогуляются по площадям...
Строки в вечности остаются,
а поэты в придачу оставили БАМ.

Читайте, потомки, наивных романтиков!
И, может, поймёте: да, есть в жизни, есть
то, что расчёту не поддаётся
и материальному не принадлежит.

2019

Чем я отличаюсь от жучка-паучка,
от божьей коровки, ползущей по тёплой ладони?
Тем, разве, что не упаду от тычка,
что ветер ненастный не сдует, не стронет
с земли.

Ну а в сущности, я уязвим
поболее, чем бессловесные твари.
Друг в небо ушёл...
Я лечу вслед за ним,
но ангел фонариком красным сигналит.

Это март зеленоглазый
утром заглянул в окно —
и светлее стало сразу
на душе, и здравый разум
констатировал:
— Дано
если день весенний встретить —
радуйся, не суетись,
знай, что из мгновений этих
состоят судьба и жизнь.
Полюбуйся, как на вишне
раскрываются цветы,
и послушай, как чуть слышно
ветер говорит: «Не лишний
ты на этом свете. Ты
так же, как трава, деревья,
на земле необходим!...»

Ветру вешнему поверю,
соглашусь, пожалуй, с ним.

Владимир Куприенко

Владимир Алексеевич Куприенко родился в 1952 г. на приiske Октябрьском Зейского района Амурской области, окончил истфил Благовещенского пединститута и отделение журналистики Хабаровской высшей партийной школы. Работал на золотых приисках, в мостостроительной бригаде на БАМе, журналистом в ряде газет. В 1994 – 1997 гг. руководил пресс-службой администрации Амурской области. Был главным редактором амурского приложения к газете «АиФ — Дальний Восток», собственным корреспондентом Дальневосточного бюро международного сообщества журналистов-аналитиков и политологов. В настоящее время В. Куприенко — главный редактор издательского дома «Амурский пресс-клуб». Член Союза писателей России. Автор двенадцати сборников художественной прозы. Лауреат Амурской премии в области литературы и искусства (2018).

Рассказы

Бигбол

Никто не помнит, откуда взялся этот человек. И едва ли кто вспомнит, как его зовут. Хотя Науч (начальник участка) как-то назвал его Борей Тарским, а Шнырь (он же повар) — Петрухой Васильевым. Но это неважно. Все звали его Бигболом, и вроде появился он впервые (давненько это было) в Тындо-Урканской золоторазведывательной партии у знаменитого Поисковика. Появился как-то незаметно: вышел из вертолётa, присел в сторонке на корточки, а потом, когда бичи разгрузили вертак и Шнырь начал накрывать стол к обеду, Залётный подсутился, стал чистить и строгать лук, резать хлеб.

Надо сказать, у Поисковика быт и питание были отлажены наисерьёзнейшим образом. Что надо работяге? — задавал вопрос в пространство начальник. И сам же отвечал: работяге после трудов праведных необходимо помыться в горячей баньке, немножко попариться, дабы снять с тела усталость, насухо вытереться чистым («шток аж со хрустом» — Шнырь) полотенцем, а потом пойти под навес, где уже накрыт стол, и вкусно, от души и от пуза покушать. Чтобы на первое — борщ с чесноком или лапшевник, а на второе — славная котлетка из сохатины или медвежатины размером с сапёрную лопату, на третье же очень кстати будет компот с блинами или оладьями. А на десерт, в зависимости от летнего месяца, то ли красную смородину, то ли жимолость, а позднее — голубику или бруснику. Да чуток сахарку!

А покушав и отдохнув немного, позанимавшись неторопясь своими делами (кто порыбачит малость, хариуском побалуется да прямо с крючка и скушает, подсолив чуток; кто по тайге просто прошвырнется, а если время подоспело, так грибков к ужину соберет; кто исподнее постирает, да мало ли...), нужно работяге залезть ежели не в кровать с чистой постелью, то хотя бы в свой личный спальник с чистым («шток аж со хрустом») вкладышем.

Именно так все и делалось в партии Поисковика. В любом из отрядов. Иначе быть не могло. Так с первых дней повелось, и все работяги читали заветы «отца родного» (так меж собой начальника звали и, заметим, без единого миллиметра иронии).

Сели за стол, начали есть. Молча и сосредоточенно. И тут вдруг встрял Залётный. Он встал и обратился к Поисковику: «Можно, гражданин начальник?» Получив молчаливое благословение — кивок головы, Залётный как-то, то ли смущенно, то ли заискивающе, улыбнулся и сказал: «Нам, истинным золоторазведчикам, завсегда нужно плотно и вкусно покушать, потому что вся наша жизнь — это горькая чаша, наполненная тяжким трудом, потом, солью и кровью наших золотопредков...» Ну прямо белый стих.

Вот тут-то и прозвучало скрипуче-ехидное из уст радиста экспедиции Игорёхи Борткова, большого почитателя творчества золотописцев — Джека Лондона, Брета Гарта и Олега Куваева. Он охарактеризовал сказанное просто: «Бигбол».

— Не понял? — напряжился Залётный.

— С вашего позволения, сэ-э-р. Вы большой болтун, что означает сломаного английского — бигбол.

Вроде бы именно с тех пор этого человека все стали называть Бигболом. Или Болом. Так он и пошёл дальше по жизни с этим прозвищем-погонялом...

Бигбол появлялся везде, где было золото. Кроме ювелирных магазинов. Все экспедиции, все старательские артели, все оставшиеся в живых прииски знали Бигбола, и их обитатели утверждали, что именно у них начинал этот парень, этот мужик, это помело, этот ходячий анекдот, этот человек-паук. Бигбола знали и помнили везде. Даже на заброшенных приисках, где оставалось ровно три калек и четыре пенсионера, не сумевших в своё время выбраться на Большую землю.

— Вы мне будете говорить! — нервно махал рукой старатель-пенсионер Митяй Головин. — Этот Бол начинал именно в нашей артели. Ранней весной. Его тогда попёрли из школы за шухер-мухер с молодой училкой. Я вам говорю! Уже тогда стало понятно, что этот парнишка — фартовый.

На третий день его появления в артели мы взяли два самородка граммов за сто. Я вам говорю!

Тут требуются некоторые пояснения. «Шухер-мухер» у юношеского школьника был. Но не с училкой, а с молодой аптекаршей Асей, бывшей на прииск по распределению. Это была яркая любовь, это была страсть, это был конец света, приведший к беременности провизорши (или фармацевтки?) и к работе юноши у старателей. Школу ему пришлось срочно покинуть. По двум причинам: резкое повзросление и содержание беременной возлюбленной.

Но всё там было красиво. И любовь была, и фарт был, и два самородка в бригаде Митяя Головина. Всё было, только человек был другой. Не Бигбол, а Гриша Мозговой, ставший в дальнейшем исправным семьянином, в должной степени верным супругом Аси, ревностным отцом Светки и Коляна и мореманом (окончил «мореходку» и стал успешным фарцовщиком, на что и содержал семью в хорошем достатке).

— Тю-ю, он говорит! — вступал ироничный Деркач. — Он будет нам гутарить за Бигбола и его школьное происхождение! Бол пришёл в артель после отсидки. Это знают даже учащиеся детского сада имени Нади Крупской-Лениной. Он топтал Колыму целую десятку, а потом пошёл на поселение.

«Топтал» ли Бол Колыму, тем паче десять лет, — вопрос. Лично он сие не подтверждал, но и не отрицал. Как-то всё туманно, знаете ли. То, что он там бывал, живал, работал и даже по этапу шёл — это факт, а вот про зону... Как знать, как знать.

— Топтал, не топтал, разве в этом дело?! — вздыхал философ-самочка Никита Лаптев. — Бол золото спинным мозгом чувствует. Вот где правда. Это, смею надеяться, всем понятно?

Это было понятно всем. Бигбол — посланец золота. Может, это от дьявола-искусителя, может, от Бога, кто знает, но факт остаётся фактом — Бигбол появлялся только там, где был этот проклятый на веки вечные драгметалл. Если народ в том месте уже колготился, причём суетно и с малой пользой, то Бол, покрутившись день-другой, совершенно точно указывал место, где металл не просто присутствовал, а был. В хорошем, знаете ли, количестве. Геологи-разведчики злились — какой-то сирый неуч заткнул их за пояс, а добытчики кричали от зависти — это ж надо, а!

Если бы не гиперболливость этого удивительного бойца золотого фронта — цены б не было такому спецу. Его бы носили на руках, два раза в месяц давали бы тринадцатую зарплату и два раза в год награждали медалью «За трудовое отличие». Или что-то в этом роде. Но он слишком много болтал. Слишком.

Вот, к примеру, тогда — в экспедиции у Поисковика — Бигбол, пошлявшись по округе неделю, убедил начальника повернуть шурфовочную линию чуть ли не на девяносто градусов. Штатные разведчики взвыли от такой наглости, а Поисковик, с долгим вниманием посмотрев на Бола, коротко резюмировал: «Бери трёх человек, двух лошадей, свободный «Эмпайр» и пробуй. Если будет нулевой результат — получишь тариф. Действуй». На третий день Бигбол принес с «дикого участка» (так его называли разведчики) самородок с кулачок деревенского юноши, занимающегося физической работой. Поисковик взвесил на лабораторных весах и сообщил: «Пятьсот семьдесят три грамма».

Бигбол снисходительно кивнул головой, приосанился и повёл в дали дальние:

«Ну, это не самая блестящая находка. Вот, помню, в Усть-Куйге... Надеюсь, уважаемое собрание знает это благословенное место... В тех краях ваш покорный слуга взял самородок в три килограмма шестьсот пятьдесят восемь граммчиков. В тех краях, естественно, размах пошире вашего, да и традиции постарше будут. Якутская школа, господа-товарищи, она знаменита на весь мир. Или есть возражения? Ну да, согласен, и колымская, конечно. Ах, какие времена были, ребятки, какие времена... Тогда мы работали без выходных и проходных. Сами понимаете, Отчизна требовала золота, а народ — хлеба и зрелищ».

Помню, в войну, ту самую, Великую Отечественную... (Ну, не бол ли, а?! Сколько ему лет, если он выглядит максимум на сорок, а на дворе уже конец семидесятых?). Меня сняли с этапа под Магаданом и привезли в «Колымзолото» (Ну не трепло ли, а? Не было в ту пору никакого «Колымзолота», а только великий и могучий трест «Союззолото»). А пока ехали, узнали, что началась война. И всё стало понятно: бросят меня на драгметалл как выдающегося специалиста. И хоть отношение у меня к этому металлу не ахти какое... Я как его характеризую, к примеру. Металл, он и есть металл. Но этот — глупый металл. Из железа — паровоз, или трактор, или башню какую. Из алюминия — самолёт, из меди — провод. А из этого — сплошная судимость. (Нет, вы послушайте его, а?! Он характеризует! Да это чистейшая цитата из «Территории» Олега Куваева. Глава «Всестороннее описание предмета», стр. 8. Ну, не бол ли?!).

Тогда меня из зеков сразу в начальники поискового отряда произвели. Мы за сезон очень серьёзную провинцию золотоносную открыли, и меня лично Ленинской премией наградили. Или Сталинской? Щас не вспомню, столько этих премий было... (Фу-у-у... Ну как можно это помело слушать, а?).

Наговорившись всласть, Бигбол чинно-картинно раскланялся и пошёл в шатровую палатку, где жили работяги, а Поисковик направился в свой штабной домишко и положил самородок в сейф, прежде аккуратно

закутав его во фланелевую тряпицу. Сказывали, что он лично нашёл самородок на 6 кило 328 граммов.

Нашему общему знакомцу — шурфовщику Сане Орехову — довелось работать с Бигболом в Осеннем. Нет, тогда уже прииска не было, профукали его. Было такое время в восьмидесятых-девяностых годах прошлого столетия, когда Союзная Держава развалилась, а взамен ничего нового не дали. Тогда и начались беды с приисковыми градообразованиями. Кто-то, у кого с совестью и профессиональной честью всё было нормально, спас свой прииск, а кто-то, как, например, директор Осеннего Павел Сержанов, растащил, распродал, карманы набил, собственное дело открыл (старательские артели, магазины и даже бензозаправки).

В ту пору Поисковика уже не было, безвременно отошёл он в мир иной, поэтому этот «сержановский беспредел» и случился. Но очевидцы утверждают, что его сын — учитель, тихий какой-то, прямо скажем, малохольный человечиска, приехавший на прииск обиходить могилу бабушки, как увидел всю эту беду, напился с горя и изрядно избил директора Пашу. Так отколошматил, что пришлось бедолагу-директора в больницу везти.

Но другие очевидцы (к примеру, тот самый бывший шурфовщик Саня Орехов, который ныне почтенный пенсионер) утверждают, что это было не так, что сын Поисковика и впрямь приезжал. Но в ту пору он давно уже не учительствовал и совсем уж не был «малохольный человечиска», а какой-то он был «шишкарь», чуть ли не зам начальника департамента образования, и что он действительно сильно отметелил директора в приисковой заежке.

«Да я самолично это видел! — подпрыгивает от удовольствия и нетерпения (надо же поведать всё, как было!) Александр Платонович Орехов. — Я ж с ними тогда сидел в заежке, меня Юрок (сын Поисковика — Юрий Таранов) пригласил, мы ж с Тараном в одном классе учились, сами понимаете. Он тогда странно себя повёл, ей-богу. Выпьет рюмку и тут же, не закусывая, — вторую. Как будто специально накачивался, сами понимаете. Я тогда подумал: кабы чего не вышло. И точно.

Когда Пашка стал соловьём петь про свой личный бизнес и про квартиру в столице (дурко, ему б помалкивать, а он спьяну раздухарился, погнал), Юрок встал, взял непечатую литровую бутылку водки и шарахнул директора по башке. Я самолично его в больницу отвез и вернулся, сами понимаете. А потом пришёл участковый Андрей Гущин, порасспрашивал: мол, что и как. Выслушал, пожал Тарану руку и напился вместе с нами. Вот так всё и было, сами понимаете...»

Вот так всё и было. Получил супостат бутылкой по башке. И правильно получил. Ведь такой прииск по миру пустил, такой прииск! В

нём было всё. Даже собственное кондитерское производство, цех мороженого (наивкуснейшее сливочное, сейчас такого — днём с огнём!) и подсобное хозяйство, в саду которого выращивал умелец-селекционер Краснов яблоки по полкило каждое и малину с голубиное яйцо (это в районе, приравненном к Крайнему Северу!).

А какой здесь был народный театр! Очевидцы утверждают, что его создатель и режиссер (талантливейший человек — глыба!) — Евгений Митрофанович Голубев, когда-то служил в питерском БДТ и ставил там такие спектакли!.. А потом, как опять же утверждают те самые очевидцы, «грохнул он по пьяни идиота-главрежа и загремел по полной». А когда выпущен был на волю (через двенадцать лет), остался в этих краях и притулился художником-оформителем в приисковом клубе.

А какие здесь были школы! Преподавательский состав — штучная работа. Практически все — сосланные (а перед тем отстрадавшие в лагерях полный срок по статье 58 пункт 10) и в своём прошлом изрядные учёные из Питера, Москвы, Новосибирска. Потому и звались приисковые школы (три их было вместе с начальной) кузницей кадров не только для этого края, но и для всей необъятной Страны Советов.

А какой здесь был спорт! А... Да что там... Так что очень не зря, сильно не зря получил по башке вечный троечник Пашка Сержанов.

Вот тогда-то, в тот самый печальный день «убиения директора», и вспомнил почтенный пенсионер Саня Орехов про Бигбола. А потому вспомнил, что прииск уже совсем на ладан дышал, люди кормились старанием, семьями золото мыли на проходнушках и тому же волчаре Сержанову за полцены сдавали. И сказал тогда пьянехонький Александр Платонович: «Поисковика б оживить, он бы нашу жизнь мигом отремонтировал. Или хотя бы Бигбола сюда б вернуть, он по золоту кудесник, указал бы перстом, куда пойти, и вывел бы, сами понимаете...»

И начал отставной шурфовщик Орехов рассказывать про «кудесника» Бигбола. Про то, как тот на промывке эндовку один тягал, «а ведь в ней (полной) весу-то килограммов под тридцать и её всегда в паре на бутару тащат. А Бигбол — один. Кряжистый мужик. Мелкий ростом, но силищи немереной». И про то, как не единожды Бигбол прямо из эндовки самородки вынимал. «Ткнет пальцем в породу, как курочке-несушке в попу, потом руку запустит и — вот он, самородочек. Пусть небольшенький, с ноготок, но ведь самородок, сами понимаете...». И про то, как Бигбол исчез на неделю перед юбилеем Поисковика и в день рождения подарил ему самородок в полтора килограмма без малого.

«Представляете?! — круглил глаза Орехов, — в полтора кило камушек, а? То-то и оно, сами понимаете. Поисковик тогда сильно порадовался и алаверды сделал, подарил Болу свои часы карманные. Золотые, стародавние, от Павла Буре. Работяги ажно ахнули, такой подарок царский,

сами понимаете. Вот ведь люди, а? От самородка даже губы в улыбке не растянули, а от часов — ахнули. Ну, может, оно и правильно, потому как часы эти были заговоренные, как бы амулет. И все про то знали».

И про то, как Бигбол из конского котюха золотой дореволюционный червонец извлек и подарил его проботборщице Натахе — студентке политехнического техникума, будущей геологоразведчице. Она каждый год на практику к Поисковику приезжала, и он её обучал и оберегал от бичей. «Представляете? — округлял глаза Орехов. — Из говна конфетку, а? Червонец золотой в полный рост, царской чеканки. Поднял говешку конскую с земли, поднёс чуть ли не к носу геологини, а потом пальцы сжал — и появился между ними этот червонец. Каково?! Сам видел, лично, понимаете?!»

А про зарплату приискателям? А как же! Поздней осенью это случилось. Где-то в конце октября. С зарплатой какая-то закавыка вышла, и люди поднапряглись. А тут откуда ни возьмись — Бигбол. Только-только экспедиционные работы из тайги выбрались, праздновали второй день, из столовой-ресторана не выводились. Вот там Бол и услышал про отсутствие зарплат.

«И что, вы думаете, он сделал? — круглит глаза шурфовщик. — Пошёл к Клаве Баниной, у которой комнату снимал (он в бичевской общаге не жил, брезговал), залез под кровать, вытащил оттуда сундучок геологический и отнёс прямо в кабинет директора прииска. Вот так — враз, легко и красиво. Зашёл, поздоровался с директором, товарищем Белоусовым Андрей Петровичем: мол, таёжный тебе привет, Петрович, и денег сундук. Думаю, на всех хватит, с избытком. Директор крышкуют открыл и ахнул. Сундук был до краев забит четвертными, пачками в казённой обертке. Ахнешь тут, сами понимаете...»

Очевидцы утверждают, что Бигбол презирал две вещи — золото и деньги. Он их ненавидел, а они его любили и липли к нему. Липли и всё тут. Потому ему всё и удавалось. Легко, играючи. А может, так просто казалось. Но фарт-то шёл — это факт. А когда Бол повернул всю линию промывки... Помните? Ведь потом это место стало чуть ли не Клондайком союзного значения. Золотоносную провинцию открыли, и Поисковик со товарищи были награждены орденами Трудового Красного Знамени. Но Бигбола уже не было на том празднике жизни: по слухам, он опять топтал Колыму...

Тамара Воронцова

Тамара Николаевна Воронцова родилась в посёлке Магдагачи Амурской области, детство прошло на небольшой станции Дактуй в том же, Магдагачинском районе. Училась в Хабаровске, образование высшее. Работала архитектором, начальником отдела по труду администрации Бурейского района. В настоящее время живёт в посёлке Новобурейский. Основные увлечения — поэзия, психология, философия. Стихи публиковались в литературных альманахах и коллективных сборниках в Москве, Ташкенте, Киеве, Благовещенске.

Тамара Воронцова — создатель сообщества «Поэтическая орбита» в интернет-сети «Мой мир», которое объединяет любителей поэзии и русского слова. В интернете стихи публикует в «Фейсбуке» и на сайте «Рифма ру».

ОЖИДАНИЕ

Не вини в тайном умысле осень —
Полыхать ей открыто пожаром.
Бьются в окна ослепшие осы,
Обезврежены тонкие жала.
Жмётся к сердцу ранимая память,
Словно стаяй забытая птаха,
И песком высыпается камень
Из-за пазухи бывшего страха.
Обнажается суть берега...
Всё по кругу — и боль, и расплата.
И в молчании первого снега —
Ожидание точки возврата.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Скользит по насту февральский вечер.
Закатной краской забрызган запад.
Сойдёт к финалу воронье вече —
Галдёж заглохнет, и тихой сапой

Вползёт в округу тугая темень,
Минуя нимбы фонарной свиты.

Жизнь колготится, сквозное время
Не ощущая в застенках быта.

Для новой боли приспеют будни —
Земля по кругу летит проворно,
Усилен опыт — и в том, что будет,
Несложно выбрать из плевел зёрна.

Чем ближе к яви, тем тоньше грани
Наитий странных и безусловных.
Пора сдаваться в плен ожиданий —
Без предвкушений весна бескровна.

Сезон к замене, февраль на роздых —
Для эпилога готовит слово.
Дежурный вечер. Синее небо,
И над селеньем луна — обновой...

АССОЦИАЦИИ К ИЛЛЮСТРАЦИИ

Февраль и утро. Снег и голубень.
Осевшие сугробы — кренделями.
Деревья, ожидая новый день,
Лучи хватают голыми ветвями.

И щурится река, и ловит миг
Рождения текущего сегодня.
Окрестный ветер, плут и озорник,
Ещё кемарит где-то в подворотнях.

Пологий берег. Стынь и тишина,
Пейзаж дополнен снежной икебаной,
И кажется, что только ты одна
Допущена к природе первозданной

И что вот-вот с тобой заговорит
Невидимый Творец проникновенно,
Но сдержится и, как всегда, смолчит
До встречи с Ним в таинственной Вселенной.

АУТ

Класс был чужой, не стал родным, хотя
Издёвки и насмешки прекратились...
Он слушал, как негромко шелестят
По щебню за окном автомобили,
Над ними птицей мысленно летел —
Искал напрасно папину машину,
Не мог смириться, что осиротел,
Остался на земле ничейным сыном...
Не верил взрослым, был насторожён,
Не допускал решительно, чтоб кто-то
В его пространство личное вошёл
И проявлял никчёмную заботу.
А мир наглел и заставлял вникать
В абсурды жизни, сальности обочин,
Смотрел на одиночку свысока
И меткой «аут» выделял из прочих.
Открыто возмущался педагог:
«Сидишь за партой дурнем бестолковым!..»
Нервозность гуру прерывал звонок,
И можно было отправляться снова
По тем незабываемым местам,
Где он бывал с отцом неоднократно,
Где тишина и неба чистота,
И времена имели ход обратный.
Летел поспешно на знакомый смех,
И сам смеялся, сглатывая слёзы,
И ангелы-хранители наверх
Взмывали следом — отвести угрозы...

ВРЕМЯ

Познав случайной жизни бремя,
Судьбы капризной произвол,
Порой цепляешься за время,
Как в малолетстве за подол,
В порыве зряшных опасений
И неосознанной тщеты...
А день текущий светотени
Кладёт стихийно на холсты

Зимы, раскинувшейся дерзко
По всей немислимоу глуши,
И на снегу эскизы детства —
Короткий экскурс для души,
Отрыв от веских умозрений,
Что всё стирается в песок...
И каждый миг ещё бесценней,
Как будто время — это Бог.

ВОРОШИТСЯ УТРО

Утро ворошится. В петухах
Стылое окно. Видны в просветах
Инеем обросшая ольха
И прохожих ранних силуэты...

Под ногами, хрупая снежком,
Тишину царапают секунды,
Ощутимо тянет сквозняком,
Свет сочитается медленно и скудно.

И повсюду снежный разновес —
Нет зимой картины живописней.
Позади — мистерия чудес,
Впереди — побеги новой жизни.

Кажется, добреют времена,
Что-то непременно случится:
Иль врагами буду прощена,
Или снова ухитрюсь влюбиться —

Так ли это, Господи ты мой? —
Не смуги сулящим экивоком...
Бродит по окраине глухой
Свежий ветер, прибывший с востока.

За селом немислимая ширь —
Бесконечна и благословенна,
И краснеет солнце, как снегирь,
На незримой веточке Вселенной.

САВРАСОВ ЗИМНИЙ

Дым из трубы и свет в окошках...
Ни дать ни взять — Саврасов зимний.
Вид неказистого пейзажа
Наполнен тайной колдовства,
Где чёрт калёной кочерёжкой
Сгребает звёзды в короб синий,
И, словно ревностные стражи,
Стоят у дома дерева.

Над крышей свет небесный брезжит,
Тускнеет месяц узколиций,
И в зябкой полночи стартует
Нечистой силы злая рать.
В разгул, когда буянит нежить,
Безумец разве что решится
За двери выйти в ночь глухую
Лукавых бесов погонять.

Но с безграничною отвагой,
Пренебрегая тьмой и стужей,
Начнёт живую перекличку
С житейским навыком петух,
И всю нечистую ватагу
Неодолимый стянет ужас,
И станут корчиться комично,
И превращаться в снежный пух...

Смеёшься ты: «Какая нечисть,
Когда мороз ночной неистов,
Зима груба и хладнокровна,
Тоска, и больше ничего».
Я укрываю пледом плечи
Рациональному деисту,
Смотрю на сонного безмолвно —
И жаль, разумного, его...

О ПОЛЬЗЕ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Упрочится зима, наращивая льды,
Текущий день войдёт в очередную дату

И будет второпях просчитывать ходы,
Держаться молодцом до самого заката.

И вечер подойдёт, вменяемый вполне,
Глазами фонарей осматривая темень,
Покажется: вот-вот в протяжной тишине
Падёт желанный снег, и подобреет время,

И снимет, как нагар с оплавленной свечи,
Томление души и сердца перебои...
Но всюду тишь да гладь, и местный бог молчит,
И небо над землёй — глубокое, нагое.

И разместится ночь на всю длину тоски,
Такую только жечь рифмованным глаголом —
И он берёт строфу в незримые тиски,
В спряжении любом, в наитии весёлом,

В черновике готов подмигивать, острить,
Горячую строку сухим остатком выдать —
И вот уже хандра пускает пузыри,
И по ночной тоске справляешь панихиду.

ВЛЕЧЕНИЕ

Проворна жизнь, года — внахлёт
При скоростном её прокате...
Меж нами прорва русских вёрст —
Семь поясов, как семь печатей.
И надо век перемолчать,
Чтоб докричаться друг до друга,
А мир несётся, грохоча,
Самим собою перепуган.
Судьба не жмёт по пустякам,
Ей аскетично в глухомани.
Щадит господняя рука,
А на поверку только ранит.
Впадает в осень слобода,
Быт утепляя кропотливо.
Летят сквозные поезда
До края Гданьского залива*,

* Гданьский залив Балтийского моря — самая западная точка России

А там к тебе — подать крылом,
О чём рассказывают птицы,
И рвётся дерзко, напролом
Душа за дальние границы...

СОСНОВЫЙ БОР

Когда осенний день кислит, как рислинг,
Неплохо посетить сосновый бор:
Прочистишь бронхи и причешишь мысли,
Что взять готовы душу на измор.
Бесшумный шмель на вереске плетёном,
Покой природы, ласка тишины,
Прозрачный воздух и глоток озона...
И вот уже ни страха, ни вины —
Любителей раскачивать былое
И обнажать погрешности судьбы...
Пружинят под ногами мох и хвоя,
К опушке жмутся поздние грибы.
Лицо подставишь под полоску света —
Жизнь торжествует, что она жива,
И ей неважно, что за бором где-то
Неудержимо падает листва.
Смиренно и душа встречает осень,
Но всё глядит в небесный окоём,
Как будто кроны длинноногих сосен —
Зелёный свет в бессмертие её...

Светлана Анатольевна Кулигина — главный библиограф МБУ Тамбовская МЦБ, детская библиотека-филиал (село Тамбовка Амурской области). По образованию — учитель русского языка и литературы. Капитан внутренней службы в отставке. Печаталась в альманахах «Приамурье», «Амур». Победитель Всероссийского конкурса «Хрустальная Сова» среди работников уголовно-исполнительной системы в номинации «Поэзия» в 2011 году.

От чистых родников

Повесть

Есть одно место на земле — самое темечко планеты, дорожке его нет и уже никогда не будет для меня. Всё знакомо, всё мило. Только здесь леса зовут в свои чащи, а травы и цветы плачут и радуются вместе со мной. Они чувствуют всё — глядят и улыбаются, роняют слёзки. Закаты обжигают щемящей сладкой болью, летние дни горячи и полны до краёв, зимние вечера волнительны, ночи очаровательны. Красивее земли нет: холодный Ольдой ласкает своими волнами скалистые и песчаные берега. Цветы! Цветы вечной мерзлоты растут в таком изобилии, что удивишься их несметному числу и яркости красок. Лес, мой милый лес, он мой дом; каждое дерево помню, каждый куст кашки и жимолости ждёт меня, глядит вслед глазами своих цветов и ягод.

Сегодня со всех великих и невеликих картин смотрит на меня Тахтамыгда, вся самая пронзительная музыка рассказывает мне о ней. Она снится, не отпускает, печалит, радует и зовёт. Наверное, это тот самый «город детства», который есть у каждого. Город, куда больше нет дороги.

В вечной мерзлоте, на тихом песчаном кладбище у берегов мятущегося Ольдой, лежат мои прабабушки, бабушка и дед. А ещё сестра Таня и много знакомых дорогих людей. Но все они для меня живы. О них, о давних временах, о детстве под сенью ласкового солнца нашей тихой родины и будет мой рассказ.

Посёлок со странным названием Тахтамыгда появился в начале двадцатого века на территории нынешнего Сковородинского района Амурской области. В этих краях эвенкийские названия посёлков, рек, ручьёв и гор не редкость. Жители утверждают, что «Тахтамыгда» переводится как «Стой, смерть!» Якобы когда-то на этом месте остановилось распространение какой-то эпидемии. А вот в справочниках пишут, что «тахтамыгда» в переводе с эвенкийского обозначает «трава, мусор, плывущий по воде». Будто бы плывущие по Ольдою сухие ветки и листья дали название посёлку. Только я в это не очень-то верю: мусор плавает всюду, а называли так только это место. Уверена, что тут кроется тайна, не разгаданная по сей день по простой причине: это никому теперь не нужно. У места этого богатая и интересная история: строительство железной дороги, открытие в тридцатые годы лагерной зоны системы БАМЛага, арматурного завода, военного аэродрома, ставшего позднее гражданским.

Удивительное общество сформировалось в посёлке: потомки эвенкийских аборигенов, спецпоселенцы, бывшие осуждённые, специалисты по металлообработке, по эксплуатации железной дороги и аэропорта, старатели, учителя. Жили здесь дружно, «культурно», при обилии бывших и настоящих «зеков» двери не запирали.

Семья моего деда и бабушки ничем не отличалась от остальных тахтамыгдинцев — бабушку с родителями выслали как кулаков с Украины, деда — из Псковской области. Воспоминания об ужасном своём детстве сохранили они на всю жизнь — как и горькую обиду на несправедливость, которая стоила им так дорого. Только всемилостивый Господь сохранил этих людей, спрятав их в стылых дальневосточных краях от повального голода и страшной войны. Но и здесь пришлось многое потерять и многое пережить.

Моя бабушка, Войтова Анна Ивановна, родилась в 1919 году в селе Коржевцы Каменец-Подольского района Хмельницкой области. Уже в 1926 году семью Войтовых выслали на Дальний Восток. Бабушка никогда не меняла свою девичью фамилию — выходить замуж и жениться врагам народа было запрещено. В серо-голубых её глазах кипели слёзы, когда она рассказывала нам, как её, первоклассницу, за шиворот выбросили из школы как кулацкую дочку.

«Какие там кулаки? Работали день и ночь — поля засевали, траву косили, за скотиной ухаживали...»

Отец её был человеком образованным, занимался селекцией — у них был большой сад. Мама Анны, моя прабабушка, днём работала, а ночью ткала да вышивала приданое двум дочерям. Без сундука с приданым в те времена в украинской деревне замуж выйти и не надейся! Оказавшись на Дальнем Востоке, она постоянно повторяла: «Выплюсь хоть здесь — и за себя, и за мать, и за бабушку свою...»

Представители новой власти, то есть местные лодыри и пьяницы, выгнали Войтовых из дома, дом измазали дёгтем, сад вырубili. Ни о чём всю жизнь не жалели мои бабушка и прабабушка так, как о чудесном саде, уничтоженном борцами с кулачеством. Были в саду и черешни, и сливы, и груши, и орехи. Бабушка рассказывала историю, как её, совсем маленькую, отправили в этот самый сад пасти гусят. Ей было скучно сидеть на одном месте, но нашёлся выход. Гусят Анюта привязала за шеи к грецкому ореху, а сама убежала с подружками. Родители нашли гусят удавившимися, а «пастушку» наказали прутом.

В грязном холодном вагоне уехали высланные родители, а позже к ним выехала и Аня, уже подросток у родственников Подлесных. Вспоминала она и эту незабвенную дорогу: ехала месяц или два, даже перестала понимать время. Чудом не умерла от голода — лежал на твёрдой деревянной полке живой скелет.

Мама её, моя прабабушка Ефимия Антоновна Войтова (в девичестве Саган), имела польские корни. Прожила она долгую жизнь — восемьдесят девять лет, похоронена в Тахтамыгде. Мы, правнуки, звали её бабусенькой. По-русски она так и не научилась говорить. Услышав где-то украинскую речь, я всегда вспоминаю бабусеньку. Умерла она, когда мне было двенадцать лет. О своих последних годах на Украине она рассказывала с большим волнением. По её разумению, там творился какой-то ужас: в городах и сёлах устраивали в те времена показательные вскрытия трупов, люди сбегались — никогда такого не видели. Показывали, что печень и лёгкие в человеке имеются, а души нет. Моим родственникам, людям верующим и благочестивым, такое кошунство было невыносимо. Вспоминала бабусенька и то, как она болела тифом и вылечил её какой-то добрый доктор, похожий на Ленина.

Когда «кулаков» привезли поздней осенью в голую амурскую степь и выгнали из вагонов, растерянные люди сели на свои бедные пожитки и запели протяжную украинскую песню. На всю жизнь запомнила бабусенька эту песню — сколько боли и тоски было в ней! А потом взялись строить землянки, класть печи. Не умирать же, не замерзнуть на проклятой чужбине! Построили бараки, возделали землю, попробовали садить огурцы и помидоры (которых тут и видом не видывали) — и ведь получилось! Зажили потихоньку, начали работать — кто на лесоповале, кто на золоте, люди-то были к работе привычные. Работающим пайки давали американские. А потом стали грибы бочками солить, ягоды заготавливать, излишки сдавали. Благо грибов и ягод в этом краю изобилие. Только власти и здесь их в покое не оставляли: на приисках и посёлках постоянно «выкашивали» людей — забирали без объяснения, и никто домой не возвращался. Муж Ефимии Антоновны, Иван Назарович (внуки звали его дедусенькой), работал на приисках, знал всех — и

высланных, и местных. Знал всех «стукачей». Доносили друг на друга свои: заведётся какой-нибудь иуда на прииске, вот и хватают одного за другим. А на некоторых приисках никого не арестовали. Впрочем, всех иуд впоследствии тоже расстреляли.

Жили тогда переселенцы на приисках Монголи, Улягир, на Березитовском руднике.

В доме Войтовых часто собирались земляки — люди верные, свои. Некоторые прошли лагеря и рассказывали, какими извергами были наши, родные, русские люди — замораживали зеков, сыпали в сапоги соль, морили голодом.

Однажды ночью в дом Войтовых постучали. Спросили дедусеньку — родные обомлели. А потом недобрые гости заметили на стене гитару (такой инструмент был тогда в большом дефиците!). Выпросили гитару и уехали — а на дедусю махнули рукой.

А вот в семье деда моего Артамонова Василия Васильевича всё было куда хуже. Отца семейства, Василия Ивановича, всё-таки увезли. Мало было властям отправить в 1930 году многодетную семью из псковского села Никоново в посёлок Улягир Рухловского района на голодную смерть. В деле № 11 73627, которое хранится в УФСБ России по Омской области, написано: *«До и после 1917 года имел кулацкое хозяйство: 10 лошадей, 8 коров, земля 30 га, сельхозмашины — жнейку, молотилку...»* Уже в 1938 году единственного кормильца своей супруги и четверых детей Василия Ивановича Артамонова постановлением особой тройки УНКВД по Читинской области от 22 мая 1938 года приговорили к высшей мере наказания с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Причина — якобы участие в контрреволюционной повстанческой организации. Приговор приведён в исполнение в Сковородино, тогдашнем Рухлово. По указанному делу было осуждено 90 человек. Прадеда моего реабилитировали посмертно в 1957 году.

Но вернёмся в семью Войтовых. Перед войной Аня вышла замуж. Конечно, брак не был зарегистрирован, но счастье было настоящим — хоть и коротким.

Фролов Иван Васильевич, 1915 года рождения, приехал в Читинскую область тоже не по своей воле: его отец держал мелкую лавку, и семью выслали на Дальний Восток. Бабушка рассказывала, что был Ваня невысокого роста, чернявый и очень добрый. Любил он свою Аннушку, никогда не обижал, жили они дружно и счастливо. Когда грянула война, у них уже был маленький Толя, а Саша ещё не родился. В 1941 году Ивана призвали в армию, несколько месяцев он пробыл в учебной части в Сковородино. А потом попрощался со своей уже немаленькой семьёй и уехал воевать. Сначала шли письма, а потом перестали. Больше никаких

вестей. Единственный документ, который удалось найти, — список безвозвратных потерь личного состава Джетулакского райвоенкомата, который размещён на сайте «Мемориал». Фролов Иван Васильевич пропал без вести в 1943 году. Бабушка, наверное, любила его всю свою жизнь. Она никогда не смотрела фильмы о войне, не любила даже разговоры о ней. Каждый год Девятого мая запиралась в своей комнате и ни с кем не разговаривала. Анна Ивановна рассказывала нам, что её Ванечка, уезжая на фронт, несколько раз возвращался к детской кроватке, не мог оторваться от сына. «Я знала, что он не вернётся. Уж очень он был хороший человек. Очень хороший...»

Во время войны произошла ещё одна трагедия. Прямо на глазах у бабушки соседская корова вспорола рогом живот у свекрови, женщины доброй и для бабушки родной и близкой.

Военные годы были очень тяжёлыми, но, по воспоминаниям моих родных, все эти четыре долгие года в тайге был небывалый урожай грибов и ягод. Люди собирали, ели сами и сдавали в заготконторы. Всемилобивый Господь не оставлял своих верных чад и в эти печальные времена.

Лет через восемь лет после гибели Ивана у нашей бабушки появился близкий человек. В 1952 году родились девочки-двойняшки Вера и Любовь. Люба была крепенькая и здоровая, а вот Вера совсем слабенькая. Бабушка рассказывала, как врачи даже советовали её не кормить — дескать, всё равно умрёт. «И как это я своего ребёнка кормить не буду?» — возмущалась Анна. С отцом девочек семьи не получилось: его родственники были категорически против этого брака — ведь у Анны на тот момент было уже двое подросших сыновей, Толя и Саша, — и сделали всё, чтобы он женился на другой. Только тему эту никогда в нашей семье не обсуждали — то была тайна за семью печатями. Всю жизнь не знали ни моя мама Люба, ни тётка Вера своего родного отца. Тайна открылась внезапно, можно сказать — случайно. Но об этом позже.

Через некоторое время Аня всё же вышла замуж. Муж её, Василий Васильевич Артамонов, был вдовцом. На руках его было четверо детей — мал мала меньше! Младший — грудной, остальные — погодки. Мать их скоропостижно умерла от болезни крови, и Василий остался один с ребяташками. Бабушка Аня вспоминала: «Ни у одной бабы нельзя было найти такого порядка в доме, как у нашего деда». Вот и «сошлись» они: у бабушки четверо да у деда четверо. А потом ещё и осиротевшую племянницу забрали. И получилась семья: бабушкины — Толя, Саша, Вера и Люба и дедушкины — Оля, Надя, Коля и Алексей.

Братья и сёстры жили дружно, хоть и знали, что сводные. Много лет спустя семейную тайну открыли именно мне. Вдруг, в один день, сразу

два человека рассказали мне, что отцом моей мамы Любы и сестры её Веры был родной брат дедушки Василия — Михаил. Жил он всю жизнь в Тахтамыгде, была у него своя семья — жена и две дочки. Его все мы хорошо знали, знали его супругу и дочерей. Редко братья встречались, даже как-то на глазах у детей ругались. Теперь стало понятно почему. А похожи как были оба! Когда мама с тёткой узнали, что дядя Миша — их родной отец, чуть в обморок не упали! Ох и радость была нам — оказалось, что все мы родные. Помню, со своей сестрой Танюшкой — дочерью Ольги — мы даже праздновали этот факт. Думали: чужие, а оказалось — настоящая кровная родня. Присмотрелись друг к дружке — все похожи! И как раньше не замечали?! И ведь удивительно, что старые односельчане не проболтались раньше времени, как это нередко бывает.

Но всё же тайна перестала быть тайной.

Я, бывало, спрашивала бабушку: «Баба, как ты умудрилась выйти замуж за мужчину с четырьмя детьми? Твои ведь уже подросли, а тут — совсем маленькие?» — «Да надо мной вся деревня смеялась!..»

Так и зажили. Бедно, но хозяева и труженики Анна и Василий были отменные. Привыкли с детства работать. Сначала жили «на Драге» — это посёлок Дrajный, недалеко от современного поселения Солнечный. Дrajного давно уже нет. Место это живописное, находится на берегу Ольдоя, у подножия сопки. Сопка в конце лета всегда была усыпана груздями. Жили односельчане дружно. На деревню была одна баня по-чёрному, бабы по субботам таскали воду из Ольдоя, мылись сначала все женщины, потом мужики. Русская печка из камня на улице стояла, тоже весь народ пользовался. Мама вспоминала, что перед праздниками распределяли время: кому когда печь. Пекли сдобу целыми коробами — пироги с жимолостью, брусникой, голубикой. Зимой выпечку замораживали, потом в хате оттаивали и ели. Жителей было мало — всего дворов восемь. Дети ходили в школу в Тахтамыгду за семь километров, жили там и «у людей», и в специальном интернате. Семь километров — расстояние немалое, а зимой морозы под пятьдесят! Мама рассказывала, с какой радостью в выходные дни бежали они домой! По дороге клочки сена жгли, чтобы чуть-чуть согреться. Бабусенька (моя прабабушка Ефимия) каждый день носила в Тахтамыгду на продажу молоко, сметану, творог. Обработывали огромные огороды, летом собирали и сдавали грибы и ягоды, все с раннего возраста работали в полную силу на покосах. Несмотря на бедность, дети всегда были хорошо одеты — шили хозяйки сами. Бабушка Анна требовала бережного отношения к одежде.

Моя мама и её братья и сёстры с большим теплом вспоминают Дrajный — это было их самое раннее детство. Мы не раз ездили туда семьёй, и родители показывали место, где были их дом, огород. Там, недалеко от

берега, возвышается из воды огромный каменный валун. Валун стоит и поныне — вечен и неподвижен в изменяющихся волнах времени.

Из воспоминаний мамы

В посёлке Дражный прошло наше самое раннее детство. Вспоминаю своего дедушку — звали его дедусей, он меня очень любил, и я его любила. Дом у нас был на двух хозяев — в одной половине жили мы, в другой бабушкина сестра с мужем — Подлесные. Потом они вернулись на Украину. Когда Подлесные уехали, половина дома так и осталась пустовать. Мы пользовались ею как кладовой: хранили там продовольственные припасы. Бабусенька делала домашнюю колбасу, была масло. Дедуся очень любил чай крепкий с домашним маслом и сухарями, и нас научил так пить чай.

В хозяйстве нашем было две коровы и белая лошадь Лебёдка. А ещё вспоминаю белого петуха, который был чистым зверем. Бывало, пойдёшь в туалет и сидишь там, боишься выйти — петух ходит вокруг и ждёт, чтобы накинуться и поклевать бедного человека. Однажды пришла к нам соседка тётя Оля Станкеева, петух прыгнул ей на плечо. Она перепугалась до смерти: «Я таких петухов дурных сроду не видела!» Правда, жизнь петушка была недолгой — уж больно он был свиреп.

В бане мы мылись гуртом, потом прыгали в ледяную ольдойскую воду. Помню, мальчишки заметили эту привычку и стали подкарауливать нас. Мы-то в Ольдой голиком нырнули, а вылезти не можем — пацаны не дают. Замёрзли — ужас! Так и сидели там, пока кто-то из взрослых их не разогнал. Мы, дети, любили ловить в Ольдое раков, потом приносили их к общей печке, кидали на раскалённую чугунную плиту и поливали водой. От этого плита трескалась. Помню, как мы, совсем маленькие, взявшись за руки, ходили по перекату через Ольдой купаться в тёплом озере. Мне даже страшно представить, что мои дети или внуки вот так бы рисковали!

Жили недалеко от нас Яриловы. С ними связана одна смешная история. Брат Коля, уже подросток, очень плохо говорил. А точнее сказать, совсем не говорил. Папа и мама стали уже беспокоиться — не немой ли будет мальчик? И вот однажды шли по улице, Коля споткнулся и чуть не упал. А потом говорит: «Вот ё...мать... Ярилиха кочерыжек набросала!» Это были его первые в жизни слова. Все очень смеялись.

В доме нашем всегда в красном углу были иконы, укрытые расшитыми рушниками. Бабусенька каждый день молилась. Почитали все церковные праздники.

Когда мы переехали в Тахтамыгду, жить стало легче — рядом и школа, и работа. Ведь до этого я, первоклассница, была вынуждена жить у

посторонних людей, ходить пешком семь километров на выходные домой. Потом много лет мне снилась бабусенька: как она стоит на крыльчке и смотрит на дорогу — ждёт меня... Но мы всё равно скучали по Дразному. В нашем бывшем доме больше никто не жил, в нём останавливались на отдых и ночлег рыбаки, грибники и ягоdniки. Мы с братом Колей часто туда ездили, нам там всегда было хорошо.

В Тахтамыгде уже было электричество, рядом с домом находился действующий аэропорт. Мы работали наравне со взрослыми — на покосах, в огородах. У каждого из нас было по две закреплённые грядки, которые нужно было поливать, полоть. Если что-то было не так, мама брала ивовый прут, и тогда — беги! Один раз, помню, мы с сестрой Ольгой просидели в какой-то яме довольно долго — прятались от этого маминого прута. Стирали бельё в бане на три раза. Было у нас, девчонок, по стиральной доске. Каждую вещь прогоняли через три доски.

В семье царила дисциплина, родителей очень почитали. Иногда, конечно, как все дети, шалили и даже дрались, но втайне от папы и мамы. Однажды родители уехали на похороны нашего украинского дедусеньки Ивана Назаровича — мужа бабусеньки Ефимии (в то время те жили в селе Ленинское Хабаровского края, их к себе забрал брат Толя). Мы остались одни дома и устроили какое-то «побоище», выпачкали стены на кухне и в срочном порядке побелили их на два раза. Когда родители приехали, мама сразу заметила нашу «побелку».

Мама вспоминала такой случай. На водокачке, которая была по пути в посёлок, дети нашли вмёрзшие в лёд деньги. Было там несколько бумажных рублей и монетки. Деньги изо льда выдолбили, аккуратно извлекли и купили отцу, Василию Васильевичу, на день рождения балалайку. Он хорошо играл, но балалайка была слишком дорогим удовольствием. Отец очень обрадовался и удивился. Часто по праздникам он пел частушки. Да, подарки в этой семье всегда дарили, несмотря на бедность. Дети экономили на школьных завтраках, собирали копейки, чтобы папе и маме что-нибудь купить на праздник.

Когда девчонки подросли, стали бегать в посёлок на танцы, появились женихи. До сих пор мои тётки и мама вспоминают, как однажды на «вышку» (это чердак над стайкой) залез Ольгин ухажёр Генка. Только спали там в эту ночь не девчонки, а родители. Говорят, дед взял незадачливого жениха за шиворот и выкинул сверху вниз.

Дед, Василий Васильевич, работал в Тахтамыгдинском аэропорту комендантом. История этого аэропорта требует большого отдельного исследования. Говорят, стройка началась ещё в тридцатые годы, но на плите, сохранившейся в самом начале «новой» взлётки, высечено: «СССР НКВД СТРОЙКА 193, работы начаты 15 июля 1941 года». Эта плита до

сих пор привлекает к себе внимание гостей и жителей Тахтамыгды. А вот вторая плита с датой окончания стройки была вынута и перенесена в роту охраны при колонии. Там она лежит и сейчас. Дата окончания строительства взлётной полосы — сентябрь 1941 года. Когда я изучала работу Тахтамыгдинского арматурного завода в системе БАМЛАГа во время войны (а завод выпустил десятки тысяч мин), нигде не было и упоминания об аэродроме. Стройка военного объекта была строго засекречена, по сей день никакой информации об этом грандиозном строительстве нет. Специалисты из архивов и музеев отсылают интересующихся в Москву, но предупреждают, что и там вряд ли гриф «секретно» снят. Информация об условиях содержания осуждённых, работавших в военное время на заводе, так же как и количество времени, затраченное на стройку, позволяют предположить, что и военный аэродром возведён колоссальными усилиями и немалыми человеческими потерями. В военные и послевоенные годы здесь хранили запасы топлива и принимали истребители, готовые вступить в войну с Японией. Позже аэропорт стал гражданским.

Всё в Тахтамыгде тех времён было связано с аэропортом: работали столовая, гостиница, склады, гаражи, авиационный маяк, локаторная станция, пожарная часть, медпункт.

Бабушка Анна некоторое время работала в портовском гараже сторожем. Ей было очень обидно, что «не дали учиться», выгнали из школы, и она вынуждена была всю жизнь зарабатывать физическим трудом на лесоповале или на таких низкооплачиваемых подсобных работах. Она была невероятная умница, но писала не очень грамотно — как сама научилась. А вот детей Анна Ивановна и Василий Васильевич всех выучили. Например, Толя — Анатолий Иванович Фролов — даже был впоследствии первым секретарём крайкома Хабаровского края, Коля — начальником районной налоговой инспекции. А внуки — врачи, учителя, предприниматели, офицеры. Заботами и молитвами наших мудрых предков росла и расширялась наша большая семья.

Из воспоминаний тётки Веры

До сих пор вспоминаю посёлок Дrajный. Небо там было очень низкое, а звёзды крупные и яркие. Я любила ходить осенью на ручей. Когда он покрывался льдом, можно было разглядеть удивительные узоры, нарисованные морозом, тонкие льдинки, под которыми пульсировала вода. Мы с Любой любили играть на улице. Запомнилось, как в курятнике «солили» заячью капусту в каких-то чугунных железнодорожных болванках. Смутно помню дедусеньку, запомнился он сидящим на кухне с самокруткой. Однажды я влетела в дом, а он заворачивал свою папиросу.

Я просто врезалась в него, табак высыпался и попал мне в глаза. Вот я кричала!

Хорошо помню, как мы с Любой играли и я выскочила на дорогу за мячиком. Вдруг вижу — на меня несётся табун лошадей. Я упала, даже память меня покинула. Наверное, лошади бы меня растоптали, но одна кобыла встала надо мной и стояла, пока табун не пробежал. Так я осталась жива, но очень испугалась. С тех пор начала заикаться. Сначала вообще молчала и кричала по ночам.

Помню, на Новый год всегда ставили ёлку, наряжали конфетами, ещё чем-то. Каждому из нас всегда дарили сладкий подарок — яблоки, банку сгущёнки, конфеты. Свой пакетик каждый прятал, ел всё постепенно, стараясь растянуть надолго. Зимой я любила играть в огороде — набирала снег в вёдра, вешала их на коромысло и носила по двору. Чувствовала себя взрослой, и мне это очень нравилось.

Помню день, когда брат Саша пришёл из армии. Все были очень рады, он был такой красивый! Мы подросли без него и даже его стеснялись. Потом Саша уехал учиться в Иркутск, приезжал всегда с подарками. Женился он в Тахтамыгде, его жена Нелла работала в гостинице для пилотов фельдшером, осматривала лётчиков перед вылетом. Помню, как у них родился Валера, а потом и Леночка. Валера был такой особенный ребёнок — всегда был чистым, не терпел и пятнышка на своей одежде. Будучи совсем маленьким, он мог по три дня носить одну кофточку и выглядеть опрятно.

Из самых вкусных лакомств моего детства запомнились мне суп из диких уток и бабусенькин супчик из зелёного лука. Очень мы любили размороженные яблоки, которые зимой хранились в летней кухне. Ещё помню, как с Украины нам присылали посылки с сухофруктами. В них были просверлены дырочки — аромат был невероятный! А ещё мне почему-то запомнилось, как мы шли в школу и видели, как папа стоял в очереди за мотоциклом. Это был большой для нас день! Мотоцикл стал первым помощником в нашей семье. Папа очень бережно к нему относился, мыл, смазывал. Этот мотоцикл прослужил много лет.

После окончания школы мы с Любой отучились в Благовещенске на поваров, остались жить в городе. Потом у меня родилась Алёнка, я часто возила её в Тахтамыгду, зимы она проводила там. Была она очень слабым ребёнком, мама с папой её «выпоили» парным молоком, очень её любили, дед в ней души не чаял. Спасибо моим дорогим родителям за то, что помогли мне воспитать дочь, за их любовь и заботу.

У Веры в Благовещенске родилась Алёнка, а у Любы — я и мой брат Денис. Хотя и жили мы в городе, но при первой возможности ехали в Тахтамыгду к бабушке и деду. Самые первые мои воспоминания в жизни

связаны с Тахтамыгдой. А точнее, со «старым домом», так его и теперь называют все наши. От леса этот дом отделял ещё один — жили там Ивановы, потом они уехали в Хатангу. Перед домом была узкая дорога, уходящая в лес. Через дорогу перейдёшь — попадёшь в летнюю кухню, окружённую тополями. А чуть выше — родник с большой ямой, чтобы ведрами черпать воду, не доставая дна. К роднику вела чавкающая под ногами тропинка из досточек, уложенных поверх болотистой, заросшей травой земли. Воду носили и в баню, и в дом, и в стайку. В стайке — корова Ласка, чёрно-белая, тихая. Ласка давала очень много молока, бабушка всегда её хвалила.

Вероятно, домик наш был крохотным, но тогда мне казался большим. В кладовке помню тёмного цвета ящик или сундук с невероятным количеством шоколадок. Может, это мне приснилось? Но точно помню, как, просыпаясь по утрам, я всегда находила под подушкой маленькую шоколадку.

Спала я в комнате с бабусенькой, и в маленьком окне за хлопковой занавеской каждое утро передо мной являлся лес — строгий и дремучий. В той же стороне вечерами садилось солнце. Я смотрела, как медленно гаснет небо, тьма укрывает мои деревья и кусты, и представлялись мне в этом чёрном лесу и Баба Яга, и Страшный Якута, и Солнце, укрывшееся за ледяными сопками на ночлег. Эта золотая долина, в которой ночевало Солнце, никогда не погружалась во тьму. Солнце валялось в ней между сопками, улыбалось, шурило свои сонные орончонские глаза.

Всё это было интересно маленькой Светке, ей не спалось ни днём, ни ночью. В полночь я босая бродила по дому, лежала в постелях у каждого, требуя сказок. Затем просила хлеба-масла-сахара, потом меня пугали цыганами, которые якобы стучат в дверь. Только мой интерес к цыганам разгорался до страсти, и я требовала немедленно отпереть дверь и запустить их в дом. Фантазия рисовала яркие платья, алые платки, бусы, гитары, песни и пляски до утра. Потом в окно стучал Страшный Якута. Тут мой пыл, правда, несколько стихал. Якута представлялся мне злым и чужим. Помню, к середине ночи меня даже пытались опускать в подполье — больше никак не могли уговорить.

Однажды мне пришлось прожить в Тахтамыгде целых полгода, тогда мои родители учились в Москве. Было мне лет пять. Помню бесконечно долгие спокойные зимние дни. Рано утром я уже играла «в дом», ходила с дедом на аэродром. Было очень тихо, тишину нарушали только самолёты, взлетающие и садившиеся за лесочком.

Особенно запомнилось мне одно весеннее утро. Было очень рано. Дорогу у дома обрамляли вербы. В это утро они были розовые, и с веток капала роса. Было так тихо, что я слышала, как капли падают в воду. На-

верное, стоял туман. Потом я увидела сестру Леночку, она шла с бидончиком к нам за молоком. Думаю, это моё самое раннее воспоминание.

Нельзя не упомянуть об укладе нашей жизни. Дед Вася работал комendanтом взлётной полосы. По несколько раз в день он забежал с работы домой — благо аэродром в двух шагах. Мы, издалека завидев его фигуру, бежали навстречу — визжали, вешались на шею, на руки. Дед мчался на кухню, набивал карманы кубиками сахара-рафинада или конфетами и убегал на работу. Он был невероятный сладкоежка.

По субботам топили баню, ждали в гости дядю Сашу с семьёй. Бабушка всегда подавала ужин картошку — или с котлетами, или в жаровне с тушёнкой, а также солёные помидоры, маслята и грузди с ледком из бочки. Баба Аня и дед были людьми до крайности чистолюбными и аккуратными: посуда сверкала, в доме, во дворе и в огороде царил порядок. Постели нам меняли каждую субботу — бельё хрустело, сияло белизной и пахло морозцем или горячим ветром. Собираясь в баню, мы складывали свои трусы и майки в побелевшие от выпаривания полотенца, закатывали их в трубочки и через огород шагали мыться. Помню, Леночка всегда ходила с бабуленькой — «тереть ей спинку».

Если мы приезжали в Тахтамыгду лишь погостить, то мои двоюродные брат Валера и сестра Леночка родились и жили здесь. Сначала в двухэтажном деревянном доме (кстати, дом этот жив и по сей день), а потом в новом каменном, построенном специально для их семьи. Я очень плохо помню, как была у них в гостях и тётя Нелла подарила мне плюшевого медвежонка. Эта игрушка сопровождала меня всё моё детство. Мишутка Волосатик с годами стал уже почти лысым, а на месте фабричных глаз появились пуговицы.

Отец их, дядя Саша, работал в аэропорту. Это был удивительный человек — очень красивый, с выразительными умными и добрыми глазами. Все его очень любили, он был каким-то примером — скромный, честный, добрый, очень порядочный человек. У него было чуткое и открытое сердце. Наверное, он был похож на своего отца Ивана, оставшегося в безымянной солдатской могиле где-то на месте бывших боёв Западного фронта.

Леночка, сейчас она уже воспитывает внуков, так и осталась хрупкой принцессой — милой, тихой, изящной. Внуки зовут её Леной. Она с большим теплом вспоминает своё детство в Тахтамыгде.

Из воспоминаний сестры Лены

Чердак бабушкиного дома — волшебное место со своим запахом, со своими законами. Это не передать словами... Множество мешочков, ящичков. В ящичках какие-то интересные вещички, книжечки. В других

мешочках сухие ягоды, грибы, травы. Это было просто чудом каким-то... Я могла сидеть там подолгу, пробовать ягоды, перебирать вещички, вдыхать ароматы сушёных трав...

Ещё одно волшебное место — чердак стайки. Не коровника, не сарая, а именно стайки. Это было что-то типа сенника. Там были постель с подушками и книги. Я там подолгу читала. Напротив дома — поленицы дров. Мне, ребёнку, казалось, что их очень-очень много. Дрова светлые — новые, тёмные — старые. Мы искали в поленьях смолу, чтобы варить серу, играли в прятки, делали «секретики».

По субботам — баня. Бабушка жарила котлеты, аккуратно переворачивая каждую. Лепили и варили вареники с разными начинками. А мы любили просто лепёшки с маслом. Летом готовили на летней кухне, потом дед выгонял мух берёзовыми вениками. Ещё в летней кухне варили кашу для телёнка. Пока никто не видел, мы делали ямку в серединке и ели эту кашу. Чудо, как было вкусно!

Каждое утро мимо дома проходило стадо коров. Коровы останавливались и ждали нашу Ласку. Мне казалось, что красивее Ласки никого не было. Так оно и было, наверное.

На огороде были парники под стеклом. Там рос паслён, я его любила есть свежим. А какое вкусное было из него варенье! В хороший год вызревали даже арбузы. Это было чудом каким-то. Землянику мы ходили собирать на бугорки. Наверное, их насыпали для каких-то нужд аэродрома. Мы знали каждый бугорок, где больше земляники, где меньше. Я помню их до травинки, до кустика... Мы с Валерой вставали в пять утра и бежали в лес на полосу за грибами. Главная задача — успеть до Баб Ани — так мы звали бабу Аню. В конце леса мы обычно встречались. Валера всегда набирал больше грибов, Баб Аня мне досыпала из своего ведра, брату это не нравилось.

Деда... Любимый мой деда. Сколько он вытерпел от меня — юного парикмахера. Только он позволял мне плести косички и вязать ленты на своей курчавой рыжей голове. Однажды его вызвали на работу, а он весь в бантах. Долго потом вспоминали... Вечером он включал своё радио — такую большую радиолу, ловил волну — музыку или новости. Это прямо ритуал был вечерний, я всегда ложилась с ним полежать, потом убегала к бабусянке. А у Баб Ани в шифоньере всегда была какая-нибудь вкусняшка. Я открывала шифоньер и нюхала, брат не брала ничего. Когда она доставала что-то, у неё такой взгляд был хитренький, этот взгляд мне не забыть. Она всегда так смотрела, когда несла в дом первый огурчик, или первый арбузик, или какой-нибудь гостинчик. Когда я болела, она всегда приходила к нам и приносила мне гостинцы — халву, шоколадку или конфеты. Она работала в гараже сторожем, гараж был для больших машин, находился рядом с нашим домом. Мы с Вале-

рой бегали к ней, она нам давала по ломтю хлеба с сахаром или с солью. Ох, вкусно! Мы ведь не думали о том, что она нам свой ужин отдаёт, просто были счастливы.

Бабушка всегда смеялась, когда я скатывалась с горки зимой на своём портфеле. А Валера стоял такой чистенький и говорил: «Я маме всё расскажу!» Мой портфель никогда до конца учебного года не доживал.

Иногда дед выпивал. Мы его любили таким. Он приходил в хорошем настроении, шутил с нами, играл. Бабушка говорила: «Вот сейчас возьму полено и как дам по хребтине!» А он в ответ: «Нюр, Нюр, ну Нура-а-а...» Я всегда была на его стороне. Мне так нравились их смешные перепалки, не злые — домашние, родная смешная болтовня. Деда был шутником, каких ещё поискать надо. Мы ходили за реку собирать жимолость, потом садились и обдували её от листочков. Дед говорил: «Вот бы ещё задницу заткнуть, вообще бы ветер был под носом!»

Помню случай, когда Валера катался зимой на льду у водокачки и провалился в воду. Как он вылез, никто не знает. Потом дома снял замёрзшую одежду, переоделся и пошел в садик за мной. Бедный...

Однажды мы с ребятами ходили кататься на лыжах большой компанией. Мы были «портовские», то есть жили в районе аэропорта на Портовой улице. Другие ребята были «поселковские» и «дачненские». Часто они враждовали между собою, даже устраивали драки. У меня были крутые лыжи — широкие, как у охотников, я хорошо каталась даже с горы. Валера катался похуже, часто падал. И вот внезапно влетел он в дерево и здорово разбил голову. Хорошо, что детей было много, были и старшие. Притащили его домой, а у него уже полная шапка крови. Мама сама в медпункте зашила ему рану. Этот шрам сохранился у него на всю жизнь.

Однажды мы с ним шубу из волка испортили. Тогда была такая игра распространена среди детей — «зоська» называлась. Зоська — это такая меховая штучка с грузилом, её подбрасывали ногой, как мячик, кто больше раз подбросит. Мы с Валерой и вырезали кусок из шубы — из самой середины.

Папа мне сам однажды сшил унты из волка. Все мне завидовали — мало того, что из волка, так ещё и сшиты руками отца. Когда папа меня вёз на санках в садик, я командовала: «На дорогу! На тротуар!» Папа выполнял мои требования, нам было весело. Однажды с нами пошла мама. Она удивилась моим командам. С ней такой номер не проходил! От папы всегда пахло керосином — он был инженером ГСМ в аэропорту, всегда был одет в синюю лётную форму. Запах этот я до сих пор очень люблю.

...Вообще аэропорт — это часть нашего детства. Там работали и мама, и папа, и дед. Помню, мы с Валерой часто бегали по взлётно-посадочной полосе. Однажды даже самолёт пошёл из-за нас на второй круг. Деду

попадало от начальства: «Опять твои внуки полосу перебежали!» — а он нам потом высказывал.

Мы всё время куда-то летали, помню, меня даже брали в кабину пилота. Самолёты — моя любовь до сих пор. Читаю про них, смотрю передачи, хожу на выставки военных самолётов и вертолётов.

Расскажу немного и о зоне. Иногда сбегали осуждённые — редко, но бывало. Тогда объявляли, что детям далеко ходить одним нельзя. Но мы с Валерой всё равно ходили за грибами, за ягодами. Однажды мы набрали на место, где только что сидели беглые осуждённые. Нашли мы пачку из-под папирос, чёрную зоновскую куртку, заметили, что трава примята. Бежали домой что было духу!

В другой раз шли с рыбалки и тоже набрали на такой же бивак: бежали по лесу — удочки поперёк тропинки, за кусты цепляются — нужно бы бросить, а жалко. Потом смешно было.

Помню, как мы с Валерой пробовали курить. Подобрали какие-то бычки папиросные, а спичек нет. Взяли бидончик под молоко и пошли к бабушке. Смотрим, у водокачки стоит водовозка, водитель воду набирает, а в машине на сиденье спички лежат. Мы их украли, правда, чуть со страху не умерли. Прикурили за поленницей — ужас, как не понравилось. Это был мой первый и последний опыт курения.

Помню папиных сводных братьев совсем молодыми. Николай катал меня на велосипеде, помню, у меня нога попала в колесо, он меня еле до дома дотащил. А Лёша учился в речном училище в Благовещенске — приехал в форме такой красивый! Привёз всем гостинцы. Тогда я первый раз попробовала красную икру. Помню, у него была липучка — чистил свои брюки-клёш. Он оставил её нам, и она лежала в столе на кухне. Лёша ходил на охоту, однажды принёс зайца — белого такого. Жалко мне было зайчишку... На охоту тогда ходили часто. У каждого было своё озерцо, которое хозяин чистил, устраивал там себе засаду. Папа много уток приносил, до сих пор люблю делать дикую утку в жаровне.

Однажды нас с Валерой отправили в летний пионерский лагерь в Якутск. Боже, как там было плохо! Променять лето в Тахтамыгде рядом с бабушкой и дедушкой на лагерь на чужбине! Мы простить не могли этого родителям! Валера там заболел сильно, был в другом отряде. Он же такой стеснительный, ни с кем так и не познакомился. Помню, прибежала к нему в отряд, а его там нет — нашла его в лесу с высокой температурой, была у него тяжёлая ангина. Утащила его в медпункт, там его спасли. Потом приехала тётя Алла Аношкина (наша соседка в Тахтамыгде), мы её увидели и все заревели. Нас было там четверо — я, Валера, Лена Аношкина и Сашка Желаев. Все по разным отрядам...

Мама наша часто болела и постоянно лежала в больницах — то в Сковородине, то на курорт летала. С нами рядом был всегда папа. Первый

раз в первый класс водил меня отец. Сначала повёл в магазин: купил мне кофту оранжевую с собачками, заплёл меня так туго, что, наверное, я была похожа на китаяночку, завязал бантики.

В Тахтамыгде я доучилась до четвёртого класса. Начальные классы были ещё в маленькой школе. На переменах мы бегали в большую школу в буфет. Там пекли очень вкусные калачики. Школа от нас была далековато. А зимой мороз под 50 градусов! Ползёшь утром в школу, да ещё и лыжи волочёшь с собой. Приходишь, а тебе говорят: «Занятий не будет, трубы перемёрзли. Идите домой!» Хоть и радость, а назад опять в такую даль...

Классы у нас были маленькие — по 10–12 человек. С некоторыми одноклассниками я дружу до сих пор. Запомнились мне Сергей и Андрей — лупили меня за пятёрки.

— Ленка, что получила за контрольную?

— Пять...

— Ну всё, после уроков получишь!

Я хорошо пела, меня даже взяли во взрослый хор, ездила в Сково-родино на конкурс. Такой большой взрослый хор — я там одна такая маленькая. Пела я припев: «Я — Земля! Я своих провожаю питомцев — сыновей, дочерей...» Вообще, самодеятельность была очень развита. Папа и мама тоже пели в клубе. Такие концерты организовывались! Очень нравился нам Новый год. Утренники проходили сначала в школе и в детском саду, а потом в клубе. Свой клуб был и в порту. Там проходили самые яркие праздники. Приходило много народа. Я всегда была снежинкой, а корона у меня была королевская. Папа и мама мне делали самую красивую корону из ваты, снежинок и битых ёлочных игрушек.

Нужно сказать, что общество в посёлке было особенное. Жили общими интересами, делами. Вместе ездили на покосы, за брусникой. «Портовские» жили очень дружно. Мы, дети, тоже участвовали во всём. Помню, ехали на нескольких машинах и мотоциклах на покос. Я сидела в огромной кабине «Урала», а в кузове пел и смеялся народ. Тётя Алла Аношкина танцевала прямо на ходу машины в кузове. Помню, ездили огромной толпой на карьеры отдыхать. Накрыли огромный стол, пели, танцевали.

Бабусенька (прабабушка Ефимия) — это отдельная тема, это мой ангел-хранитель. Так я её чувствую. Помню её на уровне взглядов, запахов, движений. Помню её руки — такие родные и любимые: пальчики, ноготочки, точки.... Помню цвет её платиц, фартуков. Она делала мне кукол из платков — это самые мои любимые игрушки были, рассказывала мне сказки, чесала спинку. Я всегда спала с ней. Никогда в жизни мне не было так хорошо и спокойно, как в бабусенькиной постельке. Мы могли с ней часами тихонько разговаривать, перебирать фотографии в чемоданчике. Помню, она была уже очень старенькая и сломала руку. Я ста-

ралась всегда быть рядом — одевала, раздевала, обувала, причёсывала свою бабушеньку. Её гребешок помню даже на ощупь. Она очень тихо и спокойно рассказывала сказки. Помню сказку про Бабу Ягу и одну фразу, которую она говорила неожиданно громко: «Я тебя съем сейчас, не соля!» Саму сказку не помню, а вот эту фразу запомнила. Мне казалось, это самая важная фраза в сказке. Помню, она меня называла «босой» — «Чего ходишь босая? Немедленно обуйся!» Мы всегда вместе ходили в баню. Болтали там обо всём....

Помню, как бабушенька ездила к родственникам на Украину. Её долго не было. А когда приехала, привезла большой багаж — ящики с фруктами. Сколько было радости!

Когда бабушенька умирала, у меня были экзамены, я не могла приехать. Баб Аня рассказывала, что перед смертью она меня вспоминала, и даже разговаривала со мной, говорила: «Ты что, не видишь? Леночка приехала, сидит рядом!» Эта боль на всю жизнь, но ничего не поделаешь, в то время мы не были взрослыми, не могли принимать самостоятельные решения.

Несколько слов про БАМ... Стройка века проходила совсем рядом с нашей Тахтамыгдой. Соседняя станция так и называется — Бамовская. Помню, когда я ходила в детский сад, меня и ещё некоторых детей пригласили на праздник, посвящённый укладке серебряного звена. Мы даже читали стихи на этом празднике. Когда мы переехали в Красноярск, в школьной программе как раз было изучение БАМа, и тут я рассказала, как сама присутствовала на укладке серебряного звена. Мой рассказ вызвал зависть и удивление.

Из Красноярска я постоянно приезжала на каникулы к бабушке и деду. Тахтамыгда так и осталась лучшим местом, самым милым и дорогим...

В новый дом баба Аня и дед Вася переехали, когда мне было семь лет. Этот дом тоже стоял на краю посёлка, но край этот был ближе к центру, напротив здания аэровокзала. Строили его для дяди Саши с семьёй, там они прожили несколько лет, затем уехали в Красноярск, а дом достался родителям. Теперь жизнь пошла другая — хозяйство извели, печку заменило центральное отопление, питьевую воду теперь доставляла водовозка, в огороде из крана текла вода. Дом был построен из бетонных плит, с деревянной верандой и кладовкой. Во дворе — гараж, баня и летняя кухня с печкой. Большой огород. Бабушка выращивала самые крупные и сладкие помидоры, огромные кочаны капусты, море огурцов и всего прочего. Помидоры и огурцы располагались в длинных коробах или парниках, на ночь их укрывали плёнкой, а сверху «тряпками» — сшитыми из самолётных чехлов длинными кусками брезента. Интересно, что такие «тряпки» были почти в каждом дворе.

Близость аэропорта отражалась на быте местных жителей во всём. Например, грибы и бруснику мерили не вёдрами, а банками. В банку входило около двух обычных вёдер. Их было удобно ставить в рюкзак и носить за плечами. Мы, дети, так привыкли к банкам, что и не задавались вопросом: что это за тара такая? А банка — это жестяная ёмкость из-под авиационного масла или мазута. Крышку отрезали, края ровняли и приделывали удобную широкую ручку.

Я уже не говорю о том, что все грибники и ягодники Тахтамыгды были одеты в лёгкую хлопковую авиационную робу. Да и зимой носили унты и тёплые меховые лётные тулупы. Близость аэродрома беспокоила гостей Портовой, 36 (такой у нас был адрес) только в первые дни и ночи. Представьте себе: через каждые два часа прямо над домом и двором на высоте нескольких метров идёт на посадку какой-нибудь Як-40 или Л-410. Шум стоит такой, что перепонки в ушах лопаются! А ещё бесконечные объявления дежурной, которые я помню до сих пор:

«Производится посадка на самолёт, вылетающий рейсом 224 от Алдана до Читы — Иркутска. Пассажиров просим пройти на посадку в самолёт. Выход на посадку в сопровождении дежурной». Или: «Уважаемые пассажиры! Выход на перрон и хождение по перрону до объявления посадки без сопровождения дежурной строго запрещаются!»

Но вскоре к этим шумам все привыкали и даже переставали просыпаться по ночам с выскакивающим из груди сердцем. А бабушка с дедом, казалось, и вовсе ничего не замечали — давно привыкли. Близость аэропорта делала нашу жизнь ярче и веселее. По улице празднично шатались пассажиры, летом выпрашивали у бабушки её замечательные георгины. Она раздавала бесплатно и с удовольствием. К гостинице и столовой шагали необыкновенной красоты пилоты и стюардессы. Мы смотрели на них затаив дыхание и, конечно, мечтали вырасти и тоже надеть эту удивительную синюю форму. Надо сказать, что немалое число тахтамыгдинских мальчишек после окончания школы поступали в Иркутское авиационное училище. Приезжая на каникулы, они щеголяли в той самой синей форме и фуражках с крылышками, а девчонки были без ума...

В гараже у деда стоял старенький мотоцикл ИЖ, после обеда дед объезжал на нём взлётную полосу и собирал крупные камни. Часто брал и меня с собой. Помню, я услышала от деда историю о том, как когда-то «Яшка разулся», и мне представился какой-то парень Яшка, который скинул сапоги и бросил их в кусты. Позднее я уже понимала, что Яшка — это Як-40, у которого во время посадки лопнуло шасси. К счастью, никто не пострадал, но за грунтовой полосой приходилось очень внимательно смотреть. Короче, у деда дел было много. В то время эксплуатировалась «новая» полоса — грунтовая, а вот старая, построенная из бетонных шестигранников, была уже не годна.

Целыми днями мы носились по Тахтамыгде и её окрестностям, исследуя все подробности. Нам, детям, всё казалось здесь таинственным и до крайности любопытным: зона, золотодобыча, аэропорт, солдатские капониры...

— Вася, Вася... — Бабушка хохочет своим беззубым ртом. — Вот старый чёрт — опять свой мотоцикл завести не может... Эй, ты на нём уже тридцать лет ездешь, а чинить не научился...

— Молчи там! — Дед сердито глядит в сторону летней кухни, грозит кулаком.

— Ой, смотрите, дети, на психа! Думает, я его боюсь...

Такие перепалки происходят постоянно, мы надрываем животы от смеха.

— Мы когда на лесоповале работали, пять кубов норма была, — говорит бабушка. — А этот рыжий пенёк... — кивает на деда, — ходил с тетрадкой — всё проверял и пересчитывал. Ишь, крыса конторская... Только мы его обманывали, только так надували!

Дед снова грозит бабушке кулаком.

— Молчи, старая!.. — И вдруг: — Нюра, что у меня там, на спине — прыщик, что ли, выскочил?

Бабушка поднимает рубаху, оголяется белоснежное тело с веснушками.

— Ой, Вася... Да тут...

— Что там, Нюра?

Бабушка делает страшное лицо.

— Тут, Вася... первый признак смерти!

Мы покатываемся от смеха.

— Да иди ты... — Дед одёргивает рубаху.

— Погоди, дай намажу зелёнкой.

Бабушка берёт зелёнку, мажет прыщик, а потом пишет на спине: «ВАСЯ».

— Ишь, какой белоснежный... А ноги какие белые! Он носки никогда не снимает, боится ноги запачкать. Вася, как они у тебя летом не потеют?

Дед сердится, а потом бабушка принимается его щипать ниже спины, и он начинает смеяться с нами.

— Ходил к сестре своей, капуста ему там понравилась. «У нас, Нюра, не такая вкусная...» Ах, ты хрен старый! Капуста-то у Соньки наша — сам же отвозил!

Самая популярная тема для острот — это дедушкина чистоплотность. Главные атрибуты его быта — веник и мухобойка. Полы он выметал так, что ни одной пылинки не мог бы обнаружить самый строгий эксперт.

— Если бы его взяли на работу мести Красную площадь, — начинала бабушка, — через месяц ему бы подарили золотую метлу и орденом бы наградили!

Тёплыми вечерами дед сидел на улице у входа в летнюю кухню и хлопал мух, которые только лишь намеревались залететь в щелочку между шторами. Бабушка ворчала на него из-за привычки заглядывать с ревизией «в каждый бабий черепок»:

— *Курия*, займись своей мужской работой, на кухне я сама справлюсь!

Что значило это слово, я не знаю, но бабушка всегда так называла деда. Думаю, курия, в её понимании, — это зануда, сующий свой нос в чужие дела и допекающий всех своими советами и рекомендациями.

Дед требовал для себя идеальной сервировки стола. Он любил, чтобы в тарелке было «не много, не мало, а приятно». Ложку, вилку и стакан свой он прежде внимательно рассматривал на солнце, чтобы не было пятен. Нашему псу Дику дед Вася каждый день устраивал выговор, объясняя, что гадить — это плохо, при этом грозил ему лопатой или метлой. Наставления проводились во время уборки вокруг будки Дика. Пёс грустно смотрел на деда, будто испытывал чувство вины.

Бабушка часто напоминала деду, что он «пскопской», то есть из Пскова родом.

— Они там даже помидоры выращивали только для красоты. Есть боялись — думали, ядовитые. Ха-ха! Вот темнота-то где! А слова у них какие? «Облипка!.. Скипины!..» Что и говорить — «Пцкопцки в куцу, в карман руцу, и пецоцину в карман!»

Перевожу. «Облипка» — это обналичка или откосы вокруг дверного проёма. «Скипины» — накипь, образующаяся при варке жидких блюд. Ну а фраза-дразнилка в конце означает: «Псковские в кучку, в карман ручку и песочку в карман!»

Иногда словесные перепалки переходили в рукопашный бой. Тогда все присутствующие обливались слезами от хохота.

— Да что, я такого мелкого пня не заломаю? — кричит бабушка.

— Хоть и мелкий, да сильный. А за высокий пенё только по большой нужде ходят!

Если у бабушки присутствовало несколько зубов, то у деда был всего один. Зато его зубы лежали в стакане в старом душе. Как-то мы уговорили деда надеть зубы, уж очень хотелось посмотреть, как он будет выглядеть. Дед зубы надел, а вот снять — не тут-то было. Вставная челюсть зацепилась какой-то подлой проволочкой за единственный дедушкин зуб. Чтобы снять ненавистный протез, ему пришлось долго пилить эту проволочку прямо во рту металлической пилкой для ногтей. Он пилил и материл нас на чём свет стоит.

Дед и бабушка были великими грибниками и ягодниками. До глубокой старости бабушка ходила пешком за грибами. Когда мы, внуки, просыпались, подосиновики и обабки уже жарились с картошкой и луком в большой чугунной сковороде. С дедом мы ездили на мотоцикле за груздями, за брусничкой. Поднимали нас рано, хотелось спать, но никто не ныл — это считалось позором, как и прийти с неполным ведром или банкой. А если тебя не взяли с собой — это просто горе.

Вспоминается, как брат мой Денис, будучи ещё дошкольником, с вечера собирался за грибами. Утром лил дождь, и пошли без него. Когда, проснувшись, он увидел возвращавшихся из леса грибников, с ним случился психический приступ — он со всего маху упал навзничь на пол, а потом час орал благим матом, и успокоить его не представлялось возможным.

В лесу, как правило, не было спасения от комаров и паутов (оводов), но никто не жаловался, все работали. Помню, как мы с дедом ездили собирать грузди «за маяк». В тайге на сопке действительно работал маяк, указывающий путь самолётам. Мы оставляли мотоцикл у маяка, шли очень долго — лес, марь, снова лес. Там меня однажды искушали земляные осы. Было так больно, что, когда вспоминаю эту минуту сейчас, через сорок лет после случившегося, у меня идут мурашки по спине.

Зато какое удовольствие собирать грузди! Лес чистый, без травы; под хвойным настом можно разглядеть белую бахрому груздя, а рядом ещё и ещё... Вот они — бугорочки, палочкой поддел, а там груздики! Особенное счастье найти молоденьких, даже маленьких. Лучший — белый сырой груздь. «Молокан» тоже ничего — это большой жёлтый груздь, запах у него резче, на срезе выступает молочко, и червивыми «молоканы» не бывают. А вот сухой груздь — дрянь, всегда червивый. Его бабушка сразу выкинет и грибника отругает.

А впереди ещё одно удовольствие — мыть грибы и протирать кусочком марли. Каждый гриб пахнет по-своему. Затем грузди замачивают на два-три дня, меняют воду, снова моют и солят в бочку. Некоторые советуют грузди варить, только я хотела бы посмотреть на человека, которому поручат переварить 6–8 вёдер груздей!

Действительно, грибы и ягоды мы собирали наравне со взрослыми, лес любили. Среди нас, детей, было почётно показаться матёрым таёжником — ничего не бояться, брать быстро.

Расскажу один случай. Однажды мы с сестрой Наташей пошли за земляничкой. Особенной надежды найти хорошую ягоду у нас не было — народ давно всё собрал и вытоптал. И вот только отошли от дороги, прошли чуть-чуть по лугу — глядь, а там поляна вся красным-красна. Столько ягоды мы никогда и не видели! Упали на землю и давай земля-

нику собирать. Собираем, а сами думаем: «Как это люди такую ягоду не заметили?!»

Набрали свои баночки, а земляника всё не кончается. Нашли газету, навертели пакетиков, в них набрали, потом наелись и легли пузо на солнышке погреть. Только собрались домой, смотрим, дед бежит навстречу и кричит благим матом. Оказывается, мы в запретной зоне ягоду собирали, прямо у взлётно-посадочной полосы. Деду позвонили и говорят: «Василич, там опять твои внуки на полосе! Гони их оттуда!» Вот нам тогда попало!

Конечно, наше детство в Тахтамыгде было счастливым. Сейчас, вспоминая, какой оравой мы гостили на летних каникулах у бабы Ани и деда Васи, я удивляюсь, как старики справлялись со всеми хозяйственными трудностями — стирка, уборка, баня, завтраки, обеды и ужины. Наверное, помогал приобретённый с годами опыт жизни в большой семье — дисциплина, порядок, почитание старших. Гостили у них, бывало, по пять-шесть человек. Прилетали на самолётах, приезжали на поездах, все мечтали побывать на каникулах в Тахтамыгде. Здесь было хорошо. Каждого из нас дома ждали серые школьные будни, всякие домашние невзгоды и проблемы. А здесь — безоблачное счастливое лето. Бабушка и дед не представляли для нас никакой опасности — добрые, весёлые, они смогли подарить нам самое беззаботное и тёплое детство, детство, которое греет нас всю жизнь. Я им очень благодарна за этот подарок.

Самым близким мне человеком в те годы была моя двоюродная сестра Таня. Жила она в Тахтамыгде в части посёлка под названием Дачный. Когда приезжали мы, Таня приходила к бабушке. Иногда она ночевала со мной на веранде, а когда уходила спать домой, я ждала её с самого утра и очень сердилась, если она долго не приходит. Сейчас я понимаю, что я её очень любила, неосознанно, по-детски. С ней всегда было весело и интересно. Танюха обладала крепкой фигурой и довольно громким голосом. Всегда улыбка до ушей. Я никогда не видела её плачущей, даже печальной. Нам с Таней бабушка поручала серьёзную и нелёгкую работу, в отличие, например, от сестры Алёнки — очень худенькой, болезненной. Алёнка часто вызывала у нас зависть — ей доставался первый и самый сладкий кусочек. Но она его не съедала сразу, а прятала в укромное местечко, а потом доставала в самый неподходящий момент.

Помню, выросла первая редиска. Нежная, сладенькая... Конечно, досталась она Алёнке, та ходила с ней целый день, а мы облизывались. Танюха даже попыталась организовать похищение, но безуспешно. Дело кончилось словесной перепалкой, где явно побеждала Танька, и Алёнка не имея, видимо, достаточных аргументов, швырнула в сестру тем, что под руку попало, то есть редиской. Таня подняла её с земли и мгновенно проглотила, чуть ли не целиком. Сколько было слёз! Попало нам от ба-

бушки! «А чего она дразнится?!» — слабо оправдалась съевшая редиску сторона.

Помню, как однажды после обеда мы мыли в летней кухне посуду.

— Чур, мою!

— Чур, полоскаю!

— Чур, вытираю!

— Чур, составляю!

Каждый приступил к делу. Только Алёнку с Танькой всё мир не брал. Они затеяли о чём-то спор, и Алёнка (почти прозрачное эфирное существо) подошла к Танюхе и гранёным стаканом треснула её по лбу. Мы замерли: «Прощай, Алёнка!» В следующую секунду они обе уже мчались по двору, и Алёнка ведь тогда убежала! А что ей ещё оставалось делать?

Однажды мы потеряли Алёнку. Только что была во дворе — и нет нигде! Нашли в гараже. Бедняжка как-то умудрилась сесть в деревянный бочонок — голова и ноги торчат, а вылезть не может.

Счастливым для нас, мелюзги, было время, когда приезжали Леночка и Валера — дети дяди Саши. Леночка была старше нас, её уже провожали женихи, а мы подглядывали из-за занавесок на веранде — будут они целоваться или нет? Леночка была нашим идеалом красоты — изящная, как принцесса, с тихим голоском, всегда опрятно и со вкусом одета и причесана. Она уже была городская, отличалась от местных девчонок, и ухажёры за ней ходили толпой (по крайней мере, нам так казалось!). Мы, лахудры с ободранными коленками, немного её побаивались, стеснялись. Одним жарким летним вечером мы решили сходить «на природу» (одно из наших излюбленных развлечений). Взяли хлеба, соли, зелёного лука, бутылку с чаем и отправились за лётную полосу в лесок — в «три берёзки», как у нас говорили. Сидим, лопаем лук с хлебом, и вдруг замечаем приближающуюся к нам парочку.

— Ленка!

Лук полетел в сторону, мы улеглись в траву и замерли. Лена с кавалером прошли мимо, нас не заметили.

— Фу! Кажется, не увидела. А то скажет: «Дуры, что ли? Лежите в траве кверху задом...»

Вечером сидим на нашей любимой веранде. Заходит Лена.

— Что вы там, в кустах, лежали лицом в траве?

Мы удивлены и смущены.

— Загорали, что же ещё?

— Одетые и в тени?

Но больше всего мы ждали Валеру. Брат был уже взрослым парнем, приезжал на каникулы из лётного училища. Валера очень красивый — узкое лицо, нос с горбинкой, красивые зубы, русые волнистые волосы — во всём присутствовала какая-то утончённость, порода.

Лётная форма подчеркивала его блестящую внешность. Мы с Танькой и Наташей ужасно робели перед ним, краснели и вели себя как дурочки. Приходил он поздно, заходил на веранду и с разбега садился на свою кровать — железную, с сеткой. Заприметив эту привычку, мы решили подшутить над братом и наставили под кровать табуреток. А сами улеглись в постели и стали ждать, как наш гуляка завоет, когда ударится мягким местом об эту баррикаду. К нашему огорчению, воя мы не слышали. Брат вытащил табуретки, а утром погрозил нам пальцем и сказал, что он не дурак, а вот мы дуры дурами.

У Валеры в то время уже была невеста Люба. Она писала ему письма в училище, он их хранил в своём маленьком чемоданчике. Валерка вечером уходил гулять, а мы с сестрой утаскивали чемодан в старый душ, доставали письма и сладким голосом читали: «Любимый мой Валера! (хохот) Я тебя люблю и жду... (хохот)» Представления о безнравственности нашего поступка были у нас весьма смутные, больше того, нас мало интересовала событийная сторона переписки, а лишь только слова любви. Мы заливались хохотом, краснели и страшно завидовали Любке, да и брату тоже. Однажды Валера заметил, что или чемодан сдвинут, или тесьма на письмах не в том месте. Он позвал нас к себе на веранду, посмотрел страшными глазами и сквозь зубы прошептал:

— Вы чё, лазили в моём чемодане?

Мы с Танькой перепугались и в один голос завыли, что мы его чемодана в глаза не видели и даже не знаем, что у него есть чемодан.

— Ладно, идите пока. Но смотрите у меня...

Мы, сбивая друг друга, улетели на улицу и впредь были осторожнее.

Валера любил охоту, часто приносил с утрянки уток. Он тоже был заядлым грибником и ягодником, дедушка даже доверял ему свой мотоцикл.

В расписание нашего дня входили только приятные вещи: ходить за земляникой на бугорки, ловить бабочек, бродить по лесам с разными целями и задачами, купаться в тёплом грязном карьере на берегу Ольдоя, собирать цветы и листья в гербарий. А ещё — бегать по бабушкиным поручениям в центр посёлка в магазин. Правда, последнее было для нас не совсем приятным делом, так как нам приходилось умываться, натягивать белые гольфы, заплетать волосы лентами и надевать парадные платья. Иначе нас бабушка в посёлок не пускала. Что люди скажут? Мы выстаивали часовые очереди за белым хлебом, брали по пять-шесть булок и шли домой. Иногда нам разрешали купить мороженое в столовой. Его накладывали в стеклянную банку.

В то время в Тахтамыгде был хороший книжный магазин. Там продавались детские книжки, которые в других местах были большой редкостью. Бабушка давала нам деньги, и мы покупали книги.

Вечером дружно поливали огород. Помню, дед открыл вентиль, а вода не шла. Алёнка решила заглянуть в чёрный толстый шланг: куда там запропастилась вода? И тут из шланга вылетела такой силы струя воды, что бедную Алёнку отбросило в сторону. Вот было смеху!

Алёнка почти выросла у бабушки с дедом. Родилась она очень слабенькой, мать привезла её в деревню на поправку. Наверное, дед никого не любил так, как он любил Алёнку. Худенькая, бледная как тень, с беленькими тонкими косичками, она отвечала ему такой же преданной детской любовью.

— Деда, ты бабушку не тлогай, а то она тебе леблу сломает! — заступалась она за деда. «Леблу» — означало ребро.

Дед звал её Кисюля, везде водил с собой. У Алёнки был упрямый, но в то же время покладистый характер — она со всеми была «в друзьях».

Мы с ней всегда вспоминаем случай, как ходили вдвоём за земляникой. Однажды после обеда мы схватили банки и помчались на солдатские капониры. Там, в лесу, ещё стояли палатки и можно было встретить молоденьких солдат, также любивших землянику. Мы поговорили с солдатами, набрали земляники и обнаружили, что солнце падает за лес, а мы далеко от дома. Стало холодать, мы прижались друг к другу, натянули единственную кофту на двоих и зашагали домой. Вечер был яркий, лучезарный, дорога живописная, кругом лес, поля с цветами, закат уже алел над Дачным. Мы шагали и пели свою любимую песню из какой-то сказки, записанной на пластинку:

Пусть поёт нам ветер веселей,
Пусть нам солнце ласковое светит,
Кто имеет на земле друзей,
Тот не зря живёт на белом свете!
Раз, два, горе не беда,
Унывать не надо никогда
Выше нос и хвост держи трубой — трубой,
Знай, что верный друг всегда с тобой!

Мы были такие счастливые в ту минуту, и тут увидели бабушку, продвигавшуюся нам навстречу с прутом и двумя кофтами. Нас, конечно, простили, но мы дали слово так поздно в лес не ходить.

Из воспоминаний сестры Алёнки

В Тахтамыгде прошли самые ранние и лучшие годы моей жизни. Старый дом я почти не помню, а вот время, когда переехали в новый, каменный, помню отчётливо. Я очень любила бабушку, но дед был для

меня самым родным и близким человеком. Он любил меня самозабвенно. Мы с ним гуляли, ходили в лес, он брал меня с собой на работу в аэропорт, топить избу-колодец, катал на саночках, на мотоцикле, водил на новогодние ёлки. Помню, уложив меня в кроватку спать, он вдруг вскрикивал:

— Ой, Кисюля, а поцеловаться забыли!

Мы целовались с ним раз сто, потом он уходил и снова возвращался.

— Тьфу, противно уже смотреть, как вы там облизываетесь! — смеялась бабушка.

Я была очень худенькая, дед постоянно таскал меня на горбушке. Когда бабушка на него за что-нибудь ворчала, я всегда его жалела и защищала. Дед был очень аккуратным и щепетильным во всём. Бабушка ему говорила: «Ты у нас не немец случайно?» Если бабушка собиралась стирать, дед вставал в полшестого утра, чтобы греть воду. Бабушка его за это ругала. Помню, я загнала под ноготь огромную занозу, и мы с дедом ходили в порт за керосином — занозу вымачивать. Однажды из аэропорта к нам во двор принесли — то ли починить, то ли постирать — рукав для измерения силы и направления ветра. Он висел на верхушке огромного столба, был похож на колпак Буратино — красный с белыми полосками, издалека казался маленьким. Когда его расстелили во дворе, то не хватило места — такой он, оказывается, был большой!

Помню все бабушкины цветы в палисаднике — дельфиниум, львиный зев, анютины глазки и любимые бабушкой бархатцы. Помню рябину, такую красивую осенью, кажется, её посадил ещё дядя Саша. Около рябины была кормушка — дедушка с бабушкой постоянно кормили воробьёв, или, как они говорили «цыплят». И в доме у бабушки было много цветов — царские кудри, невеста, иван-да-марья. В бабушкиной комнате росла герань — была она всегда в цвету. Бабушка говорила: «Когда геранька моя пропадёт, я умру». А ещё помню, как у неё зацвёл алоэ. Я такого больше никогда и нигде не видела.

Помню, приезжал Валера, учил меня читать, а ещё у него был фотоаппарат, в старом душе мы с ним проявляли фотографии. Помню рыжего кота, зимой он спал на подушечке. Летом мы его кормили оводами — ловили их на стекле и давали коту. Он их уплетал с удовольствием. Моими «женихами» были тогда Юрка Желает и Виталька Межецкий. Первый был моим ровесником, а второй — на два года младше. Помню, дед смеялся, что, когда один уйдёт в армию, второй останется, а когда второй уйдёт, первый уже вернётся. Однажды мы с Юркой играли, и он обсыпал меня опилками да попал мне в глаз. Я очень плакала, глаз опух, ничего не помогало. Тогда меня отвели к какой-то бабушке, которая языком вытаскивала соринки из глаз. И мне тоже вытащила. Юрка потом долго наш дом стороной обходил — деда боялся.

Немножко помню бабусеньку. Я любила сидеть в её комнате поздно вечером, мы смотрели в окно на проходящий длинный поезд — «Россию», в темноте мелькали огни вагонных окон.

Помню, что мы любили ходить по магазинам. Здесь, в Тахтамыгде, можно было купить заколки, серьги, значки, календарики, игрушки, одежду и обувь — всё, что в Благовещенске было в большом дефиците. В здании аэровокзала был киоск, там я даже купила первый журнал «Бурда».

Мы часто летали на самолётах. У меня было японское платье, зелёное с фонариками и завязками на спине. На груди был как бы фартук, я кинула туда банку с леденцами и забыла. В Благовещенском аэропорту меня долго не пропускали, не могли понять, почему звенит датчик.

Самым близким мне другом в те годы был мой брат Денис. Он младше меня на три года, мы с ним целыми днями гарцевали по лесам, знали каждый кустик. За нами было бесполезно искать грибы — все наши заветные места мы просматривали тщательно, знали, где какой гриб растёт — подосиновики, маслята красные или жёлтые, подберёзовики. А вот белых грибов в то время было очень мало, росли они только в одном месте. Однажды мы туда пошли, всё там прошарили, а следом шли тётя Люба с дядей Толей. Приходим домой — они за нами. Смеются: «Пропустили вы всё-таки один белый!» — и показывают нам. Мы возмутились: как? Не может такого быть! И действительно, выяснилось, что этот гриб у нас просто из ведра выпал, а они его подобрали. Помню, однажды резали принесённые из леса грибы во дворе, и Денис вдруг куда-то пропал. Нашли его под столом на веранде. Оказывается, у него зачесалось ухо, а может, комар сел. Денис ухо почесал, а в руке был нож, вот он и порезался да так испугался крови, что убежал и спрятался. А ножи у деда всегда были острые, как бритва...

Помню наши любимые дурацкие игры — кто быстрее съест свой кусок арбуза и «Ловись, горошек, большой и маленький!» Это мы открывали баночку с зелёным горошком, тыкали в неё каждый своей вилкой, а потом считали, у кого горошин больше наколосось. Это было очень весело.

Был у нас с Денисом велосипед. У меня, чтобы крутить педали и Дениса возить, веса не хватало, поэтому я сидела на багажнике. Бабушка нам не разрешала далеко ездить, но мы иногда втихомолку отправлялись в очень дальние путешествия. Например, поехали в соседний посёлок Бамовский. Позже мы бабушке признались в этом, она нас очень ругала.

Когда аэропорт был уже закрыт, вдруг к нам прилетел какой-то огромный вертолёт. Сел он у самых ворот аэровокзала — совсем рядом с на-

шим домом. Мы с Денисом побежали смотреть (а только недавно бабушка нас в бане помыла). Площадка была песчаная, и поднялась такая пыльная буря, но мы стояли и смотрели, как взлетает такая махина. Пришли домой как негры — все в земле и песке. В голове, наверное, по килограмму песка у каждого. Бабушка только руками всплеснула.

Мы с Денисом были не разлей вода. Любили играть в мелкие игрушки, которые у нас хранились в мешочках. Мы их везде с собой носили — и в лес, и в магазин, играли в поезде. Однажды собрались в Тахтамыгду. Сидим на вокзале — поезд, как всегда, опаздывает. И вдруг выясняется, что Денис забыл свой мешочек с игрушками. Как он кричал! Пришлось тётё Любе вызывать такси и ехать домой за мешочком.

Из воспоминаний брата Дениса

Алёнка была очень худенькая, а ноги длинные. Когда я крутил педали и у меня не хватало сил заехать в гору, она, сидя на багажнике, мне помогала, отталкиваясь ногами от земли.

В один прекрасный день мы отправились кататься и уехали за взлётную полосу — очень далеко. Там находились озёра, где охотился наш дед и другие мужики. Мы слезли с велосипеда и увидели в траве огромную ужасную саранчу. Мы были почему-то очень напуганы и удивлены и решили её прибить. Только способ был выбран довольно странный — мы поехали домой (это было далеко!), взяли у деда огромную подборную лопату и повезли её к озёрам. Вернее, я крутил педали, а Алёнка держала волочащуюся за велосипедом лопату. Кое-как мы доехали, но, к нашему великому возмущению, саранчи на месте не оказалось. Бесовестная, не дождалась нас и сбежала.

Расскажу подробности нашей поездки на Бамовскую. Когда мы на поезде проезжали эту станцию, нам нравились высокие дома, необычная надпись из разноцветных букв на склоне у перрона. Мы решили туда поехать на нашем велосипеде. Для Алёнки на багажнике была сделана сидуха из поролона, обшитого дерматином. Осталось разузнать дорогу. Мы стали спрашивать у деда, в какой стороне БАМ и т.п., но так, чтобы не вызвать подозрения. И вот настал день, когда мы тронулись в путь. Из посёлка выехали благополучно, дорога вела под мост, а потом раздваивалась. Нужно было поехать налево, а мы свернули направо. Ехали мы лесом, ехали долго, очень долго. А дорога та вела далеко в лес. Туда люди за грузями, за брусничкой ездили. Постепенно стали мы понимать, что ошиблись, а тут ещё сопка нам встретилась с какими-то старыми горелыми деревьями, похожими на чудовищ. Стало нам страшновато, да и день уже клонился к закату. Повернули мы обратно и во весь дух помчались домой. Едем и понимаем, что попадёт нам сейчас, ведь

бабушка нас потеряла — это совершенно ясно. Мы решили перехитрить её, заехали с заднего двора. Думали: сейчас велосипед спрячем, а сами сделаем вид, что никуда не уезжали, а играли за баней. Только бабушку провести было невозможно. Она нас заметила, Алёнка там ещё выскочила не вовремя на своих длинных ногах, как сохатый. Короче застукали нас, но мы, конечно, не признались, где мы были.

Несмотря на неудачную попытку добраться до Бамовской, мы не оставили своей мечты и вскоре снова отправились в путешествие. На этот раз дорога была выбрана верно, и мы благополучно и очень быстро доехали до посёлка с пятиэтажками. Там мы погуляли, купили что-то в магазине и поехали обратно домой.

Помню, как мы любили, когда приезжал из Сковородино дядя Коля. Иногда с ним приезжали его дети — Серёга и Наташа. Дядька был всегда великолепным шутником, с ним было очень весело. Помню, он про всех придумывал всякие стишки, мы смеялись. Помню стишок и про себя:

Встал у стеночки Денис
И немножечко прокис.
Постоял ещё немного
И пошёл своей дорогой.

Раз мы с ним пошли играть в футбол на поле за нашим домом, и мяч прилетел мне прямо в лицо. Я дня два ходил с красной рыхой и с отпечатками ромбиков.

Ещё помню, как приехал я в Тахтамыгду в новых джинсах и новых крутых кроссах. Сел на свой велик и поехал кататься. А на дороге была огромная лужа. Я заехал, и велосипед мой встал прямо на середине. Мне было так жаль пачкать кроссовки, что я не стал окунать ногу в грязную глубокую лужу. Я поднял ноги и... рухнул на бок. Пришёл домой весь до нитки мокрый и грязный.

С Алёнкой мы любили лазить в бабушкиной кладовке. Там стоял сундук с мешочками. В них — сушёные ягоды, сухофрукты. Ещё у нас была игра: напротив дома стояла портовская дизельная, за ней мы закапывали самодельных человечков. Делали их из палочек, всякой всячины. А когда приезжали на следующий год, выискивали их. Найти такой секретик было большой удачей и радостью.

В раннем детстве я очень любил поезда. Просил, чтобы со мной пошли «поезды смотреть». Сначала ходила мама, а потом мы стали ходить с Алёнкой. Наберём еды, сядем на косогор и смотрим на проходящие поезда. Ещё меня впечатляли «шавули» — совули (совы).

В Тахтамыгде нам всегда было хорошо.

Расскажу один случай. Было мне тогда лет десять. Гостила я на летних каникулах в Тахтамыгде. И тут, как со мной случается, нашла на меня тоска. То ли кто-то обидел, то ли просто соскучилась я по маме, но захотелось мне домой, в Благовещенск. Помню, села я напротив бани на стульчик, взяла книжку про Плакунчика и давай реветь. Бабушка спросила, чего это я так горько плачу. Я сказала, что хочу домой. Прошёл ещё один день, я не унималась. Тогда мне велено было собирать чемодан.

— Сама до дома доберёшься? — спросила бабушка.

— Конечно, доберусь! — ответила я.

Я сложила вещи, дед отвёл меня в аэропорт и посадил на самолёт Як-40. Телефона у нас в Благовещенске не было, поэтому никто и не знал, что я лечу домой...

Свои воздушные путешествия я помню отчётливо. Мы всегда летали в ясную погоду. Какой блистательный мир открывался перед глазами! Мы вплывали в облака, они были не белые, то есть не просто белые, а белее всякого белого цвета — сверкающе, сияюще белые! Голубое небо казалось мне космически огромным, бескрайним. Это был фантастический мир неба, великолепный, бесконечный, свободный. Я не могла надышаться, наглядеться на эту красоту! Мама всегда вспоминает мои детские слова: «Я в восторге!» Наверное, с поры тех детских полётов мне всегда и везде тесно и душно.

Но вернёмся к моему путешествию. Когда мы вышли из самолёта в аэропорту «Игнатьево», я поняла, что не знаю, куда мне двигаться дальше. Потом сообразила, что нужно просто идти за толпой и толпа тебя куда-нибудь выведет. Чемодан мой был довольно тяжёлым, на шее висела детская маленькая сумочка с мелочью. Все пошли в красный «Икарус», я за ними. Заплатила за билет, кажется, сорок копеек и доехала до Трансагентства, что на улице Ленина. Тут-то мне уже было не страшно! Я доволокла чемодан до автобусной остановки, села на свой автобус и доехала до дома. Дотащив чемодан от остановки до калитки, я поняла, что калитка заперта. Это была не беда, я её открыла крючком — но и дом был на замке! Как позже выяснилось, все уехали на рыбалку и бабушка куда-то ушла. Я села на свой чемодан и горько заплакала. Представилась мне моя Тахтамыгда — бабушка с дедом, сёстры, лес...

— Зачем я приехала? — рыдала я на весь двор. — Как мне опять уехать обратно?

Вскоре родные мои вернулись. И, помнится, я недолго пробыла дома — снова улетела в Тахтамыгду. С тех пор домой я больше никогда не просилась.

Я очень любила, когда деда Вася приезжал, точнее, прилетал к нам в гости в Благовещенск. У него всегда был с собой портфель с подарками, мы с ним гуляли по городу, всегда ходили в фотостудию.

Однажды я сидела дома с мамой, скучно мне было, я вспомнила деда. Говорю:

— Мам, хоть бы деда приехал...

— Приедет когда-нибудь.

Вдруг вижу — за окнами пробежал дед Вася. Ходил он очень быстро, буквально бегал. Я подскочила и кричу:

— Урррра! Деда приехал!

Мама посмотрела на меня с недоверием.

— Выдумщица ты...

И тут заходит дед. Господи, сколько было счастья!

Мы радовались, когда в Тахтамыгду приезжали наши дядьки и тётки — было очень приятно сидеть в каком-нибудь углу на кровати и слушать их разговоры с бабушкой, их рассказы о своей жизни. Когда приезжала моя мама, начиналась побелка и генеральная уборка. Вечерами они с тётей Олей ходили на речку. Было им уже за сорок, но они стеснялись сказать бабушке, что им нужна закуска — тайком рвали укроп и редиску. Так они уважали и побаивались свою маму.

Помню, ночью приехал Валера, я ещё не спала, и мы с ним до рассвета просидели на кухне. Был он в то время уже женат на своей Любе, а тут они поссорились, она уехала к родителям. Я думала, что бабушка увидит Валеру и обрадуется, но когда она зашла в кухню, то грозно посмотрела на брата и сказала: «Чего это ты приехал? Иди сначала помирись с женой, а потом приходи!» Она была очень строгая. И действительно, Валерке пришлось идти мириться. Бабушка никогда не защищала нас, а напротив, когда мы говорили, что все так делают, отвечала, что до всех ей дела нет. В её комнате на столе стояли иконы. Вечерами она молилась, просила Бога за всех нас. Иной раз ворвёшься в комнату во время молитвы, она как глянет на тебя — лучше беги!

Бабушка, как и дед, любила во всём порядок. Помню комичный случай. Приехала тётя Вера. Бабушка в один из дней затеяла стирку, а тётке Вере поручили вешать бельё. Я-то уже знала, чем это чревато. Бельё должно было висеть по каким-то необычно сложным, только бабушке известным правилам. Сначала пододеяльники, потом простыни, далее наволочки, халаты вверх подолом, а платья вниз что ли? Я уже сейчас и забыла эти правила. Только бабушка заставляла меня перевешивать это треклятое бельё по нескольку раз. Всё должно быть красиво! Я иногда даже сердилась: вот беда, если штаны неправильно висят — всё равно во дворе никто, кроме нас, этого не увидит. И тут тётя Вера что-то повесила не той стороной. Я с интересом смотрела на бабушку. Та некоторое время ходила и молчала, но потом всё же не выдержала:

— Это кто же так бельё вешает?

Тётя Вера вспыхнула:

— Мама, что вы придираетесь? Мне уже за сорок! Я, что, не умею бельё вешать?

Мне было очень смешно на всё это смотреть.

Постельное бельё всегда парили и обязательно утюжили. Бабушкины платья также утюжили и вешали на дверь в её комнате. Она почти каждый день надевала чистое платье. Свои вещи мы тоже наглаживали и аккуратно складывали в чемоданы. Иногда бабушка устраивала до-смотр — тогда берегись!

А какой порядок был у деда в гараже! Каждый гвоздик имел своё место, инструменты чистые и смазанные, мотоцикл блестел. После поездок за грибами и ягодами мы его мыли всем колхозом, натирали до блеска.

Иногда дед Вася загадывал нам свои немыслимые загадки. Где он их только брал? Например: «Летела-летела и сядела» (*Белка-лентяга*). «Почему восток не сделан из досók?» (*Потому что на восток не хватило бы досók*). «Почему луну не сделали из чугуну?» (*Потому что на луну не хватило б чугуну*) «Крючкoвато-сучкoвато... и душисто, и пушисто, и кончается на «О»...» (ну, это только «для служебного пользования»...)

Вот так мы и жили.

Пролетели годы. В вечную мерзлоту и вечную память ушла бабушка Аня, за ней дед Вася. Нет на этом свете уже многих героев этой книжки. Закрыли аэропорт, затем колонию и арматурный завод. Рухнули школа, клуб, садик, разваливаются жилые дома. Вокруг взлётной полосы и на ольдойских сопках замечают медведей. Посёлок ещё держится, но численность населения упала в десятки раз. Не за горами полное расселение ветхих и аварийных домов — таковых абсолютное большинство.

Родная Тахтамыгда, что будет с тобой через пять, десять, двадцать лет? Превратишься ты в тайгу, зарастёшь густыми сочными травами? Останется над тобой, погибшей, только рубцовская «звезда полей во мгле заледенелой»? Уже сейчас сквозь массивные бетонные шестигранники, сделанные в сороковые руками измождённых зеков, упорно пробивается молодая растительность, разрушая творение рук человеческих. Рушатся дома, на главной улице имени Горького растут уже не пышные георгины и стройные гладиолусы, а лесные колокольчики, иван-чай и полевые саранки... Как хочется верить, что придёт богатый добрый волшебник и построит здесь фабрику или новый завод, возведёт жилые дома и люди вернутся в Тахтамыгду. Но, кажется, это невозможнее невозможного...

Большинство людей, живущих в этом мире, даже не понимают, какое счастье жить на родине, на своей самой любимой ненаглядной земле. Какая радость трудиться на ней, делать её счастливее, прекраснее. И это совсем не пафосные восклицания. «Если Тахтамыгды нет, всё равно где жить», — сказал один мой знакомый, и в этих словах таится большая грусть. Но где бы мы ни жили, тепло нашей милой родины с нами, память о прошлом освещает настоящее, учит, как можно и, наверное, нужно жить на этом свете.

Кукла

Рассказ

Вам приходилось когда-нибудь перебираться через железнодорожное полотно под вагонами? Если да, то вы поймёте, какое это приключение: рискуешь испачкать спину и руки чёрным вонючим креозотом, а если состав дёрнется, сердце обрывается, горит и колотится уже в животе. И тогда ползёшь быстрее, на четвереньках — спасаешься!

Благовещенск, начало восьмидесятых. Мы с Ольгой ползаем под вагонами регулярно. Ольга — подруга и соседка, белокурая девчонка, у неё красный нос и нелепые очки с толстыми линзами. Живём на улице Ломоносова: я — в старом деревянном доме, Ольга — в ещё более старом деревянном доме. Учимся в двадцать седьмой школе: я — «гэшка», Ольга — «вэшка». Два раза в неделю добросовестно посещаем областную станцию юных натуралистов, ту, что за вокзалом. Вот и приходится ползать под вагонами.

Натуралистами стали по собственному желанию. В то время, когда одноклассники танцевали в «Ровесниках», учились в музыкальной школе и ставили спортивные рекорды, мы валяли дурака на юннатке. Нас манила атмосфера свободной деятельности — точнее, бездеятельности, радостное созерцание пышной и разной растительности, а также общение с мелкими и крупными животными и зверушками. В орнитологическом кружке преподавал сию науку лопухий юноша (звали его «студент»). Значение слова «орнитология» нам было неизвестно. Молодой добряк, наш учитель, тоже не был в восторге от скучных наук, и мы коротали время, играя в настольные игры.

На станции царила светлая и радостная атмосфера любви к природе. Здесь нам нравилось всё, но была и главная любовь — медведь в тесной железной клетке. Кормили косолапого чёрным хлебом. Честно говоря, медведь и был смыслом наших походов на юннатку. Вот и все дела.

В Благовещенске есть место, где улица Ломоносова упирается в тупик и, как рогатка, раздваивается, продолжаясь двумя улицами. В этом глухом уголке часто плутали таксисты и новенькие почтальоны. Здесь до сих пор сохранились крохотные переулки, закоулки и закуточки с развесистыми черёмухами, глубокие канавки, похожие на озёрца, живописные бугорки и заросли бурьяна. Встречаются ветхие домишки, вросшие в землю, странные двухэтажные теремки, где первый ярус построен из кирпича, а второй из дерева. Рядом — ненаглядная «Бурхашка» с деревянным сгнившим мостом и густыми зарослями камыша.

Наши дома у развилки. Соседи — как друзья, так и враги — Маринка, Бредя, Сашка-Половик и Подхалюзя. Половик — мой личный враг. Однажды мне влетело из-за него будь здоров! Дело было летом, мы что-то не поделили. Половик, зажмурив глаза, кричит:

— Дура, дура, дура, дура...

Ребята смотрят на меня и ждут ответа.

— А ты... ты...

И тут из меня выскочило слово, от которого проходившие мимо Подхалюзя и её мама остановились.

— Ты почему так выражаешься? Вот сейчас пойдём к родителям и расскажем!

— Ну и рассказывайте! Моя бабушка всегда так говорит: «Ах, я старая...» — И снова прозвучало злополучное слово.

Подхалюзя, конопатая девочка, опрятно одетая и гладко «зализанная», подло улыбается. И они пошли к моему дому, не лень же было... Вечером пришлось объясняться. Влетело не только мне, но и бабушке.

По вечерам собираемся у моего дома и играем в кольцо-мальцо, прятки, магазин. Часто я выхожу на улицу с бутербродом.

— Сорок один — ем один, сорок пять — моё слово не менять!

С лавочки, завалинки и сверху с черёмух отзывается дружный хор:

— Сорок восемь — половинку просим!

С напускным недовольством делюсь кусками, а потом иду за новыми бутербродами. «Куда тащишь дармоедам!» — кричит бабушка.

Дом наш маленький — по три окна на юг и на восток (как у большинства благовещенских домиков). Отец работает на кондитерской фабрике, мама — заведующая производством в «двадцать пятке» — в самой большой городской столовой. Огромный неудобный зал этого заведения весь день набит горожанами, а в обеденный перерыв хвост очереди торчит на улице. Мы с Ольгой бегаем на «мамину работу» поесть жидкой серой толчёнки или бесцветного, пахнущего мочёной свёклой борща. Мама сердится: «Что, дома есть нечего?» Но мы с подругой не уйдём, пока не накормят.

Ольгино жилище беднее, чем наше: ветхий домишко разделён на две квартиры, и только одна принадлежит семье подруги. Тётя Валя, Ольгина мама, — медсестра, часто отсутствует дома по причине ночных и дневных дежурств. Папа, дядя Коля, — научный сотрудник, он и выглядит как научный сотрудник, носит очки с толстыми линзами. Ольга носит такие же.

Дядя Коля очень добрый, но иногда прикладывается к рюмке. Тогда он закрывается дома, а Ольга отправляется ночевать к нам. Сначала через забор летит её портфель, потом, сверкая дырками на колготках, карабкается сама Ольга.

В Ольгином дворе — крохотная избушка-мазанка. Это наша лаборатория. Дядя Коля принёс с работы колбы и пробирки, обещал украсть для нас микроскоп. Мы ставим опыты и мечтаем найти новое вещество, которого нет в таблице Менделеева. Мы смешиваем молоко с птичьим помётом, болотную воду с бензином, тёртые поганки с лимонадом. «Старьё эта таблица Менделеева», — утверждает Ольга.

А ещё у Ольгиного отца хобби — он мастерит маски из папье-маше. О, что это за чудные маски! Целая гоголевская галерея: козлиные морды, зелёные рожи водяных и кикимор, свиные рыла и тому подобное.

Иногда мы с Ольгой натягиваем на себя вывернутые пыльные тулупы из кладовок, подпоясываемся кушаками, надеваем маски, берём в руки мешки и палки-посохи и отправляемся пугать людей. Моя бабушка кричит нам вслед: «Проклятущие лахудры!» Но мы уже шагаем по улице Северной, Чехова или вдоль Бурхановки.

Бурхановка — самое любимое место. Сколько здесь всего таинственного и интересного — болотная тина с головастиками, разные вонючие травы, старые вещицы.

Однажды за гаражами у берега мы нашли дом. Дом! Самый настоящий, величиной с табурет! Кто его построил? Загадка. Лакированный, с окнами и дверцами.

Но самое удивительное состоит в том, что под нашим мостом живёт русал. Все знают, что под бурхановскими мостами живут русалки — этим никого не удивишь; а под нашим — русал. Да мы и сами видели огромный хвост наподобие ротаньего. И бабка Сашки-Половика это подтвердила.

А ещё она сказала, что если в русала или русалку кинуть камнем, то руки покроются чешуёй. Сашка-Половик постоянно швырял под мост камни. И вы бы видели его руки! Круглый год их покрывала серая лохматая чешуя, честное слово! А может, это были просто цыпки? Моя бабушка говорила, что у того, кто кидает в Бурхановку мусор, руки засохнут. Я представляла себе мужиков и баб, у которых вместо рук ветки от сухого карагача.

В школу и из школы мы с Ольгой ходим вместе. Иногда приходится ждать друг дружку в раздевалке урок или два. Почему родители не устроили нас в один класс? Да им было всё равно. Путь домой — три квартала по нормальной городской среде и два по нашему тёмному «аулу». Посередине пути растёт заветное дерево. Зимой, возвращаясь из школы в потёмках, мы ужинаем под ним. Дома прячем в портфели пирожки, бутерброды с маслом, куски колбасы или картофелины, блины — всё, что есть, а после уроков садимся под дерево и едим. Нам очень вкусно. Очень.

Ах, да. Вернёмся к нашим вагонам. Сегодня путешествие осложнено: Ольга затаскивает под вагоны огромные разноцветные крылья: мы идём на «юннатовскую ёлку». Ольга несёт с собой костюм бабочки. У меня дома такой же, даже лучше. Но я же не дурочка тащить крылья в такую даль — была нужда маяться! Мне и без костюма хорошо.

О крыльях. Когда в прошлом году встал вопрос о новогоднем костюме, мама и папа думали целую неделю. Отец решил сделать из проволоки крылья бабочки, обтянуть их марлей, раскрасить, обшить мишурой, посыпать битыми ёлочными игрушками и прикрепить резинки — чтобы надевались, как ранец. Дело было сделано, костюм сох в углу у телевизора. И тут явилась Ольга. Она рассмотрела крылья и ушла надутая. Потом забежала тётя Валя. Через два дня Ольга пришла довольная — выплакала у родителей такие же крылья.

Мы сходили в крыльях на школьную ёлку, блеснули ими — народу много, поэтому был смысл помучиться. А юннатка... Там нас почти никто не знает. Кроме медведя, конечно. Но ему крылья до лампочки. Да и спячка у него.

Уже в сумерках подобрались к деревянным строениям станции юннатов, зашли в серенький тускло освещённый зал. Я помогла Ольге натянуть крылья. Детей было не очень много, а в костюмах вообще пришли единицы. На фоне блёклой обстановки Ольга в своём блистательном наряде выглядела нелепо. Началось традиционное представление: хоровод, сказочные герои, Дед Мороз и Снегурочка...

И тут случилась трагедия: в зал вышли весёлые тетеньки из администрации и радостно сообщили, что в конкурсе на лучший костюм победила... девочка-бабочка! Гром ударил над моей головой: Ольге вручили большую... куклу в яркой коробке! Вы понимаете? КУКЛУ!

Кукол было две, и МОЮ куклу подарили какой-то девочке-белочке.

Тут должна быть большая пауза...

Понимаете, никогда родители не покупали мне такой куклы. И не купят. Куда нам! О, это страшное слово «никогда»! Ольга с тётками из администрации прикончили мой праздник.

Спустя час мы снова ползём под вагонами — возвращаемся домой. Ольга даёт мне подержать коробку с куклой — у неё не хватает рук. В моих глазах шипят слёзы. Я смотрю на Ольгину спину.

«Какая же она хитрая и завистливая — подруга называется! Я вот совсем не завистливая, просто не понимаю, почему кукла досталась Ольге? Моя любимая книжка о капитане Врунгеле куплена ей; колбы, маски и будущий микроскоп тоже принадлежат Ольге, а не мне. А сколько раз Ольга бросала фантики с моста в Бурхановку?! У неё даже руки не превратились в ветки карагача! А хотелось бы посмотреть...»

Я невольно взглянула на Ольгины руки в больших рукавицах, а потом на её глупое довольное лицо. Она улыбнулась, пришлось и мне улыбнуться в ответ. А ведь кукла — не первая гадость, которую мне преподнесла «подруга»: я вспомнила, как каждое лето она уезжала в какое-то дурацкое Москвитино к бабушке, а я неделями болталась одна, без неё, не зная, куда себя деть! А ещё в памяти вспыхнула история о злополучном рубле...

Был вторник, — кажется, второе декабря. Я шла в школу одна, Ольга ушла раньше на классный час. Уже подходя к школьному двору, я увидела валяющийся на тротуаре бумажный рубль. Оглядевшись по сторонам, я схватила блёклую бумажку, сунула в карман. В раздевалке удалось рассмотреть находку: рубль был такой старый и потрёпанный, что казалось, сто старых ведьм в течение ста лет таскали его в кармане и мусолили своими корявыми ручками. Но купюра вполне подходила для расчёта в любом магазине.

Долгие четыре урока я мечтала о том, куда потратить такие деньги. На чтении я решила, что вечером сбегаю в универмаг. Мы с Ольгой частенько в предновогодье ходим туда после школы: ах, какая здесь царит красота! На витринах красуются горы серебристых и золотистых шишек, сосулек, шаров! Игрушки продаются всего за пятнадцать-двадцать копеек, мишура и дождь и того меньше! «Наберу на весь рубль!»

На уроке русского языка я подумала, что хорошо бы сходить в магазин «Союзпечать» рядом с театром кукол и купить марок и календариков в коллекцию. «Куплю набор с блоком! А может, закладки завезли? Банан для волос!»

На математике моя фантазия умчалась в центральный гастроном на улице Ленина. «Куплю бутерброд с варёной колбасой и стакан молочно-го коктейля! Ещё и на мороженое останется — добегу до Снегурочки!» Мы любили покупать мороженое недалеко от горпарка у бабушки, которая надевала белый халат поверх зимней или летней одежды и красила брови ярко-чёрным карандашом. Как пахли эти зелёные деревянные

ящики с мороженым! Сливками, сладким ванилином и ещё Бог знает чем уопомрачительным!..

На музыке я вспомнила про маму и бабушку. «Сходить на вокзал в каменушку? Купить подарков под ёлку? Там всегда всё есть. Нет! Наберу открыток в «Книжном мире» на весь рубль! Пусть одноклассники лопнут от зависти!»

После уроков пришлось ждать Ольгу. Она зашла в вестибюль с кри-вым лицом. Нос выглядел краснее обычного.

— Двойку получила? — спрашиваю я.

— Не-е-е, ещё хуже. Мамка меня прибьёт.

— Ну, говори!

— Мне рубль на питание дали, а я потеряла!

Ольга сняла запотевшие очки, вытерла рукавом нос. Сейчас она похожа на противную мартышку. Ненавижу обезьян.

— Этот?

— Где взяла?

— У собаки под хвостом.

Ольга хватает рубль и танцует — скачет по всему вестибюлю как дура.

Идём домой медленно. Ольга щебечет и размахивает своим ужасным зелёным портфелем. А я тащу на себе тяжкий груз рухнувшей мечты...

А теперь кукла. Всё. Уже точно — дружбе конец.

Через полтора года Ольгиной семье дали квартиру в новом доме в микрорайоне. Однажды я была у них в гостях — пригласили на Ольгин день рождения с ночёвкой. Спали мы в комнате, пахнувшей не гнилым деревом, как в наших домишках на Ломоносова, а свежей краской и бетоном. И Ольга изменилась, стала какая-то чужая. Утром меня отправили домой. В поисках автобусной остановки я завязла по самые колени в грязь, которая в изобилии окружала микраховские новостройки. Пришлось вернуться. Тётя Валя открыла дверь и ахнула.

— Господи, ты где так испачкалась?!

Меня вымыли и оставили ещё на одну ночь. Это была последняя наша встреча с Ольгой. С моей невыносимой Ольгой, самым ненаглядным другом далёкого невозвратного детства.

К нашей цветной вкладке

Трижды рождённый

Итак, Приамурью — то есть Амурской области — скоро будет 165 лет. А «Приамурью» — литературно-художественному сборнику — годков поменьше, но тоже немало. Первый номер альманаха «Приамурье» увидел свет в 1951 году, когда Сталин ещё был жив, а Путин ещё не родился. История!

В 1957 году вышел шестой номер альманаха, однако в нём усмотрели крамолу *, и выпуск был прекращён на целых 12 лет.

Опальное издание возродилось в 1969 году — уже как литературно-художественный сборник «Приамурье моё» — и существовало по 1990 год включительно. В течение этих двух десятилетий в сборнике, проходя суровую редакторскую школу Марка Либеровича Гофмана и Ольги Константиновны Мамонтовой, печатались многие прозаики и поэты, чьё творчество составляет ныне сердцевину амурской литературы.

Но мы сейчас — не о литературном наполнении издания, а о его внешнем облике.

Все эти двадцать лет оформлением выпусков «Приамурья моего» ведал художественный редактор Амурского отделения Хабаровского книжного издательства Павел Климентьевич Пустовой. Талантливый рисовальщик, в том числе шрифтовик (что в докомпьютерную эпоху являлось ценнейшим умением), педантичный до введливости, требовательный и к авторам иллюстраций, и к себе самому.

Павел Климентьевич вышел на пенсию, и художественным редактором издательства стал совсем в ту пору молодой Сергей Ладыгин. Эстафету от мэтра он принял легко, я бы сказал — играючи. Но, к сожалению, ненадолго. Перестроечные корчи и судороги, названные реформами, прикончили государственное книжное издательство — а с ним и «Приамурье моё». Сергею выпало на долю оформить лишь самый последний (можно сказать, прощальный) выпуск сборника советских времён — за 1990 год.

* Подробнее — в «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX –XXI веков». Благовещенск, 2013. С. 308–309, 381–382.

Третья жизнь сборника началась, когда, после четырёхлетнего небытия, он стал издаваться Амурской писательской организацией на средства областного министерства (поначалу управления) культуры. Сборник 1994 года, которому было возвращено «исконное» название «Приамурье», вышел в самом что ни на есть дешёвом журнальном варианте, на плохой бумаге. Тем не менее выход его вселил в сердца приверженцев амурской словесности радость и надежду: фирменное литературное издание области будет жить!

И оно с тех пор живёт.

«Многостаночник» Ладыгин

Последний период жизни Амурского отделения Хабаровского книжного издательства (и сборника «Приамурье моё») стал временем стремительного профессионального роста Сергея Ладыгина. Он быстро мотал на ус издательские и полиграфические премудрости. Усвоил принципы вёрстки книг и прочей печатной продукции, важнейшие требования к дизайну, возможности того или иного вида печати, бумаги, красок. Он стал «многостаночником» — разработчиком макета, техническим редактором, верстальщиком, дизайнером, фотографом... Но в первую очередь он был и остаётся художником — отсюда высокий уровень всех его только что перечисленных квалификаций.

Скоро Сергей открыл свою издательскую фирму — «Ладыгин дизайн». Выходившие в ней рекламные буклеты и проспекты, книги стихов и прозы по качеству художественного оформления были у нас в области вне конкуренции. Назову хотя бы цветной фотоальбом о Благовещенске «Город, в который хочется возвращаться», а также книжку стихов Евгения Ерёмина «Туки-та», где в авангардистски лукавую стихотворную ткань вплетены весёлые и забавные, нарочито небрежные рисунки.

Одно время наши с Сергеем рабочие кабинеты были по соседству — на третьем этаже издательства «Зея». Бывало, что я обращался к нему за помощью по художественной части, а он ко мне — проконсультироваться по литературной редакции.

И меня не раз удивляло, как чутко он, дока в графике и цвете, улавливал корявости фраз и неточный выбор слов в каком-нибудь тексте.

Недавно выяснилось, что Сергей и сам пишет. Причём в литературных жанрах он тоже многостаночник — и стихотворная лирика у него, и лирические миниатюры (проза художника, я бы назвал), и бытовые зарисовки, и саркастические юморески... — да вы сами сегодня можете это прочесть.

Но вернёмся к последнему советскому выпуску сборника «Приамурье моё». Так совпало, что тогда, в 1990 году, появилась типографская возможность сделать вкладку цветных иллюстраций. И Сергей Ладыгин скомпоновал эту вкладку. Впервые в печатном издании увидели свои работы, воспроизведённые не в чёрно-белом виде, а в цвете, молодые тогда Сергей Попов, Владимир и Людмила Водянины, Вадим Кондратьев, Александр Гассан, Николай Савченко, Александр Тихомиров.

А сегодня мы, в поддержание традиции, публикуем работы нынешних молодых. Передаю слово члену Союза писателей России, а по совместительству большому другу амурских художников Павлу Савинкину.

Владислав Лецик

В вихрях самобытности

Мурлычу под нос некогда популярную песенку про маленькую страну — помните? — ту, в которой звери с добрыми глазами и где всегда весна. Мне эта песенка всегда на ум приходит, когда рассматриваю я симпатичные (куражливые, дурашливые) картины **Ани Тюриной**, населённые обаятельными носатиками. Они — эти её типы — мы: они влюбляются, дуются друг на дружку, радуются, дразнятся, проказничают, корчат рожицы, смеются, хмурятся, иногда всплакивают... А как же? Они же чувствуют, они же сопереживают, они же живые, и всего-то отличия от нас — это то, что они на картинах и у них смешные длинные носы. Впрочем, взглянем в зеркало и сравним: так ли мы сильно отличаемся от Аниных персонажей?

Об этих носатиках надо бы написать книжку. Но не серьёзную (кто ж серьёзные романы пишет про несерьёзных персонажей), а такую — светлую, солнечную, и чтоб если у читателя и выступала порой слеза, так только от попавшей в рот смешинки.

А рядом уже другие живописные герои, и это уже совсем другой коленкор, это уже всплеск разудалой русскости — это чуть ли не кустодиевские купчихи — ох, тугие какие, ох, сладкие, ох, озорные! Ох, взгляд не оторвать! Сказка! Это уже фантазии **Евгении Намаконовой**. Её работы всегда узнаваемы своей неповторимой сочностью, яркостью, праздничностью... Если бы такие наполненные радостью и добротой рисунки значились на знамёнах всех стран (а на Жениных картинах ещё и пушистые проказливые кошки, а кто ж котов не любит?!) — наступил бы мир во всем мире, точно вам говорю! И эти персонажи тоже живут в той самой маленькой стране, где светло и ясно, — а и как же иначе: где ещё могут обитать такие светлые типажи?!

А в дебрях небольшого уютного леса (какая же сказочная страна без лесной чащи?) прячутся самые разные глиняные зверушки — мудрые лиски, пронырливые шkodливые мышки, добрые волки (оцените, какая мягкая улыбка и совсем нестрашные зубы у серого). Все они — плод творческих изысков керамиста **Елены Брест**. В *Ленином Лисолесье* (так называется тот заповедный участок маленькой страны) перед зрителем разыгрываются такие сюжеты, такие коллизии из жизни... ну, например, тех самых лис. Их заботы, их чаяния... Их будни... Вот лиса поёт песню (вы слышали, как лисы поют песни?!). Вот лиса чихает от пуха одуванчиков (и чего в них полезла?) А вот лиса сочиняет поэзы: когда выпадает совершенно голубой (как небо!) снег, лисья лирическая натура берёт верх над прозой жизни и стихи так и льются!

Та-ак, давайте дальше путешествовать по этой сказочной стране, посмотрим: кто же ещё её населяет? О, ну вот уже и совершенно человеческие образы, только немного не настоящие. Немножко инопланетяне. А с другой стороны, это нам так кажется, что они не настоящие. Мы просто привыкли думать, что взаправдашнее — это то, с чем мы ежедневно сталкиваемся. С привычным, с обыденным. А художник — **Илона Буланова** — как раз и заметила потаённую сказочную истину своих героев. Вот не перестает художница удивлять своими графическими причудами! И посмотрите, какой точёный росчерк её карандаша (пера, кисти, чего там ещё... Ясно ведь, что перечисленные инструменты — всего-навсего продолжение её мысли)!

Среди всех этих сказочных персонажей тихонечко прогуливаются (и напевают ту же самую песенку, что и я) очаровательные девчушки (я даже знаю, что их зовут Ева и Ника), которых всё время пишет **Вера Савина**. Ну очень похожи на её дочерей! Ну, согласитесь, очароваши!

Чем привлекают меня эти замечательные художницы — Анна Тюрина, Евгения Намаконова, Илона Буланова, Елена Брест, Вера Савина? Своей детской взрослостью. Точнее, взрослой детскостью... Нет, и это не точно... Ну, в общем, тем, что они совершенно искренни.

Надеюсь, что когда-нибудь удастся объединить этих художниц, точнее, их работы, под крышей одной художественной выставки, на едином пространстве, под одним небом. То-то славная получится иллюстрация к известной (пусть уже несколько подзабытой) песенке про маленькую сказочную страну детства...

А чтоб, согласно сегодняшней моде, меня не обвинили в сексизме (ещё бы знать, что это такое), мои словесные женские портреты дополню мужской фигурой сурового художника **Николая Рыбака**. В художественное пространство области он ворвался стремительно и нахально, сразу подмяв под себя вяло существующую площадку, где лениво ворочались и вздыхали о чём-то графики. И сразу вокруг него зашевелились, завертелись молодые ребята, и сразу стали играть в революции, шуметь, творчески проказничать, ниспровергать с пьедесталов авторитеты (а иначе зачем революции?), а сам Николай производил на свет графические работы, отображающие нашу действительность. Которую видел не с самой парадной стороны. Убедитесь сами. Я же не случайно назвал его «суровым».

А подробности об этой плеяде самобытных амурских художников — где учились, сколько званий за свои работы, за участие в многочисленных (в том числе и международных!) выставках наполучали (о! и не сосчитать!) — вы найдёте в интернете: я же не справочник пишу.

Я просто выразил своё отношение к творчеству молодых и беспокойных мастеров кисти и карандаша с их искренне-наивным, немного хулиганским и очень добрым взглядом на мир.

Нет, ну согласитесь!

Павел Савинкин

Многим дальневосточникам Сергей Ладыгин известен прежде всего как дизайнер, иллюстратор, фотограф... Но мало кто знает, что он, оказывается, ещё и пишет. Пишет разное — стихи, небольшие новеллы, зарисовки, рассказы... Как пишет — судить, конечно, нашим читателям, но, как утверждает сам Сергей Дмитриевич, «задачи написать что-то конкретное и заранее спланированное никогда для себя не ставил. Пишется само».

Несколько лет автор жил в болгарской Варне, поэтому тема моря отчётливо прослеживается в его творчестве. Три года назад он переехал в Анапу и сегодня снова ищет вдохновения у моря.

На цветной вклейке представлено и несколько живописных работ Сергея Дмитриевича.

Миниатюры. Новеллы. Стихи

Такие нужные вещи

МАХОНЬКИЕ

Снежные танцы

Сегодня весь день идёт снег. Ветра нет совсем, и снежинки медленно, будто нехотя, объединяются в союзы, в такие «многоснежинья» самых разнообразных и невероятных форм, и аккуратно-неторопливо укладываются на подоконник. А я сижу и смотрю через подмёрзшее стекло на это завораживающее действо. Всё там сегодня происходит медленно и тихо. Как в аквариуме. А в той стороне, где море, — плотное серое Нечто. Оно неосязаемо, но оно есть. Когда же белые воздушные хитросплетения становятся чуть прозрачней, слабеют, оно, море, становится видимым. И тогда видны корабли. Получаются такие огромные, светло-серые, словно бы не до конца проявленные фотографии. Корабли тоже молча стоят и смотрят — может, на меня, может, на город, а может, туда, откуда пришли несколько дней назад. Или тоже любят танцами.

Корабли и туман

А иногда корабли гудят. Особенно они это любят делать утром, когда туман. Впечатление такое, будто они специально хотят меня разбудить.

Или напомнить о себе. Или сказать: «Мы тут, на месте, в тумане, всё в порядке».

Такие нужные вещи

Зимой на берегу, на пляжах, невообразимо большое количество всяких «нужностей»: ракушек с пробитыми и зализанными волнами ранами-дырками; таких правильно-округлых и совершенно белых камешков или светло-серых и тоже округлых; или начисто отмытых морем корней — совершенно чудесных и кривых, как перепутавшиеся провода или клубки толстых ниток или вообще-непонятно-чего. Но особенно красивы маленькие белые раковины, в полосочку. Они совершенно одинаковы с виду, только одни чуть больше, а другие поменьше. Всё это можно собирать и складывать в карманы, так набираются полные карманы самых необходимых вещей.

Летом всего этого добра тоже, наверное, много, только его втаптывают в песок или разбрасывают по пляжу отдыхающие. А может, волны забирают обратно к себе. Зимой же разбрасывать некому, да и по песку никто почти не ходит, только собаки бегают и нюхают выбеленные водой камни. А забирать обратно свои богатства море зимой почему-то не спешит.

Летом оно яркое и праздничное, а зимой — удивительное. Летом море шумит, а зимой оказывается, что это оно дышит. Море.

Дом

Дом с узорчатыми каменными завитушками на фасаде стоит на старинной улочке, вымощенной обшарпанными и непонятно отчего вздыбившимися плитами. Он зажат между двумя такими же домами, даже непонятно, где кончается один дом и начинается другой. Цвет стен тоже какой-то... скажем так: неопределённый. Зато входная дверь у него новомодная, полностью из толстого полированного тонированного стекла с металлическими хайтековскими ручками и аналогичными петлями. Понимаешь, что здесь всё-таки располагаются серьёзные заведения.

Открываешь её,ходишь, и вдруг — старая, узкая деревянная лестница с многократно крашенными-перекрашенными перилами и такого же цвета, но сильно потёртыми скрипучими ступенями. И запах внутри дома такой какой-то... старый. Так пахнет в каком-нибудь сундуке или шкафу, который стоит себе где-нибудь на чердаке, в углу, и все про него забыли.

Дом — это множество игрушечно-маленьких комнаток, в каждой — какая-нибудь конторка, или, как сейчас принято говорить, «офис». А коридоры настолько узкие, что даже одному человеку пройти — и то тесно. А если встретятся двое, то надо кому-нибудь обязательно отступать назад, на лестницу, или протискиваться мимо друг друга, неудобно прижавшись спиной к крашеной стене.

И хоть старается дом соответствовать времени — внутрь, минуя вышеописанную дверь, попадаешь элегантно-бесшумно, таблички у дверей комнаток сделаны из матового металла с выгравированными надписями, рамы окон из белоснежного пластика, — но жить он продолжает той, первой своей жизнью, забыть её никак не получается. И крыша у него черепичная.

Кофе — это...

Его нужно варить вдумчиво. Спешить тут некуда, в деле приготовления этого напитка спешка абсолютно противопоказана. Нужно следить за медленно поднимающейся пенкой-корочкой, чтобы она ненароком не превратилась бы вдруг в пузырящееся бурое варево. Тогда всё пропало! Поэтому вдыхай этот необыкновенный аромат и внимательно следи за волшебством превращения воды и коричневого порошка в КОФЕ.

Перцы

Жёлтые и красные перцы разложены на прилавке горками и выглядят словно елочные игрушки — так же ярко, нарядно и блестяще. Их хочется не купить и съесть, а лишь потрогать пальцем и узнать, будут ли они при этом скрипеть.

Как снова стать маленьким

Как-то незаметно, быстро и неожиданно расцвели вдруг деревья. Вчера они были ещё невзрачно-серыми, с раскоряченными в разные стороны сучковатыми и шишковатыми ветками и лишь немного набухшими почками, а сегодня ни с того ни с сего — нате! Покрылись снежно-белыми или бело-розовыми цветами с запахом, от которого перехватывает дыхание и сердце как-то замирает, и вспоминается детство, и такая же весна, и утро, когда совершенно не хотелось идти в школу, а вовсе даже наоборот.

А повзрослев, чувствуешь себя, наверное, чуть-чуть японцем, в том смысле, что начинаешь понимать, отчего это у них даже специальный праздник по поводу цветения вишни случается. Но ведь ничего удивительного — это волшебство, которое бывает только раз в год, и красота, впитывая которую, снова становишься маленьким. И может быть, это вот — счастье?

Как кино

Сегодня сидел на берегу и смотрел море.

Именно так: не НА море, а просто — СМОТРЕЛ МОРЕ. Как кино. Не говорят же: смотрел на кино! Вот и море хочется смотреть — такое оно всё время разное, и сюжет (если можно так сказать) у моря всегда разный, и играет оно каждый день по-разному. Оно — сценарист, режиссёр и актёр. А иногда и зритель. Когда любит себя само собой.

Так хочется летать...

Над моим домом иногда пролетают самолёты — аэропорт недалеко. Те, что взлетают, движутся в стороне, быстро скрываясь за облаками или просто исчезая в дымке. А другие заходят на посадку точно над крышей, пролетая неторопливо и как бы примериваясь, чтоб не оступиться. Шум от них не сильный, но слышно их всегда, и это почему-то волнует: так хочется полететь с ними куда-нибудь! Неважно — куда. Важно — лететь.

И я, как ребёнок, который беспокоится, что не успеет, тоже частенько выскакиваю на балкон и провожаю взглядом эти огромные, солидно движущиеся в небе машины. И от этого желания и чувства несостоявшегося полёта делается почему-то немножко грустно...

Осень приходит не сразу

Сегодня впервые появилось дыхание осени. Ещё не сама осень, ещё полно зелени, облака в небе такие же белые и так же ярко и бескомпромиссно светит солнце, но... Оно уже не такое обжигающее, и небо не белёсое, июльское, а пронзительно-голубое, высокое и какое-то... твёрдое. А море яркое, с острой, как лезвие, линией горизонта и долгими полосами теней от торопливо бегущих облаков. Ветер же, которым сегодня вдруг задышала осень, уже не тёплый, летний, пахнущий скошенной травой, а прохладно-свежий, рваный и сделавший море шершавым и тёмно-синим.

А на яблоне, что волнуется за окном в соседнем запущенном и заросшем высокой травой саду, уже полно яблок. Но они ещё не успели толком покраснеть, а висят такими большими жёлто-зеленоватыми гроздьями, решив, наверное, подождать ещё недельку-другую. Но скоро наступит срок — и ветер, которым сегодня осень решила лишь слегка напомнить о своём скором приходе, будет срывать яблоки с веток, а те — падать с глухим стуком в высокую траву старого сада. И лежать там, никому не нужные.

И это будет уже осень.

**ПЕСНЯ О ПОМЫСЛАХ И МЕЧТАХ,
об ожиданиях и тревогах, о твёрдой уверенности
и величавом спокойствии
фотографирующихся садовых скамеек**

Фотографирование скамеек суть занятие философское, умиротворяющее и где-то даже дзен-буддистское... Их не нужно ожидать часами, не нужно им говорить «улыбнитесь», и вообще они не против фотографирования, не кокетничают и не говорят, что сегодня, дескать, не в форме.

Скамейки в форме всегда. Ночью и днём. Приходишь к ним, допустим, ночью. И что? Стоят, ждут. «Фотографируй меня, я готова! Я готова всегда!» И лишь звёзды, перемигиваясь в своей бесконечной вышине, смотрят на скамейку и на фотографа, склонившегося к своему аппарату, укреплённому на штативе, ибо какая же ночная съёмка без штатива?!

Вот такие они, садовые скамейки. Молчаливые, неподкупные, но всегда приветливые и готовые на всё. Настоящие садовые друзья.

А днём? Это ли не радость — фотографировать скамейки тёплым осенним днём! Когда ярко, но не обжигаяще светит солнце, поют птицы, низко пролетая над спинкой скамейки, и сама она, словно бы приглашая к себе, сверкает всеми своими матовыми рейками, окрашенными в приятный искушённому глазу шоколадно-коричневый цвет. Так и хочется достать аппарат и немедленно сфотографировать её, эту непринуждённо поставившую на песок свои прекрасные чугунные ноги скамейку. Просто на память. Себе и ей.

Особый случай — раннее утро. Скамейки ещё спят, они ещё влажные от ранней утренней росы, и фотографировать их поэтому особое удовольствие. Но они всё равно готовы и ждут. Ждут даже во сне, ждут и в момент пробуждения, в тот сладкий момент перехода от сна к спокойному дремотному состоянию, а от него — к бодрствованию. Они спокойно

ждут, когда фотограф снимет крышечку с объектива аппарата, мягко и непринуждённо склонится над ними и начнёт щёлкать затвором. Это ли не момент наивысшего скамейкиного счастья? Это ли не единение её и профессионального фотографа? А какие славные снимки получаются ранним утром! Песня жаворонка! ...И капли росы медленно стекают с длинных деревянных реек.

И вот — вечер... Тёплые скользящие лучи скрывающегося в остывающем море солнца мягко касаются шелковистого на ощупь, наполненного ароматами морской соли и вечерней неги песка, на котором уютно устроилась наша скамейка. Ведь она хоть и садовая, но стоит прямо на берегу, на пляже, и сфотографировать её тут может, конечно же, каждый. Но она знает, она твёрдо уверена: только настоящий фотограф сделает с ней то, чего она ждёт уже очень давно. Ждёт утром, днём, ждёт ночью. Но вечер! Это её, скамейкино время. Вечер — это мечта, это упоение, это ожидание, это то время, ради которого стоит стоять на берегу и ждать. Несмотря на то, что ты простая садовая, а теперь ещё и пляжная — скамейка.

Вечер — это жизнь и это смысл. Смысл всей её, скамейкиной жизни.

(Из «варненского» дневника)

2011, 2019

ПОЧТИ ХАРМС

Сидели как-то Чехов и Хармс на семнадцатой версте и фильтровали гречневую воду.

Вынул Чехов бумажный фильтр из кармана и откусил от него уголок. Хармс задумчиво посмотрел на Чехова и ударил его указательным пальцем по щеке. Чехов не стал раздумывать и ударил Хармса по ноге табуреткой. Хармс ответил писателю фиолетовым веслом по спине, Чехов поэту — тапочкой по голове. После этого друзья обнялись и запели: «Ой, не ходите, козы, в огорооооды, не пугайте божьих корооооовок!»

Наступил вечер.

Муслим Апполинариевич был парикмахер и часто ходил в молочную кухню. Больше ничего выдающегося мы за ним не замечали.

Однажды Коровяковский прибыл на вокзал, но поезда не обнаружил. Всё было на месте: чемоданы, кассы, даже постовой, как всегда, сидел

у своего светофора и моргал ему в такт. А поезда не было ни в буфете, ни под лавками, на которых спали вповалку и штабелями экскурсоводы. Вот такая история.

БИБЛИОТЕКА АМУРСКОЙ ФАНТАСТИКИ

— Никанорыч! У нас какая-нить краска на складе завалилась?

— Да хрен её знает... А тебе на фиг?

— Да калым подворачивается. Какая-то вся из себя дама звонила, просит библиотеку перекрасить.

— Какую библиотеку?

— Тебе не один хрен какую? Трёхэтажную!

— Щас гляну пойду...

Завскладом и по совместительству грузчик Никанорыч задумчиво покрутил в пальцах выхваченный неведомо откуда чинарик, закурил и, зацепившись плечом за косяк ободранной двери, не спеша пошлёпал через засыпанный белой щебёнкой и утрамбованный колёсами грузовиков двор налево, ко второму складу.

— Ты там не кури смотри! Слышь? — крикнул ему вдогонку директор.

— Да ладно, сам знаю...

Через полчаса Никанорыч вернулся, сел к своему столу, застеленному зелёной, в кофейных кругах, клеёнкой, сдвинул в сторону новый, но ввиду нечастого использования покрытый пылью ноутбук и стал задумчиво поглядывать в жёлтые листы потрёпанного «гроссбуха», одновременно перекладывая замусоленные листки накладных.

— Ну вот, есть полбочки красной, — проговорил он, морща лоб и косясь на директора Ивана Васильича.

— А чё полбочки всего?

— Так мы ж пожарный щит в том месяце красили, забыл, что ли?

— И чё, половина бочки на щит ушла?

— Ну уж! Инспектору пришлось отлить, чтоб не шибко цеплялся... У нас на складе проводка-то не поменяна. Стопарём от него сейчас не отделаться... Начальник, твою за ногу!

— Ладно... — проворчал Васильич. — А ещё что?

— Ну вот, по накладным ещё шесть бочек чёрной есть.

— О! Щас позвоню этой дизайнерше, скажу, что берёмся. Ты брякни там своим, пусть на выходные на рыбалку на свою не собираются: работа, скажи, есть. Скажи — выгодная! И пойдёшь с Вольдемаром, выкати на пандус четыре бочки, — думаю, хватит пока.

Никанорыч побурчал что-то насчёт того, что рыбалка тоже штука выгодная, смотря как на сей предмет смотреть, и вышел за Вовкой, который дрых под навесом. «Дежурю» — так Вовка-Вольдемар про этот свой послеобеденный сон всегда говорил.

— Дежурный! Пойдём с краской разбираться. Васильич сказал четыре бочки на пандус поднять.

Вовка молча поднялся, нахлобучил на рыжие вихры засаленную бейсболку неопределённого цвета, и они пошли «разбираться с краской».

Через открытое окно было слышно, как Васильич мягким баритоном вещал насчёт того, что «не беспокойтесь, Вера Петровна, всё сделаем как надо. Вы ж.. эта... дизайнер, вам виднее... Краска хорошая, да... Какая? Чёрная. Что? Да! Чёрный цвет щас в... как эта... в тренде! Да другой всё равно нет. Ага, послезавтра и начнём!»

Послезавтра к обеду третья часть лицевой стены библиотечного здания была уже закатана чёрной, блестящей на солнце, как антрацит, краской.

Вера Петровна в белоснежном брючном костюме с красным платком на шее держала в одной руке кожаную папку с документами, а другой рукой опиралась на галантно подставленный локоть представительного мужчины в тёмно-синей тройке и затемнённых «хамелеонах» в матовой металлической оправе.

— Вы понимаете, Дмитрий Вячеславович, — мурлыкала она, — современные тенденции развития дизайнерской моды таковы (а дизайн, безусловно, подвержен моде, как любая часть современного искусства создания внешней среды), что колористическое решение любого объекта — будь то архитектурный комплекс крупного объёма или малые архитектурно-декоративные формы — зависит в первую очередь от его смыслового наполнения. Поскольку в данном случае следует говорить об объекте культуры — библиотеке, — то мы (я имею в виду наше архитектурно-дизайнерское бюро) решили подойти к делу концептуально и творчески. Ведь что такое, в сущности, библиотека? Это хранилище знаний! Это — не побоюсь этого слова — сложнейшая машина, мозг! Это то, с чем люди не только нашего с вами возраста, — тут она кокетливо-игриво стрельнула глазками в «хамелеоны» Дмитрия Вячеславовича, — или более старшее поколение, но и наше будущее — дети! — будут постигать сложный современный мир! Вы согласны со мной?

Дмитрий Вячеславович внимал, благосклонно покачивая головой. Позади него стояли три референта, переминаясь с ноги на ногу и разглядывая Веру Петровну с нескрываемым интересом. Они о чём-то пере-

шёптывались, пытаюсь зайти сбоку и как бы невзначай заглянуть в глубокий вырез её белоснежного костюма.

Дизайнерша продолжала петь соловьём.

— Чёрный ящик! То есть нечто сложное, практически непознанное, неведомое! А мы, наши специалисты (тут Васильич, присматривавший за бригадой, оглянулся), наполняем это неведомое непреходящим знанием — книгами. Тем самым не только ломаем косность и традиционность стандартного мышления ретроградов прошлого, но и наполняем высоким смыслом этот устоявшийся научный термин, а бихевиористический подход к данной работе в полном смысле может стать экспериментом! Да ещё в общеобластном масштабе! За знаниями в обновлённую библиотеку, в это хранилище сути вещей потянутся люди, молодёжь!

— Ну что ж... — Дмитрий Вячеславович энергично кивнул головой, так же энергично и недвусмысленно-прямолинейно заглянул в тот самый вырез, который явно занимал его гораздо больше, чем пресловутый «чёрный ящик», и с многообещающей улыбкой произнёс: — Мне ваша... эээ... концепция нравится, выглядит это — он пошевелил в воздухе пальцами — захватывающе, современно и, так сказать, в тренде. Ох! Фантастика! Да... Продолжайте работать.

И, развернувшись, двинулся к стоявшему неподалёку чёрному, как обречённая библиотека, «крузеру». Вера Петровна плыла рядом, покачивая бёдрами и приковывая взгляды не только референтов, но и рабочих, старательно мазавших щётками остававшуюся пока ещё светлой часть фасада «храма культуры», приговорённого к современному «тренду».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БОЛЬНИЧНОГО ПОДОДЕЯЛЬНИКА

Рентгенолог — полный мужичок с лысиной и роскошными седыми усами, — видно сразу: юморист. На входной двери его кабинета, помимо стеклянной таблички «Кабинет врача-рентгенолога» и обычного расписания часов работы, ниже красуется надпись: «Соблюдайте тишину! Вы находитесь в зоне высокого умственного напряжения!»

Захожу к нему в кабинет (вижу его, конечно же, первый раз в жизни), а он так мельком взглянул на меня и протяжно: «Та-а-а-ак... ну что, достукался, значит?»

Я обалдел и спрашиваю: «Что?»

Тогда он так, уже сухо: «Ну... заболел?»

Рядовой медперсонал в больнице невоспитанный, но оттого яркий. Орут везде и на всех, как будто они на рынке в мясном ряду и кто-то стянул у них из-под носа сардельку... Причём, что стянули, особой уверенности нет, но поорать хочется.

И главное — чем ниже ранг орущего или недовольного всем и вся, тем более орущим и недовольным он выглядит.

Лифтёр преградил мне путь, ну точь-в-точь как швейцар некоего киношного ресторана средней руки, и так же грозно спрашивает, выпитив подбородок (ну вот откуда у них это???) и скроив при этом недовольно-требовательную рожу: «А вам чего здесь? Вы что, больной??»

На моё робкое «да» последовали лязгающие звуки открывания железных дверей лифта и ворчание «и что вам не лежит, положили, так лежи! Вози вас вверх-вниз, туда-сюда!»

Раздатчица обедов (плюгавенькая тётя, закутанная с ног до головы в бахилы, халат, чепчик и маску, видны только недовольные глаза) высказывает всем, что «не толпитесь тут, станьте в очередь, а тарелки свои на холодильник поставьте, а то вы мне мешаете работать (!!!)» «Где ваша посуда? Нету? Ну так и стойте и ждите, когда я разовую достану!»

Уборщица — та вообще генерал подметальных войск. Выглядит она колоритно: маленькая, щупленькая, с мелким морщинистым лицом, шаркающими ногами, в длинном белом «моднявом» парике «а-ля Мадонна», а зубы у неё выпали точно через один (даже удивительно!). Но тем не менее орёт шепеляво-командирским голосом на весь коридор: «Кто снова мушор не туда выбросил??? Ну я найду — ражберущ! Руки повыдергаю!»

Или: «Чего вы тут рашщелищ в коридоре, не видите — я тут мою?! Ноги подняли!»

«Полдня нет меня, нашвинячат, как швиньи, и щидят!»

На другой день увидел эту же «генеральшу». Везёт по коридору тележку с какими-то коробками и ворчит себе под нос: «Лето не лето, жима не жима, жнай ташкай эту тележку, как бурлачка на Волге!»

— Что тебе приготовить на ужин?
— Приготовь мне из снега дорогу.
— А рюкзак тебе будет нужен?
— Может быть. Я пойду понемногу...
— И куда ты пойдёшь на ночь глядя?
— Что ты? Где же ты видишь ночь-то?
Я пойду и глядеть буду на день,
Заодно и зайду на почту.
Все письмо получить от друга
я хочу
или посылку — как раньше...
Кстати, знаешь, вечерняя вьюга
сможет нас уберечь от фальши?
И потом: я хочу услышать,
как весну ветер утром встречает,
как траву на пригорке колышет...
— Может, выпьешь хотя бы чаю?
— Не до чаю сейчас, поверь мне,
замечает тропинку к дому,
не пройти. А за этой дверью,
может...
Слушай, налей-ка мне рому!

Одиночество — это работа,
Тяжкий труд — до сердечных шрамов,
Ремесло — до крови и пота,
Когда жить уже неохота,
Но оплачено. Значит, рано
Улетать в синеву беспечно,
Так бессмысленно перья теряя,
Пусть маршрут был небезупречен —
Просто б выскочить на конечной,
Никому больше не доверяя...
Или вдруг уйти, хлопнув дверью,
Зачеркнув чужие дороги,
Сны, сомнения, зимы, неверие,
Часто — приступы лицемерия,
И бесцельные диалоги.

...А тащить его всё же придётся,
Даже если желания нету,
Даже дверь если не распахнётся
И в учебнике не найдётся
На последней странице ответа.

По крышам шёл оранжевый рассвет,
Или закат — теперь это неважно.
Как жалко, что надежды больше нет —
Вдаль уплыла корабликом бумажным.
Смело сомненья, унесло печаль,
А заодно и радость. Прихватив
Добро и зло, ушла куда-то вдаль
Любовь, как надоедливый мотив.
Кто ж там столпился у открытой двери?
Усталость, скука, холод, пустота...
А вот из тех, кому я раньше верил,
Меня не покидает лишь мечта.

Сугробы звёзд — как мягко падать в небо!
И будто бы во сне, бросая взгляд окрест,
Там, где бывал или ни разу не был,
Расправить крылья, словно Южный Крест.
Решиться и взлететь, на завтрак выпив чаю
И убедив себя, что время — снег.
...Окно на чердаке, раскрытое случайно.
Сугробы звёзд. Далёкий детский смех.

Весна, как ни странно, похожа на осень,
И мокрый сентябрь — немножечко март.
Придёт — не объявит, уходит — не спросит,
Как будто имеет бесплатный плацкарт!

Листва пропадёт, как в апреле снежинки,
А в мае щенячьем — ноябрь-снегопад

Меняет сезон на сезон, как картинку,
Добавив к размеренной жизни азарт.

И вдруг понимаешь, как это непросто —
Привыкнуть к тому, что идёшь наугад.
И вот тает снег. Но по ломкой коросте
Уже невозможно вернуться назад.

НЕЗАБУДКИ

Ну кому интересна чужая душа? —
Вы спросите душу любую.
Ведь гораздо проще жить, не круша
Ни свою судьбу, ни чужую.
Ведь намного легче не знать ни слёз,
Ни обид, ни горячих плеч,
Ни бессонниц, ни даже того, кто принёс,
Подарил тебе радость встреч.
Ведь, конечно, не стоит всё это того,
Чтоб ночами метаться без сна,
А потом, прикорнув, вдруг вскочить оттого,
Что приснилось: в небе — весна...
Но что делать, когда вдруг явилась она,
И, взмахнув чудесным крылом,
Разбросала, мечтая, что станет нужна,
Незабудки лазурным ковром?..

БАЛ СВИНЕЙ

Толпа Орденов мысли режет на ленты,
Пляской Витта святого застит дорогу,
Смеясь и складывая аплодисменты,
Словно бы кирпичи за пазуху к Богу!
Яркий клубок накрывает дом
Смрадом бессмысленно-празднично-пёстрым,
А в души — лёд! А сердце — винтом! —
Чтоб крик стал потише, да и менее острым.
Вот новые псы, расставляя в ряд
Миллионы чернильниц, лелеющих страхи,

Корректируют сны. А маркиз де Сад
Подсылает к ним новодельных монахов.
И снова зовут всех прилечь отдохнуть,
Заливая мозг теперь мохито и ромом.
И так счастливы свиньи выпятить грудь,
Не подозревая, что это — кома!

ЧАС ПЕСКА

Вот как не пасть бы ниц
Да не потерять бы глаз от слёз?
Может — камень-груз с бойниц
Или даже — снег со звёзд?
Может, вот он — час песка?
Или это — нате! — соль души?
Не загинуть бы, не пропасть от броска
В этой вот червивой глуши...
Всё мы ели-пили да корячились,
Всё на гребень пёрли, но не доползли, даже и не обозначились.
После даже гордость свою с проседью
Чтоб не помнить, не винить себя, в кюветы сбросили...
Лязгают, гремят подковы на ногах в крови,
А ну как вдруг по ним ещё проедут ободом?
Если чёрно-липкой патокой память вытравить,
Не повеет ли от лакун стеклянных холодом?

...Вот и сахар с небес на ладонь упал,
На разбитый крест лёг не ко времени лёд.
Но не хотим мы знать, сердце кто украл.
А если это так, вам и смерть — что мёд.

Ничего не бывает случайным,
Когда вечер у входа дышит.
А вот просто хочется чаю! —
И сидеть, и смотреть на крыши...

Если ж вдруг меня спросит кто-то:
«Всё мечтаешь? Ну сколько можно?!»

Я отвечу: «Вот, слышишь — нота?
Значит, песня ещё возможна!»

Прикрываясь вечерней дымкой,
Засыпает небо вальяжно.
И сижу я с солнцем в обнимку...
Остальное уже неважно.

Я снова увижу тебя во сне
Ранним январским утром.
Рождество. Тишина. На улице снег.
И стёкла подёрнулись перламутром...

Снежинки ложатся в полосу света
На подоконник. И исчезают, как утром роса...
А волосы твои пахнут скошенным летом,
Ты — летний вечер, август и звёзд полоса.

Зима, пять утра, телефон не звонит...
Но будто слышно в тиши: «Привет, это я».
А снег всё кружит и кружит
У позабытой души...
Ты думаешь — это пустяк?

Утро однажды напомним о прошлом...
Касаясь тихонечко этих страниц,
можно их ворошить, вернуть — невозможно.
И это так странно... Как будто вдруг валишься ниц.

Друзья вот уходят от нас навсегда
Нежданно... А может, мы не умеем любить?
Или не понимаем, что время — та же вода
И оно нас мечтает нежно в себе утопить?

А чуть флейту услышим в своём поднебесье —
Так сыграть ещё надо суметь! —
То все стрелки — на днях, когда мы были вместе
И позволяли мечтать себе или даже лететь!

Наверное, нужно привыкнуть к теням и сомнениям,
К дорогам и подавно приходится привыкать.
Но очевидно: останься здесь хоть ещё на мгновение —
Залипнешь на годы и не захочется улетать.

Е.

Вот снова пишу на другую планету,
И снова надеюсь, что будет ответ.
Но ящик мой пуст, и ответа в нём нету.
...Стою на перроне. Удачи, привет!

О.

Вот если б было вечным лето,
То просто б больше стало счастья,
Тепла и солнечного света,
И меньше — грусти и ненастья,
Прощаний долгих, расставаний,
Разлук печальных меньше б стало,
Холодных длинных расстояний —
Как это всё уже достало!
Когда увидишься — не знаешь,
Когда звонка ждёшь каждый вечер,
Недели, дни, часы считаешь...
Когда вся жизнь — мечта о встрече.

ГОРОД-ДОЖДЬ

Путеру

Город-дождь. Город-ночь. Город мокрых дорог,
Город жёлтых фасадов и стылой воды,
Стиснув зубы, промолвит: «Вот Бог, вот порог» —
Тем, кто выгоду хочет извлечь из беды.
Три столетия — не срок для таких городов,
Для вот этих вот улиц, мостов, площадей,

Для дворцов, что глядят со своих берегов
На Неву и на вечно спешащих людей...
Он таков, каков есть. Молчаливый гордец.
Он готов этот образ и дальше нести.
Но за ним — сотни тысяч горячих сердец,
Что смогли его просто однажды спасти.

КРУГЛЫЙ ГОД

Январь

Снежный рождественский пёс
Лижет чёрную ткань небес.
В эту чудную зимнюю ночь
Так хочу, чтоб меня унёс
Этот ласковый белый пёс.

Февраль

Белый свет,
Белый склон,
Белый слог.
Белый-белый зимний порог.
Белых кружев узор сплетён,
Белым облаком заметён.

Март

В окно стучит ожидание чуда.
Или, может, даже не чуда вовсе?
И ведь ясно, «уши» эти откуда:
Этот месяц чуть-чуть, но похож на осень.

Апрель

А вот вам нежный день-предвестник...

Май

Мухи проснулись.
Жужжат и с разбегу бьются в стекло...
Глупость какая!

Июнь

Белой ночью сны цветные
Снятся белому коту:
«Молоко в тарелке стынет,
Дни проходят. По мосту
Кошка шагом — как по крыше.
Облако в воде дрожит.
Город спит и тихо дышит...
Или в лужах дождь кружит?»

Июль

В льняных волосах запутались звёзды,
Ветер с улыбкой целует твои обнажённые плечи,
Скользя по зеркалу водной глади ночи навстречу...
— Это сон. Спи. Уже очень поздно.

Август

Какого цвета любовь? —
хочу спросить у дождя.
— А ты посмотри в окно, —
тихо ответит дождь.

Сентябрь

Флейты прохладный звук,
По стеклу бродят светлые тени...
— Осень?
— Да, это я.

Октябрь

— Иногда чувство может стать краской,
И тогда нужно просто нанести его на холст.
— Даже если холодно и мёрзнет нос?

Ноябрь

Внутри — глинтвейн, на ноги — плед!
Стылому лиху — достойный ответ.

Декабрь

Мелом слова зачертила метель.
Год на краю, суета, канитель...

ЗАРИСОВКА

Она не знает, что он ей пишет
В кафешке, сидя под белой крышей.
А в чашке кофе, бисквит на блюде,
Вокруг неспешно гуляют люди.
Уже нет зноя. И с моря ветер,
На тротуаре рисуют дети,
В тени лежат, разомлев, собаки,
Косят на кошек — им не до драки.
На небе туча дождём набухла,
Листва каштанов уже пожухла,
Щекочет нос аромат варенья...
Сентябрьский полдень. И воскресенье.

Рано утром Маша,
выглянув в оконце
и увидев дождик,
закричала: — Ой!
Вижу дождик, мама,
вперемешку с солнцем!
— Этот дождик, доча,
мы зовём «грибной»!

Что за дверцей в лето? Может быть, рассветы
в утренних туманах, жёлтых, как конфеты?
Иль ведёрко синьки в клочьях белой ваты
с отраженьем звёздным, с ароматом мяты?
Может быть, там грозы, укротив свой норов,
небеса раскрасят после долгих споров?
А июльским полднем, разомлев от жара,
в коридоре кошки будут спать на пару?
Сдвинув чуть задвижку, мы с тобой узнаем,
Что за дверью в лето — всё, о чём мечтаем!
Вдруг потом заметим: в длинном коридоре,
уводящем в август (бывшем на запоре),

там, в стене торцовой, где ночуют кошки
и стоят шезлонги, есть одно окошко
С переплётом светлым, точно паутинка,
под окном валяются старые ботинки,
Из-за занавесок слышен шёпот сосен,
журавли курлычут... За окошком — осень.

Задождило вдруг небо, надулось.
Видно, лето сполна получило,
Раз с утра о сентябрь споткнулось...
Или осень краник включила?

Звёзды в небе туманом погашены,
Спят в шершавом заливе кораблики,
За оградой, дождями окрашенной,
Опадают тихонько яблоки.

Чуть только забрезжит лето —
Поманит палатки быт.
Росой молодой, рассветной
С утра горизонт умыт...
Шагами дорожки меря,
Оставим дома уют,
Поскольку уверены — берег
И море давно нас ждут.
Там будут тропинки-строчки,
Прочитанные по складам,
И волн размашистый почерк,
Рисующий по следам.
Песок с кружевами пены,
Что тает у наших ног,
Вдруг вынесет на авансцену
Ракушек пёстрый поток.
А вечером в камуфляже
Топлёного молока
Лучами нам солнце свяжет
Сиреневые облака.

Краюху луны и хлеба
Разламывая с тобой,
Пить будем из кружек небо,
Закусывая звездой;
Потом будем слушать песни
Дождя, что, как сизый дым,
Как старые занавески,
Всё сделает вдруг седым;
Как чайки кричат потешно;
Как хлопает вечно прибой...
...Ты просто скажи: «Конечно!» —
Когда позову с собой.

28–29

Февраль-барагоз
Удерёт, отринув
Свой полог колючий
Ветров постылых...
А с песней капли
У солнца витрины
Предложат купить
Облаков белокрылых...
Вдруг март ощутишь ты
На кончиках пальцев,
Художником сумасшедшим
Свет раскрасит ненастье...
Видишь, там, в вышине,
Этих вечных скитальцев?
Бежим за ними,
Весна... Вот счастье!

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО

Среди звёздных сугробов
Месяц брёл на прогулку,
Зябко кутаясь в шали
Рванных туч-облаков.
С бледно-жёлтым лицом —
Нахлеставшись в проулке,

Опьянел от тумана
Из тысячи снов.
Вот за сбитым углом
Опрокинулся в лужу,
Зацепившись краями,
За сеть проводов...
Полежал, весь дрожа,
И, озябнув от стужи,
Потрусил вниз по склону
Средь тёмных домов...

Покачнувшись у пирса,
Неуверенно вышел,
Спотыкаясь, на берег.
А встретив рассвет,
Вдруг нырнул, невзначай
Оттолкнувшись от крыши,
Превратившись в расплав
Серебристых монет.

2022

Сергей Вольновит

Сергей Вольновит (Ерёменко) родился в 1942 г. на Сахалине. Когда ему исполнилось пять лет, семья переехала на Кавказ, затем в Молдавию, а в 1953 г. вернулась на Дальний Восток — в Благовещенск. Окончив семилетку в Благовещенске, а затем техникум железнодорожного транспорта в Хабаровске, трудился в депо станции Нижнеудинск Иркутской области. В 1961–1964 гг. служил в ракетных войсках. После службы окончил Дальневосточный политехнический институт во Владивостоке. Работал в Благовещенске главным конструктором кондитерского объединения «Зея», главным энер-

гетиком и главным конструктором электроаппаратного завода, инженером-куратором в службе релейной защиты «Амурэнерго», преподавателем высшей категории в политехническом колледже.

Литературным творчеством увлёкся ещё в юности. Заметки, очерки, рассказы, детские стихи печатались под разными псевдонимами (Правдин, Честнов, Васин, Вольный, Мужчина и др.) в газетах «Амурская правда» и «Амурский комсомолец», в детском журнале «Малышок», в альманахах «Амур» и «Приамурье». Произведения С. Вольновита разных жанров представлены на порталах «Проза.ру» и «Стихи.ру», на порталах русского интернет-издательства «Ruizdat.ru» и «Поэмбук», где в 2016 и 2017 годах он номинирован на почётные звания «Поэт года» и «Писатель года».

Рассказ

Алина

Подходя к дому, я увидел Петровича, сидевшего на скамейке в тени придомового палисадника и чертившего палочкой на земле какой-то то ли рисунок, то ли чертёж. Мне казалось, что он меня заметит, но он не обращал внимания ни на кого из проходивших мимо.

Я постоял с полминуты, наблюдая за Петровичем, и окликнул его. Он поднял голову, улыбнулся:

— А-а, ты!.. Что стоишь? Садись, поговорим. Отдохнёшь немного от своих забот...

Вообще-то я не планировал такой «отдых», но отказать Петровичу не мог. Сел на скамейку рядом с ним, шутиливо толкнул его в бок:

— Что расселся у моего дома? Ходят тут всякие, а потом у хозяек бельё с верёвок пропадает...

— Да вот, шёл к себе в гараж, а тут, как назло, у твоего дома что-то в ногу вступило — вроде как кость в коленном суставе из чашечки выскочила... Да больно так!.. Решил посидеть немного. Уже, кажется, проходит. Посижу ещё да пойду дальше...

— Ну, бывает... Может, ко мне зайдём, выпьем чайку? У меня пока дома никого...

— А что — пошли.

Мы встали, и Петрович прихрамывая поковылял за мной.

На кухне я быстро собрал кое-что на стол и поставил чайник на конфорку газовой плиты.

— А у тебя неплохая квартирка, — заметил Петрович, присаживаясь за стол. — Кухонька небольшая, а так всё хорошо... Что-то давненько мы с тобой вот так не сидели.

— Да уж как-то вот так... Всё «не в дугу», как говорится...

Посмотрев друг на друга, мы рассмеялись.

Выпив по сто грамм водки за встречу, мы «сёрбали» из чашек чай и вели дружескую беседу.

— Слушай, как всё-таки хорошо жить... — вдруг задумчиво сказал Петрович и отодвинул чашку. — Вот живёшь, с другом беседуешь, и на душе спокойно, и ни о чём плохом не хочется думать...

— Ты с чего это так «скислился»? — с тревожной ноткой в голосе спросил я.

— Да так... На днях встретил одну женщину, ну ты её не знаешь, я с нею познакомился на поминках моего родственника. Кстати, она и была за организатора похорон — шустрая такая дама. Сидела она за столом рядом с нами, то есть со мной и моей женой... Как выяснилось в разговоре, эта женщина работала длительное время вместе с нашей знакомой по имени Алина. Алина была врачом лечебно-физкультурного кабинета реабилитационного центра горбольницы — ЛФК, как это обычно называется. Ну, посидели за столом, поговорили, в том числе и об Алине, да и разошлись после поминок...

Петрович помолчал, словно перебирая что-то в памяти, и продолжил:

— Прошло время. Я уже и забыл о тех наших разговорах, как вдруг встречаю в нашей заводской столовой, совсем случайно, эту женщину... как её?.. Рита, кажется... Да, Ритой её зовут. И вот эта Рита мне такого нарасказала, что ой-ё-ёй — я бы никогда об этом даже не догадался...

— И что же такого она тебе нарасказала? — поинтересовался я.

— Если хочешь — могу поделиться впечатлениями...

— Конечно, хочу.

— Ладно, слушай, но только не перебивай. А то у тебя есть такая привычка...

— Хорошо, перебивать не буду. Давай, делись впечатлениями.

— Эту Алину, — начал рассказ Петрович, — я знал с детства. Мы учились в одной школе, в смежных классах. Она, помню, и членом редколлегии школьной стенгазеты была, и в художественной самодеятельности всегда участвовала. Её даже приглашали на радио в какой-то пе-

редаче детской выступать. В общем, активная была девочка, и, скорее всего, за это в классе, где она училась, её не очень-то любили, а проще сказать, завидовали ей.

Мы с ней ближе познакомились, когда готовили новогодний номер стенгазеты — я тогда рисовал, в общем-то, неплохо, ну и...

Семья у Алины была большой: родители, её старший брат Вадим, старшая сестра Вилора и младшие — брат Костя и совсем маленькая Ангелина. Жили они небогато, но всегда все чистенькие, опрятно одетые, да, собственно, как и все нормальные, хорошие люди.

Иногда Алина встречалась мне в компании девчонок и мальчишек её класса, и мы все шли то в школу, а то из школы. Познакомился я и с братом Алины Вадимом, и с сестрой Вилорой. Надо признаться, Вадим иногда заступался за меня, когда во время игры в футбол кто-нибудь из пацанов «наезжал» на меня. Особенно меня донимал Фега — это у одного прибалтнённого парня по имени Фёдор «кликуха» была такая. Фега ходил с «финкой», был авторитетом среди своих дружков, и его побаивались.

Время шло, мы учились, выросли.

Окончить десять классов мне тогда не удалось: семья жила бедно, и я поступил учиться в «фазанку» — фабрично-заводское училище — на слесаря-ремонтника заводского оборудования.

После ФЗУ проработал около года в ремонтно-механическом цехе завода и получил повестку в армию. Алина, узнав про это, прибежала ко мне, и мы, уединившись в парке, что был недалеко от моего дома, долго с ней говорили о нас, о жизни вообще, о планах на будущее... Я просил её не приходить на мои проводы в армию, так как очень не любил лишние обещания, да и просто слёзы, печальные взгляды, ожидание момента разлуки.

...Служба в армии подходила к концу. Из писем от Алины я знал, что она поступила в мединститут и уже закончила два курса, что ей очень нравится учёба и всё больше нравится будущая профессия врача. Ну что ж — слава Богу!..

После армии я вернулся на свой завод. Работа мне нравилась. Я заметил, что в коллективе ко мне стали относиться более уважительно, чаще стали советоваться со мной по тем или другим вопросам. Вскоре начальство предложило мне возглавить бригаду ремонтников, и я согласился. Забот на работе прибавилось, да и дома я в мыслях был занят рабочими вопросами, сидел за учебники, специальную литературу, разные справочники.

С Алиной я поначалу пытался встретиться, чтобы поболтать о том о сём, как бывало раньше, но заметил, что она почему-то сторонится меня, находит разные причины избегать встреч. Правда, однажды мы всё же

посидели на прежнем месте, в парке, но разговор получился скомканным, радости от него не было. Алина обмолвилась, что уже давно встречается с одним парнем со старшего курса института и что он делает намерения на их совместную жизнь в недалёком будущем. Эта новость меня почти не тронула: я к Алине не испытывал особых чувств, никогда не представлял её шагающей рядом со мной по дороге жизни. Вскоре я вообще перестал поддерживать с ней какое-либо общение.

Прошло года два. Я встретил свою «половинку», позвал её в загс.

В разгар свадебного торжества пришла Алина с большим букетом цветов, красиво одетая, повзрослевшая, похорошевшая, что не могло не броситься в глаза. Взяв слово, она поздравила нас с образованием семьи, пожелала счастья и радости в дальнейшей жизни и, вдруг зарыдав, быстро убежала. Присутствующие немного «посудачили», и свадебное торжество продолжилось по своему сценарию.

Алину я больше не встречал.

— Прямо уж никогда-никогда? — не удержался я с вопросом.

— Ну не то чтобы никогда... Её подруга по институту при случайной встрече тогда ещё сказала мне, что Алина, закончив институт, уехала работать по направлению в какую-то районную больницу и что замуж она так и не вышла. Более подробной информацией подруга не располагала, да и меня, собственно, такая информация не очень-то интересовала: у меня родился ребёнок, жена оканчивала учёбу в строительном техникуме... Как там у других жизнь сложилась — мне было, как нынче говорят, по барабану.

— А что ж ты сейчас в воспоминания пустился?.. Ну прошло и прошло — «как сон, как утренний туман...»

— Да ты уж дослушай, коль сам этого захотел. Я же с тобой как с другом делюсь своими переживаниями...

— Ладно-ладно, всё!.. Не перебиваю.

— Так вот... Я начал с того, что в нашей заводской столовой случайно встретил эту самую Риту, которая длительное время, как выяснилось при разговоре, работала вместе с Алиной в ЛФК горбольницы. Рита мне и рассказала...

— Рассказала что?.. Что ты всё тянешь и тянешь? Моё любопытство уж скоро иссякнет...

— Опять перебиваешь?.. Сейчас встану и пойду куда шёл — в свой гараж...

— Ну что ты такой обидчивый?.. Прости меня — больше не буду. Слушаю тебя.

— Алина отработала положенное время в районной больнице, куда была направлена после института, и вернулась в наш город, устрои-

лась в реабилитационный центр врачом лечебно-физкультурного кабинета...

Петрович внезапно замолчал и продолжал молчать не менее минуты, а то и больше. На его лице в это время застыла полная отрешённость, казалось, что воспоминания полностью заполнили всё его существо. Наконец он встрепенулся, посмотрел на меня испытывающим взглядом. Вздыхнул.

— Ладно, я тебе, так и быть, скажу ещё вот о чём. Я как-то после инфаркта, — была у меня такая беда лет в сорок пять, — лежал вначале в больнице, а потом меня перевели в реабилитационный центр на долечивание. В этом центре, как ты уже догадываешься, я встретил Алину, когда пошёл на занятия в ЛФК по направлению моего лечащего врача. На занятия вместе со мной пришло ещё человек пять выздоравливающих, двое из которых были женщины.

Алина мне обрадовалась — это было видно по ней, по её изменившемуся поведению. Занятия Алина начала с небольшой лекции о том, как себя вести в разных стрессовых ситуациях, которые часто являются причиной инфарктов и других заболеваний. Потом был сеанс «релаксации», а проще — сон под тихую, успокаивающую музыку с изредка возникающим шумом морских волн, шумом дождя с отдалёнными грозовыми раскатами, гомоном птиц и их пением.

Алина попросила меня остаться после сеанса «на пару минут». Разговорившись, она рассказала, что замуж так и не вышла, а сейчас воспитывает двоих «племяшей» — детишек своей старшей сестры Вилоры, которая год назад умерла от пьянства. А причиной пьянства, как считала Алина, была неразделённая любовь сестры к своему мужу. Он ушёл к другой женщине и отказался от детей.

— А как у тебя на личном фронте?.. Мужичок-то какой есть? — нахально спросил я.

— Нет. Сейчас не до личной жизни. Надо ребятишек поставить на ноги, а там уж как придётся... — ответила она, пряча глаза, на которые навернулись слёзы.

— Э-э, это неправильно... Так и вся жизнь может мимо пройти, — попытался я смягчить своё медвежье любопытство...

Петрович снова замолчал, потом, что-то вспомнив, усмехнулся, пестрёт пригладил волосы на голове и продолжил:

— Со мной в палате лежал ещё довольно молодой инфарктник. Он был «разведённый» — это я, как бы между прочим, при разговорах узнал. Так вот, он каждый раз, приходя в палату после занятий в ЛФК, с восторгом отзывался об Алине, о её красоте, стройности, тактичности, вежливости, профессиональной грамотности.

Я как-то и говорю ему:

— Ну взял бы да и подкатил к ней — она действительно хорошая женщина, к тому же красавица. И не замужем, насколько я слышал...

— Пробовал как-то, так она на меня так посмотрела, что у меня аж холодок по телу пробежал, — отвечает. — Да, такая женщина, как Алина, — моя мечта! Я ей, Алине Михайловне, даже вот стихотворение посвятил — хочешь послушать?..

— Давай, с удовольствием послушаю, — говорю.

— Алине Михайловне, врачу ЛФК реабилитационного центра, от Виктора Семилетова, — начал он и продолжил:

Я знаю: много проходило
Больных пред взором Ваших глаз
И Ваша чуткость их лечила,
Совет помог Ваш им не раз!..

Ну и дальше в том же духе... У меня бумажка дома хранится, Виктор для меня потом списал этот стих на память. Длинный довольно... А в тот раз дочитал до конца и спрашивает:

— Ну как? Нормально?..

— Отлично! — говорю. — Ты завтра ей и отдай прямо в руки. Может, она к тебе чуткость и проявит.

— Завтра я уже выписываюсь, да и занятие у меня в ЛФК последнее.

— Вот и отдай ей свой стих. Увидишь её реакцию воочию и вывод для себя сделаешь: стоит ли к ней дальше клеиться или нет.

— Да, так и сделаю, пожалуй...

Не знаю, выполнил ли Виктор своё обещание, или нет, — я его больше не видел, так как находился на приёме у своего лечащего врача, а когда пришёл в палату, то матрац на кровати Виктора был закатан... Да-а, интересный был мужичок этот Семилетов!.. Начитанный, грамотный такой, многое что мог рассказать — заслушаешься. И вот, пожалуйста, — семейная жизнь не сложилась, жена бросила, живёт «не пришей кобыле хвост» — ещё, чего доброго, запьёт, пропадёт... Как оно в жизни бывает — не придумаешь даже!

— Да что тут непонятного? — перебил я Петровича. — Судя по всему, бывшей жене твоего Семилетова нужен был не интеллигент какой-то начитанный, а мужик хороший, чтобы ночами как следует веселил...

— Ну, ты всё на интим, на секс переводишь. Оно, может, и так, а может, и ещё что-то...

— ...отягчающее, — съязвил я.

— Да, кстати, про твои намёки... Я ещё раз встречался с Алиной — и, представь себе, тоже случайно и тоже в больнице.

— Хм-м, давай-давай, рассказывай...

— Это лет через пять после того, как я с инфарктом лежал в больнице, со мной ещё один случай несчастный произошёл прямо в штамповочном цехе завода. Мы сделали капитальный ремонт фрикционного пресса, и надо было после ремонта проверить его в работе перед сдачей в эксплуатацию и подписать соответствующий акт. Так вот, при установке на стол пресса оснастки, — вырубного штампа, — этот штамп как-то крутанулся, сорвался со стола и — бах! — мне прямо на ногу. Естественно — перелом кости в двух местах, раздробление пальца, потеря сознания. В больнице мне собрали все косточки, поставили спицы Илизарова, наложили гипс... Весело, конечно, было — хоть плачь!..

Вот лежу я в больнице — какие сутки, уж и не знаю — и заходит ко мне в палату Алина. Ну надо же!.. — как и через кого узнала она обо мне, она так и не сказала. Приятно, конечно, было... Поговорили с ней о том о сём, повспоминали... Второй раз она зашла ко мне под вечер, считай, перед днём выписки домой. Я уже стал ходить мал-мало с костылём по палате, по коридору... Для разговора мы уединились в фойе этажа, в углу, на потёртом диванчике у большого цветка, росшего в урезанном бочонке. При разговоре я случайно коснулся её тела, что-то меня возбудило, и я полез к ней, засунув руку под подол халата. Она не отпрянула, не завозмущалась, а посмотрела на меня в упор и спокойно сказала:

— Что ты себе позволяешь? Забыл, что ты женат, у тебя уже трое детей, у тебя семейные обязательства... Руку убери, а то я по твоей больной ноге могу ударить, чтоб сразу в сознание пришёл...

У меня, конечно же, все желания сразу пропали, мне действительно стало перед ней совестно за свою вольность... Да, быстро она смогла меня привести в чувство... Вот такой была Алина, не то что некоторые... Вот такой она и осталась у меня в памяти...

— Ты так это говоришь, как будто Алина ушла из жизни. Умерла, что ли? Или вышла замуж да уехала куда?.. — осторожно поинтересовался я.

— Ладно, теперь расскажу тебе самое главное. Недавно Родительский день был — это, ты знаешь, когда на девятый день после Пасхи ездят на кладбище, подправляют могилки, оградки. Вот и мы с женой ездили на машине на кладбище. Машину поставили на дороге, а сами прошли к могилке нашей родственницы. Подправили кое-что, подсыпали песочку, жена цветы заменила, и возвращаемся к машине, особо не обращая внимания на другие захоронения. Вдруг, совершенно случайно, подчёркиваю — совершенно случайно, смотрю я на одну просевшую могилу и читаю на табличке памятника надпись: «Алина Михайловна Татьяничева», а ниже, соответственно, даты рождения и смерти. Я был

потрясён: мы виделись с ней пусть где-то года три назад — может, четыре, она была в полном соку, никаких признаков болезни. И вот!..

Я остановился у могилы Алины, подозвал жену, кратко рассказал ей о похороненной здесь женщине. Жена, кстати, сказала, что она об Алине помнит ещё с тех пор, когда та приходила к нам на свадьбу и поздравляла нас с торжеством. Погадав о возможной причине её смерти, мы медленно прошли к машине и вскоре покинули кладбище.

— Теперь я вернусь к тому, о чём рассказала мне на днях Рита. Так вот, эта Рита с Алиной были хорошими подругами, тем более что и работали длительное время вместе в больнице, в кабинете ЛФК — я уже об этом говорил. Рита сказала, что меня она знает давно: видела, как я приходил на занятия к Алине в больнице. Она также сказала, что Алина в доверительном с ней разговоре называла меня «идеальным мужчиной», что она с самого детства якобы любила меня, и если бы я её позвал, то она пошла или поехала со мной куда угодно, хоть на край света. Алина очень корила себя за тот разговор со мной, когда сообщила, что у неё есть молодой человек и она строит с ним планы на будущее...

— Так что же, она так и не вышла замуж за него? — прервал я Риту.

— Что-то они там разругались, когда её парень пошёл провожать другую с танцев, которые проводились у них в институте. Я особо не вникала в подробности.

А в последнее время я узнала, что Алина вдруг увлеклась уринотерапией: говорила, что эти «процедуры» помогают очищать организм, омолаживают его, снижают вес. В общем, «доочищалась»: у неё обострилась болезнь поджелудочной железы, открылась язва, а развившееся заражение крови привело к печальному итогу... Жалко, конечно, Алину — ведь она так и не познала истинной земной любви, так и ушла девчонкой, девственницей, хотя ей и было уж... сами знаете, сколько лет, — подытожила свой рассказ Рита.

— Вот так я узнал подробности о судьбе Алины... Вообще-то само по себе её имя несёт в себе какую-то печаль, отстранённость от текущей жизни, от счастья. Я прочитал, что Алина по латыни означает «неродная», «чужая». Надо же было родителям выбрать такое имя для дочери... Нет, ты вот мне как друг скажи: ну что она, Алина, своей жизнью показала? Для чего она жила?.. Ну, понятно, подняла на ноги племяшей своих, выучила их, семья теперь у каждого из них, а ей самой-то что в жизни хорошего досталось? Она не узнала мужской ласки, не родила ребёнка, не познала материнской любви... Мне кажется, что за все эти «не» она и перед Богом виновата, потому что не выполнила свою женскую миссию на Земле!.. А ты как считаешь?

— Да что тут считать?.. Назначение женщины — быть женщиной, а мужчины — быть мужчиной. А в данном случае... ну не нашла Алина здесь ответную любовь — так искала бы в другом месте!.. Ищи своё и не отступайся, найди — и будь счастливой. Сама радуйся и радуй других!..

— Э-эх, — вздохнул Петрович и поднялся из-за стола. — Ладно, посидели, поговорили — спасибо тебе! Я уже, пожалуй, в гараж не пойду, а поковыляю домой. Ещё раз спасибо — и до свидания...

— Может, налью на посошок?

— Нет-нет, хорошо всё, что хорошо кончается. Будь здоров, привет жене.

Проводив Петровича, я вернулся на кухню, сел за стол и, налив себе немного в рюмку, задумался, ещё и ещё раз прогоняя в голове только что услышанное. Пить что-то совсем расхотелось... Мелодия звонка входной двери известила, что кто-то пришёл. Жена, должно быть. Поставив рюмку, я пошёл открывать дверь.

Людмила Степанова

Родилась в посёлке Тындинском, ставшем в годы строительства БАМа городом Тындой. Там же окончила среднюю школу. Училась в Благовещенском пединституте. С 1967 года, после окончания института, работала педагогом в Зее.

Стихи публиковались в альманахе «Приамурье», в журнале «Дальний Восток». Выпустила два стихотворных сборника — «Женщина, которая пишет письма» (2009) и «Ожидание ёлки» (2012). Живёт в Хабаровске.

Посредством пера

ПАМЯТНОЕ

Воскрешу, если это возможно,
Обходясь лишь посредством пера,
На стволе, там, где ёлки подножье,
Остро пахнувший след топора.
Детвора — те ещё супостаты:
То, что ценно, всё бьют и крушат.
...С бородой из запёкшейся ваты —
Дед Мороз. С ним и весь его штат.
Старику к бороде его знатной
Прилепился куржак из слюды.
Иногда рукавицею ватной
Дед сбивает его с бороды.
И Снегурочке в шубке семейной —
Той же ватой отделан подол, —
Накурив фимиамом кадильным,
Отдаю доброй памяти долг.
...Память действует как папарацци:
Ловит в кадр одного за другим
Тех, кто в праздник любил собираться
Под советский ликующий гимн.

ЯНВАРЬ

Мороз. Тишина. Ледяные узоры на стеклах.
И времени уйма у нас про запас.
Родители живы, и нам не грозит меч дамоклов:
Он прочно завис выше уровня глаз.

Накинув одёжку — она домотканно-посконна —
Подшитые валенки наспех обув,
Отважимся съехать с крутого багульного склона,
Ведь день удлинён на воробышкин клюв.

Тех санок возня (не втащить без себя понуканья,
И с сопки не проще: их прыть не унять)
Со мною навечно, до самого века скончанья.
А вечен ли век — нам теперь не понять.

Страшусь безделие свободы
Вернуть с изрядною лихвой,
На строчек реденькие всходы
Махнув ленивою рукой.

Перо напрасно рифму ищет:
Она перу на ум нейдёт.
Кто Вседержащею ручищей
Крест на мой замысел кладёт?

Бумагу до полей распашешь,
Словцо ища иль оборот...
Лишь то, что в замысле, — то наше,
В руках Творца — всего исход.

Жарынь как гипербола лета
И стужа — литота зимы
Давно уже мною воспеты
Да так, что завидно иным.
В пожарищах листьев осенних,

Весною — в любви и слезах —
Опять устремляюсь на север
В своих ностальгических снах.
О Тында и Зея! Отъявите!
Оставьте в покое меня,
Забудьтесь, как старые яти
В Декрете советского дня!

Больной прозрел, что стал придурковат:
Простая мысль ему не удаётся.
Умом был прежде — вылитый Сократ,
Теперь же разум над больным смеётся.
Стал организм как карточный дворец:
Сегодня то болит, а завтра то и это.
Чуть тронь — всему строению конец,
И на тот свет подогнана карета.

К ограде плотно пригнана калитка.
Автомобильной ручки поворот —
АЯМ в виде развёрнутого свитка
Перед глазами вышедших встаёт.

Вся шоферня — потомки Агасфера —
Держала курс на Чульман и Алдан.
Обратный путь лежал уже на Невер —
Ну, если вдруг не полетит кардан.

И это настроение дороги,
И этот вид — воистину блезир! —
Тянули, пусть не каждого, но многих
Оставить с детством ставший тесным мир.

За Тындой трасса делает вираж,
Крутой дугою огибая сопку.
Криун — так люди звали тот пейзаж,
С чего-то вдруг поёживаясь робко.

Налево — полусгнившие кресты
И пирамидки с фото в окантовке;
Там тянут самосейяны-цветы
К забытой стопке хилые головки.
Заброшенного кладбища покой...
Отцова, рядом — мамина могила,
Брат лёг под их приглядом, под рукой,
Но в стороне... А где — уже забыла.

ЛЕДОХОД

Ну, наконец Амур дорвался
Созревший выплеснуть протест:
Он долго с духом собирался,
Скрыв подо льдом грозящий перст.

Вдруг с разрушительною мощью
Он вздыбил ледяной хребет,
И глыбы — видим их воочию —
Обрушились на парапет.

Теперь мой ум Амуром занят,
Гневливым, как людской поток.
Нас в то же русло не загонят
Ни кто нам льстит, ни кто жесток.

Людей сюда влечёт магнитом:
Амур теперь — иноагент!
Когда всё шито-перекрыто,
Да, это веский аргумент!

Разбил инсульт. Прогноз не ясен.
За что ей кара — не пойму.
Моя подруга, как Герасим,
Молчит или зовёт Муму.
Быв прежде искушённой в слове,
Теперь томится немотой,
И буквы — каждая ей внове —
Выводит левою рукой.

ГЛАДИОЛУС (шпажник)*

Идут года, седеет волос,
А мой давно уже седой,
Но вновь сентябрьский гладиолус
Я ставлю в вазу пред собой.

...Раздвинув корни, стебли, плети —
Ему неинтересно чьи —
Свой путь бутонами разметил
И листьев наострил мечи.

Умён ботаники профессор,
И тот качает головой:
Под действием каких процессов
Он ростом вымахал такой?

В цари иль царедворцы метил —
Я догадаться не могу.
Но в низкорослом мелкоцветье
Он — гладиатор. Смерть врагу!

ХАБАРОВСК

С детства знала Хабаровска виды:
Площадь Блюхера, пединститут...
Нас открытки водили, как гиды,
По местам, где историю чтут.

Привыкала к нему постепенно,
Всё наездами больше жила.
Мне Амура прибрежная пена
После зейских красот не мила.

Хоть Амур — он за окнами прямо,
В Зее — дом, здесь — последний приют...
Духовые оркестры у храма
В час последний меня отпоют.

2.11.2018

* Gladius (лат.) — меч.

Николай Иосифович Абоимов родился в 1946 году в Оренбургской области, потомственный уральский казак. Юность провёл в Узбекистане. Срочную службу проходил на подводной лодке, старшина первой статьи... Почти вся его последующая жизнь связана с селом Бомнак Зейского района Амурской области. Как профессиональный охотник, а затем и оленевод, провёл в тайге более 40 лет. Много лет дружил с внуком легендарного Улукиткана. Геологи из Москвы и Ленинграда всегда брали его в экспедиции каюром. Уже в молодости начал вести дневники.

Николай Абоимов — автор коротких рассказов о коренных жителях амурской тайги — эвенках. Подробности таёжного быта охотников и оленеводов, сцены охоты, повадки домашних оленей, диких зверей и птиц описаны в этих рассказах живо, ёмко и точно. Издал два сборника прозы и стихов «Зарисовки на память» и «Заставь себя жить». Печатался в альманахе «Приамурье» за 2018 год. Победитель областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновение». С его творчеством можно познакомиться на сайте «Проза. Ру».

Рассказы

Азы таёжного ориентирования

В тайгу, не имея ни малейшего представления о ней, я попал из Ташкента, а уже через месяц кочевал на оленях с эвенками, охотясь на соболя, белку, глухарей и рябчиков.

Запомнилась первая поездка. На табор, где находилась палатка со всем охотничьим и бытовым имуществом, а также с двумя десятками оленей, мы выехали, когда совершенно стемнело. В потёмках нам предстояло преодолеть двадцатикилометровый путь по тайге. Меня усадили на последнюю в связке нарту, и олени помчались в ночь.

Только привыкнув к темноте, я начал различать силуэты мелькающих кустов и деревьев, да ещё колыхание рогов бегущих оленей. Темнота плотно обступила нас, никаких ориентиров не было и в помине. Куда мы едем, понять было невозможно. Но этот вопрос постоянно крутился в моей голове.

Проехали около часа, остановились. Николай Егорович, мой первый таёжный учитель, окликнул:

— Коля, как ты там? Всё хорошо? Не замёрз?

Потом, поправляя оленью упряжь, подошёл ко мне. Я не удержался и спросил:

— Дядя Коля, а как вы видите ночью, куда ехать? Как запомнили все деревья, мимо которых мы проехали?

Наставник засмеялся:

— Да я ни одного дерева и не запоминал. Даже подремал под звон колокольчиков. Не волнуйся, скоро доедем. Олени хорошо дорогу знают. Мы здесь выезжали из тайги в посёлок, и сейчас они бегут по своей дороге обратно.

И добавил:

— Олени приучены к кочёвкам. Где мы палатку ставим, там их дом. Там их отпустим, и они уйдут кормиться. Подкармливаем их ещё солью и комбикормом, чтобы не уходили далеко.

Позже мне самому не раз доводилось уводить оленей на табор ночью. Так поступают все таёжники, кочующие на оленях.

Два дня мы провели на этом таборе, а потом поехали дальше по охотничьему участку дяди Коли. Перекочёвки были по 15–20 километров. Обоихачивали (проходили с охотой эту территорию) и кочевали дальше. Я смотрел по сторонам и любовался красотами неведомого для меня мира тайги. По пути попадались следы зверей, взлетали или садились на деревья глухари и рябчики. Иногда мы их стреляли, а вечером ели мясо и супы из этой дичи.

По вечерам Николай Егорович устраивал мне экзамены, спрашивал:

— Сколько речек и ключиков мы сегодня проехали и в какую сторону они бегут? С какой стороны светило солнце, когда мы ехали?

Я затруднялся ответить, и тогда он говорил сам:

— Проехали четыре ключика и одну речку. Течут они слева направо. Примечай, куда снесла вода вершинку упавшего дерева или с какой стороны наносит мусор и листву, и будешь знать направление реки. Когда мы выехали, солнце светило слева, потом прямо в лицо, а к вечеру оно было уже справа. Это значит, что мы ехали на юг. Зимой солнце ходит по южной стороне небосклона: взойдёт на юго-востоке, а сядет на юго-западе. Летом же всходит на северо-востоке, а садится на северо-западе. Так что восход и заход солнца сдвигаются то к югу, то к северу. Это годовой цикл. Будешь это знать и всегда поймешь, где север, восток, юг и запад.

Ещё привыкай не только видеть, но и чувствовать своим телом. Ходишь по тайге, крутишься во все стороны, а телом чувствуй, где солнце. Вот пошёл от табора в сторону, и солнце светит справа, а когда будешь возвращаться, оно должно светить слева. Место табора и солнце ты должен научиться сопоставлять. Для этого надо научиться чувствовать время, чтобы делать поправки на расстояние, которое прошёл, и на солнце,

которое успело сместиться. Это очень важно. Старайся об этом помнить — и придёт навык. С навыком придёт и опыт. Тогда всё будет получаться само собой.

Чтобы облегчить мне изучение всех этих премудростей, Николай Егорович взял за правило на каждой стоянке заставлять меня рисовать карты-схемки местности. Помечать на них маршруты переездов, места установки ловушек и капканов. Даже сейчас, по прошествии многих лет, когда я открываю свои дневниковые записи, всё вспоминается.

В мою обязанность, как самого молодого и лёгкого на ногу, входило утром подгонять оленей к табору. Они же иногда уходили на полтора-два километра в разные стороны. В этом случае мой наставник тоже спрашивал, где я их нашёл. Вначале я не мог толком объяснить, но со временем это стало получаться всё лучше. Места в округе становились мне знакомыми. С каждой сменой стоянки прибавлялись крупницы опыта.

Вот так вводил меня дядя Коля в географию и топографию таёжной жизни, приучая не только смотреть, но и видеть, а увиденное — понимать. Он часто шутил:

— Вы, городские, в тайге плохо ориентируетесь, а мы, эвенки, в городе ничего толком запомнить не можем.

Действительно, город и тайга похожи, если мы попадаем в незнакомые места. Таёжник в таких местах ходит с оглядкой, пока не освоит, не найдёт все тропинки, броды, перевалы. Так же ведёт себя и городской житель в незнакомом районе или другом городе. Через некоторое время таёжник держит в голове карту местности, а городской житель — план города.

Когда в феврале мы возвращались в Бомнак, то я уже узнавал места. А главное — Николай Егорович научил меня чувствовать солнце и время.

Эвенки отлично чувствуют и узнают время днём по солнцу, но оказывается, что делать это они могут и ночью. Эту способность мне как-то продемонстрировал Николайкан — младший сын прославленного Улукиткана. В феврале кочевали мы с ним по Чардату. Ночи в это время года длинные: проснёшься и не знаешь, сколько осталось времени до рассвета. В этот раз я проснулся, когда мой напарник уже разжёл печь и палатка наполнилась теплом. Голову из-под одеяла я высунул в тот момент, когда он входил в палатку.

— Вставай, чай будем пить. Уже пятый час.

Я достал из-под подушки часы и взглянул на циферблат. Точно, времени было без пятнадцати минут пять. Знаю, что у Николайкана часов нет, а потому спрашиваю:

— Как ты время угадал?

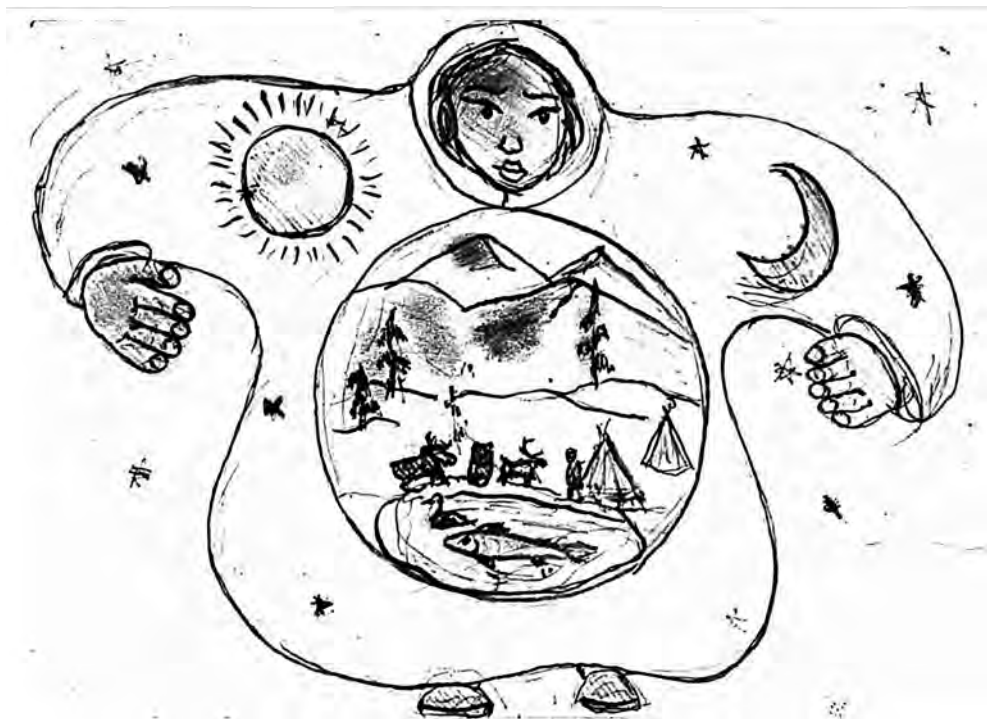

Рисунок Николая Абоимова

— У нас, эвенков, есть свои часы, — усмехнулся он. — Вставай, пойдем, покажу.

Вышли мы из палатки, а он мне на небо показывает:

— Смотри, вон Полярная звезда, а рядом — Большая Медведица, похожа на ковшик с ручкой. Полярная звезда неподвижна, а потому она — как центр циферблата, а ковшик с ручкой — это стрелка, которая вращается вокруг центра. По расположению «стрелки» мы и можем узнать время. Вот откинет ковшик ручку на юго-восток, значит, скоро и светать начнёт.

Молодая луна светит с вечера, ты можешь припоздниться и при её свете легко вернуться на табор. Если луна старая, то на небосклоне она появится ночью или под утро и будет светить до рассвета. Это позволит пораньше двинуться в путь. А в полнолуние можно кочевать всю ночь.

После такого урока стал я смотреть на эти звёздные часы внимательней, учился определять время. В городе на ночное небо мало обращаешь внимания, а в тайге звёзды могут оказаться часами.

Я ещё застал эвенков, которые днём охотились, а вечером, при лунном свете, начинали переезд на новое место. Любил такие переезды мой друг Гена Яковлев. Но это уже классика таёжной жизни.

На обратном пути в Бомнак Николай Егорович доверил мне ехать впереди:

— Так ты лучше дорогу запомнишь. Сзади ехать будешь, будешь как женщина. Они привыкают видеть только спину мужа, а что творится вокруг, не помнят. Крути головой, оборачивайся назад. Помни, когда будешь возвращаться, картина будет совсем другой.

Когда небо обещало снег или он уже начинался, наставник снова поучал меня:

— В сильный снег даже опытный человек может потерять ориентир. Почувствовал, что не знаешь, куда идти, не дёргайся в разные стороны, а возвращайся обратно своим следом. Если снег повалил так, что не видно и твоих следов, то останавливайся и готовься ночевать. В тебе ещё много сил, и ты хорошо подготовишься к этому. Эвенкийский костёр даст тебе возможность отдохнуть и набраться сил. А когда рассветёт и закончится снег, легко сориентируешься и продолжишь путь.

Научиться ходить по тайге и не теряться может любой. Собрались в лес, посмотрите сначала карту местности. Найти её в наше время нетрудно. Запомните главные ориентиры и определитесь со сторонами света по солнцу и по карте. В лесу «держите солнце в голове» и чувствуйте его своим телом. Засомневались — остановитесь, хорошенько подумайте и не паникуйте.

Мне доводилось работать в экспедиции проводником на оленях. Начальник экспедиции показывал мне на карте место, куда они в этот день пройдут с маршрутом, а я, навьючив оленей экспедиционным грузом, отправлялся туда своей тропой. Дорога никогда не была прямой: нужно было объезжать высокие горы, искать броды и перевалы, находить звериные и людские тропы в густом стланике и топких болотах. Благодаря моим друзьям-эвенкам я научился понимать своё местоположение в безбрежном пространстве тайги.

Остаётся пожелать удачи тем, кто решит побродить по таёжным просторам. Всё получится, если будете внимательны, не станете совершать необдуманных действий и учтёте опыт таёжных жителей — эвенков.

Кочевье — в крови

Эвенки очень любят кочевать. Стремление к движению у них в крови. Наверное, к этому их приучил образ жизни, связанный с охотой и оленеводством. Даже если нет нужды кочевать, то при длительной стоянке они всё равно перенесут свой табор метров на двести — триста.

Кочёвки — поэзия и мелодия их жизни, даже несмотря на то, что это почти всегда тяжёлое и очень ответственное предприятие. Летом донимают комары, пауты, дожди и жара, непролазные заросли кедрового стланика, крутые горные подъёмы и спуски, топкие болота и мари. Зимой — глубокий снег, наледи и гололёд.

Я всегда удивлялся выдержке и спокойствию эвенков в самых трудных, сложных и длительных передвижениях в условиях тайги.

Как-то я спросил Юру Трифонова, своего бригадира: какой мерой эвенки измеряют пройденный путь?

— Нулги, — ответил он. — Это отдельный выючной переход.

— А если в километрах?

— Примерно это расстояние равняется двенадцати километрам. За день можно проехать два и даже три нулги. Всё зависит от оленей и цели кочёвки. На оленях мы можем кочевать очень широко.

Со временем, когда появились собственные олени, кочёвки для меня стали также очень значимыми, потому что это новые места, новые приключения и впечатления, новые встречи. Сейчас, когда я живу в городе, порой так сильно хочется снова оказаться в тех местах и с теми людьми, которые утром сказали бы: «Коля, инымган нулгидяс» (Коля, сегодня кочуем).

Мудрый обычай

Первый эвенк, у которого я жил и с которым охотился, был Николай Егорович Романов. За глаза все его звали Никулас. Охотник он был хороший, и без добычи мы домой не возвращались. Привозили на нартах и мясо. По моим понятиям городского жителя, видевшего мясо только в магазинах, туша сохатого — это целое богатство. И её должно хватить на полгода, не меньше. Но у нас она разошлась очень быстро.

По приезду в посёлок к нам потянулись гости. Ксения Александровна, жена Николая Егоровича, варила мясо в эти дни помногу и всех угощала. Ещё я заметил, что она никого из гостей не отпускала с пустыми руками. Выйдет в кладовку, принесёт кусок мяса, завернёт его в газетку, и гостя уходит с подарком. Когда кончилось своё мясо, мы без него не остались. Теперь Ксения приносила его от других охотников, вернувшихся с промысла.

Позже я узнал, что этот обычай существовал у эвенков всегда. Соблюдается ли он сейчас? Очень редко. Мир эвенков, как и весь окружающий мир, сильно изменился, и приоритеты отданы иным ценностям.

Рисунок Сергея Подольского

Следопыт — это жизненная необходимость

Летом, когда мне довелось каюрить (работать с оленями в экспедиции) с Афанасием Яковлевым, потерялось у нас шесть оленей. Искать их мы поехали верхом на седовых оленях. В одном месте Афанасий Петрович остановился и, не слезая с оленя, тывуном (пастушьим посохом) показал мне что-то на земле:

— Смотри, вот следы — один, два, три, четыре, пять, шесть. Все здесь.

Я внимательно стал вглядываться в то место, на которое он указывал, но ничего не увидел. А Петрович, уверенно погоняя своего седового, поехал дальше. Через какое-то время обернулся ко мне и сказал:

— Где-то рядом.

А метров через триста, у ключика, мы увидели нашу пропажу. Меня, тогда ещё совсем неопытного в тайге человека, удивила эта способность читать следы по чернотропу и обескуражила собственная ничёмность — там, где мой товарищ видел и считал следы каждого из шести оленей, я ничего не заметил.

В основе опыта эвенка лежит каждодневная практика поиска оленей, соболей, сохатых... Зимой и летом, и в дождь, и в снег. Так набирается бесценный опыт, от которого зависит не только достаток его самого, семьи, но порой и их жизнь.

Зимой на истоптанном стадом оленей снегу ищет пастух по следам своих рабочих оленей. Держатся они вместе, да и следы у них покрупнее, чем у маток. Но это может заметить только опытный глаз.

Позже, когда я уже набрался таёжного опыта, мне пришлось наблюдать «высший пилотаж» науки следопыта. Речь зашла о том, что в стадо зашёл сокжой (дикий олень). Самого его пастухи не видели, а вывод сделали по увиденному следу. Моему удивлению не было предела:

— Как вы их можете различить?

Разницу мне объяснил Юра Трифонов:

— Смотри внимательно. У домашнего оленя копыта широкие, и на землю он их ставит плотно, как лапти. Эта порода складывалась веками, проходила отбор. А сокжой ходит, как женщина на каблучках. Как ты не видишь разницу?

После такого объяснения я старался замечать все мелочи. И думать. Постоянно замечать и думать. Со временем всё это стало давать результаты. Я стал видеть и понимать.

Лапчатые и половинчатые

До приезда в Бомнак меховые унты я видел только в кинофильмах про лётчиков и полярников. А в Бомнаке я узнал о таёжных эвенкийских унтах и уже через неделю щеголял в них сам.

Унты бывают двух видов: лапчатые и половинчатые. Лапчатые называются так потому, что шьются из «лап» (камусов) оленей, лосей, изюбров. В зависимости от цвета шерсти они бывают разных расцветок. Их и сейчас можно встретить в Бомнаке, Зее, да и по всей России. Тёплые, красивые и крепкие — они прочно вошли в наш обиход.

А вот половинчатые унты, которые шьются из сохатиной шкуры, шерсти лишены. Я долго не мог понять, почему они называются половинчатыми, и как-то спросил об этом у Юры Трифонова — моего друга и таёжного учителя. Ответ оказался простым. Как оказалось, громоздкую сохатиную шкуру для выделки разрезали по хребту пополам, от шеи до хвоста. Так было удобнее её натянуть и высушить.

Зимой эти сушёные половинки вывешивали на шестах и оставляли на ветру и морозе. Так их готовили для дальнейшей выделки, при которой использовали сохатиную или оленью печень, а иной раз и мозги, — и то и другое мастерицы, когда была возможность, тоже готовили про запас. Делалось это так: пучок травы укладывали пластиной примерно десять сантиметров шириной и тридцать — длиной, втирали в неё печень или мозг, а потом сушили. Высушенные заготовки хранились в мешочках и использовались по мере необходимости.

Так вот, из одной половины шкуры можно было скроить и сшить одну пару унтов. Отсюда и пошло название «половинчатые». Такие унты были двух видов: высокие и короткие.

Высокие сворачивались и разворачивались, как резиновые рыбацкие болотники. Надевались они поверх брюк. Были у них тесёмки, с помощью которых унты перевязывали под щиколотками. Иногда их снабжали верхней тесёмкой, с помощью которой верхняя часть унтов крепилась к поясному ремню. Короткие унты назывались омчуры. Для зимы шились меховые чулки, для чего использовали выделанную оленью шкуру. Чулки надевались мехом вовнутрь.

Выделка шкур — долгий и трудоёмкий процесс. Вспоминая мастеров этого дела, преклоняю голову перед их умением и упорством.

Сейчас другие времена и другие технологии. Половинчатые унты ушли в прошлое, но мне захотелось вспомнить об этом и поделиться с теми, кому это будет интересно.

Луча бегин луча

Стадо «Ток». Олени, пастухи-эвенки, бригадир Юра Трифонов — внук знаменитого Улукиткана. И я среди них. О чём ещё можно мечтать романтику, мальчишкой начитавшемуся увлекательных книг Фенимора Купера и Григория Федосеева?! Ночью мне ещё снятся сны, что я снова в Ташкенте. Просыпаюсь, осознаю своё истинное положение и радуюсь: «Слава Богу, я в тайге».

Как-то утром Юра сказал:

— Сегодня едем искать отбившихся оленей.

— А маут* брат? — спросил я.

— Смотри, как хочешь, — ответил он.

Едем всей бригадой. Юра впереди прокладывает тропу. Я уже знаю, что у него правый олень — знаменитый в стаде передовой Эрнай, который даже по наледям ведёт караван прямо. А вот и олени — голов тридцать. Пастухи достали мауты, стали ловить оленей. Мне оставалось только наблюдать за ними, ведь свой маут я не взял.

Ловля оленей — занятие увлекательное и азартное, каждый старается показать свою ловкость. Один я без дела. Когда поймали оленей, подошёл к Юре и обиженно сказал:

— Я же спрашивал тебя, брать маут или нет.

— Коля, солдат всегда должен иметь оружие под рукой. Маут — оружие пастуха. Будет маут — будут олени. Что будет с солдатом, если он не возьмет оружие в бой? — с хитровой улыбкой ответил Юра.

Потом обернулся к пастухам, и сказал:

— Ёхор-мохор! Луча бегин луча. — И все засмеялись.

* *Маут* — аркан

— Говори по-русски, я же не понимаю, — сказал я ему.

— Я про это и говорю: что русский есть русский.

А «ёхор-мохор», как я узнал позже, было придуманное им самим выражение, и вставлял он его, когда был особо чем-то недоволен.

Позже мы с улыбкой вспоминали этот эпизод, а если у меня что-то не получалось, то уже я в своё оправдание говорил: «Луча бегин луча».

Психотренинг

Как-то зимой ездил я на охоту с Колесовыми. Сан-кандя (дядя Саша) — высокий, седой старик. Всегда спокойный, доброжелательный. Балба (тётя Варя), его жена, — весёлая, любившая пошутить. Одну из её шуток я помню и сейчас:

— Мы — люди-эвенки, мы — не медведи, хотя живём в тайге, — любила повторять она.

Их сын Гоша был моим другом. На охоту дядя Саша с Гошей ездили вместе. Дядя Саша был опытным охотником, но зрение у него стало совсем слабым. Гоша же только начинал охотиться, набирался опыта и был, как говорится, «глазами» отца.

Гоша показывал отцу соболиный след, а тот тыявуном (посохом) трогал его и по твёрдости определял его свежесть. Когда след становился мягким и рассыпался на тыявуне, отпускали собаку, которая загоняла соболя. Стрелял Гоша — дядя Саша на дереве соболя не видел. Вечером дядя Саша отогревал у печки прозябшие за день руки, колени и спину.

— Молодого мороз гонит, а старого гробит, — говорил он с виноватой улыбкой.

Тётя Варя хлопотала по хозяйству, варила супы, каши, пекла вкусные эвенкийские лепешки на соде — эвэдышки. Отвечала она также за аптечку и считала себя специалистом по таблеткам. Утром перед завтраком и вечером перед ужином повторялась одна и та же процедура. Она доставала аптечку, раскрывала её и начинала перебирать упаковки таблеток, спрашивая при этом:

— Сан-кандя, таблетки кушать будем?

— Будем, — отвечал дед.

— «Норсульфазол» будем?

— Будем.

— «Аспирин» будем?

— Будем.

Таблеток набиралось несколько видов, и они их все разом отправляли в рот. Мне казалось, после выпитых таблеток они как-то приободрялись. Происходил своеобразный психотренинг. Они пасли оленей

и жили в тайге, пока совсем не ослабли, а дядя Саша к тому же почти перестал видеть.

Когда окончательно перебрались в Бомнак, я часто навещал их, ведь они для меня стали родными людьми.

Сколько километров пробегут олени?

Сколько километров пробегут олени, я не знаю. На это влияет много факторов: сами олени, время года, состояние дороги. Но у меня на памяти два случая. В одном из них я был участником произошедшего, а во втором — очевидцем.

Охотился я как-то со своим тестем. Сразу после новогодних праздников уехали в сторону озера Огорон, а оттуда с охотой и ночёвками двинулись вниз по реке Деп до ключа Нинни. От Бомнака это около 200 километров. Вернуться домой нам нужно было к первому марта, а к десятому — сдать пушнину.

Но мы припозднились — наступило уже 7 марта, и в оставшиеся три дня у нас не получалось уложиться на обратную дорогу. К тому же нарты были тяжело загружены вещами и добытым мясом. С такой поклажей до Бомнака надо ехать дней десять. Николай Егорович решил отправить меня одного на легкой нарте, нагруженной добытой пушниной.

За первый день мне нужно было доехать от Нинни до Огорона, что составляло около 80 километров. К вечеру я туда добрался и переночевал у ребят на метеостанции. Утром поехал дальше. До Бомнака оставалось 130 километров.

Рисунок Сергея Подольского

Перед поездкой Николай Егорович наказал мне, чтобы я останавливался через каждые три часа, давал оленям передышку и подкармливал их мхом, который растёт на ветвях лиственниц. Местами его бывает довольно много, и по пути я присматривал такие места, чтобы остановиться: валил топором деревья, собирал мох и кормил оленей. Кстати, олени его очень любят и после сильного ветра, когда бывает много упавших веток и деревьев, начинают бродить по снегу в поисках этого лакомства. Пока олени отдыхали, я тоже подкреплялся: разводил костёр и перекусывал заранее отваренным мясом и эвдышками — пресными эвенкийскими лепёшками.

Езда, конечно, утомила и меня, и оленей, но в два часа ночи я уже был в Бомнаке. А на следующий день сдавал в приёмном пункте добытую пушнину.

Второй из известных мне случаев произошёл в стаде на озере Оконон. В семье Николайкана Трифонова заболела дочка. Срочно нужна была медицинская помощь. Радиосвязи, чтобы сообщить о случившемся, у нас в то время не было. Ехать в Бомнак, до которого было примерно 250 километров, вызвались Юра Трифонов и Павел Яковлев. Выехали в ночь. Каждый на легковой нарте с двумя основными и двумя запасными оленями... Санрейс прилетел к нам на Оконон через день. Потом Юра рассказал нам, что в Бомнаке они с Павлом были уже на следующий день к вечеру — то есть на дорогу у них ушло около суток.

Вот такое расстояние олень в состоянии не только пробежать, но и протащить нарты с приличным грузом.

Рассказывает внук Улукиткана

Юра Трифонов — внук Улукиткана. К таёжным премудростям его приучал дед, так как его отец, Иван Семёнович, умер, когда Юра был совсем маленьким. Несколько небольших, но довольно любопытных историй рассказал мне Юра о своём знаменитом деде. Может, вам тоже будет интересно.

МАЛЕНЬКАЯ СПИЧКА — МНОГО ОГНЯ

Сидим в палатке, стемнело. Дед достал свечку, коробок спичек, чиркнул. Огонёк со спички перескочил на свечку, взялся ровным светом. В палатке стало светлей и уютней. Дед вертит в руках коробок спичек и говорит: «Смотри, Юра, какой маленький коробок, а как много огня держит».

ТАМ КТО-НИБУДЬ СИДИТ?

Кочуем с дедом в верховье Сяна. Я еду на нартах впереди, он на своих — сзади. Вижу, сидит глухарь. Далековато, но добыть хочется. Достал «тозовку» и начал стрелять. Несколько раз стрельнул, попасть не могу. Даже не вижу, куда пули летят. Глухарь вытянул шею и сидит, похожий на графин. Тут я стал палить! То ниже возьму, то выше, то правее, то левее. Бесполезно, попасть не могу. А глухарь хоть бы улетел, сидит — не дрогнет.

Слышу, дед идёт ко мне. Подошёл и спрашивает:

— Юра! Там кто-нибудь сидит?

Мне стало стыдно. Я знал, как дед бережет патроны. Он рассказывал: сколько помнил себя, весной приезжали купцы-якуты и привозили продукты, оружие, порох, дробь, пули. Обменивали всё это на пушнину. До следующей весны приходилось к припасам относиться бережно. Белок на дереве гоняли так, чтобы сидела она напротив ствола, и, стрельнув в нее, пулька должна была застрять в стволе. Дерево валили и пульку вырубали, чтобы зарядить ещё раз.

Много было весной и осенью на Сянских озёрах уток. Делали скрадок в таком месте, чтобы при стрельбе дробь долетала до противоположного берега. Выбирали там кочку размерами покрупнее и на её фоне стреляли по проплывающим уткам. Когда сезон утиной охоты заканчивался, кочку срубали, клали на оленью шкуру и разбивали, добывая застрявшие в этой ловушке дробинки. А к глухарю дед всегда подкрадывался так, чтобы больше одного заряда на него не тратить.

Давно нет деда, но до сих пор, когда я стреляю глухаря, слышу его слова: «Юра, там кто-нибудь сидит?»

Рисунок Сергея Подольского

ПРОСТО ЛЮБОВЬ

— Как-то простыл я сильно, и меня положили в больницу, — начал Юра свой рассказ о деде (Улукиткан в тот вечер приехал из тайги, и ему об этом сказали). — Утром я проснулся рано, часов в шесть. Слышу,

стукнула дверь, потом приближающиеся по коридору шаги и характерное покашливание моего деда. Эвенки, особенно таёжники, часто так делают — чтобы не напугать другого человека и как бы подать сигнал о своём приближении, они покашливают. Слышу, вышла медсестра и спрашивает:

— Что вы, дедушка, хотите?

— Юра жить будет? — как-то робко спросил Улукиткан.

— Да, всё нормально уже. Будет ваш Юра жить, будет, — ответила она.

— Ну, тогда я пойду, — сказал дед, шаги его удалились, и снова стукнула входная дверь.

— Такого чувства тепла и беспокойства обо мне я больше в жизни никогда не испытывал. Оно до сих пор живёт во мне, — закончил Юра эту маленькую историю.

ОГОНЬ В ЖЕЛЕЗНОМ ЯЩИКЕ

Улукиткан помнил и рассказывал, как появилась в тайге первая палаточная жестяная печь.

Тогда по тайге прошёл слух, что люди научились держать огонь в железном ящике и что нет теперь в чуме дыма. Эвенки издалека ездили смотреть на это чудо.

Со временем печь прочно вошла в быт таёжников и до сих пор служит им.

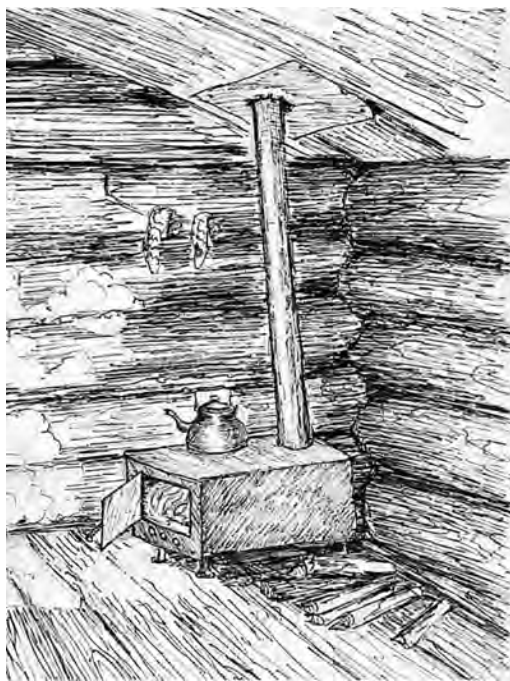

Рисунок Сергея Подольского

ПИЛОТ НОЧЬЮ НЕ ВИДИТ

Зимой вечера длинные. Сидим с дедом, чиним сбрую, лямки, узды, подпруги. Где-то высоко в темноте слышно, как летит самолёт. Улукиткан спрашивает:

— Юра, как он ночью летит? Ничего не видно.

Я стал объяснять ему про навигацию, компас, приборы.

Рисунок Сергея Подольского

Дед удивлённо покачал головой и говорит:

— Всё равно он не видит, куда летит.

СОХАТОВАТЬ!

— Юра! Завтра поедem сохатовать, я проследил, где зверь днюет, — сказал Улукиткан.

С вечера мы приготовили всё необходимое: лапчатые унты, лыжи, подшитые камусом, оленьи дошки. Проверили оружие. Утром выехали на нартах. К нартам деда была привязана его собака Патет. Она была им особо научена. Патет молча, по запаху, выводил охотника к добыче.

Дед рассчитал направление ветра, чтобы мы оказались с подветренной стороны. Не доезжая, оставили оленей с нартами и встали на лыжи. Подшитые камусом лыжи и меховая амуниция позволяли передвигаться бесшумно и незаметно. Через какое-то время Патет забеспокоился, натянул поводок и уверенно стал тянуть за собой деда.

Улукиткан обернулся и подал мне сигнал: снимаем лыжи. Дед двигался медленно, поднимал ногу и ставил ее в новое место, стараясь, чтобы не было никакого шума. Он оборачивался и показывал мне: «Тихо... Тихо...» Я замирал то в неудобной позе, то с поднятой ногой. Мне это не очень нравилось, но терпел. По поведению собаки и деда я чувствовал, что зверь где-то рядом. Время напряглось и тянулось медленно, в такт нашему ходу. Но вот Улукиткан остановился и показал мне рукой в направлении скопления мелкого березняка. Сохатый лежал метрах в семидесяти от нас и был хорошо виден. Вот он поворачивает большие уши, прислушивается.

Дед очень любил такую охоту, она требовала особого мастерства и навыка. Ещё дед говорил, что раньше некоторые охотники могли подкрасться к отдыхающему сохатому вплотную и потрогать его. Делали они это на спор, чтобы показать свои умения и ловкость.

С БОЛЬЮ И УКОРОМ

Однажды дед поделился своими тревожными мыслями.

— Я — из рода эвенков. Тайга до сих пор мой дом. Много веков назад мои предки, приручив оленя, научились кочевать быстро и широко, был бы ягель оленям да нам охотничьи места. Иногда мы кочуем, чтобы посмотреть новые земли. Это до сих пор у нас в крови, нам всегда хочется заглянуть чуть дальше: вон за ту сопку, за тот кривун, за тот перевал.

В городах люди ходят на выставки и в музеи, в кино и на спектакли, чтобы посмотреть картины жизни, а мы постоянно любимся красотой природы и ее жизнью. Восходы и закаты радуют нас своим естественным многоцветьем, каждый ключик поет нам свою песню. Бесконечное разнообразие красок, звуков, мир растений и животных, без лжи и фальши, наложили на нас эти качества. Мы также жили естественной жизнью, пасли оленей, растили детей, любили, грустили и радовались. Обычаи, верования и наша таёжная культура вырабатывались тысячелетиями и бессчётным количеством поколений, привнесивших свои знания, навыки, опыт.

Но пришли люди и сказали нам, что мы живём неправильно, и начали нас учить и заставлять жить по-другому. Они сами никогда не жили в тайге с оленями и не знали: чтобы с ними жить, надо иметь особый навык. Но они думали, что лучше знают всё. Они заставили нас поселиться в посёлках. С той поры мы стали жить «искусственной» жизнью. Места выпаса оленей и охотничьего промысла стали далёкими, а рядом стояли магазины с алкоголем. Детей забрали в интернаты на государственное обеспечение. Там они были обуты, одеты и накормлены.

С нас сняли первейшую обязанность, которая заставляет человека быть ответственным. Женщины перебрались в посёлок, и тайга для них стала тёмным лесом, в который идти не хотелось. Мужчины остались в тайге с оленями. Семейные и родовые связи и обязанности нарушились. Охотники и пастухи, приезжая к новогодним праздникам и весной, ко Дню оленевода, ходили из дома в дом и пили, пили, пили. От алкоголя сгорали, замерзали, совершали преступления. Творилось пьяное безумие. Моих сверстников остались единицы, даже пальцев на одной руке больше. Многие из ушедших моложе меня, а некоторые годятся мне в дети.

Заросли в тайге тропы, о былом многолюдии напоминают еще многочисленные старые дюкча (таборы), куреканы (загоны для оленей), лабазы. Они, опустевшие, смотрят на нас с болью, жалостью и укором, смотрят глазами тех людей, которых мы знали, заходили к ним в гости в палатки, жили с ними одной жизнью. Алкоголь подвёл людей к краю пропасти. И к тем, кто остался, стало приходить осознание беды.

Радует то, что постепенно кто-то уходит с этой тропы, и появляется надежда, что наши дети выберут снова естественный путь, путь с природой, путь, по которому они будут уверенно идти в будущее.

Возвращение на Становой

В прошлом, 2022 году мне крупно повезло: Зейский заповедник организовал научно-исследовательскую экспедицию по Токинско-Становому национальному парку. Надо было начать работы в самом верховье реки Зеи и, спускаясь сплавом на двух катамаранах, идти до села Бомнак.

Меня пригласили поучаствовать в этом мероприятии. Почти полвека тому назад я пять лет проработал в этих местах охотником. Учёных интересовало, что было здесь раньше и что стало, какие произошли изменения в животном и растительном мире.

Вертолёт забросил нас на устье ключа Сивактыляк. Название происходит от эвенкийского слова «сивакта» и на русский переводится как «хвощ». Это такой мелкий лесной хвощ, которым очень любят питаться олени. В этих местах его много, возможно, это была одна из причин того, что здесь всегда выпасали оленей эвенки. Во времена, когда я охотился, здесь также было стадо совхоза «Ударник» из Бомнака. Бригадиром в то время был Василий Трифонов, сын Улукиткана. Я встречался здесь с Василием Семёновичем и в некоторых своих рассказах о нём поведал.

Работали мы двадцать дней. Сменили девять стоянок. Учёные занимались сбором информации о фауне и флоре. Записывали, фотографировали, собирали гербарии. Мне, человеку с большим таёжным опытом, казалось, что я тут знаю всё. Но оказалось, что, в сравнении с этими людьми, знания мои — поверхностные. Даже в мышах я толком не разбираюсь. Мыши да и мыши — вредят в зимовьях, портят мех пойманных мной соболей. Но мне открылось много интересного: вот эти мышки-долгоносики — вовсе и не мыши, а бурозубки, насекомоядные из семейства землеройковых. А самая маленькая из них, в два раза меньше моего мизинца, оказалась не детёнышем, как я подумал, а крошечной бурозубкой — особым видом бурозубок. И это самое мелкое млекопитающее у нас в России.

Вот ещё мышь: крупная с коротким хвостиком. Оказывается, это лемминг (лесной). Родня мышам-полёвкам — но и хомякам тоже.

За долгие скитания по тайге я всего дважды встречался с летучей мышью. А сотрудники заповедника поймали её в сеть-паутинку в первую же ночь. Оказывается, их тут не так уж и мало.

Меня очень поразили эрудированность и энциклопедические знания этих людей. По силуэтам они легко распознавали летящих птиц: уток, коршунов, ястребов, орлов, беркутов, журавлей. Ночью определяли сов, филинов и другую живность по крикам.

На сплаве как-то мимо нас пролетела пара журавлей, и Настя, учёная из Московского зоопарка, сложив ладошки у губ, стала подманивать, имитируя их крик. К моему изумлению, птицы отклонились от маршрута и, сделав над нами полукруг, дали возможность себя сфотографировать и разглядеть поближе.

Очень много оказалось в тех местах краснокнижных гагар. Грандиозно смотрелось на лиственнице со сломанной вершиной огромное гнездо скопы — птицы-рыболова.

Экспедиция Зейского заповедника, проводя изучение фауны и флоры Токинского-Станового национального парка, спускалась вниз по реке Зее.

Сегодня мы прошли на катамаранах от ключа Инагли до Якодакита. На этом отрезке пути, в четырёх километрах ниже реки Купури, с левой стороны обосновалась метеостанция Локшак — самая северо-восточная и одна из старейших в Амурской области.

Рисунок Сергея Подольского

Много лет здесь проработала семья Поповых. Но до этого метеостанция находилась выше километров на двенадцать по реке Зее — напротив ручья Карчилак. Карчилак переводится с эвенкийского языка как «де-

нежный» (карчи — деньги). Интересно, почему такое название? Может, здесь эвенки впервые, посетив метеостанцию, увидели деньги и узнали их роль в жизни русского человека?

Это место до сих пор эвенки и русские охотники помнят ещё как Старый Локшак. До войны именно здесь начинала работать легендарная семья Поповых. В Бомнак выбирались и возвращались, как у нас говорят, на шестах (толкая лодку шестом). А это сто пятьдесят километров по порожистой и своенравной Зее. Какие выдержку и мужество имели эти люди!

Когда глава семьи ушёл на войну, то на посту метеоролога-наблюдателя осталась его жена. Метеорологические сведения в то время были очень необходимы, так как севернее, за Становым хребтом близ озера Токо, находился аэродром, сооружённый быстрыми темпами во время войны для переброски техники и перегона самолётов из США в СССР по ленд-лизу.

После окончания войны глава семьи вернулся, и супруги продолжали работать, как и прежде.

Интересную историю рассказывали в Бомнаке про Поповых — о том, как они приютили и вырастили медвежонка на Локшаке. И он жил у них несколько лет, следуя за хозяином буквально по пятам. Однажды, собравшись в Бомнак за продуктами, хозяин прихватил косолапого с собой. Каково было всеобщее изумление, когда они появились в посёлке: начальник метеостанции на лодке, толкающий её шестом, и следом сменяющий по галечной косе медведь... После всех проведённых в Бомнаке мероприятий неразлучная пара пустилась таким же образом в обратный 150-километровый путь.

Дети Поповых окончили Бомнакскую школу, жили в интернате. Один из них стал речником. Наверняка многие, кто застал ходившее по Зейскому водохранилищу пассажирское судно «Метеор», помнят одного из его капитанов — Попова.

Так получилось, что недавно созданный Токинско-Становой национальный парк занимает как раз ту территорию Станового хребта, где в середине XX века проходили геодезические изыскания экспедиции знаменитого писателя и геодезиста Григория Федосеева и не менее известного читателям его произведений проводника Улукиткана (Семёна Трифонова).

Учёные и сотрудники Зейского заповедника уже в наше время приступили к комплексному изучению фауны и флоры этих мест. Я тоже поучаствовал в одном из этих мероприятий. 27 июля 2021 года вертолёт, взмыв в небо, от города Зеи взял курс на северо-восток и, пролетев

Рисунок Сергея Подольского

около 400 км, приземлился в верховье реки Зеи. До перевала Тас-Балаган (Каменное укрытие) — километров десять. Там, как раз на перевальной седловине, почти месяц работала партия учёных под руководством Сергея Подольского. И именно здесь штурмовали Становой хребет на оленях Федосеев с Улукитканом. Ещё у этого перевала есть и другое название — Ивакский: это потому, что, преодолев его со стороны Якутии, попадаешь в ключ Ивак.

Вертолёт перекинет Сергея Анатольевича и оператора фото- и видеосъёмки Ольгу Агни к нам, и тогда начнутся совместные рабо-

ты. Три дня мы простояли на устье ключа Сивактеяк. И всё это время, бродя здесь, я представлял себе описанные Григорием Анисимовичем эпизоды передвижения его экспедиции.

Как раз в этом месте произошёл интересный случай с пастухом-оленьеводом из Ираканского колхоза. На одном из таборов Федосеев выбросил негодную кассету от фотоаппарата с засвеченной плёнкой. Пастухи-эвенки обнаружили её и посчитали, что она утеряна. Старик Осикта пустился вдогонку, чтобы вернуть нужную вещь. Радостный, с чувством исполненного долга он, проехав два дня верхом на олене, вручил её бывшему владельцу. Федосеев не подал виду, что плёнка уже негодная, и отблагодарил старика, подарив ему фуфайку. Подарок был принят с чувством большой радости. Этот случай характеризует обоих как людей, умеющих совершать достойные поступки.

Наша экспедиция, тяжело гружённая, на двух катамаранах, двинулась по мелким и стремительным перекатам вниз. Валуны в этих местах в хаотичном беспорядке перекрывают русло. Приходится протаскивать плавсредства между этими препятствиями, а часто и прямо через них. За два перехода «протащились» восемнадцать километров.

Устье ключа Кара-Урек (Чёрная речка). Здесь, сорок два года назад, я пять лет проработал промысловым охотником. Чуть выше по ключу стояла избушка, и её хорошо было видно с берега Зеи. Сейчас в том месте всё заросло лиственницами. Пошёл на поиски, и мне посчастливилось. В ту сторону шла хорошо натопанная медвежья тропа. Она-то и привела меня прямо к бывшему моему зимовью. Разрушенное временем по окну, оно вызвало волну воспоминаний о тех далёких днях. Медведю это место явно приглянулось. Прямо рядом с избушкой он загнул две тонкие лиственки, соорудив подобие входной арки. Сергей Анатольевич, сопровождавший меня в это место, пошутил, что охотники за Снежным человеком обязательно выдали бы это медвежье творчество за проделки Йети.

С Кара-Урека мы двинулись веселее. Прошедшие дожди добавили воды, да и сама Зея стала из сплошных перекатов вырисовывать уловца, по которым двигаться было легче. В полдень мы миновали устье реки Большие Мутюки. «Мутюки» с эвенкийского переводится «большая вода». Му — вода. Здесь была одна из стоянок экспедиции Федосеева. Здесь и в наше время речка, как это описано в его книге «Тропой испытаний», впадает в Зею двумя руслами. Воды добавилось, и мы быстро скатились до устья Оконона, пройдя ещё двадцать километров.

Следующим пунктом, где наши и федосеевские маршруты встретились, стало устье Джугармы. Название Джугарма, или Дюгарма, происходит от эвенкийского слова «дюкча» — стоянка, жильё. Полный перевод: «место, удобное для стоянок». Именно тут находилась основная база экспедиции Федосеева. Здесь по косам намыт мелкий галечник, и сюда самолётом завозились из Зеи продукты и снаряжение. Отсюда санитарный рейс забирал слепого Улукиткана, которого на базу вывел пёс Кучум.

Когда я охотился в этих местах, то здесь стояли два высоких и довольно больших лабаза. Сейчас их уже нет, даже берег в том месте подмыло. А сама база экспедиции стояла чуть ниже устья, также по левой стороне Зеи — в распадке небольшого ключика. Этот ключик эвенки и мы, охотники, так и называли — Федосеевский. Раньше там были видны разрушенные зимовья и бревенчатые остовы для палаток. Большая коса подходила к ключу в этом месте. Со временем её смыло, и берег стал крутым, а рядом по образовавшемуся перекаату стремительно несётся Зея. Мы прошли, не останавливаясь.

Последним примечательным местом, о котором упоминал в своей книге Григорий Анисимович, была река Купури — переводится на русский язык с эвенкийского как «скрытная». Действительно, пойма её не особо просматривается, хотя по площади и водосбросу она ненамного уступает Зее. Именно по этой реке экспедиция геодезистов уходила на нартах по таявшему льду через водораздел на реку Маю.

Рисунок Сергея Подольского

Вот такой небольшой экскурс провели мы по местам, дорогим мне и, думаю, всем читателям книг Федосеева. Как будто постоянно чувствуешь присутствие и самого автора, и Улукиткана, и других героев произведений Григория Анисимовича. Токинско-Становой национальный парк, продолжатель его научных дел, — ещё младенец, он только начал своё существование. И как сказал когда-то Федосеев словами Улукиткана, «мать дает жизнь, а годы — мудрость».

Токинско-Становой национальный парк будет набираться этой мудрости и делиться приобретённым опытом с людьми, желающими посетить эти места и насладиться его красотами, чтобы впитать в себя настоящего таёжного духа. Для этого и идёт на первозданной, глубоко таёжной территории работа Зейского заповедника.

Как мы преодолевали каменистые гряды, перекаты и стремнины р. Зеи, это отдельная история. Нас было одиннадцать человек. Я очень благодарен этим людям за их опеку.

Экспедиция для меня пронеслась одним захватывающим дух мгновением. Я побывал в местах, когда был молодой, сильный, выносливый и красивый. В какой-то мере я снова чуточку почувствовал себя таким. Из тех медикаментов: таблеток и мазей, которые сложила мне в дорогу жена, — всё осталось в целости и сохранности.

Нина Николаевна Дьякова – поэт, публицист, драматург. Родилась 1 сентября 1956 в с. Долдыкан Бурейского района Амурской области. Окончила историко-филологический факультет Благовещенского пединститута. Член Союза писателей России с 1994 года. Автор полутора десятков книг. Дважды лауреат Амурской премии в области литературы и искусства — за книгу стихотворений «Красоднев» (1999) и пьесу «Река любви» (2003).

В настоящее время — секретарь Союза писателей России, руководитель проекта «Литературная гостиная "Парк культуры"» Союза писателей России в Москве на Комсомольском проспекте, 13. Живёт в городе Чехове Московской области.

Пьеса

Самые счастливые (По мотивам эвенкийских сказок)

*Приамурье исследовали
и осваивали русские землепроходцы
начиная с 17-го века.*

*Важно не забывать, что по берегам
Амура и его притоков
на этой территории жили самые
разные народы и племена —
со своим укладом, языком,
фольклором,
национальными особенностями
и обычаями.*

*К счастью, передаваемые
из поколения в поколение,
до нас дошли эвенкийские сказки —
удивительно мудрые и добрые.*

*Свою новую пьесу
для семейного чтения (и постановки
на сценах амурских театров),
написанную по мотивам этих сказок,
автор посвящает юбилею
родного края.*

Действующие лица:

СТАРУШКА АСАТКАН
УЧАН
АТАН
УМУН
МУДРЕЦ АРСАЛАН
МАТЬ УЧАНА
ОТЕЦ АТАНА
ЖЕНА УМУНА
СОЛНЦЕ
МЕДВЕДЬ
ЩУКА
ШАМАН КОРЭНДÓ

*Эвенки из большого
стойбища*

ПРОЛОГ

На обомшелой поваленной сосне у малюсенького костерка сидит сухонькая пожилая женщина. Это мудрая **Старушка Асаткан** — так называют её все не только в родном стойбище, но и во всей округе, стар и мал.

СТАРУШКА АСАТКАН (*переворачивает в костерке угольки сучковатой сосновой палкой, медленно говорит, вроде ни к кому не обращаясь*). ...В одном стойбище было много чумов. В чумах жили эвенки. Дружно, хорошо жили: охотились, рыбу ловили, в свободное время пели, плясали, играли. Но их счастье было недолгим.

Однажды, в самый разгар Большого Праздника Оленеводов, небо над тайгой потемнело, что-то вверху загромыхало, зашумело, как будто сразу множество огромных птиц поднялось. Глянули люди вверх — летит кто-то крылатый, огромный, страшный.

Это был злой колдун — шаман Корэндó. Старые люди говорили, что шаман Корэндó был зол на весь белый свет. Почему — никто не знает. Но особенно ненавистны ему были радостные, счастливые люди. Их-то он и высматривал, летая на своих тяжёлых огромных крыльях над лесами и долинами, над стойбищами и пастбищами, хватал и уносил людей в неприступные горы, в ущелье, чтобы заточить их в страшной чёрной пещере.

И люди стали скрывать свои радости. Никто не хотел признаться, что он самый счастливый. Боязно! А вдруг злой Корэндó узнает и унесёт в свою чёрную пещеру. Оттуда ведь никто не возвращался... Постепенно люди забыли, что такое — быть счастливыми...

Но однажды...

Картина 1

Возле чума в эвенкийском стойбище. Вечереет. Мужчины довольно громко спорят, обсуждая важную тему.

УЧАН. Кто самый счастливый?! Это же ясно! Солнце! Оно — Хозяин Неба. Спросим у него, что это такое — быть счастливым.

АТАН. Не-ет! Самый счастливый — Дедушка Медведь! Он — Хозяин Тайги!

УМУН. Может, вы и правы, братья... Но я думаю, что самая счастливая — Щука зубастая! Она — Хозяйка Амура!

УЧАН. Хозяин Неба — Солнце! Оно самое счастливое.

АТАН. Нет! Хозяин Тайги — Дедушка Медведь! Все звери, птицы и даже люди его боятся!

УМУН. Неправильно! Самая счастливая — зубастая Щука! Все рыбы в Амуре от неё разбегаются! А она никого не боится, только толстеет год от года.

Шумят, перебивают друг друга.

УЧАН. Нет, Солнце! Всегда весёлое, всегда горит и сияет!

АТАН. Медведь! Все от него убегают, а он никого не боится

УМУН. Нет, Щука! Любую рыбу проглотит, сама толстая, жирная и довольная!

УЧАН. Солнце!

АТАН. Медведь!

УМУН. Щука!

УЧАН. Братья! А давайте мы у них спросим!

АТАН. Что-о?

УМУН. У кого-о?

УЧАН. У Солнца сперва...

АТАН. И у Медведя?!..

УМУН. У Щуки тоже, что ли?

УЧАН. Ну да!

АТАН. А — давайте!

УМУН. Идём, спросим!

УЧАН. Нет. Сейчас пора спать! Не то восход Солнца просним.

Уходят, бурча каждый своё ...

Картина 2

СТАРУШКА АСАТКАН. Улеглись и заснули. Спят крепко. У эвенков без трудов ни минуты не бывает: оленей пасли, рыбу ловили, нарты починяли, молодых собак в упряжке ходить учили... Хотя и длинные летние дни, а проскакивают одним оленьим прыжком.

Рассветное солнышко пощекотало лучиком сперва Умуна, потом Атана, потом — погорячее — прошлось по закрытым глазам Учана!

Учан чихнул, подскочил и радостно воскликнул:

УЧАН. Уго-го! Солнце встаёт! Пора спрашивать!

АТАН (*потягиваясь*). Пора, так пора. Вот только обуюсь.

УМУН (*протирая глаза и позёвывая, повертел берестяной туесок*). Ладно, воды в Амуре потом наберу... Давай, Учан, спрашивай! Ведь это ты утверждал, что Солнце — самое счастливое!

АТАН. Верно! Тебе и спрашивать Солнце!

УЧАН. Я и не отказываюсь.

Поднялся **Учан** во весь рост, голову к солнцу поднял, руки к небу распростёр,
набрал воздуха побольше.

Здравствуй, Солнце! Ты весёлое и яркое! Всегда такое счастливое! Открой нам свой секрет! Скажи, хорошо это — быть счастливым?

АТАН (*тревожно*). Глядите, глядите! Солнце потускнело! Солнце опечалилось и померкло!

УМУН (*испуганно*). Видите, какая большая и чёрная туча! Она закрыла Солнце! Какое же это счастье?.. Не-ет, Солнце не такое уж и счастливое...

УЧАН (*в отчаянье, горестно вздохнув*). Выходит, солнце тоже бывает несчастным! Опечалилось и перестало сиять... Стало темно и неуютно. Из-за какой-то чёрной толстобокой тучи! (*Братьям, виновато*). Признаю, был не прав... (*Атану*). Идём искать Медведя, братец Атан! Твоя очередь — спрашивать Хозяина Тайги Медведя о счастье!

УМУН. Может, здесь нам повезёт! Идём!

АТАН. Идём!

Картина 3

СТАРУШКА АСАТКАН. Идут они, песню поют. А песня про то, как трудно живут братья-эвенки. И охотой промышляют, и рыбалкой, и любую работу могут выполнить, а счастливыми никак не становятся... И что даже Солнце не так уж счастливо, хотя оно и Хозяин Неба. Пришли к Хозяину Тайги, к Дедушке Медведю. Сидит Медведь под деревом, у него колода с мёдом. Лапой мёд достаёт, ест и урчит от удовольствия.

УЧАН (*Атану, тихонько*). Давай, брат Атан, спрашивай. Медведь — точно самый счастливый!

УМУН. Тут и размышлять нечего! Мёдом лакомиться может лишь тот, кто сыт и доволен жизнью.

АТАН (*братьям*). Верно, братья! (*Собравшись с духом, Медведю*). Здравствуй, добрый и сильный Хозяин Тайги. Можно ли спросить тебя, Дедушка Медведь?

Медведь засовывает в очередной раз лапу в колоду, облизывается и довольно урчит.

АТАН. Дедушка Медведь! Ты самый сильный, все тебя боятся. У тебя в колоде — самое вкусное в мире лакомство, лесной мёд! Ты можешь

есть его, сколько хочешь. Мы с братьями видим, как ты доволен, и реши-
ли, что ты — Самый Счастливый в мире...

Медведь продолжает есть мед из колоды, не останавливаясь.

УМУН (*с опаской*). Да так и есть! Когда сыт, медку поест в ра-
дость...

УЧАН (*уверенно*). Можно не сомневаться! Хозяин Тайги всё-таки...

АТАН (*дружелюбно*). Дедушка Медведь, открой нам тайну, как ты
добыл своё Счастье?

УМУН. Мы тоже хотим, чтобы наши люди были сыты и довольны.

УЧАН. Хорошо быть самым счастливым? Скажи нам, Дедушка Мед-
ведь!

Картина 4

Вдруг, откуда ни возьмись, со всех сторон на **Медведя** налетели
тучи **пчёл**. Облепили пчёлы его, жалят, жужжат, кружат над колодой. Медведь бросил
колоду, катается по траве, лапами отмахивается, рычит и жалобно подвывает.

АТАН (*братьям*). Бежим!

УМУН (*схватил ветку, отмахивается*). Сколько же их! Ой, ой! Куса-
ют! К реке, братья! Скорее к реке!

УЧАН (*вопит, отмахиваясь*). Ай-ай! Жалят!

Прибежали братья к реке, попадали у воды, горстями воду черпают, обливаются.

Глядят на отражение в реке, потом друг на дружку. Уйти от пчёл без потерь не
удалось. У одного щека вспухла, у другого глаз заплыл, у третьего ухо раздулось...
Хохочут, показывая рожицы, но рады, что от пчёл спаслись. Да и с Хозяином Тайги
расстались целы и невредимы.

АТАН (*касаясь опухшего лица*). Опять мы промахнулись! И Хозяин
Тайги — большой, сильный и сытый Дедушка Медведь — бывает не-
счастливым...

УМУН (*трогает раздувшееся ухо*). И ведь что худо — он большой, а
выл и плакал, как ребёнок! От мелких зловредных пчёл! Ай-ай!

УЧАН (*прикрывая листком лопуха заплывший глаз*). Вот и мёд ест, а
назвать его Самым Счастливым никак нельзя. Согласен с вами, братья!

АТАН (*Умуну*). Послушай, брат Умун! А может, это ты оказался прав.
Про Щуку-то?

УМУН (*мотает головой*). Ночь скоро. Завтра сеть бросим, река ря-
дом. Коли повезёт, Щуку расспросим.

УЧАН. И правда, братья!

АТАН. Утром виднее.

Картина 5

СТАРУШКА АСАТКАН. Улеглись спать. Лёгкий речной ветерок мошку отгоняет, от костерка дымком потягивает. Летом от вечерней зари до утренней — едва рыба хвостом всплеснуть успеет. А сон у таёжного человека чуткий...

УЧАН (*толкает Умуна*). Слыхал? Поди, Щука?

АТАН (*Учану*). И я слышал...

УМУН (*шёпотом, вынимая из мешка сеть*). Не спугните! Вот сеть бросим, там и узнаем, чей хвост плескался.

Пошли к реке. Сеть большую забросили. **Щуку** огромную зубастую поймали.

УЧАН (*восхищённо*). Ух, такой огромной щуки я никогда не видел!

АТАН (*обходя, разводит руки, словно измеряя рыбу*). Да она длиной с человека! И жирная! Чешуя серебром отливает...

УМУН (*уверенно*). Красавица! Верно, самая счастливая из всех обитателей Амура.

УЧАН (*Умуну*). Спрашивай скорее, не то выскользнет из сети — и не узнаем, как это — быть самым счастливым!

УМУН (*собравшись с духом, Щуке*). Матушка Щука!..

УЧАН (*подсказывает*). Ты всегда жирная, сытая...

АТАН (*подсказывает*). Все рыбы тебя боятся... верно, ты самая счастливая во всём Амуре?

УМУН (*увереннее*). Люди в стойбище — несчастливые, и Солнце в небе, и Медведь в тайге... Скажи нам, что такое — быть счастливым?

Вдруг видят эвенки: **Щука** корчится, бьётся, пасть раскрыла, еле дышит.

УЧАН. Что это с ней?

АТАН. Кажется, умирает...Задыхается!

УМУН (*глянув на брюхо Щуки*). Эге! Да она колючую рыбу проглотила, пляньте, братья! Та и распорола ей брюхо острыми плавниками...

УЧАН. Вот тебе и счастье! Жадная щука пасть разинула...

АТАН. ...не заметила — и колючую рыбу проглотила....

УМУН (*растерянно*). Выходит, и Щука — совсем не счастливая! Как же так?

УЧАН (*разочарованно*). Да-а-а. И жирная, и серебром отливает...

АТАН (*уныло*). И сытая, и огромная...

УМУН (*опечаленно*). А вот — умирает, несчастная, от собственной жадности!

Взяли эвенки сеть со **Щукой**, в реку столкнули, рыбам на корм...Сели на берегу.

Что дальше делать — не знают.

СТАРУШКА АСАТКАН. Опечалились братья-эвенки. Решили пойти спросить старого Мудреца Арсалана, что живет тысячу лет на берегу Серебряного Озера, в большом чуме из шкур Белого Оленя. Собраться недолго, долго идти...

Картина 6

Большой чум из шкур Белого Оленя. **Мудрец Арсалан и братья-эвенки.**

АТАН (*снимая шапку перед Мудрецом Арсаланом*). Не гневись, Мудрый Арсалан, что потревожили...

УМУН (*снимая шапку и склоняясь*). Добрый Арсалан, кланяемся мудрости твоей и силе...

УЧАН (*снимая шапку и опустив голову*). Немножко тебя спросим: помоги нам найти счастливого на земле...

АРСАЛАН (*хитро улыбаясь, приглашает братьев садиться на оленьи шкуры возле низенького столика с аккуратно расставленными чашками из бересты. Предлагает питьё и дымящуюся в большом котле оленину*). Долго ли искали счастливого? Неужто не нашли?

УЧАН. Нет, мудрый Арсалан...

АТАН. Не нашли...

УМУН. Мы думали, это просто...

АРСАЛАН. Не нашли, значит!

УЧАН. Нет такого...

АРСАЛАН. Плохо искали, эвенки. Не там!

АТАН. ...Не там?

УЧАН. Да как же? И в небе...

АТАН. И в тайге...

УМУН. И в реке...

АРСАЛАН (*дружески смеиваясь*). Эка!.. Ясно, не там! А вы... (*делает знак рукой — приглашая придвинуться к нему ближе — и громким шёпотом*). А вы в чумы свои загляните-ка! Искали они! Спрашивали они...

УЧАН. Э, там точно нет. Люди забыли, что такое быть счастливыми.

АТАН. Шамана Корэндó опасаемся...

УМУН. Слыхал про такого?

АРСАЛАН (*серьёзно*). Так ведь нет его давно.

УЧАН. Его нет?

АТАН. Да как это — нет?

УМУН. Неужто и впрямь — нет?

АРСАЛАН (*печально*). Давно это было. Мой сын Чагандар с малых лет был смелым, бесстрашным и удачливым. Ничего и никого не боялся.

Аяна, моя жена, любясь малышом, то и дело говорила: «На свете нет никого счастливее меня! Какой красивый сын у нас, Арсалан! И сильный, и мужественный, и справедливый... Мы с тобой — самые счастливые на свете, Арсалан!»

(Помолчал)

Однажды Аяна пошла к реке набрать свежей воды. Шла и тихонько пела, радуясь дню, солнцу, своему материнскому счастью... Вдруг небо потемнело, огромные крылья закрыли над рекой солнце. Это злой шаман Корэндо высмотрел Аяну, сияющую счастья. И унёс её в чёрную пещеру, где томились его пленники. Мы с Чагандаром возвращались из тайги с большой добычей, мы были довольны, ещё не зная, что потеряли своё главное богатство — нашу Аяну...

(Взглянул на гостей, вздохнул)

Чагандар сразу понял, что мать унёс этот старый злодей Корэндо. Чагандар — смелый мальчик, настоящий мужчина — быстро собрался, кликнул верного пса Уркана и ушёл. Больше я его не видел. Однажды во сне ко мне пришла Аяна и сказала, что наш Чагандар сразился с шаманом Корэндо, он убил злодея, но тот, испустив дух, превратился в ядовитую змею. Уползая, змея смертельно ужалила нашего сына. Аяна неподвижно сидела на краю чёрного ущелья и горько оплакивала прекрасного Чагандара-освободителя. По щекам Аяны текли чистые, светлые, как родниковая вода, слёзы... Самая счастливая из нас, Аяна окаменела от горя... Но до последней минуты она гордилась своим славным сыном, ценою своей жизни освободившим людей от злобного шамана Корэндо.

(Вспомнив, добавил).

Так и сидит моя Аяна, превратившаяся в кипенно-белую скалу, возле чёрного ущелья. А рядом с нею два камня — тоже белого цвета: омываемый двумя чистыми ручьями валун, напоминающий молодого спящего воина, и другой, поменьше, очень похожий на красивого охотничьего пса.

(Помолчал).

Мне тоже пора. Могу теперь идти к своим... Долго я ждал, когда расскажу об этом самым счастливым людям...

УЧАН. АТАН. УМУН (*изумлённо, в один голос, вместе*). Нам?

АРСАЛАН (*громко засмеялся*). Вам, конечно! (*Подмигивая каждому по очереди*). Вас уже заждались в стойбище. Всё-таки вы счастливых-то в своих чумах поищите... Знаю, что говорю...

УЧАН (*воодушевлённо*). Не зря мы пришли, оказывается? Благодарим за совет, Мудрый Арсалан!

АТАН. В нашем стойбище твои новости всех сородичей обрадуют.

УМУН (*Учану и Умуну*). Идёмте, братья, в стойбище дел накопилось, а мы тут рассиживаемся и доброму человеку думать мешаем.

СТАРУШКА АСАТКАН. Эвенки посмотрели друг на друга. Улыбнулись. Поклонились Мудрому Арсалану и обратно в тайгу пошли.

Картина 7

Приходят эвенки в стойбище. Узнать его не могут. Всюду новые чумы стоят. **Олени** жирные пасутся. **Жёны** и **дети** весёлые песни поют. **Собаки** лежат сытые, на солнце греются.

МАТЬ УЧАНА (*выходя из чума, качает запелёнатого ребёнка*). Учан, где ты ходишь? Обними скорее жену! Радость в твоём чуме, сын родился...

Учан забрал ребёнка, жену обнял. Да как закричит на всё стойбище!

УЧАН (*радостно*). Я — счастливый! Сын у меня в новом чуме родился! Я самый счастливый! Слышите! Я!

ОТЕЦ АТАНА (*выходя из чума навстречу Атану*). Атан, сынок! Счастье у нас! Глянь во-он туда! Все молодые оленихи с оленятами стали! Стадо твоё удвоилось!

Обежал свой чум Атан. Радуетя, прыгает, кричит!

АТАН (*поднял руки, приплясывает*). Я — счастливый! Стадо удвоилось! Я самый счастливый!

Учан, Атан, мать и жена Учана с малышом, отец Учана, соседи подошедшие — все обнимаются. Кричат, смеются.

УЧАН. А где же Умун? Брат Атан, что-то мы про него забыли... У него-то что в чуме?

Все жители стойбища замахали на него, зашикали. И смеются, довольные. Все уже знают, что всё хорошо в чуме Умуна.

Картина 8.

ЖЕНА УМУНА. И в нашем чуме радость, да ещё какая! Умун, иди же к нам!

УМУН (*выходя из чума. Учану и Атану*). Вошёл я в свой чум — меня сын встретил. Да и с порога новость выкладывает. Жену, говорит, я привёл в дом. Красавицу Алачар! Внук скоро будет! Это же счастье! А, братья?! Да вот и молодые!

Из чума выходит **молодой красивый эвенк**, держа за руку юную **красавицу жену**, которая стеснительно прячется за парня.

УЧАН (*весело*). И невестка красавица! Ого!

АТАН (*хлопает по плечу Умуна*). И внук скоро! Ого-го!

УМУН. Я — счастливый! Семья прибавилась! Внук будет! Я самый-самый счастливый! Слышите, братья! Слышите все!

Звучит весёлая музыка, все окружают братьев, постепенно перестраиваясь в большой общий танец.

ЭПИЛОГ

СТАРУШКА АСАТКАН. Собрались Учан, Атан и Умун со своими домочадцами в большом чуме. Гостей позвали. Веселятся. Песни весёлые поют. Танцуют и радуются своему счастью. И все вокруг от этого добротой и радостью наполняются. И мир становится счастливым. Ведь, оказывается, так просто и так хорошо — быть самыми счастливыми...

Асаткан поднимается, выпрямляется и уходит в круг танцующих, подмигивая парням, подхватывая молодых в танце, увлекая в весёлую пляску соплеменников.

Со своими короткими не-понять-чем — то ли рассказчиками, то ли анекдотами, то ли записками, то ли... (ну, в общем, до сих пор невозможно определить этот жанр, а сам автор явно ленится дать ему название) — Павел Савинкин кочует то по волнам радиоэфира, то по колонкам газет, то по даже компакт-дискам, то по каким-то полуподпольным малотиражным сборникам и страницам журнальных альманахов, а вот до полноценного, весомого во всех смыслах сборника «Приамурье» всё никак не мог добраться. Причина здесь только одна: его несобранность. Он вечно куда-то спешит, вечно в движении — то ему, видите ли, необходимо устроить выставку художников в музее, то ему вдруг зачесется поколесить по степям Монголии, то вдруг ввяжется в написание книги о неформале Александре Гассане (кстати, читали? Весьма забавное повествование!), то...

Ну, в общем, удалось всё-таки ухватить его за полы куртки, когда он буквально пролетал мимо издательства, и просто-напросто заставить сдать редактору свои короткие календарные заметки — он однажды придумал на каждый значащийся в календаре праздник рассказывать историю из собственной жизни. Из 365 историй мы выбрали те, что у вас перед глазами.

А чем сейчас занимается автор — спросите у него сами. Я, редактор, не успел это сделать...

Савинкин календарь

(Тут про всё на свете)

2 января

При хозяине области, первом секретаре обкома КПСС, яром сельскохозяйственнике Степане Степановиче Авраменко на всей территории Приамурья был введён ежемесячный День животновода. Первая суббота месяца. И с раннего утра по фермам (если дело было зимой) и по летним лагерям (ясно, летом) самых крупных и самых-пресамых мелких хозяйств разлетались «уполномоченные»: весь более или менее чиновно-административный люд, партийно-профсоюзно-комсомольский актив, всякие мало-мальские инструкторы всяких райкомов, горкомов и прочего, и прочего — кто на попутке, кто на служебной машине — отправлялись на утренние — ещё задолго до солнца — дойки.

Заорганизованность была та ещё: накануне в райкомах собирали ответственных, закрепляли за фермами, делили транспорт (кому на чём),

ставили задачи повышения надоев, неукоснительного выполнения социальных обязательств — и т.д. и т.п. По окончании мероприятий все опять собирались в райкомах для отчётов и обсуждения, чтобы потом передать рапорты «наверх».

Кто не знает реалий советского времени, тому невдомёк, как невыспавшиеся доярочки ходили по смрадным коровникам по колено в грязи и навозе, понукаемые похмельными скотниками (в деревне говорили: «скотникАми»).

После дойки все собирались в Красном уголке, и ответственный уполномоченный (где директор совхоза, где парторг) объявлял итоги прошедшего месяца и вручал подарки — кому платок расписной, кому радиоприёмник, кому просто десятку в конверте... Поощряли, короче.

И вот стою я однажды в группе подобных мне уполномоченных, а парторг зычно зачитывает: «В прошлом месяце доярка Петрова надоила больше всех молока! Её результат — три целых и три десятых литра на одну фуражную корову! Остальные лучше бы свои сиськи тягали! Так вот, за свой труд Петрова от парткома и директора совхоза получает Почётную грамоту и дефицитный тёплый оренбургский полушалок! Давай, Петрова, сюда!»

Выходит худущая, явно со страшного будуна тётчка в телогрейке, с фингалом под глазом и со шмыгающим носом.

Парторг продолжает ещё более зычно: «Но уже в начале этого месяца доярка Петрова нажралась, как свинья, сорвала дойку, снизила показатели всей фермы — и хер что получит по итогам текущего месяца!»

Односельчане сочувственно посмеиваются, рассчитывают, когда приступить к бражке. Парторг утирает лоб и распускает собрание. Уполномоченные тянутся к машинам.

Сегодня первая суббота месяца. Но День животновода уже не празднуется.

9 января

Восьмой класс. После пятого урока — навязанный диспут на тему: что такое дружба и что такое любовь. Сначала наша классная — Елена Сергеевна — обратилась к нам с вступительным словом, после чего попросила высказываться. Первой вышла наша староста и рассказала историю про то, как во время войны некий солдатик не бросил раненого товарища на поле боя — то есть спас его. А потом поднял руку ещё кто-то и выложил историю про подлеца, оговорившего своего товарища. Ну, что-то в этом роде. Выступавшие, понятно, были заранее подготовлены. Дальше диспут, не успев начаться, как-то забуксовал. Елена Сергеевна поняла, что дело не пошло, раскраснелась, стала настойчиво предлагать

высказываться, но народ сидел и помалкивал, не зная, собственно, что сказать. Елена Сергеевна стала объяснять, что в нашем возрасте между мальчиками и девочками уже возникают симпатии, что появляется так называемая первая любовь. И вдруг повернулась ко мне: «Вот, например, Савинкин. Паша, почему молчишь? А между прочим, я знаю: у тебя кто-то есть. Расскажи!»

Меня как ужалили. Я выскочил из-за парты, будто катапультированный, и, сжигаемый праведным гневом, проорал: «А это не ваше дело!»

9 января. День начала Первой русской революции.

14 января

Атлетически сложенный, похожий торсом на античного героя Саня Тарасов вдруг занедужил. Ему не в радость были встречи с подругой, его раздражали шумные соседи по комнате, которым ежеминутно не сиделось, не лежалось, не читалось, не спалось, а хотелось слушать погромче музыку, поорать ни о чём или, того хуже, покурить.

На обеспокоенные вопросы своего дружка Серёги Мигашко Командор, а именно такая кликуха приклеилась к бывшему морячку ТОФ, отвечал односложно и неохотно.

Его немного поколачивало, глаза слезились, побаливала голова.

— Температура! — констатировал дружок, приложив руку ко лбу Сани.

— Да пошёл ты! — отмахнулся Командор, гордившийся своим железным здоровьем и стеснявшийся признаться, что захворал, как пятилетний ребёнок. Он лежал на своей кровати в знаменитой университетской общаге на Океанском, 39, упёршись взглядом в сетку койки второго яруса, и пребывал в состоянии «жизнь проходит мимо».

— Надо лечиться! — рубанул рукой воздух однокурсник.

Командор отвернулся к стене.

— Ты это, того... не умирай... Сейчас я поставлю тебя на ноги! — объявил Серёга и куда-то ушёл.

Походив по девчачьим комнатам, разузнав секреты лечения (основными среди которых были горчичники и чай с малиной), Серёга дунул в аптеку, после чего вернулся к больному, чувствуя себя Айболитом.

— Это ещё что такое? — недовольно пробурчал Командор, когда дружок начал наклеивать ему на спину поносно-жёлтые бумажки.

— Помалкивай! — командирским тоном приструнил его Серёга. — Завтра будешь огурцом!

И, накрыв Командора одеялом, убежал к общежитским приятелям.

В комнате, куда он вернулся часа через два, его встретил стон Командора: горчичники напоминали раскалённую сковородку.

— Терпи. — сочувственно сказал Серёга. — До утра, я слышал, держать надо. Кстати, хоть немного полегчало?

— Убью! — мрачно пообещал Командор.

— Вот она, людская благодарность... — вздохнул Серёга и, чтобы не слушать стенаний, ушёл в кино: позвали на гайдаевскую комедию «Не может быть» — грех было пропускать.

Своего друга по возвращении живым он всё-таки застал. Горчичники отдирали под глухие ругательства несчастного чуть ли не с кожей.

Мои поздравляшки с Днём народного целителя!

26 января

Глаза на утреннем рынке в Хэйхэ — ну просто разбегаются: хочется и клубники взять (вон какая крупная, красная, так в рот и просится, и цена — не то что у нас на каждом углу какие-то подозрительные личности полузелёную втридорога продают!), и манго прихватить (да и не манго это, а сама нежность! А аромат... Улететь в заоблачье!), и мандаринов прикупить (да разве с китайскими мандаринами без косточек можно сравнивать чьи-то другие — твёрдые, полусухие и кислые?!), и орешков всяко-разных поднабрать (тут тебе и pekan, и грецкие, и фундук, и... Да ещё и во всяких разных видах — жареные, печёные, вяленые, в скорлупе, очищенные) — бери не хочу!

Ан не тут-то было. Гид-проводящий ещё в Благовещенске предупредил: там хоть сколько ешьте, а назад, через границу — ни-ни! Нельзя! Таможня не даёт добро! Отберут, да ещё и прославят-опозорят. Это помимо штрафа...

А как это — нельзя, если вокруг сплошное лакомство, которого, даже если всего понемножку купишь, так всё равно за раз не съешь!

И вот набрали мы всякого-такого, и хоть и ели до отвала, а все единичный стол заваленными вкусностями остался! Выбрасывать прикажете?! А ведь хочется и родителям угощение привезти, и других родственников угостить; опять же девчатам-коллегам комплиментик сделать...

В общем, пошёл на нарушение закона. Набил орехами и мандаринами полиэтиленовые пакеты (клубнику, чёрт с ней, взяли и съели), приспособил эти пакеты вдоль спины, куртку надел, посмотрелся в зеркало — вроде бы не распираюсь особо. Ну и — как с головой в омут!

А когда нашу таможню проходили, сердчишко — тук-тук, и в животе холодок неприятный: ну как заметят! А тут и к женщине, что передо мной шла, возникли вопросы, что-то у неё при себе запрещённое всё-таки обнаружили, какие-то неблагонадёжные фрукты. А у меня в карманах куртки — по два яблока! Ну не дай бог заставят эти карманы выво-

рачивать! Это ж позорище! Савинкин! Тебя ж по телеку показывают! По радио слушают! В «Амурке» публикуешься! Стыдоба!

Но Бог не выдал...

А рассказал я всё это, чтобы вы вспомнили: сегодня — Международный день таможенника!

30 января

Мороз небольшой, градусов 18, не больше, но ветрище! И полузаброшенная дорога — по самому берегу моря. Если б на это, в белых барашках пены, море я смотрел в картинной галерее, его вид меня бы умилял. Но я корячился (то есть сидел на корточках) в прицепе трактора «Беларусь», который тащился со скоростью нетрезвого пешехода, а впереди было ещё столько же, сколько проехали — километров двадцать.

Фотограф редакционный — Виктор Фёдорыч Редьков — поначалу, громко стуча зубами, проклинал нашу командировочную жизнь, но потом и он сцепил челюсти и замолчал.

Жалкие пальтишки-кацавсейки и кроличьи шапчонки-ушанки от пронизывающего ветра не спасали. Мы медленно околевали.

О чём мы думали? Да и думали ль мы? Во всяком случае, прекрасный, изумительный, неповторимый пейзаж нас не волновал. Мы представляли, как заберёмся в комнату гостиницы — в тёплую, в тёплую, в тёплую комнату гостиницы — и по-мужицки, по-русски согреемся!

Из кузова мы выбирались так же, как герои «Кавказской пленницы» из рефрижератора — помните? Своих тел мы просто не чувствовали. Нас вообще как будто не существовало.

Продавщица магазина, увидев перед собой двух трясущихся от холода страшных зомби, несмотря на строжайший «сухой закон» (а дело было в 88-м году), выдала нам водку. Мы даже и не просили: просто вошли в магазин, и она поняла всё без слов. Видела из окна, как мы преодолевали борт прицепа. Комната-«заежка», слава богу, находилась рядышком, в здании сельсовета.

С большим трудом открыв бутылку (пробка не винтовая, не «блатная», а жестяная наклёпка, да ещё и без язычка, чёрт бы её побрал!), с ещё большим трудом разлили по гранёным стаканам. Стакан приходилось сильно прижимать к столу, а бутылку — плотно к стакану, иначе всё — и посуда, и содержимое — разлетелось бы и разлилось к чёртовой матери: руки ходили ходуном, всё тело дрыгалось, будто под током. Стакан в руке колошматило так, что сделать хотя бы глоток было немыслимо: зубы о посуду (та-та-та-та-та) клацали почище отбойного молотка.

30 января 1894 года американец Чарльз Кинг получил патент на изобретённый им пневматический перфоратор. Кто знает, может, ему тоже приходилось лечиться от переохладения — что и навело на изобретение...

4 февраля

В одночасье пришлось отказаться от многих заманчивых занятий: двор был длинным, и по нему хорошо было кататься на тяжёлом отцовском велосипеде, — естественно, «под рамкой». Отпало. Далее: у закадычного друга — соседа Толяна Ефремова — имелся самодельный самокат на блестящих подшипниках. Процесс отталкивания ногой от асфальта доставлял удовольствие. Отпало. Ещё можно было гонять и по двору, и по улице велосипедное колесо без шины, подталкивая его специально выгнутой толстой проволокой. В ушах ветер, ноги что крылья, и впереди — бесконечность!

Отменялось и это!

Короче, можно было понапридумывать всякой интересности — на то и лето! Но...

Но затянувшиеся дожди заставили сидеть дома, надоедать маманке нытьём на скуку и думать о том, что лето вот-вот закончится и — здравствуй, второй класс!

Дожди становились всё назойливее, лужи во дворе потихоньку стали превращаться в озёра, по домам стали ходить серьёзные дядьки в пиджаках и о чём-то предупреждать родителей. Из прихожей доносились слова «Бурхановка» и «Примите все меры».

«Все меры» принимались взрослым населением околотка (сейчас там «Кэшка», а в начале 60-х располагался наш двор) — мужчины и женщины полночи что-то таскали, что-то перегораживали, что-то копали, а я сквозь сон слышал слова «разлилась» и «прорвало»...

Утром я увидел в окно, что наш дом окружен водой, по которой плавали дрова. А другое окно выходило на соседний двор, и там тоже была вода, и тоже плавали дрова, и вода чуть-чуть не зашла в дом. Буквально с пяток сантиметров. Вода стояла целую неделю, и это были одни из самых счастливых дней того лета!

Отец накачал маленькую резиновую лодку (обычную автомобильную камеру, обшитую брезентом), выдал весло-самоделку — и лето превратилось в волшебное приключение! С Толяном на лодке мы с лихвой компенсировали велосипедно-самокатные потери: мы в охотку плавали за хлебом, передавали от одних соседей другим записки и катали наших дружков. Бывало, дурачась, переворачивались, возвращались домой насквозь мокрые, получали нагоняи, но это никак не могло испортить нам нашего хорошего настроения!

Оно и сейчас у меня вполне. И не потому, что сегодня — День хорошего настроения. Просто хорошее — и всё!

11 февраля

Математичка Елена Сергеевна предупредила: через неделю — городская контрольная, повторите дома такие-то темы, порешайте примеры, уравнения — в общем, подготовьтесь посерьёзнее: всё-таки первая школа на фоне других должна и в математике быть первой...

Легко сказать: «готовьтесь». А как готовиться, когда в голове мысли об одноклассниках, например, пойти вечером на каток и пригласить... Тут мысль теряла разбег, потому что пригласить хотелось многих девчонок. И кататься, держась за руки, и греть её ладони своим дыханием... Или можно отправиться на «Чингачгук — Большой Змей» и смотреть кинушку, держа руку (тут фантазия опять теряла разбег, поскольку держать за руку хотелось многих). Короче, до алгебры ль тут?!

Надо сказать, что начиная класса этак с седьмого домашние задания по математике я просто перестал делать, раз и навсегда уяснив, что тема эта — не моя. Классная в этом смысле на меня давно махнула рукой как на совершенно безнадёжного.

Итак, на носу была городская контрольная, где нужно было не посрамить честь школы. Накануне я начал серьёзную подготовку. Сразу после уроков, проигнорировав музыкальную школу, где мною вполне успешно осваивался баян, я вывалился во двор и от души набегался по дворовому катку с соседскими пацанами. Заскочив домой, разгорячённый, напился холодной воды прямо из-под крана (вода была не чета сегодняшней!). Потом разделся до трусов и открыл двери балкона, впустив в квартиру клубы мороза. Изрядно замёрзнув, закрыл дверь и съел три порции мороженого, предусмотрительно купленного по пути из школы. Можно было б съесть и четвёртую, но просто не лезло... Потом пошёл опять на улицу, где прогулялся вокруг квартала, дыша строго ртом. В этих самоистязаниях и закончился день.

Вечером маманька спросила, что это я такой румяный.

— Может, заболел? — с надеждой высказался я.

Предатель-градусник показал 36 и 6...

Наутро ни хрипов в горле, ни соплей в носу обнаружено не было. Контрольная надвинулась неотвратимо, как вражеский танк.

Ангиной я заболел неделю спустя, в первый день начала зимних каникул...

С праздником, с Международным днём больного!

14 февраля

За косички Олечку Прищепову я начал дёргать ещё в третьем классе. Я тогда не знал, что влюбился. Это уже потом, когда я повзрослел, когда в мои руки попал «взрослый» журнал «Здоровье», под рубрикой «Половое воспитание» я прочитал, что дёргание за косички как раз и является признаком влюблённости.

Но осознал я это ещё задолго до журнала и в пятом классе написал ей записку: «Оля, я тебя люблю». Она сидела на соседнем ряду рядом с Юркой Найдорфом. Шёл урок географии, наша географиня Идея Игнатьевна что-то рассказывала про строительство Зейской ГЭС, а я весь извертелся, переживая, как отреагирует моя избранница на крик моей души. В голове стоял туман: а что делать дальше? Как вести себя на перемене? Подойти и предложить... Что предложить? Дружбу? Но как предлагать дружбу, если только что объяснился в любви? Ну не замуж же звать! (Хотя смутная мысль о семейной жизни мелькнула). Проводить до дома? Так Прищеповы жили через дорогу от школы, какие проводы... Позвать в кино? Так в кармане всего 15 копеек, выданных на пирожки, на дневной сеанс уже никак не хватит...

Мы встретились потом через полтора десятка лет и сходили несколько раз в кино, и ещё на концерт Кобзона, и уже стали появляться какие-то смутные планы, а она взяла и умерла. Лейкемия.

Ну, вы и без меня знаете, что сегодня День святого Валентина.

20 февраля

Как правило, на послесессионных каникулах наш универовский ВИА «Спектр» выезжал на гастроли по Приморью. Весёлые — что уж тут говорить — были времена! Объездили чуть не весь Приморский край. Коллектив у нас, не бахвалюсь, был преотличным: гитарист Серёга Пак считался одной из лучших соло-гитар Владивостока. Уже закончив универ, уже защитив кандидатскую по физике, он не бросал музыку. А наш басист — так тот потом ещё и в Москве поучился на джазовом отделении института искусств. Ну и остальные были под стать, чего уж скромничать... И вот стоим мы в одном городке на сцене ДК, и вот открывается занавес, и я палочками отбиваю счёт, и — понеслось вступление! Хорошо так, чётенько! Басок густой щёлкает, барабан сухо хрустит, тарелочки цикают... Вступление заканчивается, должен солист вступить — Юра Середа, у него прозвище было Солнышко, потому что рыжий был, как солнце. А он — молчок!

Стоит перед микрофоном, и в такт-то подёргивается, и ногой-то в ритм подрыгивает, но — молчок. Мы, как будто так и надо, по новой вступление играем, не прерываясь — и опять тишина. Стыдоба! Ну и

сдулись потихоньку, вроде бы пошли на третий круг, но и перестали, как тогда музыканты говорили, лабать.

А Юра секунду постоял в молчании, а потом говорит в микрофон: «Извините, леденец не смог проглотить!»

Ну, в зале грянуло ха-ха, понеслись вполне дружелюбные возгласы, я — по новой счёт: раз-з, два-а, раз, два, три — И-и... Ну и концерт «на ура» прошёл. Не вру: ансамбль у нас был хороший.

Сегодня — День леденца. Да вы и так это поняли... Поняли же?

24 февраля

На время отпуска начальника клуба капитана Филяева меня, рядового, учитывая мою филологическую специальность, назначили на его место.

Разлѣгшись с удобством на диване в его кабинете, решил послушать «Маяк» и щёлкнул тумблером походного военного радиоприёмника, стоявшего, как ни странно, глубоко под столом. Кабинет наполнился чистейшим по качеству звуком «Голоса Америки» — товарищ капитан, уходя в отпуск, не проявил бдительности, не повернул катушечку настройки...

Отпуск у офицера был долгим. О многом узнал я тем летом... Основной муссируемой темой были события в Польше — профсоюз «Солидарность», гонения на какого-то там Валенсу, позиция руководства СССР... А ещё внутриусобные распри в Югославии, а ещё непонятки с Албанией, а ещё Солженицын со товарищи... А в нашей прессе про всё это — ни-ни! Да и пресса-то какая: «Суворовский натиск» и «Красная звезда». И всё!

Изображая полнейшее неведение, с глупой физиономией, обратился за разъяснением по поводу Польши к начальнику политотдела майору Ермакову: мол, слышал про какие-то там недовольства...

— Где слышал, от кого?! — проявил бдительность начпо, буравя меня взглядом.

— Так в «Международной панораме» по телеку на днях говорили, — бессовестным образом соврал я. — В увольнении был у знакомых, там и посмотрел...

— Не знаю, не знаю, не видел, — внимательно глядя мне в глаза, сказал политработник.

А через пару дней, когда я подшивал в штабе полка вышеупомянутые газеты, он вручил мне книжку «ЦРУ против СССР», настоятельно рекомендовав прочитать.

Книжечку я полистал и даже местами почитал. А катушечку настройки радиоприёмника так и не сдвинул: информация из него оказалась более интересной, нежели «незнанка» начальника политотдела и про-

тивоцэрэушная книга. Сам радиоприёмник, по примеру отдохавшего начальника клуба, заталкивал поглубже под стол.

Сегодня — в день первого выхода в эфир «Голоса Америки» — размышляю: эх, сплеховали наши глушильщики вражьих голосов, позволили вползти в наши сердца и мозги подколодной змее капитализма...

3 марта

Я болен. Мне больно. Мне себя жалко. Мне только что сделали укол, и в палату стали возвращаться невзрачные палатные цвета, а то всё было в тумане. Я прислушиваюсь к себе — когда же станет чуть полегче, но тело уже само разгибается, и в руках опять оказывается книга Чехова, заложенная на середине «Степи». Если б не этот скверный приступ, я бы, пожалуй, успел дочитать повесть до конца, а потом — я это уже знаю! — начал бы перечитывать, произнося про себя каждое предложение — неспешно, ощущая во рту вкус каждого слова, живо представляя себе ту сонную, лежащую на верху воза, измороженную зноем девку, встретившуюся путникам... Я просто представляю, как, с каким выражением прочту — потом уже вслух — про эту девку: «На людей едешь, пухлая! — кричит Дениска. — Ишь, рожу-то раскорячило, словно шмель укусил!

Девка сонно улыбается и, пошевелив губами, опять ложится...».

Я читаю эту повесть и поражаюсь, почему я, дожив до своих лет, ни разу не взялся за неё всерьёз?! Начинал — и откладывал, начинал — и откладывал, всё потом, потом...

Ну да, конечно, классика, всё понятно со студенчества: «Вишнёвый сад», «Чайка» и прочие сёстры — всё сплошь программные произведения... Но, не видя спектаклей, как и большинство студентов, я ограничивался либо хрестоматией, либо диагональным скольжением по страницам напечатанных пьес... Пришибеевы и злоумышленники как-то всерьёз не тронули... Бондарчуковская экранизация «Степи» показалась в своё время занудной и излишне разукрашенной...

И вдруг больничная койка, и уже целенаправленная просьба к домашним принести именно Чехова. И вот... И вот я понимаю, что этой повестью чуть ли не дышу. Да что значит: «чуть ли»? Именно дышу! Я погружён в неё, я растворён в ней, и удивляюсь, и корю себя за то, что не открыл для себя этой божественной прозы раньше.

Это уже потом я осознал, что неспешность, медленность, знойная сонность этой прозы всего-навсего не совпадала с моим ритмом жизни, с моей вечной беготнёй, с вечным желанием успеть всё и вся, с вечным раздво-, а то и растроением...

Сегодня Всемирный день писателя. Многих хотелось бы назвать. Но последние лет двадцать я бесконечно влюблён в Антона Павловича Чехова — и рассказал вам, как мне повезло, что однажды я приболел...

8 марта

Было страшно неудобно. Шея затекла, спина устала и просила смены положения. Автобус сильно трясло, потому что асфальта в тех местах тогда не было. Но я упорно делал вид, что сплю, глаза были закрыты, они были не просто закрыты, они были зажмурены, и это будто во сне я прикоснулся головой к её голове, которая на моём плече лежала, и голова её оказалась на моём плече потому, что она спала и автобус трясло, и я старался смягчить эту тряску, чтобы она не проснулась и не убрала своей головы с моего плеча, и было неудобно, неудобно, неудобно, и щемяще радостно от того, что она рядом, что она совсем-совсем рядом, и что голова её лежит на моём плече.

Но ведь она не спала!

И у неё тоже, наверное, затекли шея и спина, и она тоже старалась не проснуться, и она тоже старалась продлить этот миг случайности, а за окном автобуса тянулся скучный пейзаж, за окном автобуса была ранняя весна, и нам было по 15 лет.

Ансамбль «Ровесники» направлялся в первые гастроли по области. На одном сиденье мы оказались, конечно же, случайно. Я случайно пропустил кого-то вперёд, рядом с её подружкой кто-то уже случайно уселся, так получилось, что в салоне мы очутились рядышком, даже и не помышляя (ой ли?!) об этом, и уже сознательно уселись на одно сиденье, которое было ещё пустым. Случайно.

Разговор в автобусе был общий, то есть стоял гомон. Вместе с нами ехал Вячеслав (так за глаза мы в то время называли Вячеслава Васильевича Белоглазова), а потому было весело и шевутно. Ну а часа через два приустали, гомон сам собой затих, кто-то носом заклевал, как моя соседка, ну а там заклевал и я. Сам Бог велел притвориться.

Вообще, мы с ней дружили. Ну, не просто, разумеется, — просто дружить у меня и дружков хватало, — мы были симпатичны друг другу, и иногда — после репетиций — даже ходили под руку. Вроде как шутя.

А то, что иногда называют искоркой, пробежало между нами именно тогда, когда наши головёнки соприкоснулись.

Мы и удерживали эту искорку, стараясь не просыпаться...

Всем читательницам — счастья и добрых воспоминаний, в том числе и об искорках. Пусть они и не разгорелись в пламя, но ведь были...

Почему-то именно этим эпизодом захотелось поделиться с вами в этот праздничный день.

11 марта

Мой дружок Андрюша Мурашов музыкантом был от Бога. Любую мелодию, не успевала она прозвучать по радио, схватывал на лету, а к

вечеру уже разучивал с хором в РДК. А сколько стихов страдающих от несчастных любовей односельчанок он положил на музыку! Стоило ему взять в руки баян, как всё вокруг превращалось в мелодию и в солнце. Но если мелодия была про несчастную любовь, то и солнце было немного за тучками. А если баяна в руках у Андрея не было, то он просто что-нибудь мурлыкал под нос. Что увидит, про то и мурлычет. Колет дрова — про дрова мур-мур, девушка мимо пройдёт по улице — опять мур-мур.

Однажды ветры перестройки попали в парус его предпринимательской жилки, и он создал кооператив с мудрёным названием «Досуг».

Особая часть доходов была от показа видеиков. Андрей разжился советским видеомагнитофоном, купил телевизор «Рубин» и всю демонстрировал невиданные раньше фильмы про Бэтмена, про горца и про прочих унесённых ветром. Деятельность в этом направлении развил мощную, даже гонял на «Аннушке» в самые отдалённые сёла района.

Однажды прилетел я в командировку в Перетычиху, глядь, а на дверях библиотеки, куда меня определили на постой, — объявление о том, что сегодня с обеда кино, сначала детское, потом повзрослее, ну а в 23.30 — эротический фильм «Камасутра». Это Андрюха раньше меня прилетел.

Андрей установил на улице стол, телевизор, который он с собой припёр, подключил провода и начал нести культуру в массы.

Народу-то и сразу пришло немало: невиданное зрелище — видеик. Ну а под 23.30 возле очага культуры собралось полсела — все в ожидании этой самой невиданной Камасутры.

Да-а...

По окончании показа учебного пособия председатель сельсовета смачно ругнулся в адрес — мать её ети — перестройки. И то же самое добавил про гласность.

Возбуждённые зрители разошлись, я помог Андрею затащить технику в помещение и залёг спать. Андрюха сидел у стола, сортируя по полиэтиленовым пакетам деньги.

Сквозь наплывающий сон до меня долетали слова из его немудрёного мурлыкания: «Перестройка, перестроечка-а...» Я уже говорил, что Андрей вечно что-то напевал.

11 марта 1985 года на внеочередном Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарём ЦК КПСС был избран М.С. Горбачёв.

16 марта

Ближе к окончанию курса молодого бойца по спортзалу, где размещались новобранцы, стали ходить «покупатели», искать парней, наиболее пригодных для своих подразделений. Один из моих сопризывников откликнулся на художника.

— Чтоб через 15 минут картина была готова! — угрюмо сказал ему дедушка, давший проверочное задание нарисовать что-нибудь на вольную тему, и ушёл курить.

Через четверть часа, вернувшись, он долго рассматривал листок бумаги, на котором Генка (так звали молодого) изобразил голых людей, переплетенных в замысловатые конструкции. Листок при этом старичку пришлось всяко-разно вертеть.

Одоблив художество и аккуратно свернув листок (явно, чтобы показать сослуживцам) дед отбыл в расположение своего подразделения.

Генка после карантина стал полковым живописцем.

Сегодня День цветных карандашей!

23 марта

Нельзя сказать, что Антон был уж очень добросовестным охранником. Я за охранника его и не держал. Так, просто дружок. Приятель. С ним было о чём потолковать. Можно было на редактора пожаловаться, мол, не даёт свободы, всё требует писать скучнотень про соцсоревнование да про смотр первичных партийных организаций... Антон посочувствует, руку лизнёт, дескать, ладно тебе, будет и на твоей улице праздник... Глаза у него — умнее не встречал, всё понимал. И настроение чувствовал. То ли по выражению лица читал, то ли по походке видел... Впрочем, по походке мой пёс другое определял.

Своё предназначение он видел в том, чтобы оберегать меня от подозрительных на его взгляд личностей. А поскольку хозяин его — человек во всех смыслах положительный, а к хорошему человеку плохие люди не заходили, то лая Антохиного я практически никогда и не слышал!

Однажды он показал свою героическую сущность. Как-то колю на дворе дрова, Антон в паре метров от меня возле полуоткрытой калитки. Смотрю — по улице мимо нашего дома собака-чужак бежит, здоровущая, что твоя Баскервиллиха, — и к нам в калитку норовит...

Тут Антон и бросился на неё, вывалился с лаем в контратаку, чтобы шугануть нарушителя. А собака-бомж таких дворняг, как Антон, на своём веку-то перевидала, привыкла на помойках за место под солнцем бороться! Вцепилась в моего бедного пса профессионально, как киллер, в шею зубами, в глаза когтями норовит, на мои крики из-за забора не реагирует, вой, визг, лай с рычанием, пыль до неба, кто по улице в тот момент шёл — остоленели, рты разинули... Ещё б мгновение, и положил бы за меня свой живот верный пес, да тут как налетела со всего околотка свора Антохиных собратьев-близнецов и устроила такую обструкцию чужаку — почище разбора персонального дела на заседании партбюро!

Антон я потом пожурил, мол, соображалкой думать надо, но при этом испытывал гордость за храбрость пса. А пёс понимал, что я таким образом его похваляю. И даже хвостом не вилял: достоинство не позволяло.

Сегодня праздник мужской солидарности. Вот, по случаю вспомнил своего верного друга.

28 апреля

— Дульдурга! — взывал я к небу, пытаюсь вложить в это слово всю свою мощную энергетику.

— Дульдурга! — И я замолкал, пытаюсь разобраться: услышали ль меня верховные боги.

А мимо — туда-сюда — пронеслись автомобили, и никому не было дела до нас, стоявших у сломавшейся машины и пытавшихся напроситься к кому-нибудь на буксир.

Вообще Дульдурга — это районный центр на юге Забайкалья, примерно в 30 километрах от того места, где мы застряли и где находилась единственная на всю округу авторемонтная мастерская. Это уже потом знающие люди объяснили мне, что я был совершенно прав, произнося неожиданно попавшее на язык магическое слово «Дульдурга».

Оказывается, я тем самым сделал заявку Небу. Космос её обработал и послал нам помощь. Эта помощь явилась в образе юркого «уазика», из которого выскочил водитель-бурят, молча подцепивший конец троса к своему вездеходу и резво дернувший с места вперёд.

Через пару километров «уазик» стал притормаживать и свернул в чистое поле. Вывалившиеся из кабины пассажиры быстро установили на капоте бутылки и нехитрую закуску: оказывается, они решили «добавить». Раз пять спросивший, кто мы и откуда, а главное, как вообще оказались сзади его машины, шофёр со звучным именем Мангыр, опорожнив очередную стопку, скомандовал: «По коням!» — и мы опять понеслись к загадочной Дульдурге.

Сколько раз мы ещё останавливались (Мангыр всё «добавлял») — не считал, скажу лишь, что на самом въезде в вожденную Дульдургу нас остановили сотрудники ГИБДД. На наших изумлённых глазах милиционеры побратались-пообнимались с уже совершенно пьяным Мангыром, и он дотащил-таки нас до гостиницы. За успешное окончание рейса скорой автопомощи мы хлопнули с Мангыром по стаканчику на капоте всё того же «уазика», и спаситель отбыл восвояси: он опаздывал на какой-то пикник и пулей улетел туда, где его ожидали непочатые бутылки, шашлык и красивые бурятские девушки.

Когда огоньки автомобиля скрылись за поворотом, мы вспомнили, что даже не спросили у Мангыра, где и кем он работает, коль скоро ему

отдают честь даже сами гаишники, но потом здраво решили, что посланцы Неба вряд ли имеют должности на земле.

Если что, сегодня День судьбоносных встреч.

29 апреля

Фотографии уже потрескались, чуть выцвели, углы подзатрёпаны: часто рассматриваю. И сквозь лёгкую дымку времени смотрит из глубины тех давних — и очень близких! — лет на Светлану Максимову Володя Бакин. Влюблённо смотрит. С восхищением. А она глаза опустила: кокетничает. Поддразнивает парня. Это — «Русский лирический».

А вот «Тропатынка»... Застыли в прыжке Саня Матушкин и Витёк Бугров. Как будто и родились для того, чтобы летать. И летят!

А вот финал — сюита «Ровесники». Весь ансамбль на сцене. На сцене тогда ещё все помещались. Улыбаются очаровательные сестрички-близняшки Маковеевы, подмигнула кому-то озорная Люся Саичкина... А вот и я сам рядом с Виталькой Богатырёвым и Мишаней Арсентьевым. Хороши! Что скрывать!

За нашими плечами ещё нет славы сегодняшних «Ровесников».

За нашими плечами репетиции в коридорах школы № 1 (вместо станков — спинки стульев).

За нашими плечами первый опыт жизни в таком непривычно большом коллективе: мы, собранные из разных школ Благовещенска, быстро притёрлись друг к другу и стали одной семьёй.

За нашими плечами первые выступления и первые гастроли.

Мы юны и радостны.

Это первый ровесниковский набор.

Судьба разбросала нас по свету. Иных уже и не суждено встретить в этом мире. Но всех нас (даже тех, кто живёт далеко за пределами страны) объединяет день рождения замечательного детского хореографического ансамбля «Ровесники»!

Узнаю ли я сейчас тех, кто на моих снимках?! Миша Арсентьев поседел, кто-то обзавёлся бородой, кто-то лысиной, а кто-то и животиком. Тоня Гаврилюк, Люда Саичкина, Ларочка Вужевская уже давно с другими фамилиями...

Сам я, правда, ещё хоть куда: шпагат не делаю только из-за боязни порвать штаны.

Рассматриваю давние фотографии и в очередной раз убеждаюсь, что, если бы в моей (в нашей!) биографии не было «Ровесников», жизнь была бы менее интересной.

Вообще-то, сегодня Международный день танца.

Но стал бы я об этом вспоминать, если б не был «Ровесником»?!

7 мая

Общее собрание сотрудников треста «Амуроргтехводстрой». Кадровик читает список. Каждый названный встаёт и говорит: «Буду братъ». Или: «Не отказываюсь, возьму». И так — по алфавиту. Это идёт персональный опрос на тему, кто возьмёт, а кто откажется от талонов на водку. Доходит очередь до (назовём его Петровым). Петров встаёт и, как и все до него, говорит: «Беру».

И тут со стула вскакивает парторг и громко, со сталью в голосе спрашивает: «А не забыл ли ты, Петров, что являешься кандидатом в члены КПСС?!» (одобрительный кивок от сидящего в президиуме инструктора райкома партии).

Петров вздыхает, обречённо машет рукой и произносит: «Отказываюсь». На него с сочувствием смотрят сослуживцы...

В 1985 году в этот день Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения».

8 мая

Всё шло как полагается: Зинаида Ивановна вела урок биологии, класс — кто играл в морской бой, кто в футбол (а вы знаете такую игру на листках в клеточку? Эх, тёмные), кто слушал учителя, уносясь мечтами в школьную столовую, я читал смешной пародийный детектив «Поберегись, детка!» итальянца Карло Мандзони. Его приволок в школу наш одноклассник Саня Тимофеев. Он вообще снабжал нас хорошими книгами. То притащит «Трёх мушкетёров» — а попробуй достань такую книжечку в то время! То благодаря ему я познакомился с Ильфом и Петровым. То «Капитан Сорви-голова» по рукам ходил, то «Копи царя Соломона» ... И вот принёс он небольшую затрёпанную книжечку, которая и досталась мне первому.

Я и принялся за неё прямо на уроке.

Я читаю, Зинаида Ивановна ведёт урок и на каком-то этапе немного пошутила. Обстановка в классе была вполне доброжелательной, никто не шалил, не озоровал, уже взрослые люди были, уже не пуляли друг в друга жёванной бумагой...

И вот Зинаида Ивановна мягко пошутила и немного засмеялась, и в классе все потихонечку солидарно засмеялись. А я аккурат в это мгновение дошёл до той точки, когда главный герой наклоняется над трупом девушки, а он, то есть она, начинает его целовать. И я от неожиданности такого поворота просто раскололся. Я захохотал в полный голос! И не то чтобы заржал, как конь, но очень громко, от души, аж живот свело от смеха!

Зинаида Ивановна подумала, что я таким образом оценил её шутку и рассмеялась уже вполне искренне и громко. И тут весь класс покатился! Просто самым настоящим образом! Произошло то, что называют «смейшинка в рот попала». Хохот стоит неимоверный, я не могу остановиться, потому что понимаю как бы со стороны, что произошло. Одноклассники угорают уже сами по себе. И бедная Зинаида Ивановна смеётся, даже слёзы на глазах.

Ну, отсмеялись. Продолжили свои занятия. Зинаида Ивановна, постучав указкой по столу, ведёт урок. Одноклассники — кто в морской бой, кто в футбол на листочках в клеточку. Я читаю книжку...

За окном весна.

Выпускной класс...

17 мая

В углу городского рынка, того самого, что находился за облезлым грязно-зелёным забором в самом центре Благовещенска — как раз на том квартале, где сейчас располагаются главпочтамт и универмаг, — стояла деревянная изба. Комиссионка. Магазин, помню, был очень скучным — там не на что было смотреть. Ну, уцененная деревянная скульптурка цапли. На неё подуй — она и рассыплется.

Ещё помню — тоже деревянную фигурку медведя, безбожно удешевлённую. В то время партии единоклассников не существовало, можно было не опасаться намёка на крамолу. Ну и какая-никакая мебелишка: стулья хлипкие, диван дерматиновый с валиками по бокам — помните такие?

Короче, это был больше склад ненужного хлама, нежели магазин.

Но нас, пацанов, неудержимо тянуло в это всегда (даже летом) холодное помещение — у стены, прямо в торговом зале, стояла печка, и продавщицу чаще можно было увидеть рядом с ней, а не за прилавком.

Мы заныривали в этот магазин только потому, что там продавалась цветная фотоплёнка!

Начало шестидесятых! А в магазине — цветная фотоплёнка!

Уценённая! По одной копейке за коробочку! И мы покупали её сразу по три, пять, а то сразу по десять штук — если удавалось нашколять мелочи на такое количество. Но к фотоискусству мы не имели ни малейшего отношения.

Из этой фотоплёнки получались такие расчудесные дымовушки!

Рулончик плёнки заворачивался, как конфета, в кусок газеты, которая с одного конца поджигалась. Когда огонь доходил до самой плёнки и она ярко вспыхивала, её нужно было затоптать башмаком, и дальше она быстро-быстро с шипением тлела, выделяя офигительное количество вонючего дыма! Такая густоющая дымовая завеса получалась! Такой восхитительный туманище стоял! Красота!

Дымовушки — отличная забава пацанов начала шестидесятых годов. Главной заботой было «свистнуть» дома коробок спичек: в магазинах спички детям не давали, а родители за этим следили строго!

Как сообщает Википедия, в 1861 году в Лондоне в этот день была впервые публично показана цветная фотография. Но почему-то ни слова о дымовушках...

25 мая

Дождь всё-таки настиг нас, и мы забежали в первую попавшуюся малюсенькую кафешку, благо на набережной Ллорет де Мар искать их не надо было.

Выбирая мороженое, подумал, что его вкус значительно улучшит сангрия, и попросил киношной внешности бармена налить нам один графинчик.

— Как графинчик? Почему графинчик? У нас не принято заказывать один графинчик! — эмоционально затараторил гибко движущийся красавец.

Говорил он, понятно, на испанском, но я его очень хорошо понял и без переводчика.

— Хорошо, — согласился я и показал пальцами, что заказываю два графина.

Когда под очень вкусное мороженое, приправленное сангрией, мы опустошили обе ёмкости, бармен принёс третью, аргументировав тем, что нас трое.

Дождь так и продолжал накрапывать, в полууличном кафе было уютно, море тихонько шелестело о чём-то, бармен рассказывал нам, что вообще-то он — танцор фламенко (говорил он, понятно, на испанском, но мы его очень хорошо понимали и без переводчика), а дождь всё шёл и шёл (ой, я об этом уже, кажется, сказал), а я думал, что скоро на столе появится и ещё один графинчик ароматной, жаждоутоляющей, к хорошему разговору на испано-англо-русском языке располагающей, переждатьдождикпомогающей сангрии.

Ну, вы поняли, что сегодня — День вина?

14 июня

Врезался в память такой эпизод: Володя Илюшин пришёл ко мне уже поздно вечером; расположились на кухне, чай, колбаса, то-сё... И он рассказывал, что хотел бы написать роман о староверах, — так сложилось, он некоторое время прожил в староверской деревне (живо описывал крепких парней, тугих красивых девок, вынужденных нецелованными вековать: глава общины запрещает на сторону, на чу-

жеверцев глядеть) — но тут же и размышлял о том, что никому этот роман не нужен, как не нужен и он сам. В мыслях своих растрёпан был донельзя, чувствовался некий душевный разлад, что, впрочем, было для него характерно всегда. У него тогда не складывалось ни с работой, ни с жильём, что-то у них произошло с писателем Борисом Черных, на тот момент уже осевшим в Благовещенске, работавшим не то советником, не то помощником у тогдашнего губернатора Белогонова и выпускавшим газету «Русский берег», — Володя жаловался, что Борис Иванович вызвал его из Хабаровска, наобещал с три короба, а в результате...

А в результате пришлось скитаться по знакомым и приятелям, выручал, слава богу, брат, но с работой был полный швах.

В газетах он подолгу не задерживался, и это объяснимо: там дисциплина, требование выдавать на-гора определённое количество строк («гнать строку», как говаривали в те времена). А Володя был не строчконом. Он был писателем.

Так я — об эпизоде.

Повествуя о быте староверов, Володя вдруг замолчал. Вдруг! На середине предложения...

Смотрю, а он спит! Его нет! И так продолжалось минуты три-четыре. Я молчу, боюсь пошевелиться, а он спит.

И вот очнулся — и продолжил рассказывать ровно с того места, на котором вывалился из действительности.

Вымотан был окончательно.

Ночевать не остался, как я ни уговаривал. Ушёл в ночь.

Потом опять уехал в Хабаровск и там умер. В сорок лет.

А писателем был — не побоюсь сказать — российского уровня. Но самого главного своего произведения написать не успел.

Владимиру Илюшину, у которого сегодня день рождения, посвящено несколько литературоведческих статей. Но лучше всех — интересно и по-человечески тепло — написал о нём журналист Александр Табунов. Не поленитесь, найдите его очерк на просторах интернета. Поможет понять масштаб Володи Илюшина.

19 июня

Чёрная жирная туча будто издевалась над нами: она неторопливо, хищно скалясь редкими молниями, приближалась к нам, похохатывая громом и не нападая сразу. Она играла нами, как кошка мышкой, зная, что никуда от неё не денутся эти два горемыки, которые везут из Спасска в свой далёкий северный посёлок комбикорм.

Над нами сверкало солнце и синело небо, но по бокам шуровал такой дождина, что невольно вспоминалась библейская байка о потопе. И этот

дождина становился всё ближе и ближе — в открытые окна кабины уже залетала влажная пыльца.

Нам оставалось ещё вёрст 200, и за нашими спинами в открытом кузове лежали четыре тонны комбикорма, совершенно беззащитные перед коварной дождевой тучей: это была наша первая поездка, и брезентовым пологом мы с моим другом Саней Проданом не додумались обзавестись...

Мыслишка о том, что можно заработать на комбикорме, пришла к нам, когда мы сделали жёсткий вывод, что ни на мои жалкие редакционные копейки, ни на его школьную зарплату (которую к тому же не выдавали) — уже не прожить. Надо что-то делать. Мы зарегистрировали два крестьянско-фермерских хозяйства — «Пашкино» и «Сашкино». Под эти хозяйства купили в кредит грузовик ГАЗ-3307 (влезли в долги по полной!), и вот — наша первая пробная поездка за комбикормом, которая медленно и верно оборачивалась катастрофой: кто ж возьмёт эту кашу?!

Спрятаться было абсолютно негде, мы уже не испытывали азарта — кто кого: мы тучу или туча нас — всё было предельно ясно, и Саня, который был в тот момент за рулём, уже и скорость сбросил до нормальной — стоит ли зря трястись?!

Уже думали, где и как будем сушить этот дурацкий комбикорм и купят ли его у нас после просушки или нужно сразу ехать на свалку...

Дорога сделала плавный поворот налево, впереди подъём на сопку, а эта самая туча как раз слева и зашла на атаку. Всё правильно рассчитала! Какая красота игры: встретить двух недотёп как раз на вершине возвышенности!

И вот мы на вершине.

А дождь, который был, ну вот же, в трёх — да какое там в трёх — в двух шагах! — внезапно прекратился!

Туча сыто улыбнулась — хорошо попугала-таки! — и медленно уплыла восвояси.

Сегодня тот день, когда мы зарегистрировали свои КФХ.

6 июля

Нам принесли небольшие, всего-то с пол-ладошки, чебуреки, от которых исходил такой аромат, такой аромат, что назвать его ароматом было совершенно неправильно и абсолютно оскорбительно по отношению к тому, что исходило от этих чебуречков. Это был Дух! Это было некое сияние! Даже если б я сидел в полной темноте и не видел того, что нам принесли, а только бы ощутил этот обжигающий, как полуденный ветер пустыни Гоби, и истекающий соком желания Дух изрумяненного в живительном кипящем масле чебурека, я бы всё равно изошёл слюной. А тут я его ещё и увидел...

И только моя рука взлетела над блюдом с чебуречками (как оказалось, это хушур, то есть чебурек, но размером меньше, и в котором начинки — рубленого мяса — больше), чтобы схватить один из них — тот, что поближе, а потом и тот, что подальше — и хрустнуть, хрустнуть этой просящейся в рот корочкой, как на столе появился хорхог.

Рёбрышки ягнёнка, казалось, просвечивали — столь тонкими и нежными они были. Их тушили в бульоне, который не был сварен на обычном огне — что вы! Нет! В казан с мясом и залитой туда водой опустили раскалённый до красноты камень. Это равносильно удару Тунгусского метеорита о Землю! Вдруг с уханьем вырывается огромное облако пара, которое умелый повар не выпускает впустую наружу, а пленяет тяжёлой крышкой, и уже в том сладком аду томятся, томятся косточки ягнёнка, чтобы через несколько минут появиться на блюде перед ошарашенным от этого монгольского кулинарного великолепия потомком попирателя Вселенной Чингисхана Савинкиным.

Плотно потеряв ладони, я спросил у своих спутниц, по сути, не спрашивая, а утверждая: «Ну что, водочки?! И при этом самой холодной!» После чего повернулся к официантке:

— Пожалуйста, не томите душу!

Официантка (она вполне сносно говорила по-русски) развела руками:

— Извините, у нас в стране выборы президента! А в праздники продавать алкоголь нигде и ни в каком виде не разрешается!

Дух от хушура (или как там его) тут же и улетучился. Растворился. Следом потерял в аппетитстве и этот, как его, хорхог...

Сегодня в Монголии День Конституции. Праздник. Не наливают...

12 июля

После шестого класса меня отправили в Евпаторию профилактить в санатории тонзиллит. Взял с собой фотоаппарат «Смена-2», доставшийся мне от старшего брата. Перед отправкой прошёл курс молодого фотографа у нашего соседа — дяди Пети Клышко, — тот по сию пору фанатик фотографии. Ну, поучил он меня заправлять плёнку в кассету, рассказал, что такое проявитель-закрепитель, посидел я пару вечеров с ним в его затемнённом туалете при свете специального красного фонаря — и отбыл на лечение. Одна плёнка была уже заправлена в фотик, вторая была на запасе.

И вот, увидев впервые море, да ещё и столько же (то есть море) девчонок в купальниках, я сдуру первую плёнку истратил буквально в три дня. Науку — то есть установку расстояния, диафрагмы и чего там ещё, — знамо дело, не соблюдал, щёлкал и щёлкал.

А потом пришёл к мысли, что лучше фотографировать не незнакомых девчонок, а только ту, на какую упал глаз, а упал он на пионервожатую Сталину Анатольевну — она ну очень симпатичная была, особенно когда на пляже без красного галстука... Идёт она, будто ступнями своими волны гладит, на носике очки модные, а море к её ногам... Даже своим тринадцатилетним умишком я допёр, что не случайно волны у ног её брызгами озоровали!

Короче, пришла пора заправлять новую плёнку. Но одно дело, когда занимаешься этим дома под приглядом мастера, второе — в незнакомой ситуации.

И вот наступила ночь, всех уложили спать, достал я приготовленный заранее футлярчик и приступил под одеялом к смене фотоплёнки. Осторожничая, но фотоаппарат клацает, плёнка шелестит, а коробочка, из которой я достаю свежую, нецелованную, — шуршит. И стараюсь делать бесшумно, а выходит наоборот. Уже и кто-то довольно внятно произнёс, мол, хватит жрать шоколад под одеялом, уже и я начал громким шёпотом пояснять, что не фантики это конфетные хрустят...

Дообъяснить не успел. Следившая за порядком воспитательница, включив предварительно свет, сдёрнула с меня одеяло.

Так что похвастаться снимками Сталины Анатольевны в купальнике и без красного галстука не могу.

Сегодня День святой Вероники — покровительницы фотографии. Как-то ко мне она отнеслась... не очень...

31 июля

Стою в очереди на регистрацию автомобиля в ГИБДД. Народу, понятно, не протолкнуться, но твёрдо решил не использовать свои на тот момент крепкие знакомства, мол, сам прорвусь. В зал по каким-то своим делам вошёл давний приятель-офицер, но из другой службы.

— О, господи, — сказал он укоризненно. — Давно бы зашёл ко мне, всё б решили... Давай свои бумаги, сейчас оформим. Номер красивый нужен?

— Ну, если несложно... — пожал плечами я.

— Совсем «блатной» не обещаю, не в моей компетенции, а «зеркальный» сделаем! — пообещал офицер и, сунув в окошко мои документы и что-то сказав коллеге, ушёл решать свои задачи, пояснив, что через десять минут меня вызовут.

Вызвали меня, когда уже давно прошла и моя очередь. И номер «по знакомству» мне выдали «крутой» — 317. Вероятно, между службами госавтоинспекции были некие непонимания, что отразилось на мне.

Жена дома успокоила:

— 317... — задумчиво протянула она. — Это же 31 июля... Так ведь в этот день ты меня впервые поцеловал! Помнишь?

Я, конечно, помнил. Как же не помнить такую дату?! (Сами понимаете, что и жена сейчас читает эту заметку).

Таким образом, с числом 31.7 семейных праздников у нас прибавилось.

13 августа

Почерк у Евгения Евтушенко — курица лапой, письменность ацтеков отдыхает, любой врач позавидует! Подписав мне несколько своих сборников, он потом ещё пояснял, что он написал. Я вечером того дня, когда уже дома рассматривал эти книги, пытался соединить сказанное им с теми чёрточками, квадратиками и кругляшками, которые он написал (нарисовал), но, признаюсь, если б не его перевод, не разобрался бы.

Мы долго бродили с ним по областному музею, говорили о стихах и картинах Леонида Завальнюка, чья выставка там была размещена, о встречах Евтушенко с великими — в том числе с Пикассо и Сикейросом, он живо интересовался биографией и деяниями владыки Гавриила, которому была посвящена одна из музейных экспозиций...

Мне было с ним легко и просто, потому что творчество его знаю, пусть не досконально, но очень хорошо, — и литературную часть его жизни, и фотографо-кинематографическую... Потому свободно ориентировался в разговоре.

Когда присели отдохнуть после долгих хождений сначала по музею, потом по выставочному залу (где он с восторгом отозвался о работе Алексея Сидорова «Спас» и о скульптурах Инги Соколовой), я рассказал ему, что по Благовещенску ходят т.н. «литературные» автобусы, в которых звучат произведения русских и советских классиков, начитанные амурчанами-книголюбями. Сказал, что я читал его стихи.

— Какие? — заинтересовался поэт.

И я начал воспроизводить: «А снег повалится, повалится, и я прочту в его канве» ...

И здесь — это один из тех моментов, которые на всю жизнь, которые остаются до самой-самой последней минуты! — Евгений Александрович подхватил: «...что моя молодость поведится опять заглядывать ко мне...»

И так мы, не останавливаясь, читали это стихотворение, уже немного путаясь в словах, и так дошли до куплета «Но, сразу ставшая накрашенной...», и тут Евгений Александрович встал (вставал тяжело, уже протез, уже палочка-помощница, уже усталость — шутка ли, за спиной перелёт Москва — Благовещенск!) и обнял меня.

А меня и слеза прошибла. И у него глаза на мокром месте...

Вот ради, в том числе, и таких минут, думаю, и стоит жить.

Сегодня День встреч. И я желаю вам их — незабываемых!

26 августа

Печёную картошечку вкуснее есть прямо с корочкой-угольком — она тогда легонько похрустывает и оставляет на языке лёгкую горчинку. Ни хлеб, ни лук тогда не нужны, но солью чуть-чуть присыпать можно. Хорошо бы, чтоб рядом — шагах в нескольких — журчал ручей, а небо выдалось звёздным. Впрочем, можно и без ручья, главное, чтобы тут же, у тлеющих головёшек сидела однокурсница ...

И прутиком выкатываешь чёрный комочек и, перебрасывая его из руки в руку — горяченный, жжётся! — дуешь на него, а потом быстро разламываешь и протягиваешь половинку ей, и пальцы касаются её пальчиков...

И, может, поэтому картошка становится совсем-совсем сладкой?

Сегодня, — вздыхаю я, — День рождения русской картошки...

7 сентября

К вечеру уже весь околоток знал: за дядь Мишей Ефремовым приезжали на «воронке». Забрали. Тётя Люба, жена его, понятно, плакала. Соседи сочувствовали. А и то: друг дружку все знали, весь квартал — сплошь деревяшки, у кого какая забота — вроде как и общая забота. Бывало, в чьей-нибудь квартире иным вечером вся детвора дошкольная собиралась: крутили диафильмы. Родители были спокойны, знали, что с чадами их ничего не случится. Опять же времена были такие, что спокойно к соседям то за солью бегали, то за керосином, то хлеба кто-то не успел купить... Всем делились.

Толян, сын дяди Миши, мой дошкольный дружок — мы тогда всюю по улицам в коротких штанах и босиком бегали, шпана, — вполне повзрослому сквозь редкие зубы процедил, явно повторяя кого-то из соседей: «Батяню мусора замели!» Он явно гордился тем сердобольным вниманием, которое оказывали взрослые.

«Замели» дядю Мишу — вполне нормального мужика, фронтовика (помню у него много медалей было, в том числе и «За отвагу») — так вот, арестовали его за то, что, когда к ним во двор пришла какая-то городская комиссия и вынесла предписание сдать поросёнка (а многие в округе держали, всех, согласно новым экономическим веяниям, рождённым в голове Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва, заставили личные подсобные хозяйства ликвидировать), дядя Миша возмутился и сделал громогласный вывод, что «Никите на жратву не хватает!».

Через некоторое время «воронок» и приехал. 15 суток дядя Миша честно отсидел за хулиганство.

А вообще, хороший был дядька, добрый. И рисовал хорошо. Помню, в их доме на стенах много картин, им написанных, висело...

7 сентября 1953 года Первым секретарём ЦК КПСС был избран Н.С. Хрущев.

11 сентября

Будучи студентом, устроился в хозяйственный магазин подсобным рабочим. До обеда там вкалывал списанный на берег по здоровью морячок — внешне, кстати, очень даже крепкий. И вид у него был свирепый, и кличка Американец, и грабка — как 16-килограммовая гиря (я когда с ним за руку здоровался, заранее приседал — вдруг сдавит), а сам по себе был добряк добряком, и что там у него стряслось со здоровьем — не распространялся. Так вот, до обеда ишачил он, а после — я.

А однажды мы пересеклись: объявили, что вечером весь коллектив должен идти на дежурство добровольной народной дружины.

Наши с Американцем возражения, что мы «не местные», то есть не совсем штатные работники, директорша выслушивать не стала, что понятно: положено по разнарядке — ну и будьте-нате, как говорится.

В отделе милиции послушали инструкцию, надели на рукава красные повязки с надписью ДНД — и пошли по улицам следить за порядком. У каждой группы — свой старший. Мы с Американцем, а с нами лейтенант.

И аккуратно возле «Арагви», считай, в самом-самом центре Владивостока, попадаетеся нам очень нетрезвый мужичок. Не буянит, не задирает прохожих, но нетрезвый — хоть ты тресни. Очень это видно. Ну, наш старшой говорит нам: мол, нужно довести до опорного пункта, где его оформят в вытрезвитель, а сам удаляется.

И вот идём мы с этим мужиком, поддерживая его под руки, а на нас прохожие пялятся, и нам неудобняк конкретный, а мужичок нам говорит, мол, парни, отпустите, мол, с рейса вернулся, отметил с корешами, и ещё и деньги из кармана достаёт — смятые пятёрки, десятки — дескать, возьмите, сами понимаете, сообщат в пароходство — и всё, о какой загранке речь?

Американец, мужик с опытом, оглянулся по сторонам, посмотрел, не видно ли старшого — и, спросив у несчастного, сможет ли сам добратсья, хватку свою ослабил, и мужика мы отпустили.

В опорный пункт заходить не стали, чтоб не брать грех на душу — не врать, что нетрезвый сбежал. Отпустили — и дело с концом.

А про деньги не спрашивайте. И не подумали брать, что ж мы — не люди какие?

Вспомнилось по случаю Всероссийского дня трезвости.

12 сентября

На перемене в класс зашла англичанка Зоя Сергеевна Ким и начала нам, пятиклассникам, пропагандировать пользу английского языка. Я тут же подумал, что пойду к ней в группу, поскольку английский учил и мой старший брат, Александр, причём у той же Зои Сергеевны. При случае, думаю, он поможет... И мне уже кажутся музыкой произносимые учительницей гуддэй и прочие сэнкью. А по рядам уже листок бумаги зашелестел, ребята составляют список, дошло и до меня, записался, дальше передал. А тут звонок, перемена закончилась, Зоя Сергеевна велела, чтобы список ей на следующей перемене в учительскую принесли, а на следующей перемене...

А на следующей перемене в класс входит ну такая симпатичная, ну такая вся приятная, ну такая-эх-такая, вот прямо ой-ё-ёй какая девушка! И такая она прям воздушная, и такая прям своя, и улыбка-то у неё — ну явно только для меня, а какие у неё красивые ноги! А голос! Даже грубоватое гутенморген прозвучало журчаньем ручейка!

И, влюбившись с первого взгляда, я тут же решил, что вся моя жизнь будет посвящена только изучению немецкого языка! Ну, конечно, только изучению немецкого языка! Да зачем мне какой-то там английский, хватит в нашей семье одного англичанина, моего брата!

Я мгновенно представил, как я разговариваю с этой наимилейшей, сотканной из солнечных лучей девушкой на языке Гёте и Гейне (впрочем, я, кажется, к тому времени о них ничего и не знал, но дело не в этом), я мысленно держал её за руку и читал ей стихи (на немецком, на немецком!), и, продолжая витать в сладких мечтах, я ринулся в конец ряда, где ещё дописывали список английской группы, и вычеркнул свою фамилию. Немецкий! Только немецкий!

Сегодня *Tag der deutschen Sprache*, что в переводе означает День немецкого языка.

Через месяц наша немочка, пройдя конкурс, перешла работать в пединститут. Вот так, с младых ногтей, познал я коварство любви.

Так выпьем же за то... Ой, кажется, это уже тост...

22 сентября

Друзья-егеря всё уговаривали, мол, пойдём с нами в тайгу, давно свежим воздухом не дышал... Ну, про воздух, понятно, шутили, я в то время в посёлке жил, который на берегу моря стоит, в самом центре Сихотэ-Алинского заповедника. Воздух там — глотать можно!

До означенного места морем добирались. И в небольшой лодчонке всё что-то больше про Робинзона на ум приходило, как он кораблекрушение терпел. Но марку держал и с пренебрежением на плавники аку-

льи поглядывал. Часа через три болтанки добрались до места назначения. Нацепили рюкзаки — и в путь, к верховьям реки Белимбе.

Правду говорю: душа пела! Всем моим существом владело то, что окружало меня. Эта серебряная роса, эти изящнейшие паутинки, эта где плавно, а где с рокотом несущаяся река, эти выпрыгивающие из неё трёхметровые (ну ладно, двухметровые) рыбыны, этот треск где-то в стороне продирающегося медведя, этот сочный аромат тайги, эти полусопки-полускалы... На привале рыбину поймали секунды за три. Ушица — да это не ушица, это поэзия! — была столь отменной, что, наевшись до отвала и полежав минут десять, я не удержался и съел ещё столько же и лишь потом перешёл к чаю. Чай тоже шёл за милую душу. Что уж тут: чай с дымком — это не чай из электрочайника!

А там перекур — и опять в путь. И тут-то я понял, что желудок, набитый в походе туго, — помеха делу. Мои проводники лишь посмеивались, глядя, как я, переходя речку, опускал голову в воду, остужая себя.

Привалы были совсем маленькие, и опять через тайгу, через речку, по камням, через буреломы, а потом начало темнеть, пошёл дождь — мелкий и нудный, какой бывает только в тех местах, и к зимовью мы подошли напроочь промокшие и злые.

Я был мёртв. И был доволен собой. С непривычки прошагать по тайге примерно 20 километров наравне с настоящими таёжниками — это что-то значило. Хотя бы для меня.

Заснул я ещё до того, как голова достигла кухлянки, брошенной под голову.

Сегодня День пешехода.

29 сентября

Тоскливо. Грустно. Один.

Не совсем удачная командировка в Пятигорск.

Пока решаются производственные вопросы, брожу по лермонтовскому городу, мысленно разговариваю с Печориным, любимым героем предъюношеской поры. Почему-то думал, что все прохожие ощущают своё родство с персонажем «Героя нашего времени» и все должны быть озабочены вопросами типа: и зачем Печорин ввязался в свару с Грушницким, и зачем Лермонтов поссорился с Мартыновым...

Но прохожие заняты сами собой, они бегут по своим делам, у них масса забот, которые принесла начавшаяся перестройка, они споро выстраиваются в очередь за дамскими трусиками «Неделька», которые начали быстро-быстро продавать с подъехавшей машины бодрые, споровистые, весёлые кооператоры-кавказцы, они толкаются, бросают мимо урн промасленные бумажки от пирожков. Жуют...

Ни до Печорина, ни до незнакомого им Савинкина с его рефлексией никому нет дела.

Привязалась цыганка: «Ой, молодой, симпатичный, а глаза чего такие грустные? Кто обидел такого красавца?! Давай погадаю, что делать — подскажу!» Услышав про красавца, призамедляю шаг, уже и думаю, что надо бы порчу с себя снимать, уже и на бескрайние развалы груш не смотрю...

А какие на том рынке груши! Старый дед-грузин (хрестоматийный — с седой небритостью на морщинистом лице) с непередаваемым симпатичным — тёплым — акцентом предупредил, что надо быть осторожнее: пчела может цапнуть. И то: по янтарным грушам с ленивым удовольствием ползают не менее янтарные, прозрачные пчёлы.

А тут цыганка, давай погадаю! И я смотрю в глаза её бездонно-бесстыжие, и уже и мысли крутятся, вот, дескать, не всё удачно складывается, и эта дурная командировка в Пятигорск — впустую, и в жизни как-то всё наперекосяк, и по Пятигорску брожу в одиночестве, и нет покоя в душе, как у Печорина, и скучно, и грустно, и некому руку подать...

И уже почти затянут в омут её коварного обаяния, и уже несёт меня куда-то в бездонье её гипнотического воркованья, но тут мудрый дед-грузин протягивает мне кусочек сладкого янтаря:

— На, дорогой, просто так кушай!

И, обращаясь к цыганке, машет рукой: иди, мол, своей дорогой...

И мне на прощание:

— Всё будет хорошо!

И я ему верю.

День осеннего одиночества сегодня...

4 октября

Как-то наш однокурсник Володя Сунгоркин вернулся из очередного сложного похода, ну и, знамо, за чаем начал рассказывать подробности — какого размера грозди лимонника видел (он при этом обе ладони ковшом складывал), какого размера комары кусали (тут ладони складывались, будто он лепил снежок), как, уставши, черпал рукой воду из родника (понятно, что было показано ладонями), ну и много другого интересного — и про вершины сопок в тумане, и про оглушительную тишину ранним утром в тайге... Дошла речь до животного мира. А как раз в это время у изюбрей гон начинается. Бунтует кровь в организмах зверей, раздирает сердце страсть любовная, и в ожидании своей подруги мощный зверюга издаёт такой рёв, такой рёв... (в это время Володя сложил ладони рупором и издал такой рёв!), что у случайных свидетелей волосы поднимаются дыбом и кровь стынет в жилах.

Для полноценного изображения песни любви двух рук оказалось мало, и Володя сложил — опять же рупором — газету и снова показал, как подзывает к себе подругу истосковавшийся самец.

Газет у нас в комнате водилось много, даром, что ли, именно с нами проживал этажный почтальон Виталька Шевченко! И однокурсников в комнате набилось немало — все хотели послушать таёжные истории. И каждый взял в руки газету и свернул её рупором...

Ну, вы поняли?

Что происходило в общаге! Она встала на уши! Окно от такого мощного хорового рёва, слава богу, не вылетело (а то — как бы мы зимовали?), но то, что стёкла дрожали, — это точно!

Двери по всему этажу распахнулись, бедные девчонки повывскакивали в коридор, — что за сумасшествие, кого убивают, или — что ещё интереснее — силой берут?!

Но успокоились: у своих пацанов кровь бунтует...

18 октября

В первые армейские дни очень хотелось есть. Голод прям высасывал желудок! Но если через пару месяцев организм пришёл в соответствие с требованиями устава и голод постепенно отступил, как любой супостат перед Советской Армией, то желание поесть чего-нибудь сладкого — оставалось постоянным. Ну да, дома-то как: всё равно вечером чаёчку сгоношишь, да с булочкой с повидлом, да карамелька какая под рукой окажется... А то ещё вдруг случайно нарвёшься в магазине на сгущёнку — оп-па, «выбросили», нужно сразу купить сколько можно (это если финансы позволяли! А с конца очереди орут: «В руки только по две банки!»), — да если сварить баночку-другую в кастрюльке (ухо остро надо держать, когда варишь: не дай бог зевнёшь, — рванёт так, что весь потолок в сладких сталактиках окажется! Бывало!) — считай, лакомство из лакомств! Уже и чай — не чай, а праздник души!

Да-а... А в армии что: казённая полутёплая жидкость, два кусочка сахара — и будьте-нате!

Так что, помимо мечтательного поедания глазами полковой библиотекарши, ещё постоянно думал о сладком. И при этом почему-то хотелось именно «Золотого ключика». Иной раз стоишь на плацу, на построении каком, а в мыслях мечтательных — кулёк (э-э, а кто помнит слово «кулёк»?) ирисок в кармане, именно тех — тянучек, что сначала твёрдые, как камешки, а потом начинают таять во рту, размягчаться, прилипая к зубам, и эта сладенькая слюнка...

А перед строем разорвется командир, требуя дисциплины и успехов в боевой и политической подготовке...

А я стою по стойке «смирно» с умным видом и с преданностью в глазах, с готовностью победить любого агрессора, и думаю: вот наступит дембель, и выйду я за ворота части, и первым делом зайду в тот самый магазин, который — во-он он, чуть поодаль, буквально в полуквартале, — и куплю ирисок. А потом сяду в электричку и всю дорогу до Владика буду медленно, с наслаждением, иногда заталкивая в рот сразу по две штуки, эти ириски рассасывать, передвигая языком размягчённый комочек по рту...

Предваряя вопросы, признаюсь: стоило вернуться в вольную жизнь, как окунулся в водоворот совсем других удовольствий. Но сладкоежкой являюсь по сию пору.

Сегодня наш праздник — Всемирный день конфет.

27 октября

Описывать приморскую осень — занятие неблагодарное: кто бывал в тех краях и видел, тот согласится с тем, что рассказать об этом невозможно. Ну а тот, кто не видел бешеного, разудалого, нахального буйства красок, этого смелого смешения зелёного, рыжего, жёлтого, красного, — тот всё равно мне не поверит. Ну как можно поверить, если у нас в октябре уже зусман и деревья бездарно быстро теряют листву, а в Приморье бархатный сезон, мягкое тепло и отсутствие туманов.

Помню, в начале октября — занятия в университете только-только начались — сидим с моим дружкой Шурой Жуйковым на подоконнике нашей общаги на Океанском, 39. Битлов слушаем и с высоты пятого этажа на Амурский залив смотрим. А смотреть есть на что. Вода в заливе... Ну вот скажу, как зеркало, вы подумаете, мол, ничего свежее придумать не смог, но в том-то и дело, что не придумываю, именно как зеркало и была вода. Пароходов и катеров много, несколько парусников недалеко от берега, ну и, разумеется, чайки. Много чаек, бесятся, жируют перед холодами. Горизонта не различить: море с небом сливается. И далеко-далеко — длинная, узкая полоска тучек, оставшихся после короткого дневного дождя. И к той полоске солнце приближается. И вот только краешек солнца коснулся тучки...

Нет! Это надо видеть! Такое даже в кино невозможно показать, хотя в кино всякими спецэффектами давно уже удивлять перестали. Коротко говоря, как только солнце прикоснулось к тучке, весь залив опрокинулся в небо. И по небу заматались чайки, и понеслись по небу парусники, и застрекотали по небу катерки, и даже прибрежные дома, и те на небе оказались, только вверх ногами. Там всё было вверх ногами.

Всего-то с полминуты длился этот мираж, но разговоров потом было... Зрелище — не в сказке сказать! Не мы одни его наблюдали, пол-общаги на окнах сидело, от лекций сачковало, на солнце грелось, на за-

лив смотрело. А смотреть было на что. Впрочем, я об этом только что сказал.

Сегодня, как вы знаете, День осенних миражей.

Да, а песня, что мы с моим другом Шурой слушали, называется «Когда мне будет 64». Тогда этот возраст казался нам глубокой старостью...

8 ноября

У нас с моим не-разлей-вода дружбаном, тоже корреспондентом «Амурского комсомольца» Мишей Сутуповым, был свой винный маршрут. После того как необходимая информация была сдана ответственному секретарю газеты, после того как были согласованы заголовки (без нескольких вариантов к ответсеку Ирине Гарбузарь нечего было и соваться), после того как номер сдавался в печать, мы выходили на маршрут, который начинался в горпарке. Там стоял чипок, в котором продавались жареная рыба в кляре (чаще всего это был минтай), винегрет, что-то ещё — и (дело было до «сухого» закона) алкоголь. Спиртные напитки были представлены коньяком, настойками типа «Украинская степная» и «Стрелецкая», болгарской «Гъмзой» и обычным портвейном.

Кстати, там частенько можно было пересечься с коллегами из комитета по ТВ и РВ — но те ребята предпочитали водку, которую приносили с собой из магазина «Восток», а мы с Мишкой выпивали скромно по полстакана «тридцать третьего» и выходили на набережную. Далее на пути стояло и зазывало в свои объятия кафе «Ритм» (надо отметить, название это сохранилось до сих пор, несмотря на свою архаичность). Там ассортимент был уже другим, и мы с удовольствием смаковали наливку «Спотыкач». Вкусная была штука.

Наливкой с названием «Чайная» мы разговлялись в кафе «Пингвин», что рядом с бывшим роддомом.

Разливным «Рислингом» в «дежурном» гастрономе (Гастроном № 1) мы запивали сладость наливок.

Завершали поход в гостинице «Юбилейная», куда нас пускали по удостоверениям газеты. В буфетах на втором этаже и на «Седьмом небе» всегда были горячие сардельки и пиво.

Думаю, вы поняли, что сегодня День винного туризма.

16 ноября

В нашем студенческом ВИА «Спектр» на трубе играл Алик Очерхаджиев. До универа он успел закончить пару курсов музучилища, но по «трубной» линии дальше не пошёл, поступил в университет.

Была у него одна «изюминка», из-за которой я его не раз уничтожал взглядом. При каждом удобном случае он брал маракасы и — чаще все-

го совершенно не к месту — шуршал ими. Партия трубы, как вы понимаете, была не в каждой песне, вот он и выражал своё «Я» шумовым инструментом.

Ну, скажите, какие маракасы могут быть в лирической «Берёзе белой»? Ладно, труба там хорошо заходит, но как только партия её заканчивается, Алик за маракасы — хватать!

Или, например, солист Володя Шлепченко исполняет про «Я сегодня до зари встану» — мы ж не только хитовые вещи пели, мы ж должны были нести в массы и патриотические ценности! И вот Володя поёт, что степная трава пахнет горечью, а Алик на этих гадских маракасах — шир-шир, шир-шир! Ну зла не хватает!

Говорил я ему, по-хорошему говорил, мол, Алик, моих барабанов вполне достаточно, мол, не сбивай с ритма! Алик слушает, соглашается, на трубе свои кнопочки перебирает, головой кивая, обещает, что больше ни-ни, а как только зазвучит очередная песня — он, блин, с маракасами на сцене! Да ещё красуется, будто он и есть главный исполнитель! И так повернёт свое тощее тело, и этак, и ногу-то выставит... И взгляды девушек в зрительном зале ловит... Музыкант, блин, на фиг, артист!

Иной раз выдаю свою сольную партию — тудух-тух-тах — а этот стервец со своими маракасами... И всё не попад. Вот не поверите! Надел бы на его голову самый большой барабан!

Ну и как-то, будучи на каникулах, в каком-то райцентре отыграли в ДК программу, собираем инструменты, руководитель Алексей Алексеевич Карюхин (понятно, что за глаза называли его Карузо) окидывает взглядом сцену — не забыли ль чего... И тут я взял грех на душу и прикрыл спиной маракасы, оставленные Аликом на стуле.

В 1582 году в этот день царь Иван Грозный в припадке гнева смертельно ранил своего сына Ивана.

18 ноября

— Пашка Савинкин убился! Пашка!!! — разнеслось на весь квартал. Истошный голос тёти Иры Кузьминой из первой квартиры отдавался от стены нашего дома, ударялся в здание «Амурэнерго» и опять возвращался к нашему дому. Тёть Ира переходила дорогу и стала свидетельницей того, как мы с моим дружкой Колей Дуан Вунми звезданулись на мотоцикле. На её сиренный крик на улицу стремглав выскочили все женщины нашего двора, которые в это время обустраивали клумбы. Все понеслись на угол, к колонке, рядом с которой уже стоял я. Под струёй воды этой колонки лежал Коля — его приводил в чувство удачно оказавшийся рядом наш главдвора Нестор Иванович Кулагин.

Коля тогда купил первый в своей жизни мотоцикл «Ковровец» — «Кашку» — на котором меня, ещё школьника, и катал. Мы ехали от Ле-

нинской к нашему дому, справа наперерез нам двигался военный «уазик», но мы шли по главной. Колёк и поддал газу. Но те, что в машине, были военными, не привыкшими отступать. Коля хорошо вильнул, мы чудом не воткнулись в бочину «уазика», мотоцикл завалился, нас протащило по асфальту (гадство, больно!), но если я ещё ничего, то Коля ощутимо хлопнулся головой, и если б не шлем...

Из машины выскочили совсем молоденький солдатик и не менее молодой офицер. Вид растерянный и испуганный — ясно дело, пацан-солдатик напортачил.

Многоопытный Нестор Иванович (я уже как-то рассказывал, бывший военный лётчик), оценив обстановку, поняв, что никто не погиб, быстро что-то шепнул офицеру, и военные ретировались, а самого пострадавшего Нестор Иванович подтащил к колонке.

Колёк потом, сидя у нас во дворе, ещё долго не мог сообразить, что же случилось, всё переспрашивал меня, как это произошло. Я ему рисовал прутиком на земле схему происшествия, показывал на пальцах, что у нас был приоритет, но Коля, покивав, через минуту переспрашивал снова.

Соседки, заканчивая сажать цветы, всё обсуждали, поглядывая на нас, какие мы дураки.

Мы не спорили. Хотя и были возрастом помоложе, но всё равно понимали, что с женщинами спорить бесполезно...

18 ноября 1885 года в Германии состоялся заезд первого в мире мотоцикла.

29 ноября

Однажды едем с моим другом Саней Проданом на «газоне» за комбикормом (помните, я как-то рассказывал о фермерских хозяйствах «Пашкино» и «Сашкино»? Это из той серии). Вокруг сопки и тайга, до ближайшего посёлка километров сорок, а из-под капота то ли дым, то ли пар густой. И машина ход сбавляет — сама, самовольно. Что за задача?!

Прижались к обочине, капот подняли, видим, из карбюратора пышет. Ну, Саня решил посмотреть, что за дела, в перчатках был, откручивает крышечку, — а что её откручивать, она там на пол-оборота, — а из горловины ка-ак тэдэсь! Струища кипятка с раскалённым паром! И как только Санёк успел лицо отвернуть — долго потом удивлялись... Нда...

А то ещё, было дело, работал я с водолазами (всё с тем же моим корешком). И как-то во время болтанки пришлось выбирать якорь. А катерок наш — то вверх метров на пять на волне, то вниз — на столько же, но уже ниже уровня моря. И ручонка моя шаловливая оказалась аккурат между бортом и тросом тогда, когда катер подбросило к небу. Тут-то пальчики мои и хрустнули... Ох и боль была!

Или вот недавний случай: там, где заезд в наш двор — двойная сплошная (пересекать которую — это я поясняю для не знающих ПДД — нельзя). Еду к месту разрыва, вижу, что вдалеке навстречу идёт ну просто сплошной поток машин, и если я быстренько не развернусь, то ждать придётся долго, сильно мешая тем, кто сзади меня. А до разрыва каких-то жалких метра три. И я пересекаю сплошную. И вдруг откуда ни возьмись: «Водитель транспортного средства номер...» Короче, откуда-то материализовались гаишники. Которые, кстати, чтобы оштрафовать меня, сами пересекли эту линию. Да ещё и дальше от разрыва, чем я.

Ну что тут скажешь...

В общем, вы поняли, что сегодня просвещённое человечество отмечает День буквы «Ё».

9 декабря

Лерка вдруг ойкнула — порезалась о надорванный краешек бумажного мешка для писем, — и на подушечке её пальца выступила капелька крови.

Мы — треть нашего десятого «А» — сидели в служебном помещении Главпочтамта, где перебирали новогоднюю почту — подрабатывали на сортировке, чтобы поднакопить денег для праздничных посиделок с родителями (приглашали их в класс, угощали пироженками, чаем, показывали какую-никакую самодеятельность. Было весело).

А почты в те дни было! Открыток — и в конвертах, и просто так — море, вот и разбирали — по областям, потом по городам, местные, иногородние...

Перебирали-перебирали, уже и подустали, уже и сбегали на улицу с пацанами, закурили болгарского «Солнышка», и девчонки притомились, а Лерка и голову мне на плечо положила (а я сижу — боюсь шелохнуться, всё тело напряжено, сковано, и ребята наши — вроде как и не смотрят на нас, вроде бы всё, как и надо — а и действительно, так и надо! — и вроде как ничего особенного — подумаешь, голову на плечо положила) ...

А тут вывалили новую порцию корреспонденции — из больших бумажных мешков (бумага такая невзрачная, которую сейчас крафтовой называют, стоит бешеные деньги, а тогда... Ну для мешков годная, грубая), — весь стол забит, даже и на пол попадало, лазили, собирали, головами стукались — и вот тут-то Лерка и ойкнула: порезалась о надорванный краешек мешка — и на подушечке её пальца выступила капелька крови.

И пока она платочек свой искала, другой рукой по карманам кофты хлопала, я руку её взял в свою и на пальчик её дую легонько, и капелька

та алая — ну совсем-совсем малюсенькая, но яркая такая, и я дую и дую, и... и меня просто разрывает от нежности...

И одноклассники вид делают, что не замечают ничего, будто обыденно всё, будто... ну подумаешь, человека от смерти спасает...

Если что, так сегодня День рождественской открытки.

11 декабря

Проснулись задолго до солнца, быстро-быстро смастырили завтрак, перекусили, собрали палатку, рюкзаки за спину — и в путь. А тут и рассвет потихонечку из-за деревьев стал подкрадываться. И мы потихоньку-полегоньку, сначала через кусты-буреломы, через ручейки-кочки, потом всё повыше и повыше, уже и деревья не те, что в низине, уже и пот прошибать начал — а то, не каждый день покорять вершины выходишь! Уже и вверх поглядываешь — скоро там? — а как увидишь, если пока ещё лесом передвигаемся и пока, по сути, только у подножия горы топчемся?!

Занесло нас в тот поход по инициативе нашего сокурсника Володи Сунгоркина. Он заявил, что мы застоялись, как полковые лошади, надо срочно размять кости. На эту тему он был совершенный мастак: облазил все пещеры и более-менее высокие сопки Приморья, потом других близлежащих краёв и областей, и уже примеривался к Джомолунгме, но тут начался третий курс, большие походы пришлось отложить, но вот пройти по весьма лёгкому, по его понятию, маршруту — почему бы и нет?

Бригада собралась уже спаянная, проверенная, уже не раз по походам ходившая.

Конечным пунктом назначения Володя объявил Пидан (есть такая сопка, её хоть и переименовали по дурусти в семидесятые годы, но в народе по-прежнему Пиданом кличут).

И вот поднимаемся мы постепенно, и вот уже и рюкзаки тяжеловатыми казаться стали, и вот уже и деревья внизу остались, и вот уже чувствуешь себя птицей — в том смысле, что вниз смотришь с высоты птичьего полёта, и вот уже и опасновато идти: а ну как неудачно на камень какой наступишь и вместе с ним (и его собратьями-камнями) вниз ухнешь! И вот уже и дышалка — будто через противогаз дышишь, и пот уже глаза застилает — не проморгаешься — и ручьём по спине течёт, а день — ну просто великолепный: яркий, слабоветерковый, и пейзаж внизу — эх, нет места, чтобы описать сумасшедший осенний приморский пейзаж!

И вот эта вершина всё ближе и ближе, и вот... И вот мы на самом-самом верху... И вот то самое сладостное ощущение победы! Победы над самим собой! И вот... Эх, да что я?! Это такой кайф!!!

Сегодня День гор!

А что лучше гор?

16 декабря

Как всякий нормальный человек, побродил я немного по свету — всё счастье своё искал... Кто ж его не ищет по неопытности? Ну и, было дело, прожил с десяток лет в самом центре Сихотэ-Алинского заповедника...

Про всяких зимородков, коростелей и уток-мандаринок и упоминать не буду: их там у нас как воробьёв у кормушки! Лисы — так те без зазрения совести в посёлок заходили позавтракать: куры квохчут, перья летят, хозяйка орёт, а Патрикеевна хвостом — цвирк, в дыру заборную — юрк — и до следующих встреч.

А самая что ни на есть запоминающаяся встреча произошла у меня часа в три ночи недалеко от посёлка Терней.

Возвращался я из Владивостока на машине.

Глаза мои... Про такое состояние говорят: «шары навывают», — потому что в общей сложности за рулём находился к тому времени уже часов восемнадцать. Крепкий кофе спасать перестал, да и смотреть на него уже было противно. Что помогало, позволяло ещё держаться, не засыпать — так это на полную мощность включённый магнитофон.

И вдруг...

Нет! Это надо видеть. Попробуйте себе представить: дорога по вершине сопки. С одной стороны — обрыв, пропасть. И море, по серебристой глади которого проложена лунная дорожка.

С другой — тоже обрыв. И чёрная тайга. И как раз на моём пути, прямо посередине дороги, стоит олень. То ли музыка ему моя понравилась, то ли свидание у него в том месте назначено было — не знаю, спрашивать не стал.

Он стоит — и я стою. Музыку тут же и выключил: не вязался этот саундтрек с такой картиной. Постояли мы так... Может, минуту, может, пять, — время — оно как застыло... Сдал я чуток назад — осторожно, неприметно, плавно... Олень заметил моё движение, всхрапнул слегка и по своим делам двинулся — вниз, в сторону чёрной тайги.

Надо бы и мне ехать — а не могу. Что-то происходит в душе... Луна грустная за мной наблюдает — вздыхает о чём-то вечном. Море колыхается чуть заметно — тоже о чём-то думает. И будто знают они обо мне что-то такое, чего и сам я не ведаю. И небо надо мной — совершенно без дна.

И жизнь. Только одна — и такая маленькая...

...Магнитофон я больше не включал. Слушал тишину. Пожалуй, самую обворожительную из музык.

С Днём тишины!

Тс-с...

31 декабря

На пятом курсе универа сбежал от общежитской суеты на съёмную квартиру, арендовал у семьи неких знатных строителей комнату, что позволило значительно повысить уровень знаний наивиртуознейшей ненормативной лексики.

Ещё в квартире обитал маленький, но вредный пёс, который за мою интеллигентность меня невзлюбил и всё норовил цапнуть или, на худой конец, просто облаять.

За несколько часов до Нового года, который мы, филфаковские выпускники, решили отпраздновать дома у семейной пары наших однокурсников, ко мне пришёл приятель — обсудить детали вечеринки. А там пришла пора пробежаться по магазинам, внести последние штрихи: в конце концов, не всё вино ещё было взято, а день был — 31 декабря, магазины собирались закрываться.

Выходит из комнаты Володя, глядь, а башмаков нет. Вот тут разувался, прямо у порога, а вот нет их на месте — и всё тут... И сукин сын пёс вроде бы и рядом вертится, но всё же на расстоянии. И хозяйка уже упёрла «руки в боки».

— Ботинки не убрали? — спрашиваем.

— Эти, что ли? — хмуро показывает хозяйка какие-то лохмотья-огрызки — жалкие останки Володиных башмаков: негодяй-пёс, томимый ненавистью ко всему, что связано было с жильцом, погрыз всю обувь гостя до основания.

Ушёл мой приятель в моих летних башмаках, при этом на выходе серьёзно обогатившись теми же лексическими знаниями, что уже усвоил я. Новый год зато встречал в обновке: до закрытия магазина всё-таки успел.

...А на весёлой вечеринке, последней в нашей студенческой жизни (мы больше уже никогда не собирались все вместе — жизнь разбросала, обойдясь с кем-то милосердно, с кем-то жестоко, оставив на память несколько чёрно-белых фотографий и забавных историй, среди которых и про объединённые ботинки), так вот, в тот искристый новогодний вечер нам всем было только-только за двадцать, и казалось, что так — за двадцать — нам будет всегда и что впереди всё будет безоблачно, без ошибок и грустных расставаний, без потерь и новых поисков самих себя, — увы, иногда безуспешных... Мы верили в чудеса и в то, что впереди будет огромная счастливая жизнь!

Впрочем, если в чём и ошибались, так это только в том, что чуть за двадцать нам будет всегда...

Всех — с Новым годом! Счастья!

Николай Трифонович Дегтярёв родился 25 января 1947 г. в посёлке Серышево Амурской области. Окончил заочно Челябинский юридический техникум. Сменил много мест работы, в том числе шесть лет ходил в море на рыболовных судах матросом I класса и боцманом.

Дважды был депутатом Белогорского городского Совета народных депутатов, четырежды — депутатом Амурского областного Совета народных депутатов. Основатель трезвеннического движения и зимнего плавания в Амурской области. Профессор Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России (2013). Автор ряда стихотворных и публицистических сборников и книги рассказов «Свет далёкого детства». В 2019 г. отдельным изданием вышел его роман «Море красиво только с берега». Лауреат литературных премий: им. Гр. Федосеева (2002), им. А. Коптяевой (2005), им. А. Побожего (2017). За цикл патриотических стихотворений награждён медалью «100 лет Михаилу Шолохову» (2005).

Живёт в Белогорске.

Рассказ-быль

Испорченный вечер

Плавильщик металла завода «Амурсельмаш» Коля Дегтярёв после напряжённого трудового дня быстренько скинул пропитанную потом и гарью спецодежду, принял душ и, на ходу застёгивая свежую клетчатую рубашку, поднялся в контору за получкой. Надо было спешить — за проходной завода его ждали друзья, чтобы вместе ехать в Держик* на встречу с киноактёром Борисом Сичкиным, больше известным по своей роли в «Неуловимых мстителях» как Буба Касторский.

Выйдя из проходной, Коля увидел Володю Евстюхина — преподавателя музыки и большого специалиста по аквариумным рыбкам. В кругу друзей его звали Мухтаром — по кличке его пса, с которым Володя часто прохаживался, и не только у своего подъезда.

— Здорово. Ты что — один?

— Приветствую тебя, представитель рабочего класса! — отвечивал преподаватель музыки. — За столовой ждут.

— Я тоже не откажусь от бокала. Как пиво?

* Дом культуры железнодорожников имени Дзержинского в Белогорске

— Да я ещё не пробовал, Игорь с Толей меня сразу направили за тобой.

Во дворовом фасаде здания столовой, через окошко, которое работяги называли «амбразурой», после работы и по выходным продавали пиво. За одним из столиков, уставленным стеклянными кружками с пивом, стояли Игорь Ерёмин — известный амурский поэт — и руководитель Белогорской любительской киностудии Анатолий Филатов.

— Здравствуйте, пивопийцы! — поприветствовал Коля. По старшинству к первому направился к Игорю Алексеевичу, который вяло подал свою плохо сгибающуюся руку.

Анатолий Филатов дружелюбно улыбнулся, поставил кружку на стол, крепко пожал Коле руку и пафосно спросил:

— Ну а класс — он жажду заливает квасом?..

Коля, не мешкая, дополнил известную цитату из Маяковского:

— ...Класс — он тоже выпить не дурак!

Игорь ухмыльнулся, ничего не сказал и отхлебнул пивка.

— Пиво закончилось! — донеслось из «амбразуры». — Тащите бокалы.

— Не повезло, — сказал Коля.

— А мы что — пиво сюда приехали пить? — назидательно произнёс старший из компании Игорь Алексеевич, не особый любитель пива. — До концерта меньше часа осталось. Пока автобуса дождёшься — туда-сюда, и время пролетит.

Володя-Мухтар взглянув на ручные часы Филатова и добавил:

— Тем более что после пива на концерт не ходят — долго не усидишь.

— И то правда, — согласился Коля и взял со стола последнюю кружку. — Я однажды перед первым свиданием для храбрости выпил пару кружек пива, не подумав о последствиях. Помучился тогда....

Через пять минут из «амбразуры» раздался властный мужской голос:

— Эй, мужики! Бокалы тащите!

— Это муж Насти появился, — пояснил Толя. — Значит, закрывают.

Коля оглянулся. Кроме их компании и трёх армян, которые понесли свои кружки в «амбразуру», уже никого не осталось. И он выдал известную прибаутку:

— А не пора ли нам пора, что мы делали вчера?

Последними опорожнив свои кружки, Коля с Володей отнесли к «амбразуре» посуду — свою и оставшуюся от ушедших в кусты товарищей. На обратном пути заметили стоявшую под столиком, за которым только что были армяне, балетку*.

* Маленький чемоданчик с округлыми краями, модный в пятидесятых — шестидесятых годах прошлого века

Коля оглянулся вокруг — армян не видно.
— Володя, покарауль балетку. Я побежал на улицу.
Забежал в магазин — нет армян. Спросил у продавщицы.
— Заходили. Купили папиросы и ушли. По-моему, на машине уехали.
Вернулся. Друзья молча сидели на скамейке под стеной столовой.
— Надо открыть, — предложил Володя-Мухтар.
Игорь категорически заявил:
— Нам только уголовщины не хватало.
— Но, может, она пустая, а мы переполох устроили.
Коля решительно поддержал Володю:
— Из-за пустой балетки мы Сичкина не посмотрим. Может, они не забыли, а бросили её за ненадобностью, а мы, как дураки, сами себе головы морочим.
Взял балетку, легко открыл — и ошеломлённо произнёс:
— Ни хрена себе!..
Балетка была наполнена пачками денежных купюр различной номинации.
— Вот тебе и Сичкин, и Юрьев день! — вздохнул Толя. — Придётся милицию вызывать. Может, они грабители
— Грабители деньги не забывают, — возразил Игорь.
— Придётся ждать, — добавил Володя-Мухтар.
— Надо бросить жребий — кому на концерт, а кому караулить, — предложил Анатолий Филатов.
— Я караулить не буду — резко парировал Игорь Ерёмин.
— И я не буду. Я же обещал финансировать поход на концерт Сичкина, — во всеуслышание напомнил Коля. — Значит, остаются Филатов и Евстюхин. — И вдруг добавил: — Но кина не будет — остаёмся все. Нам аванс не выдали.
— Что же ты нам голову морочил? — искренне возмутился Евстюхин. — Обещал взять билеты — бери.
— Да я пошутил! — Коля улыбнулся и достал из брючного кармана деньги.
— Вам не надоело галдеть? — решительно вмешался Игорь Алексеевич. — Остаёмся все! В таких ситуациях надо быть вместе до конца. Может, в дело вмешается милиция? Мы же не знаем происхождения этих денег. А вдруг это результат грабежа или убийства? Если останутся двое — их могут элементарно «убрать». С четырьмя этого не случится.
— Кстати, давай с проходной вызовём милицию! — предложил Анатолий Филатов.
— Если мы вызовем милицию, на Сичкина точно не попадём, — покачал головой Игорь Алексеевич. — Они эту процедуру могут растянуть надолго.

Через час из-за угла здания показалась группа армян. Они молча прошли к «своему» столику и, не обнаружив ничего, с мрачными лицами направились к парням. Но, увидев балетку, что-то радостно заговорили по-армянски.

— Ваша? — спросил Володя Евстюхин.

— Наша.

— А что в ней?

— Зарплата нашей бригады. Мы зерновой двор построили в Новом.

— Сколько там?

— Больше десяти тысяч.

— Забирай, да больше не теряй.

Один из армян — судя по всему, старший у них — открыл балетку и начал считать деньги.

— Ты что — не доверяешь? — возмутился Филатов.

Армяне вновь загалдели на своём языке. Старший закрыл балетку, достал из своего кармана двадцатипятирублёвую купюру и подал Ерёмину. Игорь решительно отказался взять её.

Армянин без акцента, на чистом русском, произнёс:

— Это вам всем за работу.

— Не понял? — переспросил Филатов.

— Ну, вы же охраняли наши деньги, а это ответственная и хорошо оплачиваемая работа.

И, прежде чем уйти, пожал каждому из компании руку со словами:

— Спасибо, ребята, вы настоящие советские люди!

К рукопожатиям присоединились и остальные армяне.

А когда они ушли, Филатов констатировал:

— Кина точно не будет. Опоздали.

— Ничего... — вздохнул Евстюхин. — Завтра Сичкин будет выступать в ДОСА *.

— Получается, что эти растяпы заплатили нам за испорченный вечер! — подвёл итог Коля. — Так что всё логично.

* Дом офицеров Советской Армии

Творчество участников Молодёжного Амурского литературного объединения (МАЛО)

Татьяна Ярушина

Родилась в селе Тамбовка Амурской области. Работает методистом в отделе образования администрации Тамбовского района. Неоднократно публиковалась в газете «Амурский маяк», в еженедельной газете-альманахе МАЛО – «НЕОнлайн», в альманахах «Амур» (БГПИ), «Первоцвет» (Иркутск), в журнале «Огни Кузбасса». Автор сборников стихотворений и басен «НЕМые МЫсли» (2019) и «Вдох-выдох» (2022). Руководитель секции поэзии в #МАЛО_БЛГ.

Участница нескольких семинаров в рамках работы Совета молодых литераторов Союза писателей России: Большого онлайн-совещания «Москва – Владивосток» (2020), Всероссийского Совещания молодых литераторов ХИМКИ'21, семинара журнала «Сибирские огни» (2021).

Рассказы

«Да сплюнь ты!...»

Перейдя Первомайскую улицу, заворачиваю за аптеку «АмурФармация» и иду дворами. Четыре трёхэтажных дома, как старые книги на запустелой библиотечной полке, стоят недалеко друг от друга и переглядываются своими балконными заголовками. Потёртые, грязно-жёлтые и неуклюжие, они напоминают могильные плиты посреди приходящего в себя от зимы села.

Середина весны, но никаких весенних признаков. Грязная клейковина липнет к ботинкам, старые штукетины под сиреневыми кустами скалятся, как наполовину выбитые зубы, а клумбы у подъездов скорее напоминают землю, отведённую под раскопки былых тёплых деньков, нежели жилплощадь для растительности.

Картина не воодушевляющая. Иду медленно мимо голых огородов, замурованных в серость деревьев, мимо мусорных контейнеров, подвешенных к натиску бродячих собак. Где-то сигналият машины. Где-то кашляют воробьи. Где-то... смеётся человек?

Прихожу в себя. Подняв брови, отгоняю унылые мысли и пытаюсь понять, откуда раздаётся смех. Подумать только: монотонность этого серого четверга пронзает, как скрипичная партия, женский смех! Подхожу ближе к третьему от аптеки дому и вижу, что на старой скамейке, у второго подъезда, хохочет старушка. И так заливисто, так по-девичьи звучит её смех. Маленькое хрупкое тельце её подскакивает на месте, а ноги болтаются, как две качели, параллельно подвешенные, нодвигающиеся вразнобой. Тёмно-синие шлепанцы, обутые на разноцветные шерстяные носки, едва касаются промёрзшей земли. Её застиранный зелёный пуховичок, расстёгнутый нараспашку, обнажает вязаную ярко-розовую кофту, надетую наизнанку. Пушистая шапка, слетевшая с запрокинутой назад головы, лежит на клумбе, где каждое лето, вплоть до глубокой осени, цветут бархатцы.

По улыбающемуся лицу старушки катятся слёзы, с точностью попадая в борозды морщин.

Женщина смеётся, а я стою в стороне, как истукан, и улыбаюсь. Ничего не могу с собой поделать. Этот смех, как простуда, распространяется воздушно-капельным путем, проникает и в моё тело, и в мои мысли.

«Что же её так рассмешило?» — думаю про себя я, но не вижу вокруг причин для радости.

Заливистый смех заполняет весь жилой массив, делает остаток четверга чуточку светлее. На небе проступает солнце.

Ловлю себя на мысли, что ни разу не видела эту хохотушку здесь раньше. Хотя чему удивляться — я живу в этом районе недавно. Продолжаю свой путь с довольной улыбкой, перебирая сегодняшние проблемы в голове и уже не расценивая их как глобальные. Целительный смех. Как подчас счастье незнакомых нам людей может распространяться на нас самих.

Подхожу к своему дому, вся охваченная этой неожиданной радостью, окрылённая, открываю подъезд и слышу с балкона первого этажа: «Здрасьте!»

— Здравствуйте, — подняв голову и прикрыв обратно дверь, отвечаю я соседке.

— С работы? — спрашивает тётя Нина, ставя таз с постиранным бельём на балконный столик. Один носок вываливается из таза и падает на клумбу.

— С работы, — отвечаю я и подаю ей полосатого беглеца. Улыбаюсь — ну ничего не могу с собой поделать. А смех всё ещё раздаётся у меня за спиной. — Слышите, там старушка смеется. Так заразительно!

— А! Клавдия Ивановна? Она смеётся уже минут пятнадцать, всё не успокоится никак, — ухмыляясь, отвечает соседка.

Тон её ответа и особенно ухмылка вызывают во мне удивление и даже негодование.

— Такая жизнерадостная она! Мне бы так! — оборачиваясь на старушку, восклицаю я.

— Да сплюнь ты! — морщится соседка.

— Почему это? — Я ничего не понимаю, но всё равно три раза плюю через левое плечо.

— Деменция у неё. Ей, видишь ли, для смеха причины не нужны.

И вот улыбка моя тает на глазах соседки с первого этажа. Тает и растекается по треснувшему асфальту. Тает, как смех за моей спиной. Тает, как только что зародившаяся радость.

И как моя уверенность в том, что для смеха нужен повод...

Камнем по голове

На набережной, в районе беседки-ротонды, играет на гитаре и поёт молодой музыкант. Его русые вихры развеваются на ветру, куртка цвета хаки, расстёгнутая нараспашку, обнажает чёрную футболку с надписью «Nirvana», а серебряный браслет на руке и пара медных колец на пальцах блестят в лучах заходящего солнца.

Парень крепко держит свою чёрную акустическую гитару и раскачивается в такт музыке, которая разносится по набережной, проникает в кафе, оседает на скамейках и привлекает бесцельно гуляющих людей.

Музыкант уверен в себе и в том, что делает. От удовольствия он покусывает губы, щурит глаза, потряхивает своей шевелюрой, явно подражая рок-идолам восьмидесятых.

Зеваки, собравшиеся вокруг, испытывают противоречивые чувства. Перед ними привлекательный и харизматичный молодой человек, абсолютно не умеющий петь. Конечно, его вокал можно было бы отнести к какому-нибудь из особых типов исполнения, кои любят придумывать люди, чтобы оправдать отсутствие таланта и мастерства, но не в этом случае. Ведь на гитаре он играет отлично — значит, имеет музыкальный слух.

Песня «Возьми моё сердце» группы «Ария» слышится около ротонды, когда к этому месту подходит молоденькая рыжеволосая девушка в летнем светло-зелёном платье. Она смотрит на озадаченные таким несуразным исполнением композиции лица зрителей и невольно подслушивает разговор, который переплетается с пением горе-музыканта.

Возьми моё сердце. Возьми мою душу...

— Кто бы его уже взял и вышвырнул отсюда? — с иронией произносит лысый мужчина средних лет, не отрывая глаз от исполнителя рок-хита девяностых. — Сил никаких нет это слушать.

Я так одинок в этот час, что хочу умереть...

— Давно пора! — насмешливо кивает его товарищ в ярко-красной футболке, обтягивающей ненормально круглый живот. — В его случае уже действовать надо — умирать, так с песней.

Мужчины смеются, не обращая внимания на уставившуюся на них в упор девушку.

Мне некуда деться, свой мир я разрушил,
По мне плачет только свеча на холодной заре...

— Если он не прекратит завывать, я его приблю. Но тогда о нём плакать будет уже мать... — перестав улыбаться, произносит лысый и вытирает рукой проступивший на лбу пот.

— Ага, отдыхали спокойно, потягивали пиво, а тут кошачий концерт. Сейчас он закончит петь, мы подойдём к нему и усмирим, как говорится, — тоже сменив весёлость на серьёзность, говорит второй.

Девушка, встревоженная услышанным, подходит ближе к музыканту и, пытаясь сделать его исполнение немного более сносным, начинает подпевать. Её обучение в колледже искусств на отделении вокала даёт о себе знать: песня благодаря чистому и звонкому женскому голосу приобретает новое звучание. Слушатели, до этого стоявшие с недоумённым видом, начинают улыбаться, возмущённые голоса сменяются довольным свистом. Парень озадаченно смотрит на девушку, но не прекращает играть.

...Возьми моё сердце.

Музыка замолкает. Публика аплодирует, количество зрителей за это время увеличивается вдвое. Кто-то из толпы выкрикивает: «Давайте КиШа!» Вокруг раздаются одобрительные возгласы. Два критически настроенных мужчины, так ждавшие окончания выступления, больше не горят желанием избавиться от музыканта. Прекрасный голос девушки напрочь стёр с лиц отдыхающих выражение начального недоумения.

После неожиданного успеха рыжеволосая гостья подходит вплотную к музыканту и, глядя ему в глаза, с улыбкой произносит:

— Может, споём «Проклятый старый дом»?

— Пошла вон... — отчётливо шепчет парень.

— Почему?! — удивлённо округлив глаза, спрашивает сбита с толку девушка.

— Я тебе сказал, чтобы ты шла отсюда. Сначала петь научись, а потом говорить будем. Позоришь только! — со злобой произносит парень и рукой отстраняет её от себя.

Толпа слушателей сразу замолкает.

— Но ведь мы... — Девушка пытается что-то сказать и при этом не расплакаться от обиды.

— Это моя публика, так что топай! — повысив тон, говорит молодой человек.

Ошарашенная студентка колледжа непроизвольно одёргивает своё светло-зелёное платье и под начавшуюся песню «Камнем по голове» группы «Король и Шут» идёт по набережной в сторону городского парка.

Её голова камень уже поймала.

Наступившая во время их короткого разговора тишина неожиданно нарушается. Люди, выражая возмущение грубостью музыканта, расходятся по своим делам.

Парень продолжает играть и петь, не обращая внимания на то, что из зрителей остались только двое мужчин, которые с нетерпением ждут конца его песни.

Неловко вышло

— Давай купим эту черепашку! Смотри, какая хорошенькая! — тараторит Иринка.

— Ну и что мы с ней делать будем? — недовольно спрашивает Макар.

— Выпустим на свободу! — уверенно отвечает она и улыбается.

— Ты хочешь сказать, что мы должны потратить деньги на эту черепаху, чтобы потом просто выпустить её в море? — уточняет парень, не отрывая от спутницы своих тёмно-карих глаз.

— Ну да! Представляешь, мы спасём ей жизнь! Она ведь взаперти, в этой маленькой пластмассовой баночке! Это не жизнь, Макар, это пытка, — с дрожью в голосе продолжает Иринка. Её серые глаза наполняются слезами.

— Хорошо. Давай купим и выпустим, — соглашается Макар и протягивает продавцу три юаня. Тот явно чем-то озадачен. Видно, он, как и многие местные продавцы в китайском курортном Бэйдайхэ, понимает по-русски и его удивляет такая неразумная трата денег: купить черепашку — и тут же её отпустить.

Иринка берет баночку, поднимает на уровень своих глаз и довольно шепчет: «Теперь ты будешь свободна, Женья!»

— Почему Женя-то? — удивляется Макар и поправляет кепку на своей голове.

— Так мы же не знаем черепашьего пола, — отвечает девушка, слегка постукивая указательным пальцем левой руки по баночке.

И вот они уже спускаются вниз по дороге к морю. По пути встречаются торговцы фруктами, бижутерией, кукурузой. На улице пахнет морем и персиками. Иринка гордо несёт черепашку, а Макар идёт немного позади, прислушиваясь к пению цикад.

На море небольшие мутные волны, хлюпая, слюнявят берег. Песок обжигает ноги, а китайские дети, нацепив надувные круги для плавания, разбегаются в разные стороны и мчатся друг к другу, сталкиваясь и отлетая в разные стороны.

— Вот так и Женя будет в море веселиться с другими черепашками! — говорит Иринка, подходя ближе к воде.

— Что же, давай отпускать, раз затеялись, — с ухмылкой произносит Макар.

Иринка с решительным видом смахивает прядь упавших на лицо волос и двигается вперёд. Когда вода доходит уже до колен, она откручивает крышечку и, радостно взглянув на Женю, переворачивает баночку. Черепашка, как неживая, плюхается вниз.

— Макар! Смотри, Женя не хочет от нас уплывать! Какое благодарное создание! — восторженно кричит Иринка. — Ты только посмотри! Прощай, Женя! — восклицает она и машет маленькой черепашке вслед.

Макар смотрит на эту сцену с долей сожаления. Ему кажется, что они что-то делают не так.

Черепашка барахтается у берега, сопротивляясь лёгким волнам, пока ими же её не уносит.

— Я вас везде ищу! — слышится мужской голос за спиной Макара. — Все уже собрались в кафе, только вас ждём.

— Да, сейчас идём! — откликается на его слова Иринка. — Глеб, мы тут черепашку у китайца в магазине купили и решили её выпустить на свободу!

— Не в том ли магазине, который возле фонтана на углу? — спрашивает парень, указывая в ту сторону, откуда пришли Макар и Иринка.

— В том! — довольно кивает головой девушка. — А назвали мы черепашку Женей, кстати. Здорово ведь?

— Не здорово, Ир, — недовольно отвечает парень.

— Почему? — спрашивает, нахмурившись, Иринка.

— Потому что черепаха была пресноводной, — произносит Глеб и, качая головой, смотрит на мутную морскую воду.

— Неловко вышло... — шепчет Макар, бросает короткий взгляд на девушку и отворачивается.

Когда цветёт черёмуха

Наш красный «Москвич» подъехал к деревянному забору, перед которым лежали тёмные массивные шпалы, доходившие до середины цветущей раскидистой черёмухи, верхушка которой, когда приходило время, покрывалась крупными черными гроздьями. У бабушки с дедушкой за двором росла самая вкусная черёмуха. Стоило лишь взобраться на вершину, чтобы собрать самых сочных ягод. Мы с братом это хорошо знали, потому что родители ежемесячно привозили нас сюда.

Старый дом отцовских родителей был ещё и обладателем самого высокого, на мой взгляд, крыльца. Пока поднимаешься — запыхаешься. Однако облегчал мне подъём пушистый белый кот, у которого была гетерохромия. То есть, проще говоря, глаза у него были разного цвета: левый — голубой, а правый — зелёный. Кот всегда восседал на самой верхней ступеньке, медленно водил разноцветными глазами по небольшому огороду, не обходя вниманием и собаку, которая вечно металась у калитки. Завидев кота, я стремглав взлетала по ступенькам наверх и с особой нежностью гладила длинную шерсть дедушкиного любимца.

Дед всегда выходил нас встречать, пока бабушка хлопотала на кухне. Его поседевшие кудрявые волосы казались самыми густыми, а улыбка самой приветливой. Тогда для меня не было человека добрее, чем дед. Особенно меня удивляла его любовь к животным. Он мог потратить несколько часов, избавляя собаку от колтунов, даже если казалось, что вариант один — побрить пса наголо. Все покрывала в доме были в кошачьей шерсти, и как бы бабушка ни сетовала, все понимали, что дед без домашней живности не сможет.

В тот наш приезд в город дедушка вышел придержать собаку, которая залилась противным надоедливym лаем, пока мы с родителями и младшим братом гуськом проходили вдоль стены дома к крыльцу. Поднявшись, преодолели тёмную веранду, уставленную железными баками, обогнули старую газовую плиту и вошли в дом.

Справа от входа была маленькая кухонька, где располагались печка, раковина, маленький деревянный стол с открывающимися вниз дверцами и плохо закрывающийся холодильник. В кухоньке было настолько тесно, что каждый там стоящий боялся что-то случайно сдвинуть или уронить.

Напротив кухни была комната моего двоюродного брата — крошечный закуток с кроватью и комодом, уставленным детскими фотографиями и иконами. Сам двоюродный брат к тому времени редко появлялся дома, проводя всё время на улице или у друзей.

Центральное место в доме занимал зал. Сразу слева — диван. Напротив входной двери — сервант, заставленный хрустальной посудой и статуэтками. Именно в серванте стояла моя детская фотография, где на фоне голубой шторы я стояла в пышном бордовом платье и держала в руках серого плюшевого слона. На голове моей красовался огромный белый бант. Чуть ниже располагались фотографии моего брата и двоюродной сестры. Сервант был особым местом, где бабушка хранила всё самое дорогое. Я об этом знала. И, казалось, ценила это.

Возле серванта на тумбочке располагался, к тому времени уже цветной, телевизор — грузная чёрная коробка, сверху бережно укрытая плетёной салфеткой. И, разумеется, рабочий стол, который давно потерял своё прямое назначение. На нём лежали обёрнутый в прозрачный чехол пульт от телевизора, цветные пуговицы и пожелтевшие от времени и солнца газеты.

Справа от входа в зал был ещё один дверной проём, рядом с которым стояло кресло деда. Я до сих пор помню, как дедушка — седой, лохматый, в сером свитере в мелкий ромбик, в плотных серо-зелёных штанах и тапочках поверх чёрных носков — сидел в этом кресле с котом на коленях.

И этот самый дверной проём вёл в спальню. Хотя я и не уверена, что это была спальня. Узкая и тесная, как каморка из романов Достоевского, она смогла вместить в себя лишь высокую кровать с периной и грудой подушек, уложенных друг на друга, и вещевой шкаф, в нижних ящиках которого находились чёрно-белые фотографии, хранившиеся в полиэтиленовых пакетах и больше напоминавшие вещественные доказательства, нежели семейный архив.

Бабушка, как обычно, крутилась на кухне. Маленькая, худенькая, немного сутулая, она была олицетворением хозяйственности и трудолюбия. Бабушка не чуждалась любой кропотливой работы. Она могла весь день провести возле кустов красной и белой смородины, собирая по одной ягодке. В полных ведрах не было ни листьев, ни веточек, только целые (а не раздавленные, как это всегда было у меня) круглые плоды.

В тот день я совершила поступок, за который мне до сих пор стыдно.

Разумеется, когда мы дети, нам многое могут простить: неаккуратно сказанное слово, дерзкий выпад, испорченную вещь или обман. Но совсем другое дело, когда спустя двадцать лет ты не можешь сам себя простить.

Это было начало двухтысячных. Только стали появляться йогурты, чипсы «Лейз», популярные и по сей день шоколадки «Баунти» и «Марс», сладкая газированная вода «Ассорти» и «Джойс». Всё это по тем временам стоило дорого. Как, собственно, и сейчас. Оттого ели мы это редко.

Но каково же было моё удивление, когда, приехав в тот день к бабушке с дедом и по привычке плюхнувшись на шерстяной от котов диван, я увидела чёрный пакет, который нам с братом поднесла бабушка.

Она с ласковой улыбкой пояснила:

— Вот, получила пенсию и купила то, что вы любите.

— О, классно! Спасибо! — воскликнула я и выхватила из бабушкиных мозолистых от работы в огороде рук пакет. Сверху лежала упаковка йогурта, состоявшая из четырёх стаканчиков, две пачки чипсов с сыром, бутылка газированной воды и пара шоколадных батончиков. Вы только подумайте, настоящий Новый год в мае!

Бабушка, умиляясь, постояла пару минут над нами, довольная тем, что вызвала такой восторг у внуков, которых видела не так часто, как хотела бы, и тихонько вышла на кухню.

Мы же с братом начали принятую в братско-сестринских кругах дежку по принципу: «Кто старше — тому и больше». Разумеется, не без слез брата.

Я сидела на диване, смотрела телевизор, ела чипсы, облизывая оранжевые от приправы пальцы, и думала о том, что очень здорово, когда у людей есть пенсия. А как прекрасно, что когда-нибудь она будет и у меня. Тогда можно будет позволить себе всё что угодно. Да, с выводами я тогда поторопилась.

Опустошив пачку, я принялась за йогурт. Отодрав защитную «крышечку» я увидела... плесень! Она зеленоватым слоем затянула верхушку содержимого стаканчика. Та же самая история была у брата. Мы переглянулись.

— Наверное, попался просроченный, — с недовольным видом произнесла я. Достала со дна пакета шоколадку и посмотрела на срок годности, чтобы точно не прогадать. Просрочена на месяц! Чипсы. Просрочены на три месяца! Йогурт — на два!

— Это ещё что такое? — возмутилась я. — Неужели бабушка не могла посмотреть на срок годности?

Соскочив с дивана, я скинула всё невскрытое и недоеденное в пакет и понесла на кухню.

— Бабушка! Оно всё просроченное! Ты что, отравить нас решила, что ли?! — прокричала я, недовольно сведя брови.

Все уставились на меня. Бабушка, стоявшая у открытого холодильника, замерла и опустила глаза. Мама пришла в себя раньше всех:

— Таня, ты как с бабушкой разговариваешь?

— А чего она нам просрочку дала? Лучше бы ничего не давала вообще! — выпалила я, бросила пакет, взглянула в заблестевшие от слёз бабушкины глаза и, шмыгнув носом, убежала на улицу, где чертовски сильно пахло цветущей черёмухой.

Минут двадцать я бродила за домом возле разваливающихся сараев, пинала твёрдые куски земли и ждала, что меня позовут на обед. Но о моём существовании будто бы все забыли...

В тот день домой мы ехали молча. У меня крутило живот, скорее всего, от самовнушения. Никто со мной о моём поведении так и не поговорил. Я сама всё, пусть и поздно, поняла.

Случай этот был забыт. Но спустя годы я всё думала о том, как же всё-таки бабушка нас любила. Пенсия у неё была маленькая. А как открылся небольшой магазин с просрочкой недалеко от дома, так решила купить сладостей, чтобы порадовать своих внуков, дабы они не чувствовали, что чего-то недополучают. Ко всему прочему бабушка с дедушкой имели статус «городских» родственников, а в то время, говорили, принято было сельских баловать. Возможно, бабушка и не думала о вредности такой еды. Но это ли важно?

После того случая изменилось одно. Когда мы бывали в городе, бабушка водила нас с братом в гастроном, где мы сами могли выбрать то, что хотели. Но уже не просроченное...

Бабушки в живых нет уже давно. Но каждый раз, когда цветёт черемуха, мы приезжаем на кладбище. Стоя у надгробного камня с её фотографией и порой медленно переводя взгляд на изображение деда на соседнем камне, я ловлю себя на мысли, что готова съесть всю просрочку в магазинах, лишь бы вернуть моих стариков и сказать бабушке: «Прости...»

Пень желаний

После смерти бабушки дед совсем сдал.

Осень выдалась на редкость промозглой и холодной. Красные виноградные листья уже облетели, обнажив редкие гроздья тёмных ягод, почти полностью склёванных сороками. Ветер временами был порывистый и беспощадный. Он хватал капли дождя, подбирал только что сорванные с тополей листья, ловил на лету насекомых и со всей силы выплескивал эту осеннюю окрошку в окна.

Дед лежал у нас дома, в комнате моего младшего брата, куда был определён мамой. Когда-то это была спальня родителей, но пару лет назад в ней был сделан ремонт: поклеены голубые обои с пальмами и песчаными островами, выровнен и перебелён потолок, постелен новый палас, покрашена бледно-фиолетовой краской дверь.

Раньше, открывая эту комнату, я испытывала радость, когда смотрела на такие яркие обои. Казалось, что из темной прихожей я неожиданно попадала на райский остров. Вот только на песочного цвета паласе валялись вместо ракушек грязные носки брата.

Теперь же, входя в комнату к деду, которого родители называли «лежачим», я ощущала невыносимую тревогу. У меня не укладывалось в голове, каково это — медленно умирать (а дед умирал) в комнате с пальмами, где пахло не морем, а лекарствами, где слышался не шум прибоя, а тихое постанывание и редкое поскрипывание кровати.

Дед лежал и будто бы погружался в белый зыбучий песок этой комнаты. Мертвенно-бледный на невыносимо-белом постельном белье, он казался призраком, который хочет раствориться в этих стенах, но не может. И эти пальмы. Жуткие пальмы, так противоречащие смерти.

Именно в этот год у нас в селе возле Дома культуры поставили «Пень желаний», который сразу облюбовали местные. Это был большой дубовый чурбак, очищенный от коры. Поверхность его была гладкой, какая встречается только у деревьев, долго пролежавших в воде. Вряд ли мне удалось бы его обхватить руками — таким широким он был.

Работники Дома культуры каждое утро выносили десятка два небольших гвоздиков, складывали их в красное ведёрко, висевшее под стойкой, на которой располагался чурбак, проверяли наличие прикованного на цепь молотка и следили за тем, чтобы никто из детей не поранился при забивании гвоздя.

Я знала, что во многих населённых пунктах были памятники, статуи или фонтаны, которые, по уверениям многих людей, способствовали исполнению желаний. Но для нашего села появление такого предмета было приятной неожиданностью. Желания сыпались одно за другим. Гвозди — и новенькие, блестящие, и старые, уже ржавые — плотно утыкали пень. А я тем временем искала в папином гараже самый большой гвоздь, который хотела тоже вбить и загадать желание. О скорейшем выздоровлении деда.

Найти что-то в отцовском гараже всегда было проблемой, порой даже и для папы. Множество полок были заставлены баночками, коробочками, ящичками, которые через верх были наполнены шурупами, гайками, отвертками и всем необходимым для работы с машиной и по хозяйству.

Несколько дней я пребывала в поисках лучшего гвоздя, а тем временем деду становилось хуже. Мама выходила из его комнаты смурная, всё реже можно было услышать от неё хорошие новости о том, что дед поел или произнёс хоть слово. Чаще всего, прикрывая дверь, она просто качала головой и уходила на кухню. Родители уже знали, к чему готовиться.

Мне было жаль взрослых. Они сдались, ведь потерять веру в чудо — значит перестать жить. Я верила в «Пень желаний». Верила в деда.

Обшарив весь гараж и всё же найдя самый большой гвоздь, я вскочила на велосипед и в дождь помчалась в центр села, к Дому культуры. Вот забью гвоздь, загадаю желание — и дед поправится!

Бросив велосипед у перил, быстро шлёпая по лужам, жадно глотающим мои сапоги, я побежала к месту, где находился волшебный пень. Везение! Вокруг никого не было, а вот место свободное под гвоздь было! Пара минут — и он торчал из пня. И я чувствовала, как желание постепенно начало исполняться.

Пятнадцать минут спустя я уже слезала с велосипеда и летела на кухню. Там, сидя за столом, плакала мама.

«Неужели умер?! — подумала я. — Не может быть! Это должно сработать!»

«И пень сработал. В этот день дед впервые за несколько суток поел. Потом заговорил, а потом...» — Так я могла бы продолжить историю, обманывая саму себя.

Но жизнь есть жизнь. Моему желанию не пришлось исполниться, потому что Смерть успела вбить гвоздь в крышку гроба моего деда раньше, чем я вбила его в «Пень желаний». Вбей я его днём раньше или днём позже — ничего бы не изменилось. Хотя детская вера сильнее веры взрослых.

На следующий день в доме все зеркала были завешаны белыми простынями. Такими же белыми, как те, на которых ещё вчера лежал дед.

Да только вот с тех пор пальмы для меня стали символом долгой и мучительной смерти, а не победы и долголетия, как принято считать.

Право на опыт

На улице сильный мороз, какой часто бывает на дальневосточной земле в середине января. Сероватые головы сугробов бьются лбами о колени прохожих, спешащих на работу. Машины ползут подобно баржам, бороздящим снежные волны, а птицы виснут над крышами и молчат из-за невозможности раскрыть замёрзшие клювы.

Амур встал колом, как встали стройные многоэтажки, как фонарные столбы и светофоры, как встало бледное небо над городом. Минус тридцать восемь. Снега не было два дня.

Иринка и Макар, держась за руки, медленно шли по тротуару. Субботний день пророчил тишину и покой. По гороскопу у Тельцов сегодня намечался благоприятный день и незначительные финансовые потери, а у Козерогов, если верить астрологу, должно было появиться

время для решения семейных проблем. Проще говоря, мало что могло испортить эту субботу.

Проходя мимо храма, Иринка заметила возле высокого кирпичного забора, окружавшего здание, щуплого, легко одетого старика. Он сидел на складном стульчике и подёргивался всем телом от холода. Его седые немытые волосы торчали из-под грязной вязкой шапки, заплывшее смуглое лицо, похожее на сушёный инжир, не раз за последние дни битое, выражало полное равнодушие, поседевшая борода напоминала один большой колтун, а пальцы, торчавшие из дырявых перчаток, пугали отсутствием ногтей. В руке он держал замызганный, некогда белый, пластиковый стакан, на дне которого лежала пара монет.

— Пода-а-айте Бога ради! — стонал старик, пытаясь перекричать звон колоколов на башне. — Пода-а-айте!

Иринка притормозила, не доходя до попрошайки, она приблизилась к уху Макара, оттянула его шапку и прошептала: «Давай подадим старику?»

Макар возвратил шапку на место, пряча ухо, и ответил:

— Я бы не стал подавать. Ему явно на водку надо.

— Нет, ты что?! У храма просто так кто попало не просит милостыню.

— Ириш, не смей меня. Каждый, кому нужно навернуть рюмашку, пойдет на всё, вплоть до такого сиденья на жутком холоде. Уж поверь мне.

Полная женщина в песцовой шапке и коричневой мутоновой шубе, протискиваясь между молодыми людьми, возмутилась:

— Встали посередине и клювами щелкают, не пройти и не проехать. Отойдите в сторону и не мешайте людям!

Она фыркнула и, шлёпая ботинками по льду, покрывающему тротуар, пошла дальше. Иринка и Макар переглянулись.

Тем временем старик сменил тактику. Он слез на тротуар, положил голову правым ухом на стул и стал протяжно конючить:

— О-о-о, лю-ю-ди добры-ы-е, помо-о-огите, кому не сло-о-ожно! Вну-у-уки болеют. Спа-а-асите боле-е-езных!

Прохожие, не обращая на него внимания, проносились мимо: кто-то спешил на остановку, кто-то стремился добежать до магазина, чтобы погреться.

Розовощёкая Иринка, натянув свою белую ушанку сильнее на лоб и подняв выше воротник бежевого удлиненного пуховика, посмотрела на Макара снизу вверх и прошептала:

— Макар, у него внуки больны, давай подадим милостыню. Он не пропьёт, я чувствую, да и мы не обеднеем.

— Ты всю жизнь живёшь в этом городе. Разве не слышала, что большинство людей, которые сидят у стен храмов и даже торговых центров, — это подсадные?

— А вот и нет. Тебе просто жалко для человека ста рублей... Вот люди увидят, что мы подали, и тоже начнут!

Макар смотрел на девушку долго и пристально. Наивность Иринки его поражала. Она столько раз получала оплеухи от жизни за свою доброту, но каждый раз будто забывала всё дурное. Макару в своё время приходилось иметь опыт с попрошайками, поэтому перечить девушке он не стал. Каждый имеет право на опыт.

— Хорошо, давай подадим, — сказал молодой человек, и Иринка, будь у неё хвост, обязательно бы им завиляла, но ей удалось только похлопать в ладоши. Звук хлопков растворился в толще её вязаных варежек.

Тем временем старик поднялся на ноги, хруст его костей смешался с шумом проезжающих мимо автомобилей, болтающих по телефонам людей и отдаленным звуком музыки в ближайшем торговом центре. Он переминался с ноги на ногу, порой потирая руками свои предплечья, выдыхал горячий воздух из своих угробленных ещё в молодости пневмонией лёгких. Стаканчик стоял у его ног.

Иринка подошла ближе к старику и пристально посмотрела на него, Макара же она попросила постоять в стороне, чтобы он ничего лишнего и оскорбительного не сказал. Парень сразу согласился.

— По-о-омоги-и-ите с-и-и-ироткам! — тянул попрошайка. — Бо-о-ольны-ы, бо-о-ольны-ы!

— Здравствуйте! Что с вашими внуками? — спросила Иринка, рискуя наконец начать разговор.

Старик уставился на неё и замолчал. За последние недели с ним никто ни разу не заговорил и не подал ни одного рубля. Он стоял в смущении, глядя на девушку узкими щёлками глаз на заплывшем бородатом лице. Глаза его были такими голубыми, что, взглядевшись в них, Иринка поняла, что не ошиблась, когда решила помочь этому человеку. С такими глазами зло в душе не поселится.

— Гриппуют они, — произнёс наконец старик. И торопливо начал делиться своей болью: — Дети мои, их родители, погибли в прошлом году, а я пенсионер. Денег не хватает, а цены в аптеках — это издевательство над стариками... Живём мы в старом бараке, внучат двое: Надька и Лёнька, пять и семь лет. Кашляют, сопливят...

— Не переживайте, сейчас я вам помогу. — Иринка поспешно открыла свой синий кошелёчек, достала пятьсот рублей и протянула старику. Тот от неожиданности резко сел на стул, стул проскользил по льду, и попрошайка упал. Иринка бросилась поднимать старика, но

отшатнулась от жуткой вони из его рта. Совладав с собой, всё-таки протянула руку и помогла ему встать. Он ухватился за её бежевый пуховик, оставив на нём несколько грязных пятен.

Макар, наблюдая со стороны за этой сценой, хмыкнул. Старик не внушал доверия, но и денег Макару жалко не было. Они оплатят Иринке урок. Единственное, чего ему хотелось после, — так это доказать девушке, что настоящие нищие встречаются нечасто, что по большей части на улицах собираются «подневольные», которых крышуют «сильные мира сего», держащие целые кварталы. Путём шантажа и насилия они заставляют стариков, инвалидов и женщин с детьми стоять и просить милостыню, при этом отбирая часть заработанного. Ведь пока существует человеческая жалость, будет существовать такой уличный бизнес.

Старик холодной дрожащей рукой сначала вытер собравшийся на его бороде иней, а потом взял новенькую купюру, которую любезно протянула ему девушка.

— Спасибо, моя дорогая. Как зовут тебя, спасительницу?

— Ирина, — ответила девушка.

— Так вот, Ирина, всего тебе самого доброго, да благословит тебя Господь. Я сейчас при тебе зайду в аптеку и куплю лекарств, чтобы ты не думала, что я пьяница. Все так думают ведь... — опустив глаза в землю, произнёс старик, слегка хрипя голосом.

— Не за что. Здоровья вашим Наде и Лёне и большой привет, — с ослепительной улыбкой произнесла девушка, выдохнула пар изо рта и пожелала хорошего дня старику. Тот помахал ей в ответ и поёжился.

Пока Иринка говорила с попрошайкой, Макар прошёл дальше и стал ждать девушку на углу. Та, завидев его, бросилась к нему на шею и сказала: «Вот видишь, так всегда бывает, когда поступаешь по совести». Она была довольна собой.

Старик сложил свой стул, взял с тротуара стакан и пошёл напрямик в аптеку. Иринка и Макар наблюдали за ним со стороны. Спустя десять минут старик вышел с наполовину полным аптечным пакетиком и направился по улице Горького в сторону Калинина.

Иринка ликовала, Макар молчал.

На следующее утро парень решил ещё раз посмотреть на страдальца с заплаканным лицом и голубыми глазами, заставившими поверить Иринку в чистоту человеческой души старика-нищего.

Снова, как и вчера, около забора на складном стуле сидел попрошайка. В той же одежде, с таким же равнодушным выражением лица. Как только люди переходили пешеходный переход и намеревались пройти мимо, он начинал затягивать знакомую песню:

— О-о-о, лю-у-ди до-о-обрые, помо-о-огите, кому не сло-о-ожно! Вну-у-уки болеют. Спа-а-асите боле-е-езных!

— Здравствуйте. Как поживают Надя и Лёня? — с усмешкой спросил Макар у уставившегося на него в упор старика.

— Кто? — с недоумением спросил старик и кашлянул, выпустив зловонный пар из своего рта.

— Внуки ваши болеющие, — пояснил парень.

Старик задумался. Глаза его бегали из стороны в сторону, Макар ощущал, как пульсирует мозг в голове у нищего.

— А, ну да. Мои дорогие внучата... — он шумно вдохнул и выдохнул, — ...по-прежнему хворы. Денег нет, кормить и лечить нечем. Я пенсионер, еле свожу концы с концами. Внучке два года, внуку пять... Пневмония у них. Хм...Подайте, пожалуйста, Бога ради прошу!

— Вчера моя девушка подала вам пятьсот рублей, однако то, что вы говорите сегодня, совсем не совпадает со вчерашней историей, — выпалил Макар, не сводя глаз с застывшего с открытым ртом старика. Парень купался в своей правоте.

— Иди-ка, парень, куда шёл. По-хорошему прошу, — сменив тон, сказал старик. Голубые глаза его сверкнули.

— Нет уж, поясните мне... На что вы потратили деньги?

— На что надо, на то и потратил! Хм... В аптеке был, — рывкнул старик, но, бегло оглядевшись по сторонам, сразу сменил тон на более мягкий. — Купил нужное и пошёл домой.

— Что купили? — не унимался Макар.

— Боярышник, — хмыкнув и пожав плечами, ответил старик. Ни стыда, ни раскаяния на его буром морщинистом лице не было.

— Ведь девчонка вчерашняя — студентка, живёт на стипендию, а пятьсот рублей — это приличные деньги. Она ведь поверила вам, — продолжал давить на чувство совести старика Макар, пока тот не прервал его речь:

— Послушай, дружок. Ты благодарен мне должен быть хотя бы за то, что я девицу твою не разочаровал. Во-первых, я дал ей поверить в то, что она помогла и денег на ветер не выкинула. Хм. Во-вторых, я специально пошёл в аптеку, потому что знал, что она будет наблюдать, хотя эта аптека дороже, чем та, что рядом со мной. Так что не надо из меня чудовище делать, я, как-никак, у храма сижу, сын божий и все дела... — Старик говорил это с таким нахальством и пренебрежением, что Макару становилось не по себе.

Неожиданно в голове парня возникла мысль о том, что этот старик не так прост. Слова его выдавали отнюдь не жертву, а хищника, человека опытного, хитрого и занимающего во всей этой «попрошайнической» системе не последнее место.

— Какая подлость так обманывать людей! — возмутился Макар и подышал на свои замёрзшие руки.

— Знаешь, пока есть такие наивные простаки, как девица твоя, будут существовать такие, как я. Но поверь мне, мальчик, — старик покашлял в кулак, — поверь мне, мальчик, я не самый плохой человек на этом свете. Есть намного хуже. Стены храма принимают всех верующих да безгрешных, за забором святыни мы все выброшенные на берег битые корабли. Я такой корабль. По крайней мере, я не дал этой наивной девочке усомниться в её правоте и благородстве поступка. Я позволяю, в своём роде, поверить в чудо и потешить человеческое самлюбие за счёт доброго дела. Так что... — Нищий обернулся на храм, посмотрел на самый высокий купол и с улыбкой произнёс: — Если подать ничего не хочешь, то ступай себе с Богом.

Макар будто вмёрз в землю. Речь старика сначала казалось ему абсурдной и нелепой, а потом он почему-то сам почувствовал себя дураком. Потому что пришёл сюда. Потому что начал во всём этом копать. Потому что его правота не принесла ему удовлетворения. Потому что, в конце концов, он решил не рассказывать правды Иринке.

Ведь у каждого должно быть право на опыт. И он своим воспользовался.

Галина Панкрац

Родилась и выросла в Благовещенске. Пишет и рисует с детства, однако, по собственному признанию, почувствовала себя поэтом и художником совсем недавно.

На данный момент — многодетная мама, радиоведущая и просто счастливый человек по жизни.

ГОД ИЗ ЖИЗНИ СЕРДЦА

Замолчало. Приуныло.
Пригорюнилось. Остыло.
Потревожилось... Проснулось,
Вспомнило и оглянулось —
Обозналось... «Эх!» — вздохнуло.
Сплюнуло. Перешагнуло.
Оступилось. Отряхнулось.
Вдруг заплакало. Надулось.
Отдохнуло, отдышалось.
Призадумалось. Осталось.
Приглянулось. Застеснялось.
Улыбнулось.... Рассмеялось!
Заалело, застыдилось...
Успокоилось. Забылось...
Отдалось... Затрепетало...
Вздрогнуло! Взошло. Познало...
Окрылилось и взлетело —
Не упало. Не сгорело.
...Не забыть. Не отвертеться.
Ровно год из жизни сердца...

МОЙ БЛАГОВЕЩЕНСК

Мой Благовещенск — это просто дом,
Пятиэтажный дом микрорайона.
Горластые сороки за окном
И тополя до самого балкона.

Уютный город — ровно семь минут
Неспешным шагом до девятой школы
Через соседний двор. Простой маршрут,
Все шторы первых этажей знакомы...

Дворец для пионеров — дом второй...
Троллейбусы «кляц-кляц» на перекрёстках.
Прогулки у фонтана всей семьёй,
Мороженое вкусное в «Морозко».

Мой Благовещенск — лоси в Городском
И Машенька с медведем в Первомайском.
И тройка в Новый год размером с дом,
И горки аж до стороны китайской.

Небрежно так надорванный билет
В «Амур» или «Октябрь» — на киноленту.
Снегурочка, в руках — пломбир-брикет.
Ещё не в бронзе, а уже легенда.

На набережной в трещинках асфальт —
Не наступить! Так и идёшь с подскоком.
Снимает папа интересный слайд,
И кажется Амур таким широким...

Вот Ленин в сквере, в свой обычный рост,
Подсказывает путь нам, между прочим.
И длинный — ещё новый — Зейский мост,
И к бабушке в деревню путь короче.

В часах музея — вальс «Амурских волн»,
И тополя шумят замороженно...
Мой Благовещенск — это просто дом,
Пятиэтажный дом микрорайона.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Проснуться не с будильником, а с мыслью:
«Как вкусно пахнет кофе и дождём».
Под шелест за окном осенних листьев
Или снежинок, если зиму ждём.

Расцеловать любимые макушки,
Стараясь не спугнуть остатки сна,
И выпить кофе из любимой кружки
У тёплого и светлого окна.

Подумать, как немного в жизни надо —
Проснуться дома, думая о том,
Как под неспешный шелест листопада
Так вкусно пахнет кофе и дождём.

ДОЧЕНЬКЕ

Ты моя хрупкая, сильная девочка.
Ты — мои корни, ты — мои веточки.

Ты — моя связь поколений бесценная.
Свежесть моя, одержимость весенняя.

Ты — предвкушение праздника зимнего.
Ты — моя слабость и сила взаимная.

Глупость вопросов и трезвость ответов.
Ты — моё жаркое, быстрое лето.

Ты — моя яркая, спелая осень.
Мудро нам жизнь дочерей преподносит.

Если расти и мечтать не откажешься,
И до луны, и до звёзд ты дотянешься.

И, поднимая к луне свои веточки,
Корни свои не теряй, моя девочка.

Не бойся что-то начинать!
Иди, плыви, лети — не бойся!
Получится ли? Как узнать,
Не начиная? Успокойся,
Вдохни и выдохни. Теперь
Забудь на время о покое
И знай — всегда открыта дверь,
Уйти легко. Начать легко ли?..

МНЕ ВЕЗЁТ НА ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

Мне везёт на хороших людей,
На людей бескорыстных и верных,
Кто примчится на помощь скорей,
Чем об этом попросишь, наверно.

На красивых людей мне везёт —
На роскошных душою и сердцем,
Кто в волшебный свой мир позовёт,
Не прощаясь с безоблачным детством.

Мне везёт на людей, день за днём
Помогающих в чудо поверить.
Мой успех — в окруженье моём.
Это счастье ничем не измерить.

Поменяй свой взгляд на мир!
Станет жить намного проще,
Если за ориентир
Взять мечту. Мечту побольше.

Впрочем, мелкие мечты
Тоже не теряй из виду:
Для тебя они — круты!
Да, и не давай в обиду

То, что любишь, чем живёшь.
Береги от негатива
Свою правду, свою ложь.
Падаешь — лети красиво.

Извинись, коль виноват.
И не плюй в того, кто грешен.
Не считай шагов назад,
Но старайся, чтоб поменьше.

А шаги вперёд — считай!
Радуйся своим победам!
Принимай, осознавай,
Наполняй теплом и светом

Мир вокруг. Ведь дело в том,
Что всего важнее, как ты,
Под каким глядишь углом
На одни и те же факты.

Если б каждый так бы мог,
Сберегли бы свои нервы...
И поверь — никто не бог,
А вот личность — каждый первый.

Коль ты сам себе кумир —
Будь! Но будь без фанатизма.
Поменяй свой взгляд на мир.
Больше будет счастья в жизни.

Александр Станковский

Родился 18 января 2001 года в Благовещенске. Студент естественно-географического факультета Благовещенского государственного педагогического университета. Активно участвует в деятельности Молодёжного Амурского литературного объединения (МАЛО), являющегося молодёжной секцией Амурского отделения Союза писателей России. Печатается в ежемесячной газете-альманахе МАЛО – «НЕОнлайн», в альманахе «Амур» издательства БГПУ.

ДВЕ НОЧИ ТИШИНЫ

Две ночи тишины — ни отзвука, ни звука,
Ни гóлоса, ни глаз, что стали мне родны
И не новы. Хочу войти без стука
В эфир к тебе. Одёргивают: «ну-ка!»
И, в общем-то, окажутся правы.
Тебе нужны две ночи тишины.

С сомнением во мне ты сделалась печальней,
Я следом за тобой серёю в гуще дней.
Что золото молчание — неверно,
Оно — алмаз. Оно хранится крепко:
Алмазы ценны крепостью своей.

Я впал в хандру; верней — мы впали оба,
Судьба толкает вниз, казалось бы, в обрыв.
Судьбе не верь (она приврать горазда),
Не верь толпе из скептиков и праздных,
Что «мы» — прошли. Мы взяли перерыв.

Молчком плетёмся, врозь, поодиночке.
Лишь слышно, как болтают две жены
Своих мужей. Мы — потоскуем лучше,
Ногой бесцельно смазывая лужи...

...А всё-таки, полезны и нужны
Порой всего две ночи тишины.

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ Л. Г.

Бывает, на балконе в одиночку,
Как в коконе, завёрнутый в куртец
(А часто — босиком), засиживаюсь в полночь,
Курю. И знаешь — радуюсь, как сволочь,
Слезам у неудавшихся невест.

Их давит жаба, зависть давит комом,
Нашла на них как будто бы напасть...
Я знаю наперёд: неважно, дома,
Вдали от дома — ты всегда охотно
Со мною будешь выходить на связь.

Ведь нету от тебя секретов у поэта,
Почти что нету. Только бы опять
Не встретиться спиною с дулом пистолета,
Не позволять чьему-то праву вето
Мне что-то очень важное сказать.

Уходит разговор за разговором
Стремительно, как пачка сигарет,
Я радуюсь — и ты. И мы смеёмся хором,
А между этим — перерыв, в котором
И подходящих выражений нет.

О ГОРОДЕ Б. НА МОТИВ ИОСИФА Б.

Там в сумерках рояль бренчит в висках бемолью...

Иосиф Бродский. «Пятая годовщина»

Говаривал поэт: там жизнь бренчит бемолем
И из грязи дорог переродилась в гóлем.
Там тяжести проблем смягчают алкоголем.

Там бродит молодёжь. Одни в нарядах броских,
За чёлкой прячут глаз и пьют, понтуясь Бродским,
Другие просто — пьют. И носят «три полоски».

Там кажется размах автомобильных пробок
Несвойственно велик для тех, кто помнил город,
В котором рык движка ещё несмел и робок.

Там свет от фонарей в проулках монолитных
Разл́итым молоком раскинется на плиты
И окропит листву карагача и липы.

Как хмурые леса, стою я во рванине
Востока посреди, и сам — посередине
Меж двух племён моих ровесников и ныне.

ГОРОДУ

Мой близкий друг, муниципальный округ,
где перекрёстки складывают сеть,
где от дождя не успеваешь сохнуть
и где светлеет, не успев стемнеть.

Тебя, мой кровный, в мире ли, в бою
я до последней стёртости в порогах
и до последней выбоины в дорогах
ещё с трудом, но всё-таки — люблю.

Переживая мир или войну,
я всё — от первых наледей на бродах
до оттепелей, смелых ледоходов —
не без труда, но всё-таки — приму.

Не страшно, что не слышат песнь мою
и что турист не расчехляет «Kodak».
Тебя не воспоют в других народах,
но я, как видишь, всё ещё пою.

ЛЕТО ВПУСТУЮ

В этом доме есть свет, он включён, но квартиры пустуют.
Там томятся тела, только души у них не бастуют,
Не затем не бастуют, что Крым променяли на Б́али,
А затем, что работали много и быстро устали.
Они планов крутых или встреч деловых не рисуют,
Лишь досуг и поход в супермаркет с бездельем тасуют.

Это значит:

Ещё один месяц июнь будет прожит впустую
И лето ещё одно будет прожито впустую.

Тридцать дней — тридцать штук одинаково прожитых фактов.

Вера в то, что не сбудется, вырастет тридцатикратно,

Тридесят отговорок: за нас посторонний в ответе.

Пролетел первый месяц — и это никто не заметил.

Впереди — ровно тридцать синонимов слова «забвение»,

Тридцать первый прицепится к ним, словно Бендер ко стулу.

Это значит:

Ещё один месяц июль будет прожит впустую

И лето ещё одно будет прожито впустую.

Пока не исчезла, не вымерла наша наивность,

Мы, словно за нитку, продолжим держаться за леность.

Заделайте стену, пока не посыпалась известь,

И в люди идите, пока ваша дверь не закрылась

Навеки. Бездействует тот, кто ничем не рискует,

Кто утром не встанет, не сделает, не обмозгует.

Для них

Месяц август окажется прожит впустую,

И лето ещё одно будет прожито впустую.

Елизавета Шеломихина

Елизавета проживает в городе Благовещенске.
Считает, что лучше и красочней о ней расскажет не автобиография, а стихи.

ПОСВЯЩЕНИЕ ГОРОДУ ХЭЙХЭ

Скоро приеду, встретимся у реки.
Я иногда скучаю, признаюсь честно!
Мне о тебе уже многое не известно...
Только включаешь красные огоньки
По вечерам и хитро моргаешь всем.
Что у тебя внутри, для меня загадка.
Я на твоих руках засыпала сладко
И убегала к тебе от земных проблем.
Ты меня знал насквозь, ты ко мне привык.
Видел, как я влюблялась, потом рыдала.
Знаешь, тебя я часто не понимала,
Хоть изучала по правилам твой язык.
Ты меня то воспитывал, то учил.
Я тебя то любила, то презирала.
Вдруг повзрослела, а ты меня до вокзала
Очень легко и стремительно проводил.
Больше трёх лет мы рядом, но далеки.
Как бы там ни было, ты мне остался дорог,
Разноречивый, но мой — студенческий город.
Скоро приеду, встретимся у реки!

Мы утонули в собственных грехах.
Идём на дно, испытываем страх,
Закрылись в своих маленьких мирах,
Вращаемся по кругу, на повторе.

Нам нужно вырываться из оков.
Жизнь соткана из радужных цветов,
Раскинулась с земли до облаков,
А не замкнулась в узком коридоре.

Мы верили так свято своей лжи...
Перед глазами тают миражи.
Не бойся! Крепче за руку держи
меня и отпусти скорей потери....

Летим на свет! Я знаю, там тепло.
Всё прошлое сквозь пальцы утекло.
Откройся мне, расправь своё крыло.
Летим на свет! Вся боль пройдёт, я верю!

Ничего не осталось, все вытоптаны дороги.
Душа ещё теплится, только не держат ноги.
Ползу по руинам, наматываю круги...
Мне так неудобны казённые сапоги.
Сама не своя — играю чужие роли.
Под маской скрываю подобие серой моли.
На свет не лечу, безумствую в темноте,
Боясь показаться в собственной «наготe».
Ищу новый путь, ещё не дошла до точки...
Сплошная энергия скована оболочкой.
С утра на лице рисую живой портрет...
Наш мир иллюзорен, меня в самом деле нет.

Вечер. Небо темнеет пятнами,
Облака в перламутровой дымке.
С виду кажутся мне необъятными,
Оседают слоями ватными,
А потом замирают в картинки,

Как улыбки на фотокарточке,
Остаются следами прошлого.
Ночь. И звёзды блестят, как лампочки.
Мы, обнявшись, сидим на лавочке.
Нет запретного, невозможного.

Я влюбляюсь в порывах творчества.
Выдох — вдох. Не смотрю на стрелки.
Вспышка в небе — и ночь закончится,
А на завтрак — грамм одиночества
В виде слёз на пустой тарелке.

Мне холодно — уже не месяц май.
Мне очень пусто (всё идёт к зимовке).
Как будто переполненный трамвай
Забыл меня одну на остановке.
При этом даже усом не ведёт,
В лицо смеётся едким серым дымом.
И «умное табло» мне нагло врёт,
Что стану я счастливым пассажиром
Через минуту или через две,
Но мне не влезть в придуманную радость.
Размерчик мал, пора худеть к весне!
Снять мёртвый груз — свинцовую усталость.
Не ждать, не погружаться в пустоту —
Идти самой! Пусть медленно и долго,
Но ощущая жизни остроту.

Ирина Денисова

Родилась в Благовещенске, где окончила школу, а также Благовещенский педагогический университет.

С 2015 года начала увлекаться фотографией, со временем решила полностью посвятить себя профессиональной фотографии. В 2019 году вышла замуж и переехала к мужу по месту его жительства в г. Мельбурн в штате Виктория, Австралия. На данный момент проживает там.

Регулярно печатается в ежемесячной газете-альманахе МАЛО – «НЕОнлайн»,

Рассказ

Самая славная в мире земляника

Мы с мужем часто приезжаем к океану. Не знаю, как в других местах, но на австралийском побережье океан шумит так, что все лишние мысли уносятся прочь, словно крикливые чайки. Можно гулять рядом с океаном и час, и два. И не находить внутри себя ни одной связной фразы, ни одного путного размышления среди рокота волн и свиста ветра.

Другое дело, когда после такой прогулки возвращаешься домой. Мысли в голове сплошь чистые и размеренные, и начинаешь кое-что понимать. За всё время, что ноги ступали по холодному песку, океан тебя разворошил и вытащил на свет истории, о которых, казалось, и рассказывать нечего. Но океану виднее, что интересно, а что действительно стоит забыть.

Одна из таких историй случилась, когда я ещё жила в родном городе Благовещенске, что лежит в объятиях двух рек: Амура и Зеи. Там, где лето может быть знойным, а небо всегда высокое и глубокое.

Однажды летом моя мама объявила, что на выходных мы отправляемся в поход. Мы — это мама, моя младшая сестра и я. Мне исполнилось лет тринадцать, а сестре всего шесть. Когда двое из трёх членов команды столь молоды, поход не может быть делом экстремальным. Мы отправились на берег реки Зеи с ночёвкой. Подобные походы случались для нас не в первый раз. После них, как правило, спина моя обгорала на солнце и спать приходилось обмазанной с ног до головы сметаной — лучшим средством от солнечных ожогов. Но поход всякий раз воспринимался нами, детьми, как большой праздник.

Рядом с городом берега рек многолюдны и не всегда чисты. И наш маленький отряд на автобусе несколько часов двигался до села Москви-

тино. Потом, от автобусной остановки, мы шагали по пыльным тропам, мимо задумчивых коров и молчаливых сельских жителей. Не помню я тяжёлых рюкзаков с палаткой и провиантом, которые бы оттягивали наши с мамой плечи. Груз этот был только на одних её плечах. Я же помню только разморенные солнцем травы, благодатную тень от старых деревьев и блеск речной воды. Всё наполняло детскую душу небывалой радостью и предвкушением. Две ночёвки в палатке, на берегу реки, с весёлым костром и безмятежным купаньем!

Однако радость сменилась разочарованием: Зея от дождей поднялась, и наше привычное место оказалось затопленным. С тревогой смотрели мы с сестрой на тёмную воду, которая добралась до самой травы и деревьев. Душный и скучный город виделся в этой воде всё чётче и чётче. Маму подъём воды тоже расстроил и озадачил, но она не показывала этого, и мы смело шли за ней следом, как храбрые гусята.

Всё шли... И шли вдоль берега в надежде найти место, подходящее для будущего лагеря. Пока не набрали на старую базу отдыха. Она закрыта, лишь в одном из домов жил сторож со своей женой. Так мы оказались у них в гостях.

Пока взрослые обсуждали опасность полноводной Зеи, мы с сестрой потихоньку осматривались. Таинственными и немного пугающими казались большие пустые корпуса для отдыхающих. Трава вольготно росла на тропинках, а на облупленных лавочках по-хозяйски лежали золотоглазые местные кошки.

Солнце клонилось к земле на западе, вечерняя прохлада струилась от высоких хмурых деревьев к нашим голым ногам вместе с наглыми комарами. Стало боязно от приближения ночи и отсутствия места ночлега — незваными гостями ночевать не хотелось.

В тот день нам повезло. Уже в сумерках нас проводили к хорошему месту на реке. А перед этим жена сторожа напоила нас горячим чаем с земляничным вареньем. До этого я никогда не пробовала землянику и тем более варенье из неё! Ягодки казались такими мелкими по сравнению с привычной домашней клубникой. Больше, чем само варенье, мне понравилось название ягоды. Земляника! В этом слове ощущалась сладость: неведомая и волшебная. И так сильно захотелось отведать свежей загадочной ягоды! Даже больше, чем посидеть у жаркого костра или искупаться в чистой речной воде.

Уже почти в темноте мама поставила палатку и развела костёр на указанном сторожем месте. Мы с сестрой сразу уснули, скошенные усталостью ходьбы и свежестью воздуха.

А наутро началось самое веселье!

Река начала отступать. Высокие берега золотом светились в лучах яркого солнца, а по высокому и голубому небу еле-еле плыли редкие

облака. Валяйся на горячем песке — не хочу, купайся — не хочу! Лишь полуденный зной загнал нас всех в тень леса. И вот там появились как по волшебству ягодки той самой заветной земляники!

Наш ягодный улов вышел три ягодки на каждого. И ах! Какой сладкой, какой вкусной была та земляника! Никогда после я земляники и не ела, и потому сладость так помнится до сих пор!

Не знаю, отчего история об этих ягодках из горячего лета так понравилась холодному океану. То ли вкус показался необычайным. То ли ему захотелось найти в своей ледяной бесконечности волну, что останется в памяти самой-самой.

Андрей Коваленко — руководитель Молодёжного Амурского литературного объединения (МАЛО). Родился в 1985 г. в Амурской области. В 2007 г. окончил Амурский государственный университет. Работает системным программистом. Пишет стихи и прозу. Живёт в Благовещенске.

Рассказ

Военные учения

Лёгкий ветерок покачивал ветви деревьев. Ветерок был настолько лёгкий и редкий, что освежал лишь тогда, когда становилось совсем невозможно от жары.

Вполне возможно, что любого в этот летний день заворожили бы картины деревенских лугов и красавиц рек. И любому было бы приятно насладиться ими.

Но не Андрюше! И не сегодня!

Сегодня с самого утра Андрюша проснулся с решительным намерением всех и вся победить — во имя... Ну... победит, а там и придумает, во имя чего.

Мальчик взял в руки две палки: на ту, что побольше, он сел верхом, как на коня, а меньшую взял в руку, как саблю. Эта палка даже была похожа на саблю — немного изогнутая, недлинная и плосковатая.

Поначалу храбрый конник Андрюша скакал по двору. Но здесь никого не было. А драться «ни с кем» оказалось достаточно утомительно и грустно. Даже кобель Тошка никоим образом не высказывал ни малейшего намерения поиграть в соискателя получения палкой-саблей по спине.

Тогда Андрюша решил отправиться на улицу. С трудом распахнув калитку и не слезая со своего «коня», Андрюша весело выбежал со двора. Но и на улице в это время почти никого не было. Разочарованно оглядевшись, мальчик подошёл к скамейке, стоявшей у забора.

На траве рядом со скамейкой лежал сверху брюхом огромный соседский кот. Он, прищурившись, нежился на солнышке. Завидев мальчугана, который не давал ему спуска при первой возможности, кот подскочил и встал на дыбы, показывая свой сильный нрав и боевой характер.

Андрюша не обращал внимания на него. Он понуро сел на скамейку. Так хорошо начинавшийся с новых идей день мог перерасти в скучно тянущееся время.

Совсем недавно ему читали какую-то книжку про корсаров. На минуту он захотел стать одним из них. Хотя почему именно одним из них? Нет. Он хотел стать Чёрным Корсаром. И отомстить всем подряд испанским собакам за смерть своих двух братьев — Зелёного и Красного Корсаров. И ещё, ещё...

Дальше книжку ему пока не читали, а сам Андрюша читать ещё не умел. Но это не мешало ему представлять в своем воображении живо-трепещущие картины славных боёв с испанскими солдатами — этими собаками, как называли их отважные корсары.

Вот только на роль солдат никто не напрашивался. Совершенно никто. Ну в самом деле — не кот же соседский будет испанской собакой? Нет. На собаку он не похож. Наверное, где-нибудь, конечно же, лежит какая-нибудь собака. Но то ведь собака — она и укусить может.

Нет. На роль испанских собак подошли бы существа более безобидные. Но не кот.

Хотя....

Андрюша повернул голову в сторону кота и слегка прищурился. Животное всё так же стояло в своей угрожающей позе. Мальчик оценил величину когтей кота. Да, конечно, они были гораздо меньше разящей всех и вся сабли, но... Кот был намного проворнее его самого. Андрюша едва ли смог бы соревноваться с ним и в беге, и в прыжках, и в выслеживании неприятеля...

«Да ведь это настоящая испанская собака! — подумал вдруг мальчик. — Такая же маленькая и слабая. Но такая же хитрая и проворная...»

От своих мыслей Андрюша совсем расстроился и, сидя на лавочке, снова стал оглядывать дорогу, проходящую сквозь всё село. Но на ней всё так же никого не было.

— Что сидишь? — послышался голос сзади. Андрюша повернулся. За забором стоял дед и курил свою сигаретку.

— Кота вон совсем испугал своими палками! Кавалерист... — Дед усмехнулся и, повернувшись, медленно пошёл к дому.

Андрюша быстро встал и запрыгнул на лавочку, чтобы увидеть, что дальше будет делать дед. Всё-таки с ним можно тоже поиграть, когда он в настроении. А сейчас, скорее всего, как раз это самое настроение присутствовало — мальчик уловил едва заметный запах, неприятный, даже тошнотворный. Но так частенько пахло во вечерам от взрослых, и они при этом всегда были веселы и разговорчивы.

Между тем дед кряхтя поднялся на крыльцо веранды и, облокотившись на перила, произнёс:

— Пошли, вояка! Я тебе танк покажу!

Андрюша подпрыгнул, да так, как будто сел на ежа. Ещё бы! Дедушка захотел ему танк показать... Вот это да! Это ведь не просто так. Дедушка воевал. Правда, не там, с немцами, а тут, на границе, с японцами... И даже имел боевые награды — они висели в зале на стенке.

Не помня себя от радости, мальчик бросил палки — да так, что обе они разлетелись в разные стороны, — и стремглав бросился к дому.

Торопился он настолько сильно, что даже калитку сначала не в ту сторону попытался открыть. Тем не менее с третьей попытки справился и с ней и вскоре уже вбегал на крыльцо.

Но как медленно ни ходил дедушка, мальчик его застал уже в прихожей. Оттуда вели две двери: слева — в зал, а справа — в кухню. На обоих дверных проёмах висели огромные, от потолка до пола, шторы — от мух. А в центре прихожей был большой люк, который закрывал подпол.

На этом люке и стоял дед. Сигарету свою он уже выкинул.

— Вот! Смотри! — Дед притопнул ногой. — Я тебе покажу, как нужно преодолевать препятствия из стен. Вот эти шторы на дверях как раз такими стенами и будут! Будем идти отсюда — вон туда... — Дед показал сначала на кухню, потом на зал. — Учись, внучок. Настанет и твоё время служить в армии! Опыт никогда не помешает! — Он подмигнул Андрюше и ласково потрепал за ухо.

После этого дед взял мальчика за руку и повёл на кухню. Там уже сидели почти все. Брат Игорь, мама и папа чистили картошку на обед. Только бабушка куда-то вышла. Может, за яйцами куриными пошла или ещё куда. И сестрёнка Катя тоже убежала на улицу.

Дед оглядел всех по очереди. Потом бодро подошел к кухонному шкафу и достал с самого верха большущий тазик, в котором вечерами все по очереди мылись. Тазик был успешно поставлен на пол аккуратно напротив выхода из кухни.

— Вон бабка полы помыла! Хорошо ехать будет! Само то! — довольно крикнул дед.

Андрюша вообще взлетел в самые небеса. Ещё бы! Не просто танк — а с преодолением препятствий! Да и ехать он будет хорошо!

В это время действия двух танкистов — начинающего и опытного — привлекли внимание всех. От мала до велика!

— Папа! Что ты такое делать будешь? — спросила мама.

Андрюша посмотрел на неё. Лицо мамы не выражало ничего хорошего. Скорее всего, она даже запретит показывать в доме, как танк ездит и преодолевает препятствия. Тогда... Тогда можно будет пойти с дедушкой на улицу и ездить по траве. Хотя... Дедушка никого не будет слушать. Он тут главный!

— Да ничего особенного! Вот покажу нашему богатырю, как правильно ездить на танках нужно! Пусть знает! А то так и будет все только по телевизорам смотреть!

Дед, кряхтя, с немалым трудом уселся в тазик, скрестив поджатые ноги. Взял руки швабру.

— Вот это будет пушка! — пояснил он внуку. — Подойди-ка поближе. Андрюша кивнул и подошёл.

В это время в кухню вошла бабушка:

— Игорёк! Поддай мне, пожалуйста, ведро из-за печки. А то я в туфлях — чтобы не топтать... Нужно морковки достать из подпола...

Старший брат Андрюши молча встал и направился к печке, где стояли вёдра.

— Что с тобой, старый? Совсем сдурел — в тазике сидеть! — улыбаясь, сказала бабушка.

— Не мешай, старая! Щас мы тут зарядим! Танки грязи не боятся! Толкай, внучек!

Дед оттолкнулся от пола руками со всей силой, какой только смог. Ещё немного добавил Андрюша своими не очень сильными руками.

— Танки — короли дорог! — выкрикнул дедушка и довольно быстро поехал в тазике по ещё влажному полу.

— Стой! — завопила бабушка. — Там же, подп...

Она не успела договорить. Дед на тазике уже скрылся за занавеской. А через секунду раздался оглушительный стук, треск, звон и вообще дикий смешанный шум.

И все в кухне поняли, что тазик, на котором ехал дедушка, на всём ходу влетел в открытый подпол.

Наступила тишина. Все в кухне замерли, затаив дыхание и прислушиваясь. И там, за занавеской в подполе, тоже была тишина.

— Там два метра! — с ужасом прошептала бабушка.

— Убился, что ли? — испуганно подхватила мама.

— Ё...! Мать вашу!.. Что за... тра-та-та!.. Какого... тра-та-та! — раздалось в это время за занавеской громкие крики дедушки.

И все облегчённо выдохнули. Нет! Дедушка не убился. Он даже, наоборот, не испытал никакого шока... Определённо не испытал! Он ведь старый солдат!

Правда, Андрюше было не совсем понятно, о чём дед кричал. Из всех его слов мальчик понял только то, что «танк в капонир угодил».

Но все смеялись — даже бабушка с мамой, хотя у них и были слёзы на глазах... И Андрюша тоже улыбнулся: наверное, всё-таки для танка это очень хорошо — угодить в какой-то загадочный капонир!...

Руководитель секции прозы #МАЛО_БЛГ

Постоянный участник ежемесячной альманах-газеты МАЛО – «НЕОнлайн», где публиковались как стихи Антонины, так и проза — #тонинысказки. По мнению коллег, каждый раз подтверждает своими произведениями, что является настоящим художником слова. А цветные вкладки, подбираемые Антониной, прекрасно дополняют литературную составляющую альманах-газеты художественной.

«В какой-то из многих жизней...»

— Алло?!
Позовите полицию!
Тут тополь сдаёт позицию:
Снимает свою «амуницию» —
Бросает листву в лицо!

Что-что?!
Я не сумасшедшая!
Я осени запах нашедшая,
Я лето в душе сберегшая,
Объятые жарким венцом!..

Повесили трубку граждане.
И ветер колышет деревца,
И синее небо изрезано
Полосками серыми вдоль.

Вот если — всего однажды бы! —
Могло очень сильно повериться,
Что лето надолго останется...
Я вновь беру трубку:
— Алло!..

Смотри!
Вечернее небо
нам красит лиловым лица!
И я
становлюсь черничной,
а ты — виноградным вдруг.
Нам буйством
закатного света
так радостно насладиться!
И мы,
словно два пришельца,
сливаемся кожей рук.

Ягода спеет, растёт пирамидой плошек.
Капельки пота чёрных от солнца спин
Манят рои беспощадных садовых мошек,
Но выручает купленный ванилин.

Звон комаров, полосато зависли пчёлы,
Овод гудит вертолётom вокруг колен.
Чувствуешь себя пленником, обречённым,
И вспоминаешь безжизненность голых стен.

Дождь ударяет внезапно: холодный и крупный.
Прячемся на веранде: собаки и я.
Влажный, блестящий, дрожащий, зелёный, уютный
Вдруг вырастает участок вокруг меня!

Капли стучат по крыше и хлещут в бочку,
От раскалённых грядок — как будто пар,
Серый забор — пятнистый, в мокрую точку.
Я прилегла на приятную твёрдость нар.

Я расслабляюсь. Укрытая простынями,
Слушаю непогоду, смотрю в листву.
Это из детства, уходит глубОко корнями:
Необходимость бывать иногда в саду.

Мало кто знает, что осень —
Время игры драконов:
Без плана и точно без спроса
Они поджигают кроны.

Сбивают хвостами ветки,
Листву собирают в кучи
И запускают ветер
Гулять напрямиком по тучам.

Смеются лучами в полдень,
Глодают пораньше светило,
А детский дворовый орден
Домой загоняют ретиво.

Невидимы и невесомы,
Неведомы неизвестным,
Они выбирают сонных,
Ловят их прямо в кресле,

Закидывают на спины
И мчат что есть силы в лето.
Жара — это их стихия,
А осень — игра с планетой.

Северный ветер — не новость в часах пространства.
Он возникает нарочно и невзначай
Ровно тогда, когда летнее постоянство
Прячется под пальто, наливая чай.

Жители всех миров, ожидая зиму,
Солят по бочкам звёзды и корабли,
Чтобы в ночи продлённой хватило силы
Видеть и погружаться в цветные сны.

Каждый сплетает из голых ветвей узоры,
Чтобы красиво ложился на землю снег,

И убирает ненужные нынче шторы —
Сохранить в памяти чистый осенний свет.

Жители бережно чистят свои камины,
Красят печные трубы сырых домов.
Медленно, ярко, надёжно, почти невинно
Рыжим огнём развлекаются стопки дров.

Тихим становится время в пустых квартирах.
Кошки уходят в сновидения до весны —
За тонкую грань нереально реального мира,
Где обитаем поочередно и мы.

Я хочу нагуляться!
Надышаться свободой вволю,
Ощущать на ладонях
Холодные капли дождя.

Дай же мне не остаться
Равнодушной к бескрайнему полю
И к тропе под ногами,
Где в зиму проходит лыжня!

Боже, радуйся!
Сердце поёт соловьями.
И под северным ветром
Зелёные спины — волной.

Наслаждайся! Танцуй
Изнутри или за руку с нами!
Неизбежно детей
Провожая обратно домой.

Если рифмуются строчки — рифмуй!
Ритмы в себе отбивая словами.
Голосом, тоном и телом — танцуй!
Творчеством полнится мир, чудесами!

Если молчится — молчи что есть сил!
Стань невидимкой, замри на мгновенье.
И осознай: как ты ярок, красив,
Небом целованный, Бога творенье!

Ты знаешь,
больше не слышно стрижей.
Они улетели — август.
Отчаянно,
зло прогоняю взашей
предчувствие осени...
Справлюсь?..

Цепляюсь
глазами и кожей за свет
от солнца, что всё ещё жарит.
Пытаюсь
поверить в счастливый билет
на море — вдруг кто-то подарит?..

Ты знаешь,
теперь за окном тишина.
Надолго: до самого мая.
Закрою глаза,
а внутри — высота
и я, словно стриж, летаю.

В какой-то из многих жизней
Я тоже звучала флейтой,
Играла на фортепиано,
Держала большой контрабас.
И вальс сочиняла отчизне,
Была не главным, не лейтом.
А в оркестровой яме
Я каждым была из нас.

А мне нравится мой ритм.
Нравится шагать в дождь,
Вдыхать этот
сандаловый дым.
Нравится, что ты ждёшь.
Нравится быть вечным сном,
Пальцами перебирать листву.
Нравится этот
временный дом,
Будто бы созданный наяву.
А мне нравится так быть:
Слёзы в глазах и до дёсен смех.
Снова и снова
тебя любить,
Не замечая секунд бег.
Нравится. Смело ловлю поток.
Сверлят соседи опять панель.
Нервы сворачиваются
в моток.
Но мне нравится это. Верь.

Спокойствие? Нет тишины в минутах.
До отрешенности почти не дотянуться.
Так просто ум и разум перепутать.
Так просто на сомнениях навернуться.

А кот сидит и жмурит глаз от света.
Он не торопится, не думает о вечном.
Кот просто смотрит,
 смотрит,
 смотрит в это лето.
Кот просто есть, и в этом безупречен.

Ничего не жди. Для начала.
Наблюдай пустотой, как «пляшет».

Ты ведь раньше сама не знала:
Будет так, как язык твой скажет.

Пусть приходят и остаются.
Пусть уходят, проходят мимо.
Есть задача — к себе вернуться
И прожить эту жизнь красиво.

Остальное — варианты мыслей.
Шелестят за окном дожди.
Если чувствуешь: дни зависли,
Ничего — для начала — не жди.

В городе дым.
В лёгких отсутствует воздух.
Солнца не видно за куполом белой беды.
Капли дождя на стекле —
Всё решилось бы быстро и просто:
Пепел смешался с землёй и ручьями воды.

В городе дым.
В моём сердце — надежда и вера.
Ветер ветвями скребёт по балкону ритм.
Если весна такова,
Мы откроем ей двери?
Или зажмуримся крепче и скажем, что спим?..

ПОДСОЛНУХИ

Я — дитя разноцветного лета.
Моё солнце — отец, мать — земля.
Этим августом жарким согретый,
Поднимаю главу в небеса

И смотрю в это «синее море»,
Наблюдаю рассвет и закат.
Да, я тысячный в этом просторе!
Но один лишь смотрящий ТАК..

Когда вызреет середина
И сентябрь наступит цветом,
Я исчезну. Но я не сгину —
Прорасту разноцветным летом!

ПРЯЧУ НОС

Шагать по хрустящему снегу,
Ловить снежинки ресницами
И чувствовать, как щипает
За голые щёки Мороз...
Пусть лёгкое жаркое лето
Теперь будет только сниться —
Зима меня обнимает,
И я прячу в шарфик нос.

Внутри так тихо: полудишина.
Журчат чуть слышно мысленные нити.
Во внешнем ворохе распластанных событий
Так странно думать: я тебе нужна?

Так медленно сменяется маршрут.
Я обрастаю опытом, и память
Уже не в силах снова меня ранить,
Когда я концентрируюсь на «тут».

И падает осенний первый лист.
Он жжёт сетчатку глаз багряным цветом.
На каждый мой вопрос — во мне ответы.
И воздух утренний так холоден и чист.

Творчество участников Свободненского литературного объединения

Светлана Лященко

Родилась в г. Свободном. Окончила Белогорский экономический техникум. Много лет жила во Владивостоке, где выступала со своими произведениями в городском литературном объединении. В 2013 г. вернулась на родину. Член Свободненского литературного объединения им. П. Комарова с 2020 г.

СВИРИСТЕЛИ

Прилетели свиристели —
Не видать уже тепла...
Скоро закружат метели
И войдёт в права зима.

На рябинах стайки птичек:
Подкрепиться им пора.
Перелёт у них неблизок,
Подгоняют холода.

Облаков крылом касаясь,
Нас оставив до весны,
Покружат они, прощаясь...
«В добрый путь!» — им скажем мы.

Надежда Губанова

Надежда Губанова — член Свободненского литературного объединения им. П. Комарова, член Союза российских писателей.

ПАМЯТИ ОЛЬГИ МАТВЕЕВОЙ

Мы зимой схоронили старушку,
Что в начале деревни жила.
Рюмка водки и хлеба краюшка...
Перед гробом несли ордена.

На подушечках красного ситца
Не награды лежали — судьба.
По военным дорогам сестрицей
Баба Оля бесстрашно прошла.

Сорок первый. А ей восемнадцать.
Санитарская сумка — и в бой.
Как хотелось ей в землю вжаться,
Только раненый стонет с мольбой.

И ползла от воронки к воронке,
Вспоминая смешных черепах.
Вместо панциря — лишь гимнастерка.
Кожу рвёт обжигающий страх.

Бинтовала, тащила, рыдая,
Мужиков матерящихся в мать...
Эти годы потом вспоминая,
Будет слёзы в передник ронять.

Вновь на митинг победного Мая
Баба Оля уже не придёт,
Но её и других вспоминает
С благодарностью русский народ.

Галина Соснина

Галина Ивановна Соснина родилась в Красноярском крае. Окончила Томский пединститут, работала в Томске, затем в Якутии (пос. Пеледуй, г. Ленск) учителем, завучем, директором школы.

С 1984 г. — директор школы № 9 в Свободном. С 1989 по 2010 г. — начальник отдела по вопросам образования, культуры и делам молодежи администрации ЗАТО «Углегорск». В настоящее время проживает в Свободном. Почётный работник общего образования РФ. Автор ряда книг прозы и стихотворных сборников. С 1998 г. — член Свободненского литературного объединения им. П. Комарова. В 2008–2010 и в 2012–2013 гг. была его председателем.

ДОБРАЯ ПРИМЕТА

Ночь опять с луною дружит,
Долго не усну.
Утро краткий сон нарушит
Светом по окну,
Будто лёгким перламутром,
Гасит неба тьму.
Тот, кто рано встанет утром,
Бог даст всё тому.
Это добрая примета,
Я её ценю.
Слушать музыку рассвета
Я к окну прильну.

Чтоб заняться добрым делом, я, как водится,
Постаралась встать до утренней зари.
Вышивала я икону Богородицы.
За окном на ветку сели снегири.
Снег накрыл весь двор, как будто белой скатертью,
Оперенье птиц нарядное горит,
Я люблюсь молча ликом Божьей Матери,
Начинаю с ней, робея, говорить.
Матерь Божья, в твоей милости нуждаемся,
Взор свой добрый на нас, грешных, обрати,
Научи нас, как постичь премудрость таинства,
По пути спасенья мира нас веди!

Ещё в разгаре было бабье лето,
Тянулось сердце нежностью к тебе,
Спускался вечер отблесками света,
Но к ужину опять ты не успел.
Пылали алым пламенем рябины,
А клёны до сих пор в глазах стоят,
И горек был мне без тебя, любимый,
Той осени чарующий наряд.
Я понимала, скоро, очень скоро
Придёт зима с морозами, пургой.
Ты не услышишь от меня укора.
Как ветер в поле, можешь быть с другой.

А дождь в тот день похож был на солому,
За шиворот катился, на лицо.
И нет бы нам бежать скорее к дому
Да под навес, а лучше — на крыльцо.
Дождём набухло до отказа небо,
А нам — веселье, радость и восторг...
Кто никогда в таком блаженстве не был,
Любви безумства не узнает тот.

Задумчивый пейзаж в моём окне
Казался лучшим украшением дома.
Пронизан солнцем тополь в тишине,
Но одинок, и это мне знакомо.
Он, как и я, живёт себе, живёт,
Даруя радость всем, и верит в чудо.
И в нём душа тихонечко поёт,
Но вдруг тоска приходит ниоткуда.
Да так порой становится невмочь,
Настолько, что не хватит сил для стона.
Я знаю точно, чем себе помочь,
Шепчу сквозь боль: «Держись, хозяйка трона!»
Листочки все купаются в лучах.
Коснись ствола — и руки пахнут смолкой.
Внутри уже мелодии звучат:
Пейзаж красив — а в грусти нету толку...

Татьяна Мордасова родилась в г. Свободном. Окончила физико-математический факультет Благовещенского государственного педагогического института им. М.И.Калинина. Учитель математики в сельской школе. Член Свободненского литературного объединения им. П. Комарова.

Эссе. Рассказы

Моя педагогическая философия.

Счастье по Андре Моруа

Что наша жизнь? Лишь краткий миг.
Обид и горестей вердикт.
Что наша жизнь? Лишь яркий блик,
Как новой жизни первый вскрик.

Оказывается, эссе для меня является любимым жанром. Пишу, чтобы зафиксировать свои мысли, свои настроения, чувства. Пишу, потому что мне это помогает: систематизируются «словеса», приходит в норму состояние души. А может, пишу из-за нехватки общения. То есть «сам себе психолог».

О школе, о детях я могу говорить часами. Это любимая моя тема.

Все девчонки плакали, когда звучал последний звонок. А мне хоть бы что. Я знала, что сюда вернусь и здесь пройдёт самая большая часть моей жизни. Так зачем же зря слезы лить?

Вспоминая себя в детстве, понимаю, что другой профессии я просто не представляла.

Вот я пишу карточки про Леонардо да Винчи (помогаю маме подготовиться к классному часу), старательно вывожу буквы и восхищаюсь «воздухолётом», радуюсь, что соприкасаюсь с творчеством гения. А вот я читаю стихи Лермонтова о смерти Пушкина малышам, сидящим на лавочке, и еле сдерживаю в горле рыдания. А вот рассказываю сказки о маленькой Фее Фьють, образ которой я придумала лет в восемь и написала о ней пьеску на Новый год, — конечно же, главную роль оставив себе.

Школу я всегда любила. Она была через дорогу, почти в двадцати шагах от дома, деревянная, маленькая, уютная.

Мама была директором школы, папа — физруком, бабулечка (на пенсии) — истопником.

И вот — первый раз в первый класс. Сердце замирало от предвкушения встречи с любимыми друзьями, от волнения перехватывало горло, ноги становились ватными, и в них покалывало от долгой беготни по песочным дорожкам школы.

Так и стоят во мне запахи, звуки, краски, лица, образы. Море цветов, улыбающихся лиц, звучащая из динамиков песня про то, чему учат в школе...

Обожала и до сих пор обожаю все эти праздники. Так быстро летит моя жизнь. Не успеваешь оглянуться, как лето пролетело. И каждый раз — как в первый класс.

Я до сих пор волнуюсь на первых уроках знакомств с учениками. Глаза детей. Их биополя. Я ещё не видела новых учеников, но уже заранее люблю. Люблю мир детства, все эти волнения и приготовления, суету праздничную, уроки, задачки, теоремы, проверку тетрадей, бесконечную учёбу.

Андре Моруа говорит, что человек может обрести душевный покой лишь в том случае, когда «его поступки будут совершаться в соответствии с его суждениями. Тогда человек счастлив. Если же человек зависит от мнения других или от событий внешнего мира, то он становится уязвим и непременно несчастлив». Согласна с Андре.

Счастье есть миг. В наших силах сделать так, чтобы этих мгновений было больше. Взрыв положительных эмоций. Проявление счастья ощущается всем телом, а душа находится в полёте. Счастье в нас самих. Каждый испытывает свои мгновения счастья.

Для кого-то важна работа, в ней он ищет себя — и растворяется в ней.

Для кого-то важна вершина будущей карьеры.

Для кого-то — семья.

Для меня частички счастья везде: в любимой семье, в любимых детях, в любимой работе.

Желание творить. Желание жить. Желание радоваться малому.

Улыбчивые лица. А просто так. Ему хорошо — человеку. И мне хорошо, потому что ему хорошо.

Излучение положительной энергии.

Быть кому-то нужной.

Я счастливая. Потому что так себя ощущаю. Потому что всегда прощаю и себя, и других. Потому что не умею обижаться, злиться и ненавидеть. Потому что никогда не завидую. Меня редко что раздражает. Разве что откровенное безразличие.

Живу как получается. Радуюсь, что живу. Радуюсь, потому что всё время нахожусь в окружении замечательного МИРА ДЕТСТВА, в котором плохо не бывает. Я — наблюдатель и попутчик этого мира.

Думаю, что благодаря такой философии я иду на работу как на праздник, вижу улыбчивые лица детей навстречу мне и ощущаю комфорт. Именно ради этих мгновений и стоит жить.

Эти розы на грядке моркови

На свете нет ничего прекраснее роз. На своём огороде я случайно додумалась посадить куст роз на грядке моркови.

Любовалась этой картиной до глубокой осени и до сих пор под впечатлением. Столько эмоций вызвала у меня данная комбинация. Я могла смотреть на розы часами и думать о настоящем, прошлом и будущем. И это было так символично. Розы — как мечты о прекрасной жизни. Морковь — быт и суета.

Порой с нами что-то происходит в один миг: мы вдруг осознаем, что пора подводить итоги.

Быт опустошает. Работа ускоряет шаг времени, мы несёмся, не замечая гармонии мира.

Однажды, сидя в коммунальной квартире в полном унынии, я пила чай из блюдца. В блюдце отразилось окно. Именно в блюдце я увидела сухие жёлтые листья на фоне яркого голубого неба — и удивилась.

«Откуда жёлтые листья, ведь на улице должна быть весна?» — спросила я себя и подошла к окну.

И наконец-то увидела, что весна наступила, она в самом разгаре! Всё цвело и благоухало. Деревья и газоны ярко зеленели.

Но я искала жёлтые листья... И нашла. Ветка на берёзе была обломана, видимо, осенью, и поэтому сухие жёлтые листья отразились в блюдце.

Нельзя жить без красоты!

Нельзя не замечать весны!

Мальчик

Раньше летом я часто ездила на поезде к подруге в гости. На перроне иногда встречался один юноша. На вид ему было лет шестнадцать. Он всегда улыбался.

Одет он был неопрятно и во что придётся. Часто катал игрушечные машинки по перрону. Дарил девушкам цветы. Цветы он срывал тут же, на лужайке возле вокзала.

Говорил нечленораздельно. Больше мычал. Подруга предупредила меня, что Мальчик здесь — постоянный провожающий. Тихо помешанный и совсем безобидный. Если он подойдёт, то не надо бояться.

Как-то так получалось, что Мальчик всегда выделял меня и подругу из всех пассажиров. Встречал и провожал меня несколько раз. Он так радовался мне почему-то. С глубоким поклоном дарил цветы и целовал руку. Никаких резких движений — сама галантность.

Я улыбалась ему в ответ, благодарила за цветы и смотрела в его синие выразительные глаза с длинными ресницами...

Мальчик долго бежал по перрону, из окна поезда я махала ему рукой.

А потом долго всхлипывала, думая о несправедливости и бренности этого мира. «Почему?» — задавала себе вопрос и не могла на него ответить.

Говорят, что если к тебе прикасается ЮРОДИВЫЙ и уделяет тебе внимание, значит, будет удача и счастье. Я верила в эту примету...

Однажды на перроне я не встретила Мальчика.

Подруга сказала, что он попал под поезд.

Как я провела летний отпуск

Наша добрая Мэри, сиамская кошка с огромными голубыми глазами, засуетилась. В начале мая прилетели ласточки. Мы их зовём китайскими стрижами. Они лопочут по-китайски: «Туй, чио, тай, тянь». Как-то так. Не передать — до того специфично.

Мэри почти восемнадцать лет. Старенькая уже, но всё ещё прыткая и добросовестная охотница. На лету ловит птиц, исправно носит нам мышей, крыс, лягушек и насекомых. Принесёт на крыльцо добычу и мяукает, чтобы мы оценили и похвалили.

Принесла мне мышку на огород. Я грядку пропалываю, зелень ем прямо с куста, а она мне мышь рядом кладет.

— Мэри, отстань. Я на диете. Мне такое нельзя. Слишком калорийное.

— Мяу! — Ешь, мол.

— Ешь сама. Вот сейчас твою мышку в траву выброшу.

— Мяу! — Ест немного погода, как будто и впрямь понимает угрозу.

Вот так время и коротаем. Обожаю лето. Долгожданный отпуск.

Ласточки гнездо свили в гараже. Очень трудоёмкая работа, скажу я вам: каждую соломинку надо в глину окунуть и прилепить к потолку — чтобы все соломинки друг к дружке.

Три яичка снесли, воркуют себе по-китайски. Улетают — я в гнездо заглядываю, иногда потихоньку поглаживаю яички. Тёпленькие такие, маленькие. Караулю. Жалко же. Боюсь, чтобы Мэри не съела ласточек. Грожу ей пальцем. Разговариваю с ней.

— Ай-яй-яй, Мэри. Не крадись к гаражу, уходи. Ты видишь, какие родители заботливые. То один сидит в гнезде, то другой. Ласточки удачу, счастье в дом приносят. Давай, пошли домой.

— Мяу!

В итоге ласточки ко мне привыкли, как будто поняли, что я их охраняю, помогаю потомство выводить. Когда Мэри близко к гаражу подходила, то одна ласточка начинала меня звать. Лопотала по-своему громко, свиристела как бы. Я на её крик выбегала и отгоняла охотницу от гаража. Так и повелось. Я — к гаражу, а ласточки — на Мэри: ух, вдвоём налетают, отгоняют её подальше.

Вывелись птенцы. Три ласточонка. Кошка тут как тут. Прыгнула на гнездо, оно упало и рассыпалось. Я вовремя подросла. Напугалась Мэри, убежала, а птенцы так кучкой и лежат на полу. Смотрю на них — они как мёртвые.

«Ну всё, — думаю, — не укараулила».

Смастерила гнездо из большой пластмассовой банки для майонеза — верх отрезала, а внизу тряпочку подстелила и соломки от старого гнезда набросала. Банку прибила туда, где было старое гнездо, положила в неё птенцов. Стала ждать. Одни вопросы в голове: «Живые или нет? Бросят их родители или нет?»

Ласточки прилетели и стали птенцов кормить. Живые, слава богу! Они, когда упали, притворились, видимо, мёртвыми.

Вечером проверила: не бросили их родители, сидят оба рядом. На душе стало так радостно и тепло.

На следующий день все соседские ласточки, как на экскурсию, в гараж к нам прилетали. Гнездо им точно понравилось!

Скоро птенцы глазки открыли, сидят, с любопытством на меня поглядывают. Я их поглажу, на них подую, жарко ведь, и, довольная собою, отойду.

И вот настал долгожданный момент вылазки птенцов из гнезда. И два дня обучения полёту. Кошку дома заперла. Как же я за них, желторотых, переживала. Они такие беспомощные. Маленько пролетят и садут. Родители летают возле них, сталкивают с толстого резинового кабеля. Я смотрю на ласточаток — лапочек своих, разговариваю с ними, волнуюсь не меньше главы семейства. «Ой, хоть бы чужая кошка их не сцапала, хоть бы в бочку с водой не упали, хоть бы в ветках не запутались...» Два раза бежала на помощь, помогала с земли подняться ласточонку. Сердце так и выпрыгивало...

В первый день до вечера проторчала возле гаража, не заметила, как время пролетело, всё глазами следила за ними, как будто сама учила их летать. Один — шустрый, быстрее всех научился, а один — слабенький совсем, кое-как... Пока все трое не залетели в гараж, не успокоилась.

А утром встала — скорее на улицу. Уже сидят повыше, на проводе, пятеро, вся семейка. И снова обучение. Теперь, на второй день, молодые ласточки учились препятствия огибать, в гараж залетать и в полёте замирать.

Вы видели, как летают ласточки? Восхитительно.

Виртуозно планируют, замирают в полёте на мгновение — и волнами, волнами... Вверх стремительно взмывают, вниз — плавно... Поворот, по кругу... А потом в открытую дверь надо резко влететь так, чтобы даже и не заметили. И так же быстро вылететь. Влететь-вылететь. Влететь-вылететь...

Вот. Как будто сама я ласточка и научилась летать. Ощущения непередаваемые.

Мэри прожила вместе с нами почти двадцать лет.

Я вспоминаю, какой ответственной кошкой-мамой она была. Ни шаг не отходила от своих котят. Берегла их.

Полезно наблюдать за друзьями нашими меньшими, чтобы научиться у них любви, заботе, доброте и совместному бесконфликтному проживанию на одной территории.

А ласточки с тех пор получили прописку. Живут в гараже каждое лето. Гнездо строят крепкое.

Как хочется обнять это счастливое спокойное лето. Особенно жаркий июль.

Видение

Последняя встреча с лучшей подругой запомнилась мне до мельчайших подробностей. Света пошла провожать меня на вокзал. Мы долго говорили. Потом подошёл автобус, народу было немного. Я зашла в автобус и села возле окна. Хотела поднять руку, чтобы ещё раз попрощаться со Светой. И вдруг над её головой появился огромный чёрный крест. Я стала тереть окно, думая, что окно просто грязное, поэтому создалось такое впечатление. Стала вспоминать законы физики, прокручивая мысленно все оптические явления, которые дадут такой эффект.

Это видение предвещало беду. Автобус тронулся, и ужас, который был в моих глазах, отразился в глазах Светы. Внезапно мне стало так плохо, что я начала тихонько всхлипывать и причитывать про себя. Тогда я решила, что умру.

Умерла Света.

А до того, как это случилось, мне снились сны про неё. Будто она купила дом. Стоит на крыльце. Высокие ворота разделяют нас. Она не приглашает меня в дом. Я пытаюсь открыть ворота, но не могу.

А за день до её смерти, 7 марта, я видела очень страшный сон. Огромный паук спустился на паутине мне на лицо. Я упала с дивана и каталась по полу, пытаясь сбросить паука с лица.

Муж разбудил меня, напугавшись не меньше моего, поднял с пола, успокаивал. Больше я не спала. Ждала.

Страшная весть нашла меня на работе. Утром позвонила мама и сообщила, что Света умерла.

Я сидела возле гроба и не могла осмыслить случившегося. В гробу лежала не Света, а худенькая старушка в платке. Почему я ни разу не навестила её? Почему она не написала мне о своей беде? Лишний раз боялась потревожить?

Я поняла, что потеряла лучшую из своих подруг, только после случившегося. Надо помнить о друзьях своих. Завтра будет поздно.

Помню, как шестнадцать лет назад я подарила Свете 8 марта пучок сухого раскрашенного бессмертника, который дарят покойникам. Света ничего не сказала об этом. Поставила в вазу. Мне просто понравился букетик, я не знала, что такие букетики не дарят живым. Её мама взяла букетик и сказала, что я глупая и дурная девочка...

Я ужаснулась. Это был знак. И хотя букет я тут же выкинула, но мне стало не по себе.

Вот тебе и 8 марта. Через шестнадцать лет, 8 марта, Света умерла.

Ирина Павлова

Родилась в г. Свободном. Окончила профессионально-техническое училище. Работает помощником воспитателя в детском доме.

С детства увлекалась литературой. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в альманахе «Свободный литературный» и в интернете. Член Свободненского литературного объединения им. П. Комарова с 2017 г.

Я о тебя сломала душу,
И мне самой прощенья нет.
Ведь говорили, что не лучший
Ты в этом мире человек.
А я в глаза твои влюбилась,
В черты лица и жёсткость губ,
И незаметно растворилась
В тебе, не видя, как ты груб.
Без оправданий всё прощала,
Тонула глубже с каждым днём.
Что ж... Я людей ещё не знала,
А ты тут вовсе ни при чём.

Ольга Августовна Похалюк двадцать лет проработала учителем начальных классов в школе с. Рогачёвка. С 2007 г. живёт в Свободном. Выпустила три сборника стихов и документальную книгу «История моего села». Редактор-составитель литературно-художественного альманаха «Свободный-литературный – 2011». Лауреат премии им. П. Комарова (2014). Дважды была ответственным секретарём Свободненского ЛИТО.

БАБЬЕ РОЖДАЛОСЬ ЛЕТО

Вечер. За чашкой чая
Август томился в кресле.
Где-то под звук рояля
Нежно звучала песня.

Грустно листая даты —
Ярких деньков оконца,
Он календарик смятый
Спрятал у сердца-солнца.

Вдруг постучали в двери...
И на пороге лета
Осень шикарной леди
Встала, в янтарь одета.

— Звал меня, милый Август?
— Ждал тебя, моя Осень.
В сердце тоска закралась,
Будь же хозяйкой, гостя.

Взгляды — как омут неба,
Звёзды в глазах сияли,
А на краю Вселенной
Музыка всё звучала.

Руки сплелись в объятьях,
В вальсе кружились тени,

И рассыпалось платье
Жёлтой листвою в аллее.

Танец судьбу пророчил:
Август в сентябрь вплетался,
Здесь, на исходе ночи,
Новый рассвет рождался.

Бабье рождалось лето —
Тёплых деньков охапка,
Запах ржаного хлеба,
Воздух медово-сладкий.

Утро вплетало в косы
Взгляд васильково-синий,
Листьев златую россыпь
И аромат полыни.

Медленно плыли тени,
Дни пролетали быстро,
Лёгким прикосновеньем
Осень листала числа.

Леди вела за руку
Парня к прощальной дате,
И на краю разлуки
Он прошептал в закате:

— Осень, прощай, родная!
— Ждать тебя буду, Лето!

И с журавлиной стаей
Август растаял где-то.

Владимир Тихонов

Владимир Николаевич Тихонов родился в 1959 г. в с. Рогачёвка Свободненского района Амурской области. Окончив СПТУ, работал трактористом в родном колхозе «Заря коммунизма». После службы в армии окончил Хабаровский институт железнодорожного транспорта, работал в разных должностях на Михайло-Чесноковском вагоноремонтном заводе.

С 2010 г. — преподаватель специальных дисциплин Свободненского филиала АМИЖТ. Выпустил сборник коротких рассказов «Просто почитать» и книгу «Снайпер Хинганской дивизии. Военно-историческое повествование». Лауреат премии имени П. Комарова (2011).

ВОЖАК

Волк стаю свою по звериной тропе
Меж сопок ведёт к родниковой реке,
Где люди не ходят, где топи да гать,
Где можно все раны в тиши зализать.
На теле их много, бежать тяжело...
Вчера был набег на большое село.
Стаей в короткой, но яростной драке
Порваны в клочья четыре собаки.
И всем бы погибнуть изнеженным псам
(Они — как находка волчьим клыкам),
Но люди проснулись. Визг, крики, стрельба.
Пришлось вожаку спрятать стаю в леса.
Волк старый, но ловкий и мудрый вожак.
Была б в тайге дичь — он не драл бы собак.

Елена Витальевна Маркова (Чернухова) родилась в с. Александровском Томской области. Училась в Омском государственном университете на филологическом факультете, но окончила только четыре курса, с пятого ушла по семейным обстоятельствам. Работала корректором и корреспондентом в различных многотиражных газетах, на телевидении, социальным работником. Член Свободненского литературного объединения им. П. Комарова с 2019 г.

Подарочек

Попугайчика принесли домой в варежке... Уже по дороге эта кроха, вырываясь, успела проделать клювом дырку в своей времянке, поранить внучке пальцы и заявить о себе на весь квартал оглушительным писком.

— Баб, деда, с Новым годом вас... А это вам подарочек....

Подарочек выпорхнул на свободу — и сразу резко закрутил колесо бытия доселе безмятежно седеющей четы... Маховик бешено набирал обороты. Клетку? Вот клетка! Поилку? Вот поилка... Качельки, зеркальце, зёрнышки, зелёный корм, мячик...

— Его Боня зовут! — И внучка хлопнула дверью.

Попугай в клетке довольно быстро освоил свою законную жилплощадь, наклевался зёрнышек, насмотрелся в зеркальце, покачался на качельке, клюнул мячик — и заскучал. Его широкая душа требовала расширения пространства... Душераздирающий писк слышен был, похоже, всем соседям по подъезду, по батарее угрожающе постучали... Ну что же с тобой делать, что же делать?.. Может, перенести клетку в ванную... А что? Вполне себе субтропики. Влажно и тепло... Боня затих, изучая смену обстановки... Но через пять минут понял, что его обманули, и снова завопил.

Может, выпустить? Далеко не улетит. А потом как-нибудь поймает...

Как-нибудь... Супруги сдавали попугаю позиции одну за другой, и вскоре он получил доступ в огромный трёхкомнатный мир с массой подсобных помещений... Этот мир Боня перекраивал по-своему... Распустил в бахрому недавно наклеенные дорогие обои, поскидывал со всех горизонтальных поверхностей всё, что смог скинуть, растеребил китайскую розу, отломав веточки, листья и цветы, продолбил себе гнездышки

в верхних углах комнат и... много ещё чего он натворил, список всегда был открыт... Любимым занятием попугая было поджидать кого-нибудь наверху и пикировать из засады прямо на голову, клюя и в затылок, и в ухо, и куда ни попадя...

Но пощадим чувства супругов... Каждый раз, когда вот-вот они были уже готовы так или иначе расстаться с пернатым терминатором, почему-то включалась программа «стоп!». Супруги вспоминали, с каким блаженством Боня купается в опрысканном водой розовом кусте, брызгаясь и радостно пища... Как расчесывает деду брови, как целует клювом бабушкины щёки... Как долго и обстоятельно о чём-то секретничает со своим отражением в зеркальной дверце микроволновки... И вообще, всё, абсолютно всё, даже пакости, делает с каким-то неудержимым азартом, с заразительным удовольствием... Так, что просто хочется жить, и даже, может, поменяться с ним местами... Да и, в конце концов, кто же будет заботиться о нём, кто будет осторожно вытаскивать его каждый вечер из цветка и нести потихонечку в клетку, мурлыкая тихонько под нос колыбельную песенку...

Однако слух об испорченном попугае евроремонте просочился через мобильное охающее пространство и разнёсся по всей родне... К тому времени в семье уже было пополнение в виде большого породистого кота, а ведь всем известно, что коты и попугаи ну никак не сочетаются. И они даже рядом не успели посидеть: внучка настояла на том, чтобы попугая отдали каким-то соседям...

Колесо резко сбавило обороты, жизнь вернулась в размеренное русло. Обои подклеили, углы зашпатлевали, и всё стало принимать прилично-обычный вид, да и в уши никто уже не клевал.... Но почему-то стало грустно, до слёз грустно... Словно из дома упорхнуло маленькое яркое солнышко, такое звонкое, волшебное, неповторимое...

Вернись, Боня!

Глагуатор

Вы видели когда-нибудь воробьиные брачные бои? Нет? А мне вот повезло. Но это был особенный бой.

А дело было так. В начале весны ранним утром супруг меня на крыльцо позвал.

— Смотри, — говорит, — наверх, во-о-он туда.

Смотрю... Господи! Бедный воробей бьётся в окно. Отлетит — а потом со всего маху в оконное стекло — стук! Отлетит — и опять...

— Миша, зачем ты мне это показал? Ему же больно!

Я уже собралась уходить, но смех мужа был каким-то странным.

— Ты что, подумала, что он внутрь захотел? Погреться? Так тепло ведь уже... Нет, он же дерётся!.. Подожди, скоро улетит, отдохнёт — и опять начнёт. Вчера так целый день!

Я остоленела... Так это — брачный бой? Со своим отражением! В окне!..

Воробей действительно скоро полетел отдыхать, а через часок вернулся. К следующему раунду. В котором, естественно, не будет победителя, как и в предыдущих раундах, и в последующих... Ведь силы сторон были равны... Причём, я бы сказала, уравнены с такой сверхточностью, какой позавидовали бы и аптеки...

— Кстати, а где воробьи?

Оказывается, сначала дульсинеи были... Подпрыгивали там на сосновой ветке, чирикали, болели за «дерущихся», выбирали... Клевали друг дружку — соперницы же... Я уже представила, как летят сверху перья и плавно спускаются мне на голову...

Но бой так затянулся, к тому же исход был под настолько большим вопросом, что воробьи улетели смотреть на поединки других кавалеров, у которых с головой всё в порядке. Ведь даже если бы наш герой и был признан победителем в этом поистине гладиаторском бою, то вить гнездо, похоже, был бы явно не в состоянии. Стекло уж больно крепкое. Армированное.

Да что же я не засняла это всё, балда...

Гопник

Давно не возвращалась домой с дальней остановки, идя через ручей... А место это живописное, сплошная экзотика: по зелёному пастбищу разгуливают гуси, утки. То там, то здесь, прикреплённые к колышку, пасутся дородные коровы и бычки... Мирный стрёкот кузнечиков, бабочки, стрекозы, голыши-ребятишки... Простор, воздух, лепота...

Но вдруг дорогу мне преградил огромный бык. Его жующая морда остановилась в десяти сантиметрах от меня и, похоже, не предвещала ничего хорошего. По крайней мере, моей сумке с продуктами.

Спокойствие, только спокойствие. Глазами шарю по сторонам, оцениваю обстановку... Так. Верёвка длинная... Справа не обойти: там, где кончается верёвка, начинается ручей. Справа отпадает... Ага, а слева верёвка — как раз до забора, очевидно, хозяйского. Ах, какой продуманный ты, бычок...

Всё это пронеслось в голове за доли секунды, а рука уже сама полезла в сумку за спасительным куском хлеба.

Я не знаю, может, именно так и подкармливают хозяева своего бычка, но он, видимо, этого и ждал. Пока отломленная мною треть буханки благополучно исчезала в жующей мордахе, я поспешила прочь от гопника. Однако странные звуки заставили оглянуться.

Наверное, хлеб был сильно вкусный, я ведь чем попало не угощаю, но бурный взрыв восторга, который я увидела, — это было нечто... Бык, огромный бык, скакал и подпрыгивал от счастья, как маленький ребёнок, получивший ириску, и столько искристо-булькающего счастья было в этой картине, что я не могла удержаться от хохота.

Но только развернулась и продолжила путь, как спиной почувяла, что это ещё не конец... веревки... Сзади, с громовым топотом, взбив облако пыли, на меня бешено мчалась ужасающая громадина... О Боже!.. Рука опять потянулась отломить хлебную краюху... Которая тут же исчезла в бычьей пасти. Бык слизнул её, тяжело дыша мне прямо в лицо... На секунду мне показалось, что глаза его подёрнулись кровавой пеленой... Передо мной вдруг замелькали картины боя испанских тореадоров с быками. Красные плащи, залитые кровью бычьи глаза, огромные изогнутые острые рога...

На этот раз я бежала без оглядки. До самого дома. А дома долго не могла успокоиться... Я то смеялась, то вздыхала, размышляя о превратностях наших путей и о том, как всё относительно в нашей жизни... Этой же ночью долго снилась испанская коррида и огромная краюха хлеба — размером с быка и почему-то красного цвета...

А утром, блаженно потягиваясь ото сна, я тихо улыбнулась вчерашним приключениям... Хлеб же, преломленный к завтраку, казался каким-то особенным, пронизанным солнечным светом и необыкновенно вкусным и ароматным...

Страницы
прошлого

Павел Юрьевич Афанасьев родился в 1956 г. в посёлке Соловьёвск Амурской области. По первому образованию — механик строительных машин и оборудования. В 1991 г. защитил дипломную работу по теме «Карст Верхнего Приамурья и его районирование» на геофизическом факультете ДВГУ, получив специальность «Географ. Преподаватель». Неоднократно участвовал в региональных, всесоюзных и международных конференциях и симпозиумах с докладами карстологической, экологической и исторической тематики. Работал слесарем, машинистом механического оборудования земснаряда, крановщиком, бульдозеристом, механиком, учителем географии, руководителем районного краеведческого музея, специалистом природоохранных учреждений, журналистом.

Автор серии книг по истории золотодобычи в Приамурье: «На золотых промыслах Дальней России» (Благовещенск, 2003, второе издание 2008, в соавторстве с В. Е. Кирилловым), «Люди золота» (Благовещенск, 2003, второе издание 2008), «Виток золотой спирали» (2008, в соавторстве с Н. Б. Трубниковым), «Золотые имена Соловьёвска» (2018).

Его новый исторический очерк «Подосёновский пережат» написан специально для альманаха «Приамурье». В сборе материала для очерка приняла активное участие праправнучка И.И. Подосёнова Наталья Рыбакова.

Исторический очерк

Подосёновский пережат

В уже забытые за сто лет времена на территории Амурской области (которая, кстати, занимала несколько иную, чем сейчас, территорию) выделяли Буреинский горный округ. С золотыми приисками на реках Селемдже — притоке Зеи и Нимане — притоке Буреи. Округ был весьма удалён от центра цивилизации — города Благовещенска, и об этих труднодоступных и загадочных местах слагались легенды, дожившие и до нынешнего времени. Дожившие во многом и потому, что места эти остаются и по сей день труднодоступными и загадочными.

Одна из легенд, передаваемых из уст в уста (а в данном случае и через прессу), в одном из её вариантов звучит так.

«Два старателя, намыв возжеленного металла и выбравшись из тайги..., соорудили плот и начали сплав по реке. Всё шло удачно. Но в одном из нижних порогов плот перевернуло. Старатели оказались в воде, крепко удерживая мешки с намытым золотом. Одному из них удалось вскарабкаться на плот со своей добычей, а другой всё ещё оставался в воде. Компаньон, оказавшийся на плоту, якобы оказывая помощь, про-

тянул руку и вначале взял мешок с золотом приятеля. А в следующую минуту он злодейски убил своего товарища, присвоив всю добычу себе. Этим погибшим и был Подосёнов. Но внизу его (убийцу. — Ред.) поджидал вот этот гордый красавец, которым мы сейчас любимся. Его грохочущая стремнина поглотила алчного добытчика...».

В таком виде легенда об одном из участков реки Селемджи — Подосёновском перекате — была опубликована в 2003 году в одном из хабаровских журналов.

Думается, что через двадцать лет после этой публикации (и через сто двадцать шесть лет после самого события) читателям «Приамурья» будет интересно узнать о том, как же всё это произошло на самом деле, а более — о человеке, чьим именем назван этот опасный перекат на Селемдже, этот «гордый красавец», перевернувший и разбивший немало лодок на памяти местных жителей.

Уральский крестьянин Илья Иванович Подосёнов приехал в Амурскую область из Пермской губернии в поисках заработков. Когда именно он приехал, мне установить пока не удалось. В книге «Деловой мир Приамурья» написано, что на Амуре он с 1880 года. Но из архивных документов известно, что его старший сын Александр родился в 1890 году всё же в Кунгурском уезде Пермской губернии, на родине Ильи Подосёнова, а младший, Владимир — уже в Благовещенске в 1894 году.

Вначале Илья Подосёнов поступил на службу в золотопромышленную компанию «Ельцов и Левашов» конторским служащим. Так он оказался в верховьях реки Селемджи, на прииске Воскресенском. Современник Подосёнова С.В. Зазубрин утверждал, что тот был на Воскресенском уже в 1890 году — в том самом, когда на Урале родился его старший сын. Но это утверждение вряд ли может соответствовать действительности: ведь заявка на Воскресенский прииск была подана лишь в ноябре 1891 года, а добыча золота на нём началась лишь в 1895 году.

Так или иначе, но, будучи на Воскресенском, Подосёнов узнал (вероятно, в силу своей должности конторского служащего), что в относительной близости от места его проживания хищники (золотодобытчики-нелегалы, теперь их называют «чёрными копателями») обнаружили богатое золото. И он вознамерился получить ещё не занятую россыпь в собственность. Для этого нужны были и знания, и опыт, и деньги, и связи. Видимо, поэтому и оказался его компаньоном и участником организации нового золотопромышленного товарищества предприимчивый Павел Мордин, уже имевший опыт организации подобных товариществ.

Правда, в сотоварищах Мордин оказался не сразу: первоначально пайщиками не оформленной ещё официально компании кроме самого Подосёнова были мелкие золотопромышленники И.Н. Толмачёв и Ю.Н. Репи-

на. А Мордина, как опытного поисковика, пригласили для организации разведки на новых площадях.

Первые заявки были поданы в 1893 году. А в 1894 году, 25 мая, от имени участников будущего товарищества были заявлены три площади, ставшие затем приисками, на которых добывали золото: Казанским по ключу Догалдын — на имя И.Н. Толмачёва, Златоустовским по р. Харге, между ключами Догалдын и Албын, — на имя Ю.Н. Репиной, и Жедринским по ключу Албын — на имя П.В. Мордина. Ещё несколько разведанных площадей приисками так и не стали — в том числе и заявленная на имя П.М. Подосёновой от 17 февраля 1893 года, записанная под № 13.

Впрочем, эта площадь по плану И.И. Подосёнова, возможно, предназначалась для компании «Ельцов и Левашов», в которой он ещё служил и для которой мог заниматься поисками. Возможно, она после разведки была отпущена в казну. Или была передана Павлу Мордину с остальными «резервными» площадями после того, как он заменил Толмачёва и Репину. Подробностей мы не знаем.

Вначале разведка новых площадей была нерезультативной: шурфы заливало водой до того, как рабочие докапывались до песков. Через некоторое время, разочаровавшись, видимо, в перспективе, Толмачёв и Репина отказались от своих долей в пользу Мордина. И Павел Васильевич, которому перешли их прииски и ещё не отведённые для добычи площади, стал основным пайщиком в будущем товариществе, где Подосёнов имел бы около трети, а Мордин — остальную часть паёв. И, странное дело, уже вскоре золото «пришло».

Вот как об этом рассказано в известном «Историческом очерке о Харгинском дражно-рудном предприятии», авторство которого приписывают одному из руководителей Харгинского дражно-рудного предприятия С.В. Зазубрину: Мордин *«послал на прииски 20 корейцев, а те за один зимний месяц по выморозке разведочных ям намыли на Жедринском прииске 1 пуд 17 фунтов золота»*.

Россыпь оказалась богатой золотом, но применяемый сначала примитивный способ добычи — ямный — был малоэффективен. Тем более что разрабатывать россыпь приходилось зимой, вымораживая шурфы, чтобы их не заливало водой. Впрочем, в первые годы добыча если и велась, то, судя по всему, нелегально. Об этом говорит факт, что эта добыча в журналах окружного горного инженера не зафиксирована. Вероятно, официально считалось, что здесь всё ещё продолжаются разведки.

Компаньоны якобы были готовы продать свой бизнес. На прииски, как написано в упомянутом «Историческом очерке», даже приезжали французские капиталисты, готовые их купить. Однако покупатели и продавцы не сошлись в цене. И сделка не состоялась...

И тут мы подходим к «отправной точке», от которой начала своё долгое путешествие во времени легенда о Подосёновском перекате.

...Когда лодка с гостями и хозяевами приисков, сплавлявшаяся по Селемдже, подошла к опасному перекату, французы предусмотрительно сошли на берег. С ними вышел и Мордин. Подосёнов же остался в ней, решив сам провести судно через перекат. Но рулевое весло, ударившись о камень, сбilo его в воду, а бурная вода и камни сделали остальное. Илья Подосёнов погиб. Это случилось 15 мая 1897 г. Тело Ильи Подосёнова достали и похоронили там же, на берегу.

Почти через год вдова Ильи Ивановича, Пелагея Михайловна, добилась перезахоронения тела своего мужа на городском кладбище Благовещенска. Ей самой остались лишь дом, дети и долговые расписки. Впрочем, паи золотопромышленного товарищества «Труд и Бережливость» и заявленные на неё и на мужа прииски — тоже. В книге «Деловой мир Приамурья» говорится о двух таких приисках: Стефановском (И. Подосёнова) и Евгеньевском (П. Подосёновой), располагавшихся на правом притоке реки Нижний Мын. В бассейне Селемджи, но очень далеко от харгинских приисков, уже принадлежащих П. Мордину.

Историю «захвата» Мординым совместного с Подосёновым бизнеса называли «тёмной», ему приписывали даже убийство своего компаньона. На мой взгляд, предприимчивый Мордин не убивал, а лишь умело воспользовался сложившейся в его пользу ситуацией. Ведь официально товарищество так и не было оформлено. По крайней мере, о нём нигде не говорится в известных мне официальных источниках. Но Мордин, начав с того, что приобрёл наиболее богатые прииски у двух других своих компаньонов, теперь, после гибели последнего, попросту устранился от своих обязательств по отношению к нему. Ведь на Подосёновых площади по реке Харге не были оформлены. А бесперспективные мынские прииски Мордина уже не интересовали. И в товариществе для разработки уже разведанных площадей он не нуждался.

У него самого к тому времени уже имелись, видимо, деньги от реализации добытого «разведками» золота. Возможно, приносили какие-то доходы и добыча золота на приисках золотопромышленных товариществ, в которых он имел паи — «Толмачёв, Мордин и Компания», «Труд и Бережливость», «Предприимчивость в Дальней Тайге», «Алу-Макитском», — и торговля на них, которой он попутно занимался. Возможно, именно эти деньги были пущены на механизацию добычи золота.

После установки в 1897 году на Жедринском прииске известным в тех краях механиком Алексеевым производительных промывочных устройств — кулибинки и бочечной машины (вероятно, работы эти были начаты ещё до гибели И. Подосёнова) — золото здесь начали добывать по-крупному. В 1897 году (первый год официальной добычи) на

Подосёновский перекат

Жедринском добыли 3 пуда 6 фунтов 77 золотников 72 доли (51,9 кг) золота. В 1898 — 9 п. 4 ф. 90 з. 48 д. (149,4 кг).

При этом затраты Мордина на усовершенствования тоже заметны. Их приводят Л.Л. Тове и Д. В. Иванов в книге «Отчёт по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района» (1905). Эти затраты только на Жедринском прииске и только на заготовки инвентаря и имущества в 1896 году составили 5 тыс. руб., в 1897 — 16 тыс., а в 1898 — 65 тыс. руб.

Другим прииском Мордина в этой местности (приобретённым от Толмачёва) был Казанский на ключе Догалдын. Здесь в 1898 году он добывал золото с помощью артелей корейцев-золотничников. Добыто 19 ф. (7,8 кг).

Третий прииск, Златоустовский, сначала не эксплуатировался из-за обводнённости. Добывать золото здесь стали уже в начале XX века, когда Мордин, ставший к тому времени миллионером, привёз и установил свою первую драгу.

Дела вдовы сотоварища — Пелагеи Подосёновой — между тем были вовсе не так успешны. Малолетние дети требовали внимания, и она не могла заниматься ни торговлей, ни золотодобычей, ни чем-либо ещё, требующим затрат времени, сил и средств. Паи в товариществе «Труд и Бережливость» едва позволяли сводить концы с концами. Её прииск Евгеньевский был продан с торгов в 1899 году крестьянину Ф.М. Колбину.

Ещё 9 июля 1897 года Пелагея Михайловна подала в Благовещенский сиротский суд прошение. Она просила учредить опеку над имуществом недавно погибшего мужа и детьми и составить опись этого имущества. По её просьбе опекуном был назначен купец и сотоварищ в золотопромышленном товариществе «Труд и Бережливость» Н.А. Першин, кото-

рый сначала согласился, но вскоре отказался заниматься опекой, сославшись на болезнь, из-за которой был вынужден покинуть Благовещенск.

Новый опекун, также компаньон по товариществу «Труд и Бережливость» отставной штабс-капитан О.Д. Брун, взявшись за опеку, возбудил исковое дело к купцу П.В. Мордину. Он посчитал, что покойному Подосёнову должно принадлежать 15% имущества в Жедринском, Казанском и Златоустовском приисках, оценив их в 75 тыс. руб., которые Мордин обязан вернуть опеке Подосёновой. Кроме того, после рассмотрения судом этого дела он планировал подать следующий иск, рассчитывая получить неустойку в сумме 50 тыс. рублей за полученное на этих приисках золото.

Не имея юридического опыта, Брун привлёк к делу присяжного поверенного, обещая вознаградить его десятью процентами той суммы, которую ему удастся получить с истца. Обо всём этом написано в его рапорте от 25 октября 1899 года.

Мы не знаем, какую сумму удалось выручить (и удалось ли вообще) после подачи первого, на 75 тыс. рублей, иска. Но окончательное решение по второму иску принималось во второй судебной инстанции — в Иркутской Судебной Палате, которая определила: *«...в пользу опеки над имуществом и детьми крестьянина Ильи Подосёнова с Благовещенского купца Павла Васильевича Мордина взыскать шестнадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть рублей шестьдесят шесть копеек»*. Суд счёл, что Подосёнову принадлежали вовсе не 15, а лишь 6 процентов в его деле с Мординым. А истца обязал выплатить стряпчим 580 рублей вознаграждения за ведение дела в двух инстанциях, да ещё оплатить 171 рубль издержек суда второй инстанции.

Наверное, впоследствии отставной офицер Брун пожалел, что затеял этот иск. Для судебной тяжбы нужны были деньги, которые были у Мордина и которых не было у Подосёновой.

А за то время, когда шли суды, сыновья Ильи и Пелагеи Подосёновой, которых она, крестьянка, сумела выучить, выросли.

Про Александра Ильича Подосёнова известно только, что в 1916 году он был канцелярским служителем Благовещенского отделения Госбанка.

Владимир Ильич Подосёнов, окончивший в 1913 году Благовещенскую гимназию, поступил в Томский технологический институт на горное отделение. Но окончить его не успел — в 1915 году был мобилизован: шла война. Учёба, впрочем, не закончилась: его отправили в московскую «учебку» — Александровское военное училище, из которого в декабре того же года он вышел прапорщиком. Демобилизован в Петрограде в 1917 году, находясь в чине поручика.

Собираясь продолжить учёбу и стать горным инженером, для чего 2 октября 1918 г. поступил в Петроградский горный институт. Но в тот

же день был отчислен: началась новая, Гражданская война, и он снова пошёл воевать. И воевал с октября 1918 г. до 1920 г. (занимая должность политкомиссара полка) в Красной армии.

В этот период, в 1919 году, Владимир Ильич стал большевиком, вступив в ряды ВКП(б). И после всех войн занимал руководящие должности и посты. В 1925–1928 годах — заведующий тарифно-экономическим отделом и председатель Московского губернского отдела Союза советских и торговых служащих, а с 24 декабря 1928 и до 20 апреля 1932 года — председатель Ревизионной комиссии ВЦСПС. Затем — управлявший Московской торговой конторой «Гастроном».

1 сентября 1937 года арестован, а 7 октября 1937 года осуждён тройкой УНКВД по Московской области. Приговор — 10 лет лагерей за вредительство. Подосёнов был отправлен в Байкало-Амурский исполнительно-трудовой лагерь. Но дело не было закончено, и Владимира Ильича вскоре вернули в Москву. Уже 30 марта 1938 года состоялся допрос по новому обвинению. Теперь ему вменялось участие в антисоветской террористической и вредительской организации. А 19 апреля 1938 года списки, в одном из которых стояло и его имя, были представлены для утверждения приговора на подпись членам Политбюро.

26 апреля 1938 г. на закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР приговор был зачитан. И в этот же день Владимир Ильич Подосёнов был расстрелян.

О судьбе Пелагеи Михайловны Подосёновой нам более ничего не известно. По косвенным признакам можно предположить, что она повторно вышла замуж и уехала из Благовещенска. Основание для такого предположения — упоминание в одном из протоколов допросов В.И. Подосёнова, что где-то в Сибири (где, он не знал) у него есть братья Павел и Николай. Про брата Александра Владимир Ильич предпочёл нигде не упоминать. Как и о своём обучении на горняка. Видимо, не хотел, чтобы «органы» узнали, что он — сын золотопромышленников. В анкетах всегда называл себя сыном крестьянина. Кем, впрочем, и был Илья Иванович Подосёнов.

В заключение рассказа о Подосёновском перекате, в основу которого легла «зазубринская» версия о случившемся на реке Селемдже в мае 1897 года трагическом событии, упомяну ещё один факт. Позже на правом берегу реки один за другим были открыты по соседству два прииска: Подосёновский, принадлежавший золотопромышленной компании «Ельцов и Левашов», и «Перекат» П.В. Мордина. О том, велась ли когда-то на этих приисках добыча золота, у меня сведений нет. Знаю лишь, что мординский «Перекат» в 1910 году с торгов купил сын

известного книгоиздателя петербургский купец А.М. Вольф, активно занимавшийся тогда скупкой селемджинских приисков, но не ставший известным золотопромышленником.

ИСТОЧНИКИ

1. **Барышников М.Н.** Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб, 1998. С.247.
2. **Бисарнов М.** Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм по официальным данным. СПб: Тип. Суворина, 1896. 181 с.
3. ГААО. Ф. 9-и (Благовещенский сиротский суд). Оп. 1. Д.334. Дело об опеке над имуществом и детьми умершего крестьянина Подосёнова Ильи Ивановича. Начато 12 июля 1897 г., окончено 14 января 1916 г.
4. ГААО. Ф. 29-и (Благовещенская Духовная консистория). Оп. 3. Д. 165 (МК Благовещенского Кафедрального собора). Л. 47 об. – 48.
5. Деловой мир Приамурья (сер. XX – нач. XX вв.), в 2-х томах. Т.2. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2013. 320 с.
6. Исторический очерк прииска Харга (рукопись). 1927(?) / Фонды ЗАО «Хэргу». 24 с.
7. **Осмачко Н.** Воспоминания о Селемдже // Грань-Спорт (Хабаровск). 2003. № 3. С. 38–41.
8. **Перстиани И.Н.** 75 лет в искусстве. М.: Искусство, 1962. 346 с.
9. По Амуру — лето 1908 г.: Записки В. Ф. Семёнова // АОМ. 24808/49.
10. Список студентов и посторонних слушателей Томского Технологического института Императора Николая II. 1914–1915 учебный год. Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1914. 211+43 с.
11. **Тове Л.Л., Иванов Д.В.** Отчёт по статистическо-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. Т.2. Амурская область. Ч.1. СПб: Якорь, 1905. Прил. 389+321 с.
12. **Холкина Т.П.** В. Мордин в жизни и легенде // Недра Дальнего Востока: Информационно-аналитический обзор. Июнь, 2000. №6 (24). С.61–69.
13. ЦГИА СПб. Ф.8811. Оп.19. Д.1148. 3 л.

О дорусском населении Верхнего Приамурья

Верно ли мы толкуем некоторые местные топонимы?

На современной карте Амурской области обозначено множество географических объектов, названия которых непонятны современным обитателям региона, и это стало причиной появления интереса к исследованиям в области топонимики. Попытки толкования топонимов предпринимают представители разных наук: географии, геологии, краеведения, лингвистики. Но, что касается именно Верхнего Приамурья, практически все они пытаются найти переводы названий рек, гор, озёр в эвенкийском языке. При этом толкования выглядят подчас весьма и весьма сомнительными.

Приведу примеры.

В известном словаре «Амурская область» о названии реки Уркан, правом притоке р. Зеи, написано, что оно переводится с эвенкийского как «ягельник на сопках» [1, с. 378]. Ягель действительно встречается в долине правого притока р. Зеи, но вряд ли может служить характерной чертой, явившейся основанием для гидронима. Ягеля здесь не больше, чем на других зейских притоках. Кроме того, исследователи Приамурья, пересекавшие в XIX в. Правый Уркан (Миддендорф, Аносов и пр.), называли его рекой Ур. А уже в р. Ур впадал справа собственно Уркан, который на современных картах подписан как Малый Уркан, что является уже тавтологией: суффикс *-кан* в тунгусских языках обозначает малость предмета. То есть толковать название нужно, исходя из слова «ур», которое мне не встречалось в эвенкийско-русских словарях.

В том же словаре название реки Селемджа истолковано как производное от эвенкийского «сэлэмэ» — «железо» [1, с. 328]. Да, в бассейне Селемджи геологами было найдено и разведано крупное месторождение железной руды. Но уже в XX веке. И нет никаких исторических доказательств, что эти руды разрабатывались аборигенами (или были им известны) в те времена, когда здесь ещё не было русских. Кроме того, в ранних источниках территории река подписывалась как «Силимджа» (Миддендорф, Маак, Шренк) или «Силинджа» [2, с. 5]. Эвенкийское «сэлэмэ» здесь никак не звучит.

Подобных примеров можно привести много, но ограничимся ещё одним. Однажды носитель эвенкийского языка Л. Тарская на мою просьбу растолковать названия некоторых бурейских притоков уверенно перевела название ручья Миндукачи как «нет меня». Суффикс *-чи* в эвенкийском языке означает обладание неким предметом или свойством, и можно, таким образом, допустить, что в гидрониме звучит отрицание обладания. Но всё же такое толкование, не характерное для эвенкийских географических названий, представляется странным. Тем более что один за другим в Бурею с левого берега впадают Миндукачи Первая, затем Вторая и Третья. «Нет меня» трижды?

Во многом этимологию ряда географических названий проясняет гидроним «Амур». Да, это русское название реки, ибо тунгусы-аборигены называли её «Шилькар». Но само-то слово «Амур» откуда взялось?

Происхождение названия связывается с рассказом пленника-тунгуса Ивану Москвитину о богатой рыбой и пушным зверем реке. Именно от него в 1640 г. впервые русский землепроходец услышал слово «Амур» [4, с. 285], решив, что это название реки. Попробуем восстановить историю, которая предшествовала этому событию.

Известно, что Верхний Амур вплоть до XVII в. населяли совместно монголоязычные дауры и тунгусоязычные солоны. Представляется вероятным, что солоны, как и эвенки, были потомками мохэсцев, поднимавшихся в более раннее время по Амуру вплоть до Забайкалья. Но неправильно считать, что солоны — те же эвенки. В этом мы убедимся чуть позже.

В конце 1639 года солоны и дауры восстали против маньчжурских завоевателей. Восстание это, известное под названием восстания тунгусских племён, возглавил уроженец поселения Якса (ныне Албазино) солон Дулар Бомбогор. Восстание было маньчжурами подавлено, все его участники погибли, крепость Якса сожжена, а вождь тунгусов Бомбогор, схваченный в 1640 году, свезён в Мукден и там казнён [8, с. 137–139].

В свете этой истории кажется вполне обоснованным предположение, что Москвитину об Амуре рассказал кто-то из тех, кто убежал от той бойни, которую устроили среди непокорных амурских тунгусов и дауров завоеватели-маньчжуры. Когда в 1641 г. на Амур пришли русские завоеватели во главе с Хабаровым, солонов здесь уже не было. Они либо были уничтожены маньчжурами, либо бежали. Оставшиеся дауры, узнавшие о продвижении по реке вооружённых казаков, имевшие недавний опыт борьбы с захватчиками и, вероятно, наслышанные о «первопроходце» В. Пояркове, тоже сначала предпочли побросать свои дома и укрыться в окрестных лесах. Затем ими всё же была предпринята попытка оказать сопротивление во вновь отстроенной крепости Якса, но вооружённые огнестрельным оружием казаки легко справились с даурами и захватили эту крепость.

Но для нас сейчас важен тот факт, что верховья Амура были населены никак не эвенками, которых этнографы XIX в. называли попросту тунгусами, а даурами и солонами, отделяемыми теми же этнографами от тунгусов. Поэтому происхождение названий окрестных рек и гор следует искать в первую очередь в языках этих народностей. И название главной нашей реки — Амур, — вероятнее всего, именно солонского происхождения. На языке солонов это слово означает «широкая река», что вполне объясняет появление русского названия: все другие реки в районе тогдашнего проживания солонов вовсе не широки. И неведомый информатор Москвитина попросту рассказал, что он с широкой реки, которая становится таковой после впадения в Шилку Аргуни. А место, где жили эти солоны, сохранилось в нынешнем названии Эмурхэ — реки, которая впадает в теперешний Амур справа, как раз напротив Албазина. Где хэ — «река» по-китайски.

Таким образом, мы уже здесь увидели, что географические названия в Верхнем Приамурье не могут считаться имеющими исключительно

эвенкийское происхождение. Учитывая, что дауры, проживавшие не только по Амуру, но и по Зее, были, как считают, монголоязычным народом, топонимы, весьма вероятно, также могут иметь монгольские корни. А на примере гидронима «Амур» мы видим, что даже тунгусоязычные солоны могли привносить свои слова, свои названия, не объясняемые другими тунгусскими языками, диалектами и говорами.

О том, что аборигенное население Верхнего Приамурья было неоднородно, говорят и письменные отчёты исследователей середины XIX в.

Так, руководитель естественнонаучной экспедиции в Приамурье (1854–1856 гг.) Л.И. Шренк в своей работе «Инородцы Амурского края» [9] привёл карту расселения аборигенов. Судя по карте, на территории нынешней Амурской области обитали преимущественно три тунгусские группы: манегры (у Шренка манегирцы), бирары и собственно тунгусы. Те, кого Миддендорф называет южными тунгусами [6, с.704]. Сравнительно небольшую территорию побережья Амура близ устья Зеи населяли, по Шренку, дауры вперемежку с китайцами. Позднее эта местность получила название «Маньчжурский клин».

Рассказывая о тунгусах, населявших эти территории, Шренк подразделяет их на «китайских» — *манегров* (у Шренка «манегирцы», у Маака «манягры») и *бираров* (у Миддендорфа «буралы, бурало-тунгусы» [6, с.724–726]) — и «русских» тунгусов, тех, кого мы теперь называем *эвенками*. Это подразделение понятно: манегры и бирары считали себя маньчжурскими подданными, платя ясак маньчжурским властям, а «русские» тунгусы — оленеводы и охотники, принявшие православие, — платили ясак в казну российского императора. Заметим при этом, что не только языки, но и бытовые, и поведенческие характеристики этих тунгусских групп весьма различались.

Р.К. Маак, исследовавший Амур в тот же период, в 1855 г., отмечал, что в самых верховьях Амура, выше р. Невер (впадающей в Амур недалеко от нынешнего поселения Джалинда) кочуют оленные тунгусы — ороконы. А ниже — от левобережного Невера до правобережной Кумары — расположены поселения манегров, которые живут также и на Зее. Манегры, писал Маак, занимаются преимущественно рыболовством, охотой и разводят лошадей.

«Манягры говорят тем же вообще языком, как тунгусы Восточной Сибири. Язык этот отличается богатством слов, отражающих различные видоизменения земной поверхности, что, конечно, происходит от тесного соприкосновения с природой, которое составляет необходимое последствие кочевой жизни этого племени. Так, в языке манягров есть не только слова, означающие хребет гор, гору, холм, скат, утёсистую стену, но также особенные выражения для

различных видоизменений физиономии этих форм земной поверхности; далее, в этом языке есть особенные названия для реки, ручья, залива, мели, порогов и множество других слов такого же рода. Все эти выражения, насколько я могу судить, весьма хорошо характеризуют различные видоизменения местности... Что касается слов, относящихся к духовной жизни, то ими язык маньгров чрезвычайно беден» [3, с. 69].

Вблизи устья Буреи (Нюмана) Маак впервые встретил бираров. Бирары «представляли... в общем складе тела гораздо более сходства с маньчжурами, чем с живущими на Амуре ороचनाми. Широкие, вследствие сильного развития скул, лица, столь обыкновенные у орочонов, в племени бираров мне никогда не встречались. Точно так же в нравах, обычаях и в одежде это последнее племя в настоящее время более всего сходно с своими западными соседями маньчжурами. Впрочем, многое в нём обличает также родство с маньграми, с которыми бирары без сомнения составляли прежде один народ. Так, язык бираров, за исключением некоторых маньчжурских слов, вкравшихся в него от частых сношений этого племени с маньчжурами, кажется мне совершенно тождественным с языком маньгров» [3, с. 110].

Доказательства необоснованности толкования нерусских топонимов Верхнего Приамурья эвенкийским их происхождением можно приводить и по другим источникам, но ограничимся приведёнными. Добавим в заключение лишь один пример.

Раннее (дорусское) название р. Буреи (Нюман, Нюмань, Ниомань), которое сохранилось в названии одного из её верхних притоков, р. Ниман, современные топонимисты привычно связывают с эвенкийским языком. При этом одни утверждают, что название должно указывать либо на наличие морошки на берегах реки, другие — на мутность воды в реке, третьи — на её характер, что река — тихая, спокойная. Между тем ни одна из этих характеристик к Буреи не подходит. Тем более не подходит «кушанье, приготовленное из крови» [5, с. 365].

По моему твёрдому убеждению, происхождение названия легко обнаруживается в маньчжурском языке, где словом «нимань» маньчжуры называют козлов и «вонючих» баранов [7, с. 233]. Подобное заключение подтверждается тем, что ещё в середине XIX в. в горах, окружающих истоки реки, действительно обитали редкие уже и в то время горалы — горные козлы. Мясо, органы и части тел горалов использовались маньчжурами и китайцами в медицинских целях, и, возможно, кочевавшие в верховьях Буреи тунгусы (эвенки) иногда охотились на горалов, продавая затем маньчжурам. Но уже в конце столетия эти копытные в Буреинских горах встречаться перестали.

Вскоре после того, как в верховьях р. Ниман было открыто золото и там появились русские, вооружённые винтовками, горалов не стало, а название осталось.

Резюмируя сказанное, обозначим главный вывод: толкования названий гор, рек и озёр следует искать не только в тунгусских (солонском, манегрском, бирарском, эвенкийском) языках и диалектах, но и в языках других народов: маньчжурском, даурском, монгольском и пр., которые тем или иным образом были связаны с нашим регионом. И если толкователи географических названий не имеют в своём распоряжении иных словарей, кроме эвенкийско-русских, это не должно быть причиной для «притягивания» эвенкийского языка и неубедительных объяснений, что «когда-то кто-то здесь встретил кого-то», а топографы записали этот факт как название на карте. Нужно согласиться, что многие названия пока не могут быть верно истолкованы и что они ждут своих исследователей.

ИСТОЧНИКИ

1. Амурская область. Опыт энциклопедического словаря. Ред.-сост. Н. К. Шульман. Благовещенск, 1989. – 416 с.

2. Журнал заседания Совета Императорского Русского географического общества. 9 февр. 1859 г. // Вестник ИРГО. Ч. 27. – СПб: Тип. Безобразова и комп., 1859. – С. 1–9.

3. **Маак Р.К.** Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 году Р. Мааком. – Санкт-Петербург, 1859. – 320+211 с., ил.

4. **Магидович И.П., Магидович В.И.** Очерки по истории географических открытий. Изд. 3-е, перераб. и доп. в 5 т. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV — середина XVII в.). – М.: Просвещение, 1983. – 299 с., ил., карты.

5. **Мельников А.В., Коробушкин Н.Г., Афанасьев П.Ю., Подмарёв Е.Ф.** Топонимический словарь Амурской области. – Благовещенск: ИГиП ДВО РАН, 2021. – 340 с.

6. **Миддендорф А.Ф.** Путешествие на Север и Восток Сибири: Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении: Отд. 6. Коренные жители Сибири. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1878. – С. 619–833.

7. Полный маньчжурско-русский словарь, составленный преподавателем маньчжурского языка при Императорском С.-Петербургском университете действительным стат. советн. Иваном Захаровым. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1875.

8. **Цыбенков Б.Д.** Из истории даурского народа в XVII в. // Власть. Т. 25. № 2. 2017, февраль. – С. 137–142.

9. **Шренк Л.И.** Об инородцах Амурского края. Т. 1. – СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – 323 с., ил., карта.

Геннадий Астахов

Геннадий Фёдорович Астахов родился в 1946 г. Окончив в 1967 г. историко-филологический факультет Благовещенского пединститута, работал в областных и районных газетах Приамурья. Долгое время являлся собственным корреспондентом «Амурской правды» на БАМе.

В те годы он близко познакомился с лесозаготовителями из Корейской Народно-Демократической Республики, несколько десятков лет трудившимися по Межправительственному соглашению в тайге на севере области. Экономическим и гуманитарным контактам СССР (РФ) и КНДР посвящены его двухтомник «Таёжный флагман Приамурья» (Благовещенск, 2005) и вышедшая в Москве книга «Магия Земли Чосон», ставшая победителем Международного литературного конкурса «Пхеньян-2022», посвящённого 110-летию со дня рождения Президента КНДР Ким Ир Сена и 80-летию Председателя Государственного Комитета обороны КНДР Ким Чен Ира.

Важнейшее направление в творчестве Астахова — журналистское краеведение. Все пятьдесят пять лет работы в периодической печати Геннадию Фёдоровичу, по его собственному признанию, «не даёт покоя заложенная ещё в институте тяга к исследовательству. С удовольствием работаю над материалами по истории Амурской области и города Сковородино, где родился и вырос. Некоторые из них публиковались в ежегодном альманахе «Приамурье». Являюсь автором нескольких книг краеведческой тематики».

Мы рады познакомить читателя с новым историческим очерком Геннадия Фёдоровича — о знаменитом АЯМе.

Грунтовая струна через «три Франции»

Очерк истории Амуро-Якутской магистрали

История создания автомобильной дороги федерального значения «Лена» (Невер — Якутск) неразрывно связана с началом во второй половине XIX века освоения и разработки месторождений золота в Амурской области, в верхнем течении Амура, и Южной Якутии — в бассейнах рек Тимптон и Алдан.

После завершения строительства Транссиба остро встал вопрос о дороге, соединяющей Амурскую область с Якутском, отстоящим от «железки» на тысячу с лишним километров. В любой точке здесь — тайга, горы, беспросветная глушь во все концы. Коммуникации — в самом зачаточном состоянии. А потребность в них была велика. Сообщение с Якутией осуществлялось по просёкам да по торным оленьим тропам. По одной из них, которая шла от села Рейново (станция Джалинда), через прииски Ларинский (сейчас посёлок Большой Невер) и Соловьёвский,

Верблюды на Алдане. Фото 1920-х годов

через уже стоявшее на реке Тынде зимовьё (где сейчас город Тында), грузы доставлялись в Якутию. Этот путь длиной 380–400 километров назывался «верблюжьей тропой».

Инициатором внедрения верблюжьей тяги был один из агентов Верхнеамурской золотопромышленной компании. Он приобрёл сотню верблюдов в Забайкалье. Эти животные хорошо приспособились к местным условиям, были неприхотливы, менее чувствительны к отсутствию корма и могли перевозить в несколько раз больше груза, чем олени и лошади. В дальнейшем, вплоть до постройки Амуро-Якутской автодорожной магистрали, верблюды использовались на всем протяжении пути от Джалинды на Амуре до самого Алдана.

Верблюжьей тропой грузы перевозились в основном зимой, по льду таёжных рек и по уплотнённому снегу. Доставка грузов стоила очень дорого, поэтому Верхнеамурская компания начала строить грунтовую дорогу. В 1910 году были проведены первые изыскания, и строительство колёсного тракта от станции Рухлово (ныне город Сковородино) до прииска Якут на реке Уркима, на «вершине» Станового хребта, с подходом к Лебединому прииску (в бассейне реки Тимптон), общей протяжённостью 340 с половиной километров, было закончено в 1916 году.

Отсутствие дорог стало просто нетерпимым

К середине двадцатых годов стало ясно, что эта лесная дорога не способна обеспечить все потребности в механизмах, материалах и продовольствии молодого, бурно развивающегося промышленно-сырьевого района. И вообще, как отмечает исследователь, *«на начало 1925 года Дальний Восток, вмещавший в то время по площади три Франции, уступал ей по общей протяжённости грунтовых дорог в 16, а по коли-*

*честву дорог, имеющих на 100 квадратных километров, — в 154 раза. Это объяснялось тем, что освоение Дальнего Востока началось только со второй половины XIX века, а дорожные работы целенаправленно стали осуществляться с начала XX века» *.*

В 1922 году образуется Дальневосточное окружное управление местного транспорта (ДальОМес). На него возлагались содержание, ремонт, строительство дорог государственного значения, а также общий контроль местной дорожной сети и автомобильного дела.

Хорошо понимая большую значимость Якутии для экономики страны, Советское правительство в феврале 1925 года приняло срочные меры к строительству дороги от Амура, через реку Алдан, на Якутск (АЯМ) протяжённостью более 1200 километров, которое началось в том же году и шло, по меркам того времени, ударными темпами. Вести его было поручено ДальОМесу. Одновременно рассматривалась и быстрая доставка золота на Большую землю, для чего в ту пору был единственный верный способ — самолётами. Изучить возможности воплощения этой идеи в жизнь было поручено авиаторам.

«Добролёт» исследует АЯМ

В двадцатые годы прошлого века слово «Добролёт» звучало так же набогато, как в семидесятые того же столетия — слово «БАМ».

Российское акционерное общество добровольного воздушного флота «Добролёт» было создано в 1923 году по решению Советского правительства. Есть версия, что идея его создания принадлежала Льву Троцкому, а эмблему нарисовал знаменитый художник-конструктивист Александр Родченко, родоначальник дизайна и рекламы в СССР. «Добролёт», преобразованный позже в «Аэрофлот», занимался развитием авиации в мирных целях. Перед ним ставились три основные задачи: организация, строительство и эксплуатация воздушных линий.

Немногие знают, что в числе первых изыскателей Амуро-Якутской автомобильной магистрали были пилоты «Добролёта», начинавшие неизведанный маршрут от станции Сковородино. В плеяде мужественных и смелых людей был один из первых русских лётчиков — Семён Яковлевич Корф.

Об этом человеке, а также о его первой изыскательской экспедиции по АЯМу, где он участвовал вместе с товарищами по профессии, читателям «Амурской правды» тридцать с лишним лет назад поведал мой коллега — собственный корреспондент газеты «БАМ» на Севе-

* Лаврентьев А.В. «Развитие транспорта на Дальнем Востоке России (середина 1980 — начало XXI века)». Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014.

Реклама «Добролёта»

Семён Яковлевич Корф

робайкальском отделении Байкало-Амурской железной дороги Антон Степанович Кривой, светлая ему память. Его рассказ фрагментарно использован в этом очерке.

Несколько слов о замечательном лётчике. Семён Корф — участник Первой мировой войны. До революции окончил две лётные школы: Севастопольскую авиационную и Киевскую — лётчиков-наблюдателей. Участвовал в воздушных боях, дважды был ранен. Незадолго до Октябрьской революции Корф в составе группы был направлен в Соединенные Штаты Америки для закупки самолётов. Узнав о революции, Корф добрался до Лос-Анджелеса и нанялся кочегаром на пароход, шедший в Россию.

На Российском Дальнем Востоке Корф был мобилизован в армию Александра Колчака, однако вскоре дезертировал и добровольно пошёл на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. В годы Гражданской войны служил в должности начальника штаба Красного воздушного флота Западного фронта, которым командовал будущий Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский. Неоднократно отличался в боях, за что удостоен двух орденов Красного Знамени.

После окончания Гражданской войны Семён Яковлевич продолжил службу в РККА, затем был направлен на работу в «Добролёт». Под его руководством осуществлялась экспедиция в Якутскую АССР и на север Дальнего Востока, о которой сегодня и идёт речь.

...На поляне с обугленными соснами-калеками комарам раздолье. Ещё бы — тут расположился целый лагерь. На отдых обосновалась группа красных пилотов. Что они делают в якутской тайге? Что привело их к отрогам Яблонового хребта?

Убогий и вместе с тем такой богатый край — Якутия. Пушнина, лес, золото! Золото — вот что в первую очередь интересовало молодую Республику Советов. Большие его месторождения были открыты в то время на прииске Незаметном (ныне Алдан). Добывалось оно в изрядных количествах и на приисках Бодайбо, что в Иркутской области. Но далеко природа запрятала свои сокровища. От Незаметного до Якутска — добрых верст 600, в другую сторону, до Транссиба — ещё больше.

В начале 1925 года правительство поручило «Добролёту» связать воздушным мостом якутские прииски с Транссибирской магистралью. Но прежде требовалось каждый будущий маршрут тщательно вычислить и проложить на земле. Надо было подыскать места для строительства аэродромов, запасных посадочных площадок, составить лоции полетов, наладить телеграфную связь между населёнными пунктами.

Для изыскательских работ в Восточную Сибирь «Добролёт» снарядил экспедицию. Цель — изыскание направления воздушной линии, геодезическая съёмка местности, определение астрономических пунктов, экономическое изучение районов. В состав экспедиции вошли пилот А.Д. Романов, инженер-геодезист Н.Н. Веселовский, топограф Н.К. Ватеркамф, экономист М.А. Загулин. Возглавил коллектив технический руководитель Семён Яковлевич Корф.

В последние дни перед выездом из Москвы в группу были включены ещё два человека — специалисты по дорожному строительству. Дело в том, что к мероприятию «Добролёта» проявили глубокий интерес Наркомфин и Комиссариат путей сообщения. Они ставили вопрос о строительстве Амуро-Якутской автомобильной магистрали, поэтому экспедиция «Добролёта» оказалась весьма кстати.

Маршрут изысканий был выбран самый короткий: от станции Рухлово (ныне город Сковородино) через Яблоновый хребет к Якутску. Это 1300 вёрст. В начале мая 1925 года экспедиция тронулась в путь и взяла курс на север.

Наиболее трудный участок — до прииска Незаметного (будущего города Алдан) — изыскатели прошли за три месяца, потеряв в болотах, ущельях и горах девятнадцать лошадей из двадцати восьми. На прииске их поджидали олени, о которых позаботился Максим Аммосов — первый председатель Совнаркома Якутии. Задание «Добролёта» было выполнено. Однако исход проделанной работы не радовал изыскателей.

«Открытие воздушной линии Рухлово — Незаметный — Якутск, — писал в своём отчете С.Я. Корф, — потребует огромных капиталовложений. Шутка сказать, построить и обустроить в глухой тайге, как того требует инспекция, 5–6 крупных аэродромов и 10–12 промежуточных площадок! Трасса проходит вдали от населённых пунктов — ни дорог, ни транспорта, ни рабочей силы. Следует искать другой выход».

На Большую землю авиаторы возвращались уже по первому санному пути на реке Лене. Вглядываясь в заснеженные берега, знакомясь с расположением населённых пунктов, Корф пришёл к мысли о новом варианте воздушной трассы, более дешёвом и безопасном: обслуживать Север гидросамолётами по рекам Ангаре и Лене. Заодно проще решается вопрос соединения с магистралью золотоносных приисков Бодайбо по Витиму. Этот вариант и был принят «Добролётом» к реализации.

Авиалиния Рухлово — Незаметный — Якутск не состоялась. Но тяжкий труд изыскателей «Добролёта» не пропал. Исходные данные, собранные экспедицией, легли в основу технического проекта автомобильной дороги от Транссиба в глубь Якутии. Это — действующая и поныне более чем тысячекилометровая трасса Большой Невер — Тын-да — Беркакит — Алдан — Томмот — Якутск, проложенная в двадцатых — тридцатых годах прошлого века.

В дальнейшем Семён Яковлевич Корф занимался разведкой и прокладкой воздушных трасс в Сибири, участвовал в строительстве почтово-пассажирской авиационной трассы Москва — Ташкент. После успешного завершения экспедиций был назначен заместителем начальника Правления Сибирских воздушных линий Гражданского воздушного флота.

В феврале 1939 года Корфу припомнили былую службу в РККА под началом недавно репрессированного маршала Тухачевского и то, что авторство идеи «Добролёта» принадлежало Троцкому. Семён Яковлевич был арестован органами НКВД СССР и позднее осуждён к 15 годам исправительно-трудовых лагерей. 12 февраля 1955 года он был полностью реабилитирован, а в 1967 году награждён орденом Ленина. Проживал в Москве, где и скончался в 1970 году.

Тернистый путь строителя дорог

Но вернемся к АЯМу. Техническое оснащение на реализации порученного ДальОМесу проекта полностью состояло из ручного, к тому же частью не специализированного инвентаря. Дело в том, что в 1920-е годы в СССР отсутствовало собственное дорожное машиностроение. Имевшиеся единичные дорожные машины и тракторы были закуплены у иностранных фирм ещё до революции местными отделениями Переселенческого ведомства.

Так, в 1926 году ДальОМес имел в своём распоряжении всего 10 тракторов. Два из них находились на строительстве АЯМа. В основном же на дороге применялся ручной труд, тачки, грабарки. На перевозке грузов использовались лошади и верблюды. Карьеры для выемки грунта

для полотна дороги выбирались в непосредственной близости от трассы. Мосты и другие искусственные сооружения возводились из местной лиственницы.

Дорога пролежала в зоне вечной мерзлоты. Строители беспрерывно сталкивались с её негативным воздействием на земполотно в виде наледей, бугров пучения, протяжённых заболоченных участков. Почти на всем протяжении трассы приходилось в основание полотна укладывать деревянную подоснову — лежнёвку из стволов лиственницы.

Ещё одна сложная проблема, стоявшая перед стройкой, — неукомплектованность квалифицированным персоналом. Это, естественно, отражалось на качестве и темпах строительно-ремонтных работ. Особенно проблематичным было обеспечение управленческими и инженерно-техническими кадрами.

Дело в том, что в России до революции не готовились специалисты чисто дорожного профиля. Вопросам строительства, проектировки и содержания дорог уделялось внимание в вузах, где инженерное образование получали будущие строители и транспортники. Специалистов с дорожным уклоном в начале XX века было очень мало. Из них кто-то погиб на фронтах Гражданской войны, другие эмигрировали. Тех, кто работал на Дальнем Востоке, были считанные единицы.

Одним из таких эксклюзивных специалистов был назначенный начальником строительства АЯМа Иосиф Николаевич Пилин. Современники знали его как инженера высокой квалификации, проработавшего на строительстве северных дорог около двадцати лет и имевшего вполне заслуженную блестящую репутацию. Именно благодаря его стараниям рабочие даже дальних участков были обеспечены продовольствием и одеждой на зиму. К слову сказать, это впоследствии поставят И.Н. Пилину в вину.

Руководить стройкой ему пришлось в непростых условиях. «Транспортная газета» № 70 от 19 июня 1928 года сообщала, что укладка земполотна осуществлялась без проекта и сметы, по так называемым «жёстким» планам. Они составлялись ежегодно в пределах отпущенных центром средств, по данным начальников строительных участков. При этом управление не имело расценочных ведомостей на единичные работы.

«Жёсткие» планы приходили на строительство АЯМа с опозданием почти в полгода, и в эти промежутки времени люди жили и работали как бог на душу положит.

Такая «партизанщина», ставшая возможной из-за отсутствия элементарно грамотных в строительстве работников среднего звена, приводила к разного рода нарушениям. Это и дефекты в уже уложенном земполотне, и несоблюдение графика возведения гражданских сооружений, и неудачно сконструированные линейные дома. Иосиф Николаевич активно боролся с этими безобразиями.

Такая его требовательность нравилась не всем. Обстоятельный подход Пилина к делу раздражал и кое-кого из вышестоящих руководителей. И они нашли повод расправиться с ним. Был обнаружен перерасход средств на строительство километра дороги, что в условиях «жёсткого плана» значило многое. Начальник строительства мог потратить лишь столько денег, сколько было отпущено центром, и ни копейкой больше... По всей стране в конце 20-х годов выявляли вредителей производства. А здесь и ловить никого не надо было. Начальник из бывших специалистов — раз; допустил перерасход средств на строительство — два; продукты рабочим в кредит не имел права выдавать — три; тракторы зачем-то выписал (аж два!) — четыре. Под суд его, вместе с помощниками!

В апреле 1926 года против начальника строительства инженера Пилина и его заместителя Великосельцева было возбуждено уголовное дело, тянувшееся до ноября 1929 года. От руководства строительством АЯМа на это время Пилина никто не освобождал. Приходилось ему и гидрометрические наблюдения для постройки мостов делать, и высоту откосов определять, и отсеки рассчитывать. Рабочий день начальника насчитывал 12–15 часов в сутки.

Приговором Амуро-Зейского окружного суда И.Н. Пилин и В.А. Великосельцев были оправданы. По Амуро-Якутской тогда уже пошли первые грузы.

Строительство АЯМа. 1920-е годы

Трагична дальнейшая судьба Иосифа Николаевича Пилина. Завершив работу на Амуро-Якутской магистрали, он уехал в Приморье, где стал начальником строительства Владивостокского участка железной дороги Дальстроя. 30 марта 1931 года был арестован, а 23 августа того же года коллегией ОГПУ Приморского края приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в заключении в 1939 году. Реабилитирован 17 декабря 1958 года постановлением Президиума Верховного суда Якутской АССР.

В 1929 году Амуро-Якутский тракт был в основном построен. Дорога из Большого Невера дошла до Укуланской пристани (ныне город Томмот), достигнув длины 730 километров. Другая её ветка была проведена за 250 километров от Незаметного, дойдя до ленской базы Чулан и образовав водно-автодорожное кольцо в Центральной Якутии.

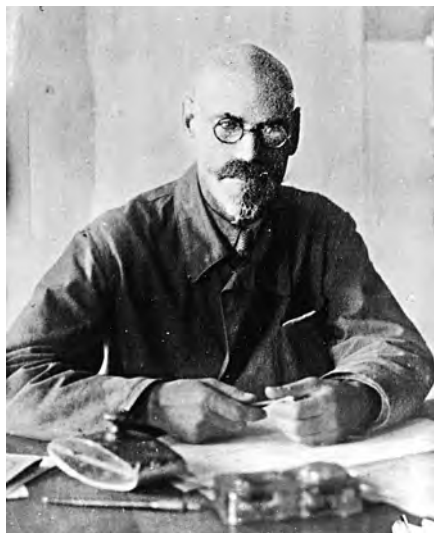
Ни в какое сравнение с нынешними автомагистралями АЯМ не идёт. Сооружаемые на рубеже 20-х — 30-х годов прошлого века дороги, в силу слабого финансирования и неудовлетворительного технического оснащения дорожных подразделений, были, как правило, низших технических категорий. В

первую очередь строителей ориентировали на прокладку наиболее дешёвых грунтовых путей сообщения. Большая часть таких дорог предназначалась для соединения сёл с районными центрами, подъездов к станциям железной дороги и пристаням. Упрощалось возведение искусственных сооружений, мостов, труб, мощёных бродов. Все мостовые переходы и водопропускные трубы строились из дерева. АЯМ не был исключением.

Доработка Северного грунтового пути продолжалась до 1932 года. Причинами срыва сроков и неудовлетворительного состояния работ на АЯМе были перебои в финансировании, низкое качество руководства работами, невнимательное отношение к строительству дороги со стороны Главдортранса НКПС, техническая отсталость дорожного строительства того времени.

После окончания строительства дороги республика эксплуатировала её как почтово-пассажирскую до Якутска и отчасти для снабжения грузами промышленности Алданского района.

Каким бы ни был АЯМ, но он был. И зимой 1928–1929 года по новой дороге был проведён автопробег.

И.Н. Пилин после ареста. 1933 год

Автопробег — но не по «бездорожью и разгильдяйству»

Конец двадцатых годов прошлого века — целая эпоха в истории отечественных автомобильных пробегов. Детища только что появившихся советских автозаводов испытывались в самых что ни на есть экстремальных условиях — от каракумских песков до таёжных троп где-нибудь вблизи Северного Ледовитого океана.

Романтика таких путешествий вдохновляла писателей. Они использовали яркую примету времени в произведениях самых разных жанров. Вспомним хотя бы «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова и экипаж «Антилопы-Гну», нахально «возглавивший» автопробег Арбатов — Черноморск, чтобы «некоторое время снимать пенки, сливки и тому подобную сметану с этого высококультурного мероприятия».

К счастью, есть люди, которым отметитья по этому поводу в истории удалось вполне реально. Собирая материалы к вековому юбилею Дальневосточной железной дороги, режиссёр киностудии «БАМ» Андрей Дюкарев обнаружил в фондах Красногорского архива кинофотодокументов России уникальную ленту. Она называется «Дорога в тайгу» и рассказывает о первом Дальневосточном автопробеге по маршруту только что отстроенного АЯМа: прииск Ларинский (ныне посёлок Большой Невер) — Чульман — прииск Незаметный (ныне город Алдан) и обратно. Началось это беспримерное путешествие в канун нового, 1929 года и длилось почти всю зиму.

Десятиминутный фильм, выпущенный отделом хроники кинокомпании «Совкино», был снят в жанре путевых заметок участником пробега оператором Алексеем Зиновьевичем Кушешвили.

У этой работы есть очень существенный недостаток, присущий всему немому кино тех лет, — крайняя скудость информации, которая ограничивается лишь видеорядом и краткими надписями титров. Из них можно понять, что в пробеге по заснеженным северным дорогам испытывались грузовые автомобили марок «Ярославец» и «Форд». В пути следования мужественных водителей тепло приветствовали жители вышеназванных населённых пунктов, а также посёлка золотодобытчиков Стрелка, что располагался в нескольких километрах от современного прииска «Соловьёвский» (Тындинский район). Там проходили многолюдные по северным меркам митинги. Главная мысль фильма — отечественная модель грузовика показала себя в экстремальных ситуациях куда достойнее, чем зарубежная.

Ничего, к сожалению, не известно об участниках пробега. А вот об операторе А.З. Кушешвили кое-какую информацию удалось получить в Хабаровске — от сотрудников Дальневосточной студии кинохроники. Нам сообщили, что Алексей Зиновьевич в 20-х годах прошлого века служил в Пограничных войсках в районе Уссурийска, был страстным киноманом. Увлечение съёмкой у него началось с той поры, как однажды у одного из контрабандистов была изъята совершенная по тем временам кинокамера вместе с запасом плёнки.

Что делать с таким трофеем, пограничное начальство не знало. Кушешвили с присущим ему энтузиазмом решил изучить кинодело. Через некоторое время премудрая технология производства документальных

**Кинооператор Алексей Зиновьевич Кушешвили (на фото он крайний слева)
на съемках автопробега по АЯМу**

лент им была освоена. Пограничник ездил по заставам и снимал, как сейчас говорят, боевые будни товарищей по оружию.

Где-то в середине 20-х годов А. З. Кушешвили демобилизовался и переехал на постоянное местожительство в Хабаровск. Армейское хобби стало ему на «гражданке» рабочей профессией. Он был принят в «Совкино» кинохроникером по Дальнему Востоку. Позже, когда в Хабаровске стала создаваться Дальневосточная студия кинохроники, Кушешвили был в числе её активных организаторов. А затем на протяжении многих лет работал в творческом коллективе, снимал сюжеты для киножурналов местного и союзного экрана. В годы войны был фронтовым кинооператором. В мае 1968 года Алексею Зиновьевичу Кушешвили было присвоено почётное звание заслуженного работника культуры РСФСР.

Даже в наше динамичное время мало кто может похвастаться встречей Нового года в дремучей, безлюдной тайге, вдали от человеческого жилья. Экстрим, как сейчас говорят! А Алексей Зиновьевич и участники автопробега именно так отпраздновали приход 1929 года.

Девочка и «Холбос»

Детство заведующей опорной библиотекой Тындинского территориального управления ДВЖД Светланы Владимировны Назарчук прошло в 1980-е годы в посёлке Большой Невер. И значительная часть той пре-

красной поры прошла для неё в доме, расположенном буквально в нескольких метрах от столба, на котором и сейчас красуется цифра «0». Отсюда начинается федеральная трасса «Лена». Так именуется сейчас средство коммуникации, которое при строительстве, да и много лет после его завершения, называлось АЯМом.

Из ставших уже далёкими впечатлений той поры Свете больше всего запомнились рейды по складам. Её отец Владимир Фёдорович служил офицером в местном поселковом отделении милиции. Всех сотрудников начальство обязывало регулярно проводить и самим участвовать в рейдах по сохранности социалистической собственности в местах хранения товарно-материальных ценностей. В Большом Невере было две таких крупных точки — база Продснаба и «Холбос».

Иногда Владимир Фёдорович брал с собой в такие походы на экскурсию дочь. Там она видела много интересных вещей, которые необходимы человеку для жизни в отдалённых местах. Девочку интересовало, что означают мудрёные названия торговых предприятий. С Продснабом всё было ясно: «Продовольственное снабжение». А вот значение второго слова стало известно совсем недавно от одного местного краеведа.

Отсюда начинается АЯМ.
Светлана Назарчук
у памятного верстового столба.
На фото слева — домик,
стоящий в нескольких метрах
от «нулевого» столба.
Здесь прошло детство Светланы.

Оказалось, что «Холбос» в переводе с якутского означает «Объединяйся!». Такое имя носила кооперативная организация, объединившая в 1918 году действовавшие с XIX века потребительские общества, для которых главным вопросом была закупка товаров «на материке».

Советы включили этот кооператив в административные структуры Якутской АССР, возложив на «Холбос» снабжение далёких улусов.

Запомнились Свете ещё и вереницы автомобилей, круглые сутки увозившие товары для живущих на краю Земли. Для маленькой девочки это было покрыто завесой таинственности, загадочности и романтичности. А вот то, что днём машины быстро исчезали в пыли, имело прозаичное объяснение.

Дорожное покрытие в ту пору было ещё несовершенным по сравнению с нынешними временами. Хотя, как отмечает профессор А.В. Лаврентьев, по сравнению с 20-ми годами грунтовые дороги в СССР уже были лучше благодаря различным добавкам (песка, шлака, гравия). Вместе с тем дорожное строительство в стране расширялось, и велись опытные разработки по улучшению всякого рода органическими и вяжущими веществами (эмульсиями и дёгтями) гравийных и щебеночных покрытий, а также (особенно в центральных районах страны) асфальтобетонных покрытий, в том числе и холодного асфальта.

Однако на Дальнем Востоке подобные работы носили фрагментарный характер.

АЯМ и обслуживающий его участок Тындинский ДСР-1

До 1949 года участок АЯМа от Большого Невера до Томмота протяжённостью 730 километров находился в ведении «АЯМЗолототранса». При каждой автобазе в Большом Невере, Тындинском, Чульмане и Алдане были созданы дорожно-эксплуатационные отделы, рабочие которых размещались в так называемых «будках» — придорожных домах на одну-две семьи. Эти будки были построены через каждые 5–7 километров.

В конце 40-х годов началось довольно бурное развитие экономики Якутской АССР. Значение автодороги Невер — Томмот сильно возросло. В 1949 году Амуро-Якутская магистраль решением правительства СССР получила статус дороги союзного значения и была передана Главному управлению шоссейных дорог — ГУШОСДОРу, который входил в Министерство внутренних дел.

В Тындинском было создано Управление АЯМа. Его возглавил Гочленков. Для эксплуатации и ремонта дороги организовали пять дорожно-строительных районов. Контора одного из них — ДСР-1 — тоже расположилась в Тындинском. База дорожной техники размещалась на левом берегу Тынды. Уже в 1950 году ДСР-1 располагал тремя тракто-

рами ЧТЗ, шестью машинами ЗИС-5, несколькими прицепными грейдерами. В 1951 году механизированный парк пополнился автогрейдером «Галион», работать на котором было поручено Дмитрию Гусевскому.

В 1952 году мост из круглого леса через реку Тынду был перестроен на такой же, но уже из бруса. С 1955 года ДСР-1 начинает реконструкцию искусственных сооружений и самого полотна дороги. В 1956 году в Соловьёвске впервые уложены первые километры чёрного покрытия методом смешения на месте. Через год у дорожников появляется автогудронатор, а в Большом Невере строится битумохранилище. Вскоре в ДСР-1 появляются экскаватор Э-56, первый скрепер с ёмкостью ковша 6 кубометров, бульдозер С-80.

В 1958 году начинается спрямление трассы. Первым разработку выемки на 160-м километре АЯМа провёл Дмитрий Гусевский. Деревянные мосты постепенно заменяют на железобетонные трубы. Гравийное основание отсыпают под чёрное покрытие. Зимой 1960 года активизируется борьба с наледями: для защиты от них строятся деревянные заборы, устраиваются мерзлотные пояса, очищаются от наносов русла рек и ручьёв.

В 1961 году в посёлке ДСР-1 построены благоустроенное общежитие для водителей, красный уголок, установлена стационарная подстанция. В шестидесятых годах дорожники более широко стали использовать железобетон при строительстве мостов и труб.

С 1970 года начальником ДСР-1 становится Марк Борисович Шульц. Его приход совпал с развёртыванием сначала изыскательских работ, а затем и самого строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. С 1972 года по АЯМу из Невера и Сковородино сплошным потоком пошли грузы для великой стройки. В 1973 году грузонапряжённость на дороге возросла в полтора-два раза. А с организацией новых подразделений в Тынде, высадкой десантов бамовцев на месте будущих станций Могот, Нагорная, Золотинка, Беркакит грузопоток возрос ещё больше. От воздействия большого количества тяжёлого транспорта на дороге появилось множество просадок и пучин. Дорожники успешно справились со значительно возросшим объёмом ремонтных работ. При этом они начали укладку чёрного покрытия в поселке Тындинский. В 1974 году деревянный мост через реку Тынду заменён стальным на бетонных опорах.

В пору расцвета БАМа проблема содержания и ремонта автомобильных дорог решается успешно. В посёлке дорожников построены новые жилые дома, Дом культуры, отделение связи, детский сад. На промбазе воздвигнуты новые гаражи, производственные помещения. В ДСР-1 организованы новые подразделения с мощной техникой.

1 июля 1980 года ДСР-1 реорганизован в Дорожно-строительное управление № 1 Амуро-Якутской магистрали.

«...Дрались взаправду, а не в сказке»

В те годы в Тындинском дорожно-строительном районе трудился замечательный коллектив. Костяк его составляли фронтовики — люди обстоятельные, серьёзные, много видевшие на своём веку. Среди ветеранов особо отличался Дмитрий Иванович Пуказов — герой битвы на Волге, проявивший мужество и героизм в составе группы солдат, которых называли «сталинградскими панфиловцами». И вот за что...

Застроенная частными домами крохотная улица в Красноармейском окраинном районе Волгограда носит имя Тридцати трёх Героев. Сегодня далеко не каждый из нас может сказать, кто они, эти герои. А в конце августа 1942 года весь Юго-Восточный фронт, сражавшийся за Сталинград, трубил о тридцати трёх бойцах 87-й стрелковой дивизии, остановивших атаку (внимание!) 70 немецких танков и большого количества пехоты в районе села Малая Россошка. И, что интересно, все они выжили в этом бою.

Кто же они — эти тридцать три богатыря, что такое «Россошанский оборонительный узел» — и почему враги называли его «адам на земле»? Вернуться к героической и, к сожалению, незаслуженно почти забытой странице самых тяжёлых дней Великой Отечественной у нас есть повод. И не один. Прежде всего, 87-я стрелковая дивизия была сформирована 8 марта 1942 года в Приморье, в городе Спасске-Дальнем. Номер свой дивизия получила перед отъездом на фронт. А 31 июля 1942 года передана на Сталинградское направление

И второе. Один из доблестных воинов — старшина Дмитрий Иванович Пуказов — в мирное время переехал вместе с семьёй в посёлок Тындинский. Там он работал плотником в Дорожно-строительном районе (ДСР) — организации, обеспечивавшей бесперебойные перевозки по Амуро-Якутской автомобильной магистрали.

Киноэкспедиция из столицы

Научный сотрудник Музея истории БАМа Ольга Онищенко рассказала, что в июне 2017 года в Тынду позвонил режиссёр московской студии документальных фильмов «Летопись» Алексей Муратов. Он сообщил, что к 75-летию Сталинградской битвы по заказу Министерства культуры РФ снимает фильм о 33 героях, названных тогда «сталинградскими панфиловцами». И обратился за помощью в розыске родных и близких одного из этой когорты бесстрашных — тындинского ветерана войны Д.И. Пуказова.

К тому времени самого Дмитрия Ивановича, к сожалению, уже давно не было в живых. Он скончался 25 июля 1986 года. Не удалось устано-

вить и местонахождение членов его семьи. В музее хранились учётная карточка Д.И. Пуказова из военкомата, где были указаны воинские части, в которых он служил в годы войны, и перечислены боевые награды. В фондах было также напечатанное в газете «Авангард» за 1985 год интервью героя-фронтовика.

Вместе со съёмочной группой специалисты музея включились в исследовательскую работу. И вот что удалось им выяснить.

Тридцать три богатыря

Лето 1942 года, самый разгар Сталинградской битвы. Гитлеровцы обрушили с воздуха на Сталинград удар огромной силы. Только 23 и 24 августа враг сделал более четырёх тысяч самолёто-вылетов. Город горел. Пылали жилые дома, больницы, школы. Небо было багровым, а ночью казалось, что в городе дышит тысячеградусным жаром огромная раскалённая печь...

В эти дни ожесточённых боев советские воины совершили подвиг, слава которого не померкнет в веках. В сталинградской степи они повторили совершенный под Москвой бессмертный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев.

Накануне 14-й танковый корпус генерала фон Виттерсгейма прорвал нашу оборону на стыке 4-й танковой и 62-й армий и двинулся к Сталинграду. Путь немецких танков пролегал через сёла Малая и Большая Россошка, раскинувшиеся на берегах реки Россошки. Эта дорога хорошо простреливалась с высоты 76,3, где была заблаговременно создана оборонительная позиция. Однако после артобстрела и воздушного налёта занимавшее оборону подразделение покинуло окопы и откатилось за реку.

На разведку обстановки отправились пятнадцать разведчиков 1379-го стрелкового полка 87-й стрелковой дивизии полковника Казарцева. К своему удивлению, вместо окопавшихся немцев разведчики обнаружили на высоте верных присяге и долгу двенадцать бойцов-автоматчиков во главе со старшиной Дмитрием Пуказовым, которые не покинули позиций, и шестерых связистов под командой младшего политрука Алексея Евтифеева.

Прибывшие разведчики расположились в уже готовых окопах. Евтифеев, взявший на себя командование стихийно сформировавшимся подразделением, нашёл в соседнем окопе противотанковое ружьё Дегтярёва (ПТРД) и два десятка патронов к нему калибром 14,5 миллиметра. Там же были обнаружены и бутылки с зажигательной смесью. Противотанковое ружьё младший политрук взял себе — он был единственным, кто стрелял из него раньше. А младшего лейтенанта Стрелкова назначил вторым номером противотанкового расчёта.

Несмотря на то, что высота не была занята немцами, дорога, ведущая от высоты в тыл, подвергалась огневому воздействию вражеских снайперов. Им не удалось подстрелить ни одного из наших, однако выслать связного в тыл, чтобы доложить командованию о положении дел на высоте 76, 3, не было никакой возможности.

Обратимся к воспоминаниям Дмитрия Ивановича Пуказова в газете «Авангард».

«Воинов-дальневосточников бросили на подмогу Сталинграду, в район села Россошки, — сообщил он журналисту. — Не успели оглядеться-окопаться (хотя окопы-то были готовы для них, только освоиться надо было), как попали в ад крошечный. С 5 утра немцы начали такую бомбёжку, что у многих полопались перепонки. (С того времени Д.И. Пуказов не слышал на одно ухо). И это продолжалось девять часов. Потом всё стихло».

День был жаркий, солнечный, терпко пахло полыньёю. Этот запах даже перебивал запах гари. Но в эту странную тишину ворвались новые звуки. Страшные звуки. Ещё не знакомые им. Но почему-то поняли все — танки! Их сопровождала вражеская пехота. Но все знали — отступить нельзя. Основное оружие против железных махин — единственное противотанковое ружьё, горсть патронов к нему, несколько противотанковых гранат и бутылки с зажигательной смесью.

Евтифеев подал команду: "Приготовиться к бою!" — а сам залёг за "бронбойку". Красноармейцам Калите, Матюшенко и Прошину, как лучшим метальщикам, было приказано поражать танки гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Красноармейцы Толкачёв, Титов, Мезенцев Мельниченко, как лучшие стрелки, получили задачу истреблять живую силу немцев.

Подпустив танк на близкое расстояние, младший политрук выстрелил, но огнедышащая махина не остановилась. Евтифеев прицелился ещё раз. На этот раз танк задымил, остановился, и из его люков полезли чёрные фигуры немецких танкистов. Евтифеев стрельнул ещё два раза. И обоими выстрелами поразил неприятельские машины. На пятом — снова промах, но шестым выстрелом младший политрук запалил ещё один танк. После чего обратился Стрелкову:

— Стреляй ты, у меня плечо что-то болит. Отбило, наверное.

Стрелков залёг у ПТРД, а Евтифеев стал теперь вторым номером. Однако первые две пули прошли мимо. Лишь с третьей попытки ему удалось поразить первую свою цель. Следующий выстрел тоже оказался успешным.

"Нам как автоматчикам — продолжал Дмитрий Иванович, — пришлось, главным образом, истреблять фашистскую пехоту и танкистов, но мы и к танкам руки приложили. С первого выстрела я убил офицера. Только он рухнул на землю, к нему подбежали четыре фрица и хотели

Расчет противотанкового ружья отражает атаку вражеских танков.

Герой Сталинградской битвы
Дмитрий Иванович Пуказов
(фото начала 1980-х годов).

куда-то нести. Я нажал на спусковой крючок, и этих четырёх фашистских выкормышей постигла такая же участь, что и офицера. Много мы уложили фрицев, а танки всё идут и идут. У нас же патроны уже были на исходе.

— Что будем делать дальше? — спросили меня бойцы.

— Биться до последнего, — ответил я. — В случае чего живыми гадам не сдадимся. Стоять до последней капли крови и бить фашистов.

Один танк пошел прямо через наш окоп. За ним другой, третий. Красноармеец Ряшенцев по моему приказанию бросил зажигательную бутылку в первый танк, а я во второй и третий. Танки запылали. После этого мы опять взяли в руки автоматы и начали бить выскакивавших фрицев"».

В этом бою старшина Пуказов подбил два танка и уничтожил 13 фашистов. Автоматчики Ряшенцев, Власкин, Гайнудинов, Иус, Луханин, Почиталкин, Пьяночкин, Тимофеев подбили по одному танку и перебили большое количество вражеской пехоты. Рядовой Гайнудинов уничтожил в этом бою восемнадцать гитлеровцев, Ряшенцев — двадцать, Луханин и Почиталкин — по восемь, Пьяночкин — шесть.

Награды вручены на Мамаевом кургане

Потеряв 27 танков и до 150 солдат и офицеров, немцы были вынуждены отойти. А герои-воины ночью вышли к учебному батальону 35-й

гвардейской стрелковой дивизии и, присоединившись к нему, добрались до своей части.

В дни Сталинградской битвы все фронты облетела весть об этой легендарной схватке. Приказом, подписанным командующим Юго-Восточным фронтом генерал-полковником А.И. Еременко и членом Военного Совета фронта генерал-лейтенантом Н.С. Хрущёвым, семь человек были удостоены ордена Ленина, двенадцать — ордена Красного Знамени, семь — медали «За отвагу», шесть — медали «За боевые заслуги». 12 сентября 1942 года награды были вручены героям на Мамаевом кургане членом Военного совета 62-й армии генерал-лейтенантом Кузьмой Акимовичем Гуровым.

Дмитрий Иванович Пуказов за этот бой был награждён орденом Красного Знамени.

Известный советский писатель и публицист Илья Эренбург в газете «Красная звезда» от 6 сентября 1942 года написал о них: «Тридцать три не дрогнули. Они уничтожали танки пулями, гранатами, бутылками. Они уничтожили двадцать семь танков. Ещё раз русское сердце оказалось крепче железа. Если чужестранец нам скажет, что только чудо может спасти Сталинград, мы ответим: разве не чудо подвиг тридцати трёх? Враг ещё не знает, на что способен русский человек, когда он защищает свою землю, как 33 советских бойца на подступах к Сталинграду».

В фронтовой газете публиковались в то время и стихи, и целые поэмы о подвиге героев. Вот строки из одного такого стихотворения, пусть незатейливые, но очень красноречивые:

Со звездой на тёмной каске
Накануне сентября
Дрались взаправду, а не в сказке,
Тридцать три богатыря.

В фотофонде Центрального музея Вооружённых сил Российской Федерации хранится групповая фотография двадцати двух воинов, входивших в состав тридцати трех бойцов и командиров Красной Армии, отличившихся в августе 1942 года в боях у Малой Россоски. Старшина Пуказов запечатлён на нём крайним справа во втором ряду.

После этого боя все бойцы были направлены на офицерские курсы и вскоре стали младшими лейтенантами. Дмитрий Иванович Пуказов участвовал в боях под Ростовом и Новочеркасском, в Крымской наступательной операции и в освобождении Севастополя, где был тяжело ранен. Закончил войну на больничной койке в госпитале.

В семье Пуказовых долгое время хранился экземпляр книги «Крепче брони» с красноречивой дарственной надписью: «Герою Сталинграда и

Севастополя Дмитрию Ивановичу Пуказову — командиру взвода автоматчиков, руководителю битвы 33 богатырей. Первый экземпляр на вечную память от автора. И.В. Лебедев». Автор был знаком с героем ещё с 1942 года, когда служил корреспондентом дивизионной газеты «Вперёд на врага».

Сейчас трудно представить, сколько бы бед могли наделать вражеские танки и пехота, прорвись они тогда к Волге! Никто не сможет подсчитать, для скольких солдат тридцать три героя стали тогда, в тяжёлые дни лета и осени 1942 года, не только спасением, но и настоящим примером того, как надо бить врага и добиваться победы!

Такому будущему можно было позавидовать

В настоящее время построенная до войны Амуро-Якутская магистраль именуется федеральной трассой А-360 «Лена». Она соединяет автомобильную дорогу Р-297 «Амур» (Чита — Хабаровск) с населёнными пунктами Республики Саха (Якутия), проходя через города Тынду, Нерюнгри и Алдан. Является важнейшей транспортной артерией обширного региона, так как по ней осуществляются перевозки промышленных грузов от Транссибирской железнодорожной магистрали (станция Невер) и Байкало-Амурской магистрали (станция Тында) в Республику Саха (Якутия).

Обслуживание трассы осуществляет федеральное казённое учреждение «Межрегиональная дирекция по дорожному строительству в Дальневосточном регионе России Федерального дорожного агентства» (ФКУ ДСД «Дальний Восток»).

Интернет-газета «БАМ» сообщила, что недавно в Тынде после реконструкции открыто движение по 7-километровому участку трассы А-360 «Лена». Там возведены мост через реку Тынду и путепровод через железнодорожные пути одноимённой станции.

Речь идёт об отрезке км 165 — км 172, на первых трёх километрах которого построили, по сути, новую дорогу на две полосы движения, а оставшиеся четыре километра (км 168 — км 172) перевели в четырёхполосное исполнение.

— На участке возведен мост через реку Тынду и путепровод через железнодорожные пути одноимённой станции, — рассказал заместитель директора ФКУ ДСД «Дальний Восток» Артём Милечин. — Отмечу, что мы также с нуля построили участок протяжённостью 2,1 километра. Это было необходимо в рамках работ по спрямлению трассы, направленных на увеличение дальности обзора дороги и улучшение её видимости в целом.

На примыканиях организованы переходно-скоростные полосы общей протяжённостью 650 метров, устроено 11 автобусных остановок, уста-

новлено 11 светофорных объектов на пересечениях с улицами города, а также на пешеходных переходах. Самый опасный вид ДТП — лобовые столкновения — призвано свести к нулю осевое барьерное ограждение, смонтированное на 4-полосном участке.

Добавим, что работы велись в непростых геологических и погодных условиях. Так, на двухполосном участке (км 165 — км 168) необходимо было буровзрывным способом сделать выемку, разработав более 1,5 млн кубометров грунта. Поскольку дорога проходит рядом с Тындой и БАМом, строителям пришлось особенно тщательно подходить к организации и планированию данных работ: точные расчёты и установка специальных защитных щитов позволили осуществить задуманное в условиях городской застройки. Режим чрезвычайной ситуации из-за паводков на р. Тынде в 2021 и 2022 годах внёс свои коррективы, но благодаря своевременно принятым мерам все последствия были устранены.

За последние 10 лет силами ФКУ ДСД «Дальний Восток» приведено в нормативное состояние около 110 километров автодороги «Лена» на участке Невер — Тында.

Использованы фотографии из личного архива С.В. Назарчук, фондов Музея истории БАМа и из открытых источников.

Три героини и огня «Родина»

*К 85-летию героического перелёта самолёта «Родина»
по маршруту Москва — Дальний Восток*

Впервые о самолёте «Родина» я узнал ещё в школьную пору. В моём далёком детстве, которое проходило на находящейся на Транссибе станции Сковородино, мне как-то попала в руки книжка «Записки штурмана», очень интересная. Её написала член экипажа этого самолёта Марина Раскова. Мама, которой я показал напечатанный в книге портрет лётчицы, рассказала, что в 1938 году, когда ей было 13 лет, в Сковородино останавливался литерный поезд. В нём возвращались в Москву после завершения беспосадочного перелёта героические покорительницы неба. У поезда состоялся многолюдный митинг, на котором удалось побывать и моей маме вместе с родителями. Она хорошо запомнила Марину Михайловну, выступившую перед народом, рассказав о советских авиаторах и их мировых достижениях.

Рассказ лётчицы произвёл на девочку неизгладимое впечатление.

Продолжение детской истории случилось через много десятков лет. В 1997 году торжественно отмечалась вековая годовщина Дальневосточ-

ной железной дороги. Активно готовились к юбилею не только железнодорожники, но и представители средств массовой информации. В 1996 году по инициативе руководства дороги была организована приуроченная к памяtnому событию экспедиция по всей ДВЖД аккредитованных в столице БАМа журналистов областных газет, телевидения и радио. Мы останавливались на больших и маленьких станциях, встречались и с ветеранами стальных магистралей, и с теми, кто в ту пору работал на железной дороге, брали интервью у учёных-историков, искали интересные материалы в архивах и музеях.

Участвовавшие в проекте кинодокументалисты дорожной студии «БАМ»*, помимо всего прочего, работали по своему особому плану. Заместитель директора студии Андрей Дюкарев и режиссёр Леонид Казавчинский ещё до нашей совместной поездки побывали в Госфильмофонде России, находящемся в подмосковном Красногорске. Поиск эксклюзива для цикла юбилейных фильмов привёл их к любопытному открытию. Журналисты обнаружили фрагменты, отснятые для документального фильма «Три героини». Этот фильм знаменитого Дзиги Вертова, вышедший на экраны ещё в 1938 году, повествовал о лётчицах Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко и Марине Расковой, совершивших беспосадочный перелёт на самолёте АНТ-37бис «Родина» по маршруту Москва – Дальний Восток. Найденные бамовскими киношниками фрагменты не вошли в ленту. Наших коллег заинтересовало, что рассказывалось там о поисках героического экипажа в глухой дальневосточной тайге, вблизи тех мест, где находится Тында, и о том, как местные жители с любовью встречали нашедшихся лётчиц на их обратном пути в столицу.

Материал набрался очень интересный. Но как его подать с точки зрения событийности — то есть в привязке к юбилею Дальневосточной железной дороги?

Вот здесь и получилось, что вдруг, через маму, которая к тому времени оставила нас навсегда (светлая ей память!), я оказался хоть и косвенным, опосредованным, но единственным живым хранителем памяти о тех событиях! Этим фактом своей биографии поделился с коллегами. Директор киностудии Виктор Пожаров увидел в нём «стержень», вокруг которого можно было бы построить сюжет фильма. Он предложил мне подготовить авторский текст к найденному в Красногорске киноматериалу. Я с удовольствием принялся за работу.

Самым неожиданным образом история получила продолжение в нашей экспедиции. В Комсомольске-на-Амуре нам довелось встретиться

* Позже, прежде чем исчезнуть совсем, эта студия стала называться отделом по производству киновидеопроизведений Дальневосточного центра научно-технической информации и библиотек ДВЖД

с членом Союза журналистов СССР И.В. Паниным. В 1938 году по путёвке ЦК ВЛКСМ он приехал на строительство города Юности и устроился фотокорреспондентом в газету «Сталинский Комсомольск».

Иван Панин создал в снимках великолепную фотолетопись Дальнего Востока, в том числе и строительства в годы войны железнодорожной магистрали Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань. Об этом и вёлся с ним разговор.

Иван Васильевич Панин

Но в ходе беседы выяснилось, что Иван Васильевич имел самое прямое отношение и к найденным в Красногорске кинодокументам. Какое же?..

Об этом — позже. А пока сделаю отступление. По результатам той журналистской экспедиции в газете «Амурская правда», собкором которой я в ту пору работал, а также в программах ГТРК «Амур» появилась подборка публикаций и передач в честь 100-летия ДВЖД. А теперь, в канун 85-летия рекордного перелёта экипажа «Родины» есть повод вспомнить о фактах, связанных с этим событием, и о прославленном фотожурналисте.

Собирая информацию, мне удалось также найти много любопытного в областных архивах (статьи и заметки в «Амурской правде» за 1938 год, документы областной партийной организации того времени). Использовал я и более поздние публикации центральных газет.

Итак — всё по порядку.

САМОЛЁТ НАЗВАЛИ «РОДИНА»

О том, что произойдёт через две с небольшим недели после заседания бюро Рухловского райкома ВКП(б), рассмотревшего 11 сентября 1938 года вопрос «О состоянии строительства аэропорта», не догадывался никто. Ни вожак комсомольцев района тов. Нещадим, получивший поручение «в целях усиления политико-массовой работы среди рабочих строительства заслушать секретаря первичной комсомольской организации о проделанной работе и оказать практическую помощь». Ни тов. Ксензик, в прямом и переносном смысле озадаченный обязанностью «под личную ответственность улучшить снабжение участка аэропорта, взять под специальное наблюдение хлебопечение и не позднее 14 сентября открыть столовую». И даже подписавший постановление се-

кретарь райкома партии Г. Шпак вряд ли мог предполагать, что этим объектом — местным аэропортом — на стыке сентября-октября 1938 года заинтересуются первые лица государства и он будет фигурировать в ежедневных докладах лично товарищу Сталину. И спрос к аэропорту будет предъявляться как к действующему во всей полноте воинскому подразделению.

Да и что там говорить о руководителях Рухловского (с 16 декабря 1938 года — Сковородинского) района, когда и в столице до последнего момента не было ясности: давать или не давать разрешение на проведение грандиозного мероприятия, в орбите которого впоследствии оказался и затерянный в дальневосточной глуши аэропорт. Речь идёт о готовившемся тогда беспосадочном перелёте по маршруту Москва — Дальний Восток. Совершить его должны были женщины-лётчицы Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова.

Бросок по воздуху почти через всю страну нёс, прежде всего, политическую нагрузку. Страна, строившая социализм, уверенно завоёвывала лидирующие позиции в небе. Мировые рекорды её представителей в полётах на дальность, скорость, высоту следовали один за другим. На весь мир гремели имена летчиков Чкалова, Коккинаки, Байдукова, Белякова, Юмашева, первых Героев Советского Союза — участников спасения че-

Инженер Павел Осипович Сухой с экипажем «Родины»
перед стартом в Москве

люскинцев. У СССР отсутствовало только первенство в женском дальнем беспосадочном перелёте. Здесь в своё время не было равных американке Амалии Эрхарт, пролетевшей около 3400 километров по прямой на аэроплане из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк (она впоследствии погибла, совершая бросок по воздуху через Тихий океан). Рекорд американки продержался 6 лет и был превышен сначала французской лётчицей Лион, а затем, весной 1938 года, её соотечественницей Андре Дюпейрон, и составлял к тому времени 4360 километров 400 метров.

Руководителям Страны Советов требовалось мировое достижение. Его готовили лихорадочными темпами. В конструкторском бюро А.Н. Туполева под руководством инженера Павла Осиповича Сухого — в будущем создателя легендарных «СУшек» — были созданы три экземпляра дальнего бомбардировщика модификации АНТ-37. Один разбился при испытаниях из-за вибрации горизонтального хвостового оперения, второй использовали для неудавшейся попытки нового сверхдальнего перелёта. Третий — АНТ-37бис — для этой же цели оснастили более сильными моторами, внеся и другие усовершенствования.

А вот с точки зрения дизайна и бытовых удобств машина была крайне несовершенной. Кабины членов экипажа, кроме командирской, куда шло тепло от мотора, оставались холодными и между собой не общались. Всё мало-мальски свободное пространство занимали 17 баков с бензином. При общем весе машины 12480 килограммов горючего было 5525 килограммов — запас почти на 30 часов.

По предложению В. Гризодубовой самолет называли «Родина».

ДАЁШЬ СТРАНЕ РЕКОРД!

Нелишне вспомнить, что желание превзойти достижение француженки Дюпейрон и завоевать мировой рекорд для СССР первой высказала тоже Валентина Гризодубова. Лишь за предыдущий, 1937 год она установила пять мировых авиационных рекордов высоты, скорости и дальности полёта.

Родилась Валентина Степановна в семье Харьковского авиаконструктора. После окончания школы (параллельно с которой она училась в музыкальном училище по классу рояля) поступила в технологический институт и была принята в консерваторию. В ноябре 1928 года, по рекомендации Серго Орджоникидзе, зачислена в первый набор Харьковского аэроклуба.

Окончив его и оставив институт, поступает в 1-ю Тульскую летно-спортивную школу, а затем — в школу лётчиков-инструкторов в Пензе. После завершения обучения — направление на должность инструктора

Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова у самолёта «Родина»

на Тушинский аэродром. Именно из Москвы, только с другого аэродрома — Щёлковского, Валентина Гризодубова поведёт специально переоборудованный для рекордного перелёта дальний бомбардировщик ДБ-2 (АНТ-37) «Родина» в сторону Тихого океана — на Дальний Восток. Туда, куда незадолго до этого, в конце июня, совершили беспосадочный перелёт на ДБ-3 (ЦКБ-30) «Москва» лётчики Владимир Коккинаки и Александр Бряндинский. За проявленные при этом мужество и героизм оба стали Героями Советского Союза.

Опытным пилотом к моменту назначения в экипаж «Родины» была и бывшая бердянская птичница Полина Дудник (девичья фамилия Полины Осипенко). Любовью к небесам её «заразил» односельчанин и первый муж — военлёт Степан Говяз. После окончания в 1933 году Качинской военной школы лётчиков Полина служила в истребительной авиации и весной 1937 года установила три мировых рекорда высотных полётов с грузом и без нагрузки. А чуть позже возглавила экипаж гидросамолёта МП-1 и установила мировой рекорд дальности по замкнутой кривой. К тому времени Полина была уже свободна от брака (её Степан сгинул в лагерях НКВД) и поэтому вышла замуж повторно — за своего сослуживца, старшего лейтенанта Александра Осипенко.

Удачным для Полины стал и 1938 год: в июне на летающей лодке она установила женский мировой рекорд полёта по прямой по маршруту Севастополь — Киев — Новгород — Архангельск.

«В том, что рекорд французской летчицы был побит нами на полторы тысячи километров с лишним, есть большая доля заслуги Полины Осипенко — волевой летчицы и славного члена экипажа», — напишет о лётчице из Бердянского района Запорожской области Валентина Гризодубова.

Самая младшая по возрасту член экипажа «Родины» Марина Раскова (в марте 1938 года ей исполнилось 26 лет) родилась в Москве, в семье музыканта. После семилетки поступила на химические спецкурсы. Одновременно училась в музыкальном техникуме (между прочим, её первым учителем по сольфеджио была одна из знаменитых сестёр Гнесиных). Но, отказавшись от музыкальной карьеры, Марина в 1929 году устроилась на работу на Бутырский анилиново-красочный завод лаборанткой. Вышла замуж за инженера заводской лаборатории. В 1930 году родила дочь Татьяну.

С 1932 года она уже работает чертёжницей в аэронавигационной лаборатории Военно-Воздушной академии имени Жуковского. В 1934 году экстерном сдаёт экзамены на звание штурмана в Ленинградском институте инженеров Гражданского воздушного флота и зачисляется в Академию Жуковского на должность инструктора-летнаба аэронавигационной лаборатории, а затем — преподавателя штурманского дела. Работает под руководством прославленного штурмана Александра Васильевича Белякова. В следующем году оканчивает школу пилотов при Центральном (Тушинском) аэроклубе. В Рабоче-Крестьянской Красной Армии — с 1938 года.

В 1937 году Марина Раскова в качестве штурмана участвовала в установлении мирового авиационного рекорда дальности на самолёте АИР-12; в 1938 году — в установлении трёх мировых авиационных рекордов дальности на гидросамолёте МП-1. 24 октября 1937 года Раскова вместе с Гризодубовой установили рекорд дальности по прямой (Москва — Актюбинск) среди лёгких самолётов 1-й категории. 24 мая 1938 г. экипаж в составе Полины Осипенко, Веры Ломако и Марины Расковой показал лучший результат по дальности полёта по замкнутой линии в классе «С-бис» среди гидросамолётов (круговой полёт из Севастополя через Херсонес, Евпаторию и Очаков).

2 июля 1938 года экипаж в таком же составе за десять с лишним часов с нагрузкой в 5,5 тонны преодолел расстояние в 2372 километра, установив рекорд дальности по прямой и ломаной линиям (по маршруту Севастополь — Архангельск).

ГРИЗОДУБОВА ПРОЯВЛЯЕТ ХАРАКТЕР

Вылет по разным причинам откладывался. И вот однажды, на совещании у наркома оборонной промышленности М.М. Кагановича, начальник ВВС РККА командарм А.М. Локтионов в разговоре с кем-то проходя заметил: «Осень, погода совсем испортилась... Отменю я перелёт, и всё».

Эту фразу своим абсолютным музыкальным слухом Гризодубова услышала случайно. И взбеленилась. Характер у неё был не по возрасту (а ей в ту пору было всего 28 лет) решительный и настырный. Валентина Степановна обзвонила всех членов Политбюро ЦК ВКП(б), кроме Сталина, высказав своё возмущение. Естественно, реакция лётчицы дошла и до вождя. Через несколько дней, часов в семь вечера, было получено разрешение-приказ: «Вылет завтра. В 8 утра...» У наркома — Михаила Кагановича — не хватило духу объяснить Сталину, что на подготовку такого перелёта нужно не менее суток. За ночь женщины едва успели собраться, а техники — разогреть и немного «погонять» двигатели.

Старт беспосадочного перелёта женского экипажа на двухмоторном самолёте «Родина» по маршруту Москва — Дальний Восток состоялся 24 сентября 1938 года в 8 часов 12 минут московского времени с Щёлковского аэродрома близ Москвы. «Амурская правда» известила об этом читателей краткой информацией 27 сентября. На следующий день на первой полосе газеты было напечатано сообщение «Ход перелёта самолёта "Родина"».

В нём говорилось: «В течение всего дня 24 сентября с самолётом непрерывно поддерживалась радиосвязь. В 17 часов 34 минуты самолёт, находясь на высоте 5 тысяч метров, сообщил по радио свои координаты и в дальнейшем регулярно передавал по радио сведения о полёте. Полёт протекал успешно. Затем самолёт вошел в зону фронта со снегопадом и дождём. Весь дальнейший маршрут до озера Байкал протекал в сложной метеообстановке, связь с самолётом была нерегулярна. Восточнее Байкала, при наступлении утра, погода улучшилась... 25 сентября были приняты от самолета 2 радиограммы с просьбой дать пеленги с целью определения местонахождения самолёта.

В дальнейшем связь с самолётом прекратилась. Место посадки самолёта не установлено. Ведётся непрерывное наблюдение за эфиром, и организованы розыски самолёта».

В последующих номерах присутствовали стандартные, в несколько строк, сообщения о том, что местонахождение «Родины» неизвестно. Поиски самолёта велись авиацией и наземными средствами. Увенчались они успехом 3 октября в 13 часов 30 минут по местному времени в рай-

**Михаил Сахаров,
обнаруживший
самолёт «Родина»**

**Самолет «Родина» на месте вынужденной посадки
в дальневосточной тайге. Фото И.В. Панина**

оне озера Амуткит, что у селения Керби, в полутора сотнях километров северо-западнее Комсомольска-на-Амуре. Лётчик Михаил Сахаров заметил на земле самолёт.

Снизившись до 10 метров, он ясно увидел двухмоторную машину и двух человек, подававших сигналы белым полотнищем. Это были Гризодубова и Осипенко. Третьего члена экипажа — Раскову — нашёл на следующий день лётчик Беркунский, пилотировавший летающую лодку МП-1. Марина была примерно в 20 километрах от «Родины» в редком болотистом лесу.

Немедленно из находящегося в Москве Штаба по поиску самолёта «Родина» на Дальний Восток поступило распоряжение. Полковнику М. Денисенко было дано указание сформировать две группы, которым предстояло вылететь из Хабаровска на двух самолётах ТБ-3 в Комсомольск-на-Амуре, произвести дозаправку на заводском аэродроме и лететь для оказания помощи экипажу «Родины». 4 октября первый вылет из Комсомольска в район поиска совершил один ТБ-3, на борту которого находился комдив Я.В. Сорокин. Путь ему указывал летевший на МП-6 Сахаров.

Яков Васильевич Сорокин взял с собой фотокорреспондента городской газеты Панина. Сделанный Иваном Васильевичем снимок «Родины», напоминавшей прижавшуюся к земле гигантскую серебристую стрекозу, неоднократно перепечатывали газеты и журналы страны и мира.

В тот же день «Правда» сообщила:

«Самолёт «Родина» находится в 14 километрах северо-восточнее Дуки, в пяти километрах от реки Амгунь. Для экипажа самолёта сброшены горячий кофе в термосах, тёплые носки, сапоги и одежда. Сбросили также карту с указанием местонахождения самолёта».

ТРАГЕДИЯ, О КОТОРОЙ МОЛЧАЛИ

Следом состоялся второй вылет к месту вынужденной посадки «Родины», закончившийся страшной трагедией. О случившемся газеты того времени не обмолвились ни единым словом. Свидетельства о ней воздушного стрелка-моториста, позже подполковника в отставке И. Нееш-хлеба, приводит журналист газеты «Правда» Сергей Богатко в очерке «Родина и её экипаж» («Правда», 23 сентября 1988 г.):

«Первым взлетел ТБ-3 с командующим, вторым "Дуглас". А через 10 минут вылетел наш экипаж со всем имуществом, которое необходимо было выбросить для эвакуации женщин. Перелетели хребет, стали снижаться до высоты 700–800 метров. Мы увидели, как над самолётом "Родина" заходит на сброс десанта ТБ-3, а "Дуглас" с креном 40–50 градусов виражирует над "Родиной". Из-за неосмотрительности майора Лисенкова "Дуглас" врезался в бок ТБ-3, где находился командующий. ТБ-3 перевернулся. "Дуглас" загорелся. Оба самолёта упали почти рядом.

С нашего корабля сразу выпрыгнули на место их падения старший лейтенант Ерёмин и капитан Полежай — комиссары Международной авиационной федерации, в задачу которых входило официально зарегистрировать новый мировой рекорд сверхдальнего беспосадочного перелёта среди женщин.

По их рассказу, на "Дугласе" все сгорели. На ТБ-3 некоторые от удара о землю были выброшены из машины... С болью в сердце мы закончили

Герой Советского Союза
флаг-штурман ВВС РККА
А.М. Брядинский.

Командующий авиацией
2-й ОКДВА
комдив Я.В. Сорокин

операцию — выбросили все грузы к самолету "Родина" и вернулись в Комсомольск, чтобы сообщить в Хабаровск, в штаб армии и в Москву об этой трагедии...»

На глазах у измученных женщин погибли более двадцати человек. В том числе два известнейших в стране лётчика — руководивший воздушными поисками экипажа «Родины» командующий авиацией 2-й Особой Краснознаменной Дальневосточной армии комдив Я.В. Сорокин и Герой Советского Союза флаг-штурман ВВС РККА А.М. Бряндинский.

САМОЛЁТ ИСКАЛИ В НЕБЕСАХ, НА ЗЕМЛЕ И НА ВОДЕ

Что же происходило в промежутке между описываемыми событиями? Другими словами, как же проходил этот рекордный перелёт и как были организованы поиски лётчиц? Вновь обратимся к публикациям «Амурской правды». 6 октября 1938 года она сообщала:

«Последняя радиограмма с борта самолета "Родина" была получена 25 сентября в 6 часов 52 минуты по московскому времени. После этого связь самолёта с землёй прекратилась.

По указанию Правительства были приняты экстренные меры. Местным организациям Дальнего Востока были даны указания об организации наблюдения за полётом самолёта и его розысков всеми имеющимися средствами.

Были основания считать, что отважный экипаж «Родины» даже после прекращения радиосвязи с землёй продолжал полёт на восток. Это подтверждалось сведениями из различных пунктов, лежащих вблизи трассы перелёта, где видели самолёт. Особенно много сообщений было получено из района Керби, расположенного в 130 километрах от Комсомольска. Сразу же для розысков были привлечены 30 самолётов. Кроме того, были организованы крупные поисковые партии из местных жителей, главным образом охотников.

До 30 сентября самолётами были обследованы огромные территории по обе стороны железной дороги от Читы до Хабаровска. Кроме того, путём прочёсывания самолётами местности обследованы районы по маршруту Сретенск, Калакан, Тыгда, Рухлово и большая территория от Могочи до реки Олёкмы.

1 и 2 октября самолётами была облётана огромная полоса примерно в 200 километров, расположенная к северу и северо-востоку от железной дороги от станции Рухлово до города Свободного.

Наряду с этим был обследован бассейн реки Амур от Хабаровска до Комсомольска и левый берег этой реки в глубину до 50 километров. Осмотрено также с воздуха побережье Охотского моря от Николаевска-

на-Амуре до Чумикана на глубину до 75 километров. Особое внимание было обращено на обследование огромной территории, расположенной от Комсомольска в радиусе 300 километров. В последние дни в розысках «Родины» участвовало свыше 50 самолётов. Розыскам препятствовали низкая облачность и дожди. Продолжалось непрерывное наблюдение за эфиром».

Подробности того, что скрывалось за сухими строчками сообщений ТАСС, раскрывает писатель Сергей Богатко в очерке «Верхом на цистерне с бензином», опубликованном в сборнике «Особая группа НКВД» (Москва, ФГУИПП «Янтарный сказ», 2004 г.).

«Чрезвычайное происшествие властно вторглось в жизнь экспедиций БАМа. Основные события развёртывались в короткий промежуток времени — с 24 сентября по 4 октября, но запомнились очевидцам на всю жизнь.

Вся дальневосточная авиация, все радиосредства, военные и гражданские организации, официальные и секретные службы были включены в поиски пропавшего самолёта «Родина». Бамовская эскадрилья, как самая мобильная и находящаяся по предполагаемому маршруту его следования, была поднята в первую очередь. Пятьдесят радиостанций Бамтранспроекта обеспечили связь с дальними отрядами, и первым распоряжением было приостановить эвакуацию, организовать специальные поисково-спасательные группы».

И далее автор повествует о работе одной из поисковых авиационных групп.

«Авиагруппа прибыла в Сковородино (Рухлово) по тревоге. Была поставлена задача — прочесать склоны Яблоневого хребта на глубину 450 километров. Группу возглавлял молодой полковник со звездой Героя за бои в Испании Сергей Александрович Черных.

Поскольку в Сковородино уже начались заморозки, а лётчики прибыли в летнем обмундировании, железнодорожники обеспечили их меховыми полушубками, ватными брюками и валенками. На случай вынужденной посадки снабдили неприкосновенным запасом питания. НЗ состоял из: куска несолёного сала (для чего в подсобном хозяйстве закололи несколько свиней), сухарей, шоколада (был закуплен в Военторге весь запас «Белочки с орехами»), бутылки коньяка, коробки спичек и пачки соли.

Экипажи использовали световое время полностью, до минуты, совершая по два-три вылета в день. Лётчики часто меняли курс, заметив серебристое пятно. Но это оказывались лишь замёрзшие озёрца. Только один раз увидели дымок костра охотников. В некоторых квадратах полёты совершались повторно с целью дообследования сомнительного места. Когда прочёсывание южного склона Яблоневого хребта было закончено, решили перебазироваться на север. Там, у богатого прииска Незаметного (в 1939 году переименованного в город Алдан), имел-

Герой Советского Союза
С.А. Черных

ся подходящий аэродром. Но аэродром оказался уже законсервированным, и посадку никто не мог гарантировать.

Член штаба перелёта П. С. Анищенко и командир эскадрильи на «фордике» отправились по Амуро-Якутской автомобильной магистрали, чтобы на месте подготовить приём самолётов. Сотрудники НКВД снабдили их карабином. И предупредили, что путь небезопасен — были случаи, когда беглецы из лагерей нападали на проезжих, чтобы завладеть документами, которые были необходимы для возвращения на «материк». За девятнадцать часов проехали 650 километров.

Машину гнали по очереди. Эта «золотая» магистраль содержалась в образцовом состоянии. Через каждые 100–150 километров были автозаправочные станции и ремонтные мастерские с гостиницами.

Прииск Незаметный уже лежал под снегом. Здешнее месторождение золота называли «русским Клондайком». Его открыли в летний сезон 1923 года старатель Тарабукин и геолог Вольдемар Бертиньш. Русло безымянного ручья, впадавшего в речку Орта-Сале буквально отливало желтизной. Золотоносный ручей, видимо, чтобы не вспугнуть удачу, называли скромно — Незаметным. Вблизи построили посёлок, приисковую базу, оборудовали аэропорт. Приисковый посёлок быстро разросся, превратившись в город. Однако суровый климат заставлял на зиму сокращать основные работы, поскольку промывка связана с водой, вода же здесь застывала уже в конце сентября, а начиная с декабря застывала даже ртуть в термометрах.

Анищенко понимал, что вставший до весны снежный покров сильно усложнит поиски пропавшего самолёта, а усиливающиеся с каждым днём холода очень скоро лишат спасателей последней надежды найти экипаж живым, поэтому не позволял никому терять ни часа. Но, едва только успели развернуть на приисковом аэродроме расчистку полосы, прибежал связист: «Вам срочная телеграмма!»

Телеграмма была от Черных и содержала только одно слово: «Возвращайтесь». Снова в машину — 650 километров на предельной скорости. Один раз опрокинулись, но всё обошлось без последствий. А дальше путь Анищенко пролёг по маршруту Хабаровск — Комсомольск — Амгунь на перекладных: на поезде, самолёте, пароходе, на катере. С жестокой простудой, но в приподнятом настроении возвращался член штаба перелёта — потому что след «Родины» отыскался...

Вот, оказывается, когда и зачем понадобился работающий с нагрузкой Рухловский аэропорт. Весь световой день взлетали отсюда и садились

на полосу самолёты. Немного времени на заправку двигателей горючим, отдых и еду пилотам — и вновь в небо. В Амурском областном государственном архиве, к сожалению, не сохранилось ни фамилий лётчиков, ни документальных свидетельств участников поисков, проходивших в Амурской области. А вот причастные к строительству аэропорта тов. Нещадим и тов. Ксензик, о которых я упоминал в начале своего очерка, вошли в историю напечатанными через лиловую копирку на поблёкшем листке бумаги.

РЕКОРД ДАЛСЯ КРАЙНЕ ТЯЖЕЛО

Обстановка в мире в ту пору царила крайне напряженная. Фактически началось сражение с коричневой чумой фашизма. Советский Союз был готов направить в Чехословакию 4 авиационные бригады (8 полков) в составе 548 боевых самолётов. В этот же день об этом были проинформированы правительства Франции и Чехословакии. Всего в боевую готовность приведены 12 авиационных бригад. В этот же период советские лётчики сражались в небе Китая, где положение было критическое. В создавшейся обстановке гибель трёх женщин-лётчиц, словом и примером поднимавших молодёжь «на крыло», была бы воспринята в числе боевых потерь. Миллионы людей с болью в душе ждали добрых вестей, желали экипажу «Родины» удачи и спасения. С твёрдой уверенностью в благополучном исходе шёл лихорадочный поиск, велось расследование всех обстоятельств.

И только 3 октября в Москве, а потом и по всему Советскому Союзу появилась возможность перевести дух. «Родина» и её экипаж были найдены. Над местом посадки самолёта пролетел МР-6 — двухмоторный морской разведчик, — модификация трёхместного истребителя дальнего сопровождения или разведчика Р-6. За штурвалом сидел Михаил Сахаров, опытный лётчик гражданского авиаотряда гидросамолётов.

Он доложил на землю, что самолёт и экипаж обнаружены, и передал координаты места их нахождения. Вскоре лётчицам была оказана необходимая помощь. Они могли поделиться своими впечатлениями о полёте. Даже из официальных газетных сообщений того времени, пронизанных победным духом, было видно, что мировой рекорд на дальность полёта дался женщинам очень и очень непросто.

7 октября к прямому телеграфному проводу член правительственной комиссии заместитель начальника Главного управления Гражданского воздушного флота М.К. Картушев вызвал находящуюся с экипажем в Керби командира «Родины» В.С. Гризодубову. Он интересовался, чем вызвана посадка в данной местности: отсутствием бензина или отказом материальной части. В ответ услышал, что матчасть работала отлично.

К вынужденной посадке в тайге понудил подошедший к концу запас топлива после слепого полёта, который проходил при вышедшем из строя радиокompасе на высоте от 4 до 7,5 тысячи метров.

Любопытными подробностями изобилует и рассказ Валентины Степановны, напечатанный в газетах того времени.

— Весь полёт, — говорила она, — протекал в неблагоприятных условиях погоды. Достигнув Тунгурского залива, мы пошли над побережьем Охотского моря, чтобы дойти до Амура и по нему прийти в Хабаровск. Так как Амгунь протекает почти параллельно Амуру, мы приняли Амгунь за Амур и шли этим курсом до самого Керби. Здесь мы обнаружили, что запас бензина вышел, и решили идти на посадку. На высоте 2 тысячи метров Раскова покинула самолёт. Я и Осипенко спокойно приземлили самолёт на болото. «Родина» цела до самого последнего стёклышка. Раскову унесло за гряды сопки. Парашют зацепился за дерево. Отрезав стропы, Марина спустилась на землю. Мы, желая ей помочь, сделали несколько выстрелов. Но эхо в сопках обмануло её. Уверенная, что идёт на выстрелы, Марина пошла в противоположную сторону.

Гризодубова и Осипенко пытались наладить радиосвязь, крутили «динамку». Однажды поймали было Хабаровск, но двусторонней связи установить не удалось. 3 октября стояло пасмурное утро. Вдруг появилась «птица». Да не простая, а с поплавками. Как потом оказалось, это был самолёт Михаила Сахарова. Той ночью женщины заснули спокойно.

Меня рассказ лётчицы заставил предположить, что у экипажа «Родины» вообще не было никакой аэронавигационной поддержки. Радиокompас вышел из строя, «динамку» радиопередатчика заставить работать не удалось даже на земле, не говоря уж про полёт, — там она явно бездействовала. Густая облачность не дала возможности выйти к заданной точке над Амуром. Пришлось довольствоваться Амгунью, тем более что горячее уже было на исходе.

Знакомство с публикациями более позднего времени подтвердило правоту моих сомнений. Оказалось, что связи с землёй не было всё время перелёта. В документальном фильме «Валентина Гризодубова» сама Валентина Степановна рассказывала, что за десять дней до старта «Родины» был арестован ведавший радиodelами полковник Алёхин. Он не успел предупредить штурмана Раскову, когда же произойдёт смена частот и позывных. Более того, перед самым полётом оказалось, что рация не работает. Чинить её времени не было. Попытки Марины отремонтировать её во время полёта успехом не увенчались.

Выходить из обледенения и сильнейшей болтанки мужественным лётчицам приходилось самим, без всякой помощи с земли. Они не име-

ли возможности получить элементарную сводку погоды от широковещательных радиостанций. Работать приходилось в кислородных масках и на лютom холоде. Раскова и Осипенко обморозились.

Итак, полёт на расстояние 6450 (а по прямой 5947) километров длился 26 часов 29 минут при бездействующих радиопередатчике, радиокompasse, радиоприёмнике и внутренней телефонной связи. Лётчицы не видели местности, не слышали радиомаяков. Жизнь сохраняли только работавшие моторы да аэрокомпас, по которому и шёл полёт. Даже сейчас невозможно представить себе такое. А тогда, в тридцатых... Фантастика, да и только!

СКОВОРОДИНО И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА

Сложностей к плохой погоде добавила и большая политика. Вот что пишет по этому поводу в очерке «Бреду по тайге, и вдруг ко мне подходит Сталин... Как прошёл первый беспосадочный перелёт женского экипажа из Москвы на Дальний Восток» историк Алексей Волынец* (ТАСС. Дальний Восток. 2.11.2019 года).

«Изначально задумывалось, что "Родина", пролетев над северной оконечностью Байкала, выйдет к хорошо видной с высоты рельсовой линии Транссиба в районе станции Рухлово (ныне город Сковородино Амурской области). Железнодорожная магистраль стала бы удобным ориентиром для самолёта.

Однако на исходе лета 1938 года политическая обстановка на границах Российского Дальнего Востока резко осложнилась. В августе в Приморье вспыхнула настоящая война с японцами. К сентябрю бои затихли, но проходившая тогда по Амуру граница СССР и Японской империи оставалась опасной, в любой момент готовой превратиться в линию фронта.

Девушки на борту серебристой "Родины" приняли решение в таких условиях не приближаться к пограничной черте. "Ведь от станции Рухлово всего 20–30 километров до государственной границы, — вспоминала позднее Марина Раскова. — Граница идёт по Амуру. Амур делает у станции Рухлово резкий поворот, а мы будем подходить прямо перпендикулярно границе. Хорошо, если будет видно землю и Амур. Тогда, конечно, нет опасности перелететь на чужую территорию. Но похоже, что земля будет закрыта туманом и облачностью. Амура мы не увидим, а мудрено ли в слепом полёте ошибиться на 20–30 километров? Очутишься по ту сторону границы — вот и военный конфликт..."

*Алексей Волынец — российский журналист и публицист, писатель, историк и востоковед. Один из основателей и лидеров НБП, главный редактор газеты «Лимонка»

Валентина Гризодубова спустя десятилетия так вспоминала те минуты: "Мы выдерживали курс чисто интуитивно. Больше всего я боялась уклониться вправо и пересечь государственную границу. Тогда бы нас ничего не спасло..."

Валентина, Полина и Марина, поспорив, приняли решение лететь севернее, над тайгой, без надёжного ориентира в виде пограничного Амура и Транссиба. Рассчитали, что даже в густой облачности удастся разглядеть берег Охотского моря и сориентироваться с его помощью. Все эти бурные обсуждения происходили при помощи записочек пневмопочты, так что на исходе суток непрерывного полёта стала заканчиваться бумага».

В 6 часов 57 минут 25 сентября 1938 года экипаж «Родины» наконец в разрывах облаков увидел воды Охотского моря. К счастью для лётчиц, это были очень характерные, быстро узнаваемые по карте изгибы Тугурского залива в районе Шантарских островов.

Самолёт, пролетевший шесть с лишним тысяч километров на восток, теперь летит строго на юг. Ровно в 10 утра по московскому времени в кабине пилота Валентины Гризодубовой загорается красная лампа, сигнализируя, что горючего осталось не более чем на полчаса полёта. Самолёт в это время находится над большим озером Эворон, до Комсомольска остаётся менее 100 километров.

Валентина считает, что в случае вынужденной посадки посреди тайги штурману Марине безопаснее выпрыгнуть с парашютом, заранее покинув расположенную в носу кабину. Гул моторов обрывается в 10 часов 20 минут. Горючего нет. Подруги лихорадочно обмениваются последними записочками пневмопочты. Марина выпрыгнула с парашютом через три минуты после остановки моторов. Валентина Гризодубова сумела искусно посадить самолёт посреди тайги на гладкую «марь», большую заболоченную поляну. Благодаря мастерству лётчицы вынужденная посадка с отключёнными моторами прошла так удачно, что позднее самолёт, после доставки горючего и небольшого ремонта, смог вновь летать».

Хотя твёрдой гарантии, что кабина штурмана, находящаяся впереди самолёта, останется невредимой, никто дать не мог.

Марине Михайловне досталось больше всех. Револьвер с несколькими патронами и полторы плитки шоколада составляли комплект, обеспечивавший ей выживание в скитаниях по дремучей тайге. Чтобы хоть немножко поспать и не стать лёгкой добычей «хозяина тайги» — медведя, приходилось залезать на деревья. Она чуть не утонула в болоте, потеряла унт, питалась ягодами, была истощена. Но всё-таки ей удалось выйти к самолёту и спастись.

ИХ ЗНАЛА И ЛЮБИЛА ВСЯ СТРАНА

От Хабаровска до Москвы к литерному железнодорожному составу с лётчицами выходили тысячные толпы людей. Вести поезд доверялось самым опытным машинистам. Те в пути нагоняли время, чтобы дать возможность встречающим подольше пообщаться с героинями. Мужественные и славные женщины воистину были окружены всенародной любовью.

В Амурской области кроме Сковородино большой митинг состоялся на станции Куйбышевка-Восточная (ныне Белогорск). О нём сообщала «Амурская правда». Газета, начиная со дня вылета и кончая напечатанным накануне 21-й годовщины Великого Октября указом о присвоении лётчицам звания Героя Советского Союза, в каждом номере публиковала материалы об экипаже «Родины».

Не просто, а порой и трагично сложились судьбы лётчиц и участников их поисков.

Возвращение домой

Секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б) Николай Михайлович Пегов беседует с героическими лётчицами в Комсомольске-на-Амуре. Фото И. В. Панина

Полина Дмитриевна Осипенко погибла в 1939 году в авиакатастрофе вместе с 29-летним лётчиком комбригом Анатолием Серовым.

Марина Михайловна Раскова — командир женского авиаполка — разбилась на пикирующем бомбардировщике Пе-2 в январе 1943 года.

Руководитель Сковородинской авиагруппы Герой Советского Союза **Сергей Александрович Черных**, в неполные 30 лет получивший звание генерал-майора, был расстрелян в начале войны за ошибки, следствием которых стало уничтожение врагом на земле крупного соединения новейших по тому времени истребителей «МиГ-3».

Валентина Степановна Гризодубова стала в войну командиром 101-го Гвардии Краснознамённого авиаполка, который сама создала и в котором было триста мужчин-гвардейцев и она одна — женщина. Совершила более 200 боевых вылетов к партизанам по ночам с посадками в тылу врага

И — невероятное совпадение, которое может случиться только на войне. Однажды на глазах Гризодубовой был сбит вражеским огнём наш самолёт. Все были уверены, что лётчик погиб. Но, оказалось, он уцелел, был подобран немцами, попал в плен, выжил и пришёл домой после войны. Гризодубова помогла ему вернуться в авиацию. Это был **Михаил Сахаров** — тот самый лётчик, который 3 октября 1938 года обнаружил «Родину», беспомощно лежавшую среди болот.

С 1946 года полковник В.С. Гризодубова находилась в запасе. После демобилизации из Советской Армии работала в Гражданской авиации заместителем начальника НИИ-17 (позднее Институт приборостроения, в настоящее время — Концерн радиостроения «Вега») по лётной части. Её подразделение проводило испытания радиоэлектронной аппаратуры для Военно-воздушных сил и Гражданской авиации. Она лично принимала участие в полётах по испытанию и доводке разрабатываемого в НИИ-17 радиолокационного оборудования.

Интерес к испытаниям радиолокационной техники передался Валентине Степановне от отца, который ещё в 1930-е годы обратился к электронике. А во время Великой Отечественной войны в районе населённого пункта Городок (Белоруссия) немцы использовали радиолокаторы, чтобы сбить шесть самолётов полка Гризодубовой. Поэтому Валентина Степановна хорошо понимала, как важна авиационная военная электроника.

В 1963 году по личной инициативе Гризодубовой был создан уникальный Научно-исследовательский лётно-испытательный центр (НИЛИЦ) на аэродроме Солнцево, который она и возглавила.

В 1972 году Гризодубова вернулась в Институт приборостроения на должность заместителя начальника, где проработала до 1993 года.

Три славных лётчицы Страны Советов. Слева направо: Подина Осипенко, Валентина Гризодубова, Марина Раскова

В.С. Гризодубова умерла в апреле 1993 года.

Самолёт «Родина» подняли на домкратах и перевезли в Комсомольск. Он эксплуатировался почти всю войну.

ПАМЯТИ ТРАГИЧЕСКИ ПОГИБШИХ

В память об установлении мирового женского авиационного рекорда на дальность полёта в музее города Комсомольска-на-Амуре в 2018 году была открыта тематическая фотовыставка. Она действует и по сей день. На ней экспонируются различные интересные материалы, в том числе и фотографии экипажа «Родины», сделанные И.В. Паниным после прибытия спасённых лётчиц в город Юности.

Дело в том, что тогда, в октябре 1938-го, он должен был лететь к месту приземления «Родины» на «Дугласе». Но в последний момент Я.В. Сорокин распорядился взять другого корреспондента, мотивируя тем, что Панин уже участвовал в первом полёте к месту приземления АНТ-37бис. Вместо коллеги в свою последнюю в жизни командировку отправился корреспондент военной газеты «Тревога» (позже она стала называться «Суворовский натиск») Раппопорт. А чудом оставшийся в живых Иван Васильевич смог позже сфотографировать героических женщин.

Горожане чтят память жертв трагедии, случившейся при спасении экипажа «Родины». В этом мне довелось убедиться во время очередной поездки по Дальнему Востоку. Местный краевед действительный член Географического общества СССР В. Ф. Зуев рассказал, что членами туристических клубов заводов имени Ленинского комсомола и имени Ю.А. Гагарина обломки самолёта «Дуглас» перевезены с места катастрофы вблизи озера Амуткит в Комсомольск.

Фрагмент хвостового оперения установлен на постаменте в центре города, как раз напротив того здания, с балкона которого перед горожанами выступали на митинге совершившие мировой рекорд спасённые летчицы. На памятнике — мемориальная табличка с надписью: «Остановись, прохожий! Склони голову перед прахом тех, кто 4.10. 1938 г. трагически погиб при поиске самолёта «Родина». И далее приводятся фамилии, имена и отчества с указанием даты рождения и гибели всех жертв авиакатастрофы.

Мы — директор киностудии «БАМ» Виктор Пожаров, заместитель директора Андрей Дюкарев и я — так и сделали, почтив минутой молчания память погибших.

Тында - Сковородино - Благовещенск - Комсомольск-на-Амуре.

**Комсомольск-на-Амуре. Памятник тем, кто трагически погиб
при поиске самолёта «Родина»**

Александр Павлович Табунов родился в 1951 г. в Поярково. Потомственный казак. Член Союза журналистов с 1976 г. В 1965 г. как активный юнкор был поощрён бесплатной путёвкой во Всероссийский пионерлагерь «Орлёнок», в 1982 г. победил в областном конкурсе молодых журналистов, в 1984-м участвовал в областном совещании молодых литераторов. Окончил факультет журналистики Дальневосточного государственного университета (1989). Работал в районных и областных газетах, на радио. Кроме того, публиковался в альманахах «Амур» (Благовещенск), «Рубеж» (Владивосток), в журнале «День и ночь» (Красноярск). Главный круг интересов — краеведение, основной жанр — художественно-документальный очерк.

Полярник с Амура

Академик В.А. Обручев: «Диссертация Ушакова? Она — на всех картах мира!..»

О ком речь?

Выборка из официальных справок: Ушаков Георгий Алексеевич (1901–1963) — уроженец деревни Лазаревка Амурской области (ныне Еврейской АО), советский исследователь Арктики, доктор географических наук. Работал в Главсевморпути, в Главном управлении гидрометеослужбы АН СССР; руководитель целого ряда полярных и высокоширотных экспедиций.

«По смелости осуществления новых экспедиций в неисследованные места Арктики, по тщательности и обилию полученных научных материалов он является блестящим продолжателем прекрасных традиций русской географической науки. Его географические исследования и открытия в Арктике являются самыми крупными достижениями 20-го века по исследованию полярных стран», — писал об Ушакове академик В.А. Обручев.

1. По стопам топографа Арсеньева

«...Раньше я думал, что эгоизм особенно свойствен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибся ли я?» — мысленно спрашивал себя на таёжном привале начальник отряда военных топографов, снова и снова припоминая детали своего знакомства и дружбы

с гольдом-проводником. Сыну петербургского железнодорожника, выпускнику столичного пехотного юнкерского училища Владимиру Арсеньеву, получившему было назначение в Польшу, но переведённому по собственному почину в Уссурийский край для дальнейшего прохождения службы, везло на встречи с необычными людьми — вроде его любимца Дерсу.

Вот и теперь (дело было в 1916 году) Арсеньев исподволь наблюдал за совсем ещё юным крепышом, добровольным участником его очередного похода. Основные исследования топографы проводили в Приморье. Приходилось, однако, работать и на Камчатке, и на Командорских островах, и в Приамурье, по территории которого они тоже проложили несколько маршрутов. На этой прокладке выделялся пытливый, ершисто-грубоватый паренёк, старающийся ни в чём не уступать опытным путешественникам. Так и растёт не по дням, а по часам. Талантлив явно. Далеко пойдёт, высоко взлетит, стоит лишь дать ему верное направление, ветер попутный послать.

Ах, и где только сейчас гуляет этот ветер?.. Мировая война отшвырнула назад благодатное времечко, когда он, подполковник Арсеньев, состоял в должности чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Николае Людвиговиче Гондатти, монархисте с либеральным уклоном, и совершал продолжительные служебные поездки, бывшие вместе с тем и научно-исследовательскими. Осуществлялись они под эгидой ИРГО (Императорского Русского Географического общества), один из основателей Приамурского отделения которого — всё тот же Николай Людвигович. Из-за финансовых затруднений, неизбежных в разгар военного лихолетья, уже не столь плодотворны итоги работы, да и объёмы её сжимаются. Уходят из отряда надёжные, многократно испытанные люди. Грешно их осуждать, и как отрадно, что на смену вчерашним единомышленникам-ветеранам, этим беглецам поневоле, стремится молодая поросль, пусть и неподготовленная, наивная до забавного, но бойкая, твёрдая духом и, будем надеяться, небесперспективная. Чрезвычайно занятно: что влечёт её сюда?

Отложив служебные записи, Владимир Клавдиевич нарочито громко прокашлялся, властным кивком поманил к себе полевого рабочего-новичка.

— Ты откуда, Ушаков? Где родился, напомни-ка.

— Родом из Лазаревки, — зардевшись от смущения и удовольствия, вызванных вниманием к нему командира, с готовностью отзывался тот. — Есть такое селение. Станица не станица, хутор не хутор. Теперь стоит в стороне от Амура, вёрст на сто ушло от наступающей реки с первоначального места. Я там, как говорится, детские и юношеские — ну, не все ещё, конечно, юношеские — годы провёл.

— Провёл или прожил? Н-да... Как в пословице: «Что доброго может быть из Назарета?»*. Какою же пургой занесло вашу милость в нашу глушь?

— Насмехаетесь? Про Назарет и я знаю. А вы — читали у писателя Бунина, что не прихоть казацкая выгоняет навсегда на край света? А я из казаков.

— Вот так рубанул казачина, вот так срезал! Сдаюсь. — Арсеньев хохотнул. — Да ты не стой, садись хоть на этот пенёк, потолкуем немножко. Ну-с, и чего же вы жаждете, юноша бледный со взором горящим, — денег, славы, приключений?

— Приключений до отвала с пелёнок ещё нахлебался. Нравы у нас в деревнях суровые. Богатый мужик и с батраков три шкуры дерёт, и домашним лишнего куска хлеба не отломит, а уж за клочок удобной земли на меже все друг дружке в глотку вот-вот вцепятся. Не по мне это. Что деньги? Деньги — дело наживное. Почёт — его заслужить надо, в мои лета об этом беспокоиться не резон. А вот мир въявь узнать — хочу. Жить хочу с пользою. Не только для одного себя.

— Похвально, братец, похвально. Оба желания наидостойнейшие. Хорошо бы к ним и третье прибавить.

— Учиться, что ли? Ну, этого-то желания у меня хоть отбавляй. Да, ежели вам угодно, я и так учусь на каждом шагу.

— Проверим. О книжке Грумм-Гржимайло «Амурская область» слыхивал? Как! Прочёл уже? Ай да Гошка, мал, да удал. А понимаешь, зачем понадобилось Григорию Ефимовичу сей капитальный труд в кратчайший срок исполнить?

— Кажется, уловил. В те поры в верхах решили строить Амурскую «железку», но сведений о природе и хозяйстве окрест этого маршрута набралось как кот наплакал. Тогда ваш Грум-м-м... боже, сразу и не выразишь... вот он и составил научное описание местности.

— То-то же. Научное! Я, поверишь ли, его лекции в Питере когда-то слушал, ни словечка не пропуская. Однако почему это он «мой»? Учись и ты, сынок. Много нам с тобой дорог прокладывать предстоит, и не только железных.

— Да, — растроганно сказал юноша и спохватился: — Батюшки, стемнело уж. Да так быстро. Наверно, устали вы, ваше благородие. Но можно я ещё спрошу? Время нынче недоброе. Молодёжь талдычит: революция должна быть. А старики гудят: переворот, измена государю. Так вот, ходят слухи, будто кое-кто вам за кордон советует перебраться. Оно, может, и в самом деле... Безопаснее было бы.

* *Назарет* — ветхозаветный городок в Галилее, небольшой и настолько незначительный, что вошёл в приводимую здесь пословицу. Согласно Библии, в Назарете провёл своё детство и отправился оттуда проповедовать новую религию Иисус Христос.

— Не всякому слуху верь. Ну а вдруг и там, за кордоном, забурлит — что тогда? Нет, Гоша, нет и ещё раз нет! Я русский. Работал и работаю для своего народа. Участь его — моя участь. Мне за границу ехать незачем. Перевороты переворотами, а в наш век без грамотных специалистов никакой власти не удержаться. Без учёных — тем паче. Заруби себе это на носу, пригодится. Ладно. Покойной тебе ночи, а на утро — в добрый путь.

— Спасибо, и вам того же.

На самом исходе двадцатых годов, в тайге, заболел Арсеньев крупозным воспалением лёгких и в сентябре тридцатого года «погасил свою лампаду» во владивостокской больнице. Проводить наставника в последний путь Георгий не мог: как раз в тридцатом его назначили начальником полярной экспедиции. Три года вынашивал он её план.

2. С «Красного острова» — на остров Врангеля

«...Ушаков и его соратники, — бегло сообщает Н.К. Гацунаев, составитель краткого биографического словаря «Географы и путешественники», — прошли на собачьих упряжках 5000 км, из них 2200 км с маршрутной полуинструментальной топографической съёмкой, опирающейся на 17 астрономических пунктов. Экспедиция установила, что Северная Земля — крупный архипелаг...» С тех пор её точные контуры — достоинство карт всего мира; «Северная Земля перестала быть таинственной сушей и впервые обрела реальные формы. Это дало основание называть экспедицию Ушакова вторым открытием Северной Земли».

Главный итог ушаковской разведки — полную карту этого скопления островов — издали в октябре 1932-го. Состоялось это событие через полмесяца после того, как в воды Берингова пролива прорвался ледокольный пароход, снаряжённый по плану и под руководством легендарного О.Ю. Шмидта. Ввиду неисправимой поломки (всего-то в двухстах километрах от цели!) пароход, превращённый в «невесту ветра» — парусник, всё-таки пробился, благодаря чему впервые в истории мореплавания была доказана возможность преодолеть Северный морской путь от Архангельска до этого пролива не более чем за сезон. «Первым прошёл весь путь за одно лето «Александр Сибиряков», — подтвердит много лет спустя учёный Х. Ханке из ГДР, эрудит по части моря и прочего с морем связанного. Он же с восхищением заметит, что в навигацию 1961 года этим путём прошло уже 300 советских судов.

С декабря тридцать второго Шмидт — начальник только что учреждённого Главного управления Северного морского пути при Совнарком СССР (Главсевморпути) — мощного, влиятельного ведомства, в чьё

распоряжение передавались десятки гидрометеостанций, Всесоюзный арктический институт, все ледоколы и ледокольные пароходы, а несколько позже — ещё и хозяйство акционерного общества «Комсеверпуть». Кадры там трудились не из простых смертных, прославившиеся на всю страну, мыслящие по-государственному. И кураторы у них были соответствующие.

Вот строка из мемуаров Владимира Куйбышева, сына тогдашнего председателя Госплана: «В разное время у отца в гостях, помню, бывали полярные исследователи О.Ю. Шмидт и Г.А. Ушаков...» А вот что по данному поводу оставил нам сам Георгий Алексеевич: «...Люди Арктики, часто совершенно оторванные от мира, нуждаются наряду с твёрдым большевистским руководством в теплоте и внимании. И то и другое советские полярники всегда находили у своего руководителя — Валериана Владимировича. Ещё до похода «Сибирякова» и создания Главсевморпути Валериан Владимирович уделял большое внимание работе советских полярников, а с момента организации Главсевморпути непрерывно лично руководил всей работой в Арктике». Это — из его прощального слова в газете «Известия» по случаю смерти Куйбышева, наступившей в январе 1935-го.

О себе же лично Ушаков говорит немногословно: «Я начал работу в Арктике, когда слово «полярник» ещё редко встречалось в нашем словаре; советские работы в полярных областях только развёртывались». Эту цитату я почерпнул в журнале «Историк» за октябрь 2016 года, в статье Александра Орлова «Арктический казак», приуроченной к 115-летию со дня рождения Георгия Алексеевича. Там сообщается об Ушакове следующее:

«Образование он получал урывками. Между сражениями Гражданской войны окончил учительскую семинарию в Хабаровске. Едва завершилась Гражданская война, а в правительстве уже обсуждались дельные программы освоения Севера. В 1926-м Ушакову, недавнему красноармейцу, поручили основать промысловое поселение на острове Врангеля. Это была настоящая полярная работа... К тому же с политическим подтекстом. На остров претендовали канадцы, на нём следовало всерьёз обживать. Вместе с начальником острова туда отправились с Чукотки девять семейств эскимосов и чукчей — больше 50 человек. Три года про-

Георгий Алексеевич Ушаков
на Северной Земле. 1930 год

жил он со зверобоями, многому обучал их, но и сам учился: как передвигаться по морским льдам, управлять ездовыми собаками, путешествовать в чёрную полярную ночь, добывать морского зверя, оборудовать лагерь в пути... Эскимосы признали Ушакова вожаком. Организаторский талант, любовь к приключениям, выносливость и смекалка — всё это он проявил в годы работы на Врангеля».

Об этой же поре и обстоятельствах — в «Географах и путешественниках», то есть в сборнике биографий, у Гацунаева: «В годы гражданской войны сражался в партизанских отрядах Приамурья. (По уточнённым источникам, доброволец в Красной гвардии. Участвовал в освобождении Благовещенска от интервентов и белогвардейцев. С начала двадцатых, с образованием буферной республики, нашу Амурскую область называли «Красным островом». — А.Т.) После войны учился в Дальневосточном университете, работал. 26 марта 1926 года правительством было принято решение о создании на безлюдном острове Врангеля постоянного населённого пункта и о посылке туда специальной экспедиции. Ушаков добился включения его в состав этой экспедиции и был назначен начальником посёлка и полярной станции, которые надо было создать на острове... Остров Врангеля стал для Ушакова практической школой организатора и исследователя. Здесь он накопил ценные наблюдения над климатом острова и ледовым режимом омывающих его вод, собрал богатый материал по этнографии эскимосов, которые помогли

Участники экспедиции 1930–1932 годов. Слева направо: Н. Н. Урванцев, Г. А. Ушаков, С. П. Журавлев, В. В. Ходов

ему в создании больших коллекций образцов растительного и животного мира и минералов острова. Трёхлетняя работа на острове выдвинула его в ряд выдающихся полярных путешественников».

3. Улыбка для американца

1934 год, предвёсенье. Ушаков, член возглавляемой Куйбышевым чрезвычайной правительственной комиссии, руководит эвакуацией участников очередного похода шмидтовцев, терпящих бедствие в Чукотском море.

«Поток, направляемый Валерианом Владимировичем к лагерю Шмидта, — расскажет он потом, — рос с каждым днём, в него включались ледоколы, самолёты, дирижабли, вездеходы, собачьи упряжки и т.д.» К сожалению, техника наша была пока несовершенна, пришлось — по спецзаказу — купить у США пару считавшихся тогда лучшими новеньких самолётов «Флейстер» с моторами воздушного охлаждения; но зарубежная пресса устами таких известнейших полярников и океанологов, как Р. Ларсен и Х. Свердруп, считала всё-таки несостоятельным принятый советским правительством план вызволения моряков и учёных из ледового плена.

Швейцарская, например, газета «Фольксштимме» «подогревала» общественное мнение так: «...На льдине плывут к полюсу 104 русских, среди них семь женщин и двое детей, и с нетерпением ждут помощи. Это команда советского (ледокольного — *А.Т.*) парохода «Челюскин», который погиб, раздавленный льдами, и персонал метеорологической станции с острова Врангеля... Имеется только одна возможность осуществить спасение: дожидаться на льду наступления тёплого времени, когда находящиеся на льдине сумеют достичь на своих лодках берега или их отыщет другой ледокол. Спрашивается только: выдержит ли льдина до этого времени».

На карту ставилась, таким образом, честь государства, которое само в те далёкие годы напоминало исполинских размеров торос, отколовшийся от будто бы несокрушимого капиталистического айсберга и плывущий в неведомое завтра собственным путём. Не зря же добрые полвека спустя автор излюбленных подростками «Двух капитанов», прозаик Вениамин Каверин скажет: «Поведение и образ жизни челюскинцев диктовали нравственную атмосферу далеко за пределами шмидтовой льдины».

Не этой ли атмосферой навеян и посвящённый Ушакову фрагмент сборника «Дорога к людям» очеркиста Евгения Кригера: «То, что все мы знаем об этом человеке, совершенно исключает всякую мысль о слабости его характера, о сентиментальности, об отсутствии самообладания.

Г. А. Ушаков (в центре) на Аляске в качестве уполномоченного правительственной комиссии по спасению челюскинцев. 1934 год

Часто он шёл навстречу опасности, смерть не раз готова была схватить его за горло — в эти минуты он сохранял полное спокойствие... Однажды, сидя в кабине самолёта, боровшегося с обледенением, он улыбкой остановил тревожное движение американца-механика, схватившегося за ремни, чтобы привязать себя к сиденью». Иностранец, надо полагать, в тот момент не улыбался.

Да, поистине золотая страничка в истории Родины — челюскинская эпопея. За полгода же перед ней наши предки следили, затаив дыхание, как продвигается труднейшая операция ЭПРОНа, то бишь Экспедиции подводных работ особого назначения, — подъём со дна моря ледокольного парохода «Садко». (Ну, а ваше, дорогие читатели, сердце — что сейчас говорит оно вам? Тоже, значит, о «Курске» подумали?..) Но вот судно с былинным именем поднято, восстановлено и — фантастика! — уже в 1935-м на его борту уходит в Ледовитый океан Первая советская высокоширотная морская экспедиция. С Ушаковым во главе.

«Садко» поднимался всё выше и выше. Обогнув берега Шпицбергена, полярники прошли по северной окраине Карского моря и — установили существование острова, по которому, как говорится, не ступала ещё нога человека. Остров тот, с единодушного согласия участников экспедиции, нарекли островом Ушакова. «Плавание увенчалось большим успехом: корабль, пользуясь благоприятной ледовой обстановкой, поднялся до 80-й параллели северной широты. Были собраны ценнейшие научные

сведения». Так — уже на закате советского времени — скупое, но ёмко упомянут был «Садко» у первоклассного журналиста Юрия Жукова, отдавшего молодость репортёрству в «Комсомольской правде». А его сослуживец М. Черненко с корреспондентом «Известий» Э. Виленским сделали на эту тему целую книжку. Писалась она по горячим следам. Эх, найти бы да почитать!

4. Век и человек

Калейдоскопически, головокружительно много- и разнообразен XX век. Однако у нас наиболее характерное выражение образу его придавали, по-моему, не иначе как такие вот дела, такие люди. Патриоты. Рыцари. Романтики. Герои. Подвижники страны, которой уже нет.

Кроме острова в Карском море именем Ушакова названы посёлок в бухте Роджерс, мыс на о. Врангеля, река на о. Октябрьской Революции, а также горы на Земле Эндерби, что в Антарктиде. Славно потрудился наш земляк. Не провёл, а прожил отпущенные ему годы. В.К. Арсеньев, наверное, был бы доволен им.

Скончался Георгий Алексеевич в ночь со второго на третье декабря 1963-го. До последнего окрылял он себя мечтой о новых походах в Арктику. Увы, лишило его крыльев давно и круто пошатнувшееся здоровье. Не стало именитого полярника, отсветило ему северное сияние.

Но ещё долго профессорской братией сохранялось предание о подготовке к полувековому юбилею Ушакова и, как в подобных случаях водится, присуждению ему подобающей учёной степени. «Отлично, будет сделано, — откликнулись те, от кого это зависело. — Но... А как быть с докторской? Столько всего человек успел, так отчего же об этом-то не позаботился?» Вот незадача! И правда, как можно забыть пророческие слова, поставленные одним из родоначальников ИРГО, пушкинским современником А.Ф. Миддендорфом в эпиграф к его диссертации: «Тому, кто хочет видеть свет, чуждый цивилизации, я советовал бы запастись докторской шляпой как самым надёжным колпаком для путешествия». Выходит, ...прошляпил?

Ответил за Ушакова сам Обручев-старший, без малого 90-летний академик, Герой Соцтруда, почётный президент Географического общества:

— Откуда сыр-бор загорелся, любезные? Диссертацию, да будет вам известно, Георгий давно защитил. Уж вы удосужьтесь рассмотреть её при случае. Гошкина диссертация — на всех картах мира!

Последнюю фразу Владимира Афанасьевича, эти крылатые слова, цитируют по сей день. Возразить мудрому старцу было нечего — и стал исследователь-практик доктором наук. Юбилей же лично он отметил

выпуском в свет книги «По нехоженной земле», которая считается основным документом о знаменитой Североземельской экспедиции и выдержала по меньшей мере четыре издания. Чем не диссертация?!

Вот каков он, ровесник двадцатого века, сын казака из мало кому ведомой амурской Лазаревки (современное название — Лазарево). Вот о чём, в частности, следовало бы рассказывать нынешним школьникам и студентам на уроках да в лекциях по истории Отечества. Вот как, наконец, надо бы жить и сегодня, будь у нас с вами такая же высокая, светлая цель — работать не ради себя одного, а для благополучия всего народа. Великая цель... была.

И напоследок ещё раз воспользуюсь отрывком прошлогодней публикации Александра Орлова из журнала «Историк»:

«В наше время снова громко звучат такие слова — «Север», «Арктика». Это стратегически важная земля, вокруг которой идут международные споры. Освоение этой суровой земли продолжается, до сих пор она таит сотни загадок. Тем важнее для нас подвиг тех, кто в XX веке совершил прорыв на Север. Они завоевали для нас Арктику без единого выстрела, хотя ежедневно рисковали жизнью... Как-то скромно прошёл в этом году 115-летний юбилей Георгия Алексеевича Ушакова... — выдающегося полярника, одного из основателей Института океанологии Академии наук СССР. Для тех, кто сегодня трудится на арктическом направлении, имя Ушакова остаётся культовым, а его подвиги не забыты. Но широкого резонанса нет, и это несправедливо».

Не согласиться — просто невозможно.

Георгий Алексеевич Ушаков.
Начало 1960-х годов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слышать историю</i>	5
------------------------------	---

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Игорь Игнатенко. «Храм во славу русского оружия...». <i>Стихи</i>	8
Артём Евдокимов. Донбасс. <i>Фронтовые заметки</i>	21
Анна Евдокимова. Больно, мама! <i>Стихи</i>	30
Станислав Сахончик. Штурм Луганского аэропорта. <i>Очерк</i>	34
Семья русских воинов. <i>Очерк</i>	44
Ольга Крутикова. «Побольше б в мире таких парней...». <i>Стихи</i>	50
Екатерина Набока. История его любви. <i>Рассказ</i>	57
Геннадий Кремнёв. Василий Поярков. <i>Поэма</i>	68
Галина Костюк. Пароходом из Свободного. <i>Главы из повести</i>	76
Евгений Гончаров. Дети голодного года. Как Зойка, Дуська и Стёпка в город шли. <i>Рассказ</i>	98
День железнодорожника. <i>Фантастическая повесть</i>	106
Галина Одинцова. Магдагачи — память юных лет. <i>Рассказ</i>	132
Жибек Тагалина. Книга. Простая песня. <i>Рассказы</i>	140
Александр Бобошко. Разноцветное одеяло. <i>Стихи</i>	154
Павел Никиткин. Медвежатник. Лирическое настроение. О рыбаке и рыбке. Барское дело. <i>Рассказы</i>	161
Юрий Богомолов. Марь. Куриная история. <i>Рассказы</i>	170
Валерий Черкесов. «Ветру вешнему поверю...». <i>Из новой книги стихов</i>	176
Владимир Куприенко. Бигбол. <i>Рассказ</i>	184
Тамара Воронцова. <i>Стихи</i>	191
Светлана Кулигина. От чистых родников. <i>Повесть</i>	198
Кукла. <i>Рассказ</i>	230
<i>К нашей цветной вкладке</i>	236
Сергей Ладыгин. Такие нужные вещи. <i>Миниатюры. Новеллы. Стихи</i>	241
Сергей Вольновит. Алина. <i>Рассказ</i>	263
Людмила Степанова. Посредством пера. <i>Стихи</i>	272
Николай Абоимов. Азы таёжного ориентирования. <i>Рассказы</i>	277
Нина Дьякова. Самые счастливые (<i>По мотивам эвенкийских сказок</i>). <i>Пьеса</i> ...	299
Павел Савинкин. Савинкин календарь (<i>Тут про всё на свете</i>)	309
Николай Дегтярёв. Испорченный вечер. <i>Рассказ-быль</i>	346

Творчество участников Молодёжного Амурского литературного объединения (МАЛО)

Татьяна Ярушина. «Да сплюнь ты!...». Камнем по голове. Неловко вышло. Когда цветёт черёмуха. Пень желаний. Право на опыт. <i>Рассказы</i>	350
---	-----

Галина Панкрац. Год из жизни сердца. <i>Стихи</i>	367
Александр Станковский. Две ночи тишины. <i>Стихи</i>	372
Елизавета Шеломихина. Посвящение городу Хэйхэ. <i>Стихи</i>	376
Ирина Денисова. Самая сладкая в мире земляника. <i>Рассказ</i>	379
Андрей Коваленко. Военные учения. <i>Рассказ</i>	382
Антонина Яхина. «В какой-то из многих жизней...». <i>Стихи</i>	386

Творчество участников Свободненского литературного объединения

Светлана Лященко. Свиристели. <i>Стихи</i>	394
Надежда Губанова. Памяти Ольги Матвеевой. <i>Стихи</i>	395
Галина Соснина. Добрая примета. <i>Стихи</i>	396
Татьяна Мордасова. Моя педагогическая философия. Эти розы на грядке моркови. Мальчик. Как я провела летний отпуск. Видение. <i>Эссе. Рассказы</i>	398
Ирина Павлова. «Я о тебя сломала душу...». <i>Стихи</i>	405
Ольга Похалюк. Бабье рождалось лето. <i>Стихи</i>	406
Владимир Тихонов. Вожак. <i>Стихи</i>	408
Елена Маркова. Подарочек. Гладиатор. Гопник. <i>Рассказы</i>	409

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Павел Афанасьев. Подосёновский пережат. <i>Исторический очерк</i>	414
О дорусском населении Верхнего Приамурья. Верно ли мы толкуем некоторые местные топонимы?	421
Геннадий Астахов. Грунтовая струна через «три Франции». <i>Очерк истории Амуро- Якутской магистрали</i>	427
Три героини и одна «Родина». К 85-летию перелёта самолёта «Родина» по маршруту Москва — Дальний Восток	447
Александр Табунов. Полярник с Амура. <i>Исторический очерк</i>	468

ПРИАМУРЬЕ — 2022

Литературно-художественный сборник

16+

ООО «Издательская компания «РИО»
675000, Благовещенск, пер. Уралова, 5/2
E-mail: riole@bk.ru

ИП Львов Дмитрий Владиславович
197345, г. Санкт-Петербург, Лыжный пер., д. 4/3 – 255.
Формат 70х100/16. Печать офсетная. 40 усл.-печ. листов.

ПРИАМУРЬЕ - 2022